

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА
СОЦИОЛОГИИ**

Сборник переводов

**МОСКВА
2015**

ББК 60.5

Ч-60

Серия
«Теория и история социологии»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

Ответственный редактор – *Д.В. Ефременко*,
д-р полит. наук.

Составитель и переводчик – *В.Г. Николаев*,
канд. социол. наук.

Чикагская социология: Сб. переводов / РАН.
Ч-60 ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2015. – 430 с. – (Сер.: Теория и история социологии).
ISBN 978-5-248-00772-1

В сборник включены теоретические статьи и фрагменты классических работ Р.Э. Парка, Э.У. Бёрджесса, Р. Маккензи, Э. Фэриса, Л. Вирта и других представителей Чикагской школы социологии. Большинство переводов публикуется в новой редакции, несколько текстов переведено на русский язык впервые.

Для социологов, философов, психологов, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Издано при поддержке Российского фонда содействия образованию и науке

ББК 60.5

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николаев В.Г.</i> «Золотой век» чикагской социологии	5
---	---

Раздел I.

ТЕОРИЯ И МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

<i>Бёрджесс Э.У.</i> Рост города: Введение в исследовательский проект	20
<i>Маккензи Р.Д.</i> Экологический подход к изучению человеческого сообщества	35
<i>Парк Р.Э., Томас У.А.</i> Участие и социальная ассимиляция	52
<i>Фэрис Э.</i> Первичная группа: Существенное и случайное	60
<i>Хьюз Э.Ч.</i> Изучение институтов	71
<i>Хьюз Э.Ч.</i> Институциональная должность и персона	80
<i>Хьюз Э.Ч.</i> Работа и человеческое Я	92

Раздел II.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Вирт Л.</i> Гетто	107
Глава I. Введение	108
Глава II. Происхождение гетто	115
Глава III. Гетто становится институтом	128
Глава XI. Чикагское гетто	137
Глава XIII. Возвращение в гетто	143
Глава XIV. Социологическая значимость гетто	158
<i>Зорбо Х.У.</i> Золотой берег и трущобы	166
Глава III. Золотой Берег	167
Глава IV. Мир меблированных комнат	185
Глава XI. Город и сообщество	201
<i>Кресси П.Г.</i> Таксидэнс-холл	228
Глава III. Таксидэнс-холл как социальный мир	229
Глава VIII. Происхождение таксидэнс-холла	248

<i>Стоунквист Э.В.</i> Маргинальный человек	265
Глава V. Жизненный цикл маргинального человека	266
Глава X. Неприспособленность и приспособление	281
Глава XI. Социологическая значимость маргинального человека	289
<i>Трэшер Ф.М.</i> Шайки	300
Глава II. Образование шаяк	301
Глава III. Что такое шайка?	315
Глава XV. Групповой контроль в шайке	325
<i>Фэрис Э.</i> Секта и сектант	351
<i>Хейнер Н.С.</i> Гостиничная жизнь и личность	366
<i>Хейнер Н.С.</i> Исследования тюремных сообществ	379
<i>Хейнер Н.С., Эш Э.</i> Тюрьма как сообщество	380
<i>Хейнер Н.С., Эш Э.</i> Сообщество заключенных как социаль- ная группа	390
<i>Хьюз Х.М.</i> Новость и интересная история	401

В.Г. Николаев*

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЧИКАГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Эта книга продолжает серию публикаций, представляющих основные достижения чикагской социологии¹. Наследие Чикагской школы значимо не только содержащимися в нем вкладами в социологическую теорию, которые неплохо освещены в критической литературе², но и огромным и не вполне оцененным опытом

* Николаев Владимир Геннадьевич – канд. социол. наук, доцент департамента социологии факультета социальных наук и Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, ст. науч. сотр. Отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН.

¹Кнастоящему времени, помимо журнальных публикаций, в ИНИОН РАН были подготовлены и изданы сборники переводов: Вирт Л. Избранные работы по социологии: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Л.В. Гирко. – М., 2005; Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2009; Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2010; Парк Р.Э. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011.

²Наиболее представительная подборка критических работ о Чикагской школе содержится в: Chicago sociology: Critical assessments / Ed. by K. Plummer: In 4 vol. – L.: Routledge, 1997. Емкий общий обзор и аннотированную библиографию см.: Kurtz L.R. Evaluating Chicago sociology: A guide to the literature, with an annotated bibliography. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1984. Другие важные публикации: Abbott A. Department and discipline: Chicago sociology at one hundred. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1999; Carey J.T. Sociology and public affairs: The Chicago school. – Beverly Hills (CA): SAGE, 1975; Faris R.E.L. Chicago

эмпирических исследований, привлекающим с конца XX в. внимание ряда американских и европейских авторов¹, но до сих пор плохо известным у нас. В книге представлен преимущественно этот опыт.

С «золотого века» чикагской социологии, охватывающего период с середины 1910-х до середины 1930-х годов, начинается в известном смысле современная американская социология и, поскольку облик социологии после Первой мировой войны определялся прежде всего тем, что происходило на американской сцене, современная социология как таковая.

Ни перед Р. Парком, ни перед его коллегами по факультету социологии и антропологии Чикагского университета² не стояла задача создать какую-то особую школу. Они развивали социологию как таковую, понимая, что она должна стать эмпирической наукой, соответствующей критериям научности, как они тогда понимались. В начале XX в. ни в Америке, ни в Европе таковой не было. С одной стороны, сложилась традиция проблемно-ориентированных любительских социальных обследований, не ставящих собственно научных задач и не вписанных в какие-либо теоретические перспективы (в Чикаго она была представлена, например,

sociology, 1920–1932. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1967; Harvey L. Myths of the Chicago school of sociology. – Aldershot: Avebury, 1987; Hinkle R.C. Developments in American sociological theory, 1915–1950. – Albany: State univ. of New York press, 1994; Lewis D.J., Smith R.L. American sociology and pragmatism: Mead, Chicago sociology and symbolic interactionism. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1980; Matthews F. Quest for an American sociology: Robert E. Park and the Chicago school. – Montreal: McGill-Queen's univ. press, 1977; Smith D. The Chicago school: A liberal critique of capitalism. – L.: Macmillan, 1988; The tradition of the Chicago school of sociology / Ed. by L. Tomasi. – Aldershot; Brookfield (VT): Ashgate, 1998. Важнейшие публикации на русском языке: Баньковская С.П. Роберт Парк; Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 3–32; Николаев В.Г. Многомерные и редуционистские стратегии в чикагской социологии: Случай человеческой экологии // Социологический журнал. – М., 2009. – № 2. – С. 18–55. Имеются также отдельные статьи о Р.Э. Парке, Дж.Г. Миде, Л. Вирте, Э.Ч. Хьюзе, Р. Редфилде, Г. Блумере, Л. Эдвардсе.

¹ См. особенно: Bulmer M. The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity and the rise of sociological research. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1984; Platt J. A history of sociological research methods in America, 1920–1960. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1996.

² На факультете работали не только социологи, но и антропологи, причем очень известные и влиятельные – Э. Сепир, Р. Редфилд.

обследованиями сотрудниц Халл-Хауса¹). С другой стороны, были многочисленные теории спекулятивного характера, не соотношенные с эмпирическими исследованиями. Эти две линии развития существовали совершенно независимо друг от друга, и их нужно было как-то соединить. Различные теоретические позиции, существовавшие параллельно и обособленно, нужно было как-то соотнести; идеи полипарадигмальности и теоретического плюрализма были чуждыми этой эпохе. Сборку единой науки из разрозненных эмпирических и теоретических компонентов мы и находим в работе тогдашних чикагских социологов.

Нередко эта сборка характеризуется как «эклектическая». Но подобная оценка вряд ли справедлива. Отчасти она является проекцией в прошлое тех политических размежеваний и конфликтов между «школами», «подходами», «парадигмами» и «направлениями», которые возникли уже после чикагцев и не были фоном для их научной работы. Более того, чикагская социология во многих отношениях предвосхищает лучшие поздние теоретические синтезы, образцовым примером которых служит теория Т. Парсонса. В чикагской социологии, при всей ее пестроте, мы находим высокую степень внутренней связности и согласованности в базовых принципах, придающую вписанным в эту традицию текстам особую, уникальную окраску и позволяющую читать их как части общего интеллектуального предприятия.

Своей уникальной композицией чикагская социология 1920–30-х годов обязана прежде всего Р.Э. Парку, ее признанному интеллектуальному лидеру. Но не только ему. Идеи Парка развивались в тесной связке с проводимыми в эти годы исследованиями, и многие элементы общей теоретической рамки более детально и основательно прописаны не в его трудах, а в трудах его сподвижников. Сама эта рамка развивалась постепенно, по ходу дела, в ответ на проблемы и вызовы, возникавшие в процессе проведения исследований. Многие идеи возникали и прорабатывались в ходе дискуссий на университетских занятиях, очень непохожих (судя по воспоминаниям тех, кто в них участвовал) на учебные занятия, какими мы их знаем сегодня.

¹ Hull-House maps and papers: A presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social conditions. – N.Y.: T.Y. Crowell & co., 1895. О значимости этих исследований для Чикагской школы см.: Deegan M.J. Jane Addams and the men of the Chicago school, 1892–1918. – New Brunswick (NJ): Transaction books, 1988.

Общая теоретическая рамка, рассеянная по разным текстам Р.Э. Парка, Э.У. Бёрджесса, Л. Вирта и многих других авторов и придающая чикагской социологической традиции внутреннюю связность, может быть в общем виде охарактеризована как многомерная¹. Она опирается на достаточно отчетливо сформулированные допущения относительно природы человека, социального порядка, человеческого поведения / действия и социального взаимодействия. В соответствии с ними любое коллективное образование рассматривается как упорядоченное на нескольких уровнях: экологическом (и демографическом), экономическом, политическом, культурном, социально-психологическом. Каждый из этих порядков мыслился как предмет отдельной дисциплины, но целостное видение социального процесса предполагало соотнесение знаний, получаемых с разных дисциплинарных точек зрения; такое соотнесение было задачей социологии как общей науки. Социология как специальная наука у чикагцев образовалась из суммы перспектив, не «занятых» утвердившимися академическими дисциплинами. В ее состав вошли *человеческая экология*, изучающая экологический порядок (позже из нее выделилась как отдельная дисциплина демография), *социальная психология*, изучающая культурные и социально-психологические факты (позже она превратилась в символический интеракционизм), а также «*социальная организация*», сфокусированная на всестороннем синтетическом изучении различных институтов. Эти три науки стали специализациями на факультете социологии Чикагского университета, развивающимися каждая в своем русле. Соответственно, в рамках чикагской традиции сформировались и развивались несколько типов исследований, изначально связанных друг с другом общей теоретической рамкой, но позже разделившихся: экологические (включая демографические) исследования, интеракционистские социально-психологические исследования (имевшие в 1920-е годы во многом антропологический характер) и целый ряд близких по духу комплексных исследований различных групп и институтов (занятий и профессий, семьи, шаяк, досуговых учреждений, расовых и этнических гетто, организованной преступности, выборов, газет и т.д.).

¹ Детальную ее реконструкцию можно найти в статье: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: Случай человеческой экологии // Социологический журнал. – М., 2009. – № 2. – С. 18–55.

Социология мыслилась чикагцами как эмпирическая наука (настолько, что специальное занятие разработкой теории и методологии рассматривалось как бесплодное дело, не заслуживающее траты времени и сил). Превращение социологии в эмпирическую науку было смоделировано Парком по образцу психологии, которая в XIX в. стала в полном смысле слова наукой благодаря утверждению в ней экспериментального метода и появлению лаборатории. В случае социологии своего рода лабораторией был признан город; проведение собственно экспериментов, однако, не требовалось, поскольку совместное существование людей само по себе виделось как эксперимент¹.

Так эмпирическая социология стала у чикагцев городской социологией. Программа эмпирических исследований была предложена Р.Э. Парком в его ранней большой статье «Город: Предложения по изучению человеческого поведения в городской среде» (1915)². Корни многих знаменитых чикагских исследований 1920–30-х годов обнаруживаются в тех или иных разделах этой работы. Большинство исследований проводилось в Чикаго как образцовом крупном современном американском городе, часть исследований – в других городах и даже не только в городах³.

Поскольку быстроразвивающийся крупный современный город был не просто площадкой для проведения исследований, но и мыслился как арена, на которой разворачиваются все основные социальные процессы, в том числе специфически современные, и на которой все больше раскрывает и выражает себя человеческая природа, то городские исследования чикагцев всегда были в той или иной мере исследованиями общества как такового, современности и модернизации как таковых, человеческой природы

¹ Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 29–43.

² См.: Парк Р.Э. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011. – С. 19–56.

³ Например, юкатанские и гватемальские исследования Р. Редфилда были выстроены в соотношении с континуумом «народное–городское» и сфокусированы на изменениях, происходящих в народных (традиционных) культурах под воздействием вторгающейся в них современности и урбанизма. См.: Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. – М., 2008. – Т. 10, Вып. 5–6. – С. 99–112.

как таковой¹. В лучших их образцах ясно и недвусмысленно присутствовали эти акценты.

Эмпирические исследования чикагцев были ориентированы на тесную связь с практикой и были проблемно-сфокусированными. Так, исследования естественных ареалов, сообществ и соседств стали фундаментом для нового районирования Чикаго (во многом сохранившегося по сей день). Целый ряд исследований проводился в тесной связке с работой всевозможных комиссий (по расовым отношениям, по трудовым отношениям, по работе с детьми и подростками-правонарушителями и т.д.). Предполагалось, что социология не только может, но и должна приносить реальную и ощутимую пользу людям – как такую конкретную, так и, в более широком смысле, просветительскую.

Тематически это были очень разнообразные исследования. В них была широко представлена собственно городская тематика: внутренняя структура города, городские сообщества, многообразие городских культурных миров и образов жизни. Сюда можно отнести исследования города как мозаики миров (Х.У. Зорбо, «Золотой берег и трущобы», 1929²), еврейского гетто и прочих видов гетто (Л. Вирт, «Гетто», 1928³), негритянских сообществ (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго»).

¹ Как писал Р.Э. Парк, «в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается. В городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида – будь то преступник или попрошайка, равно как и гений – всегда найдет подходящую компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает. А в целом, все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение. Город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» (Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 42–43).

² Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

³ Wirth L. The ghetto. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

го», 1922¹), общины хлыстов (П. Янг, «Пилигримы Русского городка», 1932²) и т.д. Интенсивно исследовались всевозможные городские институты: городская семья (Э.Р. Маурер, «Семейная дезорганизация», 1927³; Э.Ф. Фрейзер, «Негритянская семья в Чикаго», 1931⁴; работы Э.У. Бёрджесса, Л. Котрелла и др. о семье и браке⁵), занятия и профессии (Ф.Р. Донован, «Продавщица», 1929⁶; Э.Ч. Хьюз, «Рост института: Чикагское агентство недвижимости», 1979 [1928]⁷), газеты (Х.М. Хьюз, «Новость и интересная история», 1940⁸; Р.Э. Парк, «Иммигрантская пресса и ее контроль», 1922⁹) и кино (исследования влияния кино на разные аспекты поведения горожан, 1930-е годы¹⁰), гостиницы (Р.С. Хейнер, «Гостиничная жизнь», 1936¹¹), танцевальные залы (П.Г. Кресси, «Таксидэкс-холл», 1932¹²) и др. Многочисленные работы были посвящены расовым отношениям, меньшинствам и национализму (Ч. Джонсон, Э.Ф. Фрейзер, Л. Вирт, Р.Э. Парк, Э.Б. Рейтер, Э.В. Стоунквист). В исследованиях чикагцев была обильно представлена криминологическая проблематика. Сюда относятся исследования преступности и молодежной делинквентности

¹ Johnson C.S. The Negro in Chicago: A study of race relations and a race riot in 1919. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1922.

² Young P.V. The pilgrims of Russian town. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

³ Mowrer E.R. Family disorganization: An introduction to a sociological analysis. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

⁴ Frazier E.F. The Negro family in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

⁵ В частности: Burgess E.W., Locke H.J. The family: From institution to companionship. – N.Y.: American book co., 1945; Burgess E.W., Wallin P. Engagement and marriage. – Chicago (IL): Lippincott, 1953.

⁶ Donovan F.R. The saleslady. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

⁷ Hughes E.C. The growth of an institution: The Chicago real estate board. – Chicago (IL): Arno press, 1979.

⁸ Hughes H.M. News and the human interest story. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1940.

⁹ Park R.E. Immigrant press and its control. – N.Y.; L.: Harper & bros, 1922.

¹⁰ Blumer H. Movies and conduct. – N.Y.: Macmillan, 1933; Blumer H., Hauser P.M. Movies, delinquency and crime. – N.Y.: Macmillan, 1933; Blumer H. Private monograph on movies and sex // Jowett G.S., Jarvie I.C., Fuller K.H. Children and the movies: Media influence and the Payne Fund controversy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1996. – P. 281–301.

¹¹ Hayner N. Hotel life. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1936.

¹² Cressey P.G. The taxi-dance hall. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

(К. Шоу и др., «Ареалы делинквентности», 1929¹; К. Шоу, «Обиравший пьяных: История делинквентного подростка, рассказанная им самим», 1930²; К. Шоу, «Естественная история делинквентной карьеры», 1931³; К. Шоу и др., «Братья по преступлению», 1938⁴), шаек (Ф.М. Трэшер, «Шайка», 1927⁵), проституции (У. Реклесс, «Порок в Чикаго, 1933⁶), организованной преступности (Дж. Ландеско, «Организованная преступность в Чикаго», 1929⁷). Работа Р. Кэван «Самоубийство» (1928)⁸ около двух десятилетий считалась образцовым социологическим исследованием суицида и даже затмила по значимости классическую работу Э. Дюркгейма. Немалое значение имели и чикагские исследования различных форм коллективного и массового поведения, таких как публики и толпы (Р.Э. Парк, «Толпа и публика», 1972 [1904]⁹), шайки (Ф.М. Трэшер¹⁰), профсоюзное движение и забастовки (Э.Т. Хиллер, «Забастовка», 1928¹¹), расовые бунты (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго», 1922¹²) и революции (Л. Эдвардс, «Естественная история революции», 1927¹³). Наконец, важное место в научном наследии чикагцев занимают исследования современной / городской личности (Э.У. Бёрджесс и др., «Личность и

¹ Delinquency areas: A study of the geographic distribution of school truants, juvenile delinquents and adult offenders / Shaw C.R., Zorbaugh F.M., McKay H.D., Cottrell L.S., jr. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

² Shaw C.R. The jack-roller: A delinquent boy's own story. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1930.

³ Shaw C.R. The natural history of a delinquent career. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1931.

⁴ Shaw C.R., McKay H.D., McDonald J.F. Brothers in crime. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1931.

⁵ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

⁶ Reckless W. Vice in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1933.

⁷ Landesko J. Organized crime in Chicago // Illinois crime survey, 1929. – Chicago (IL): Illinois Association for criminal justice, 1929. – Pt. 3.

⁸ Cavan R.S. Suicide. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

⁹ Park R.E. The crowd and the public. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1972.

¹⁰ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

¹¹ Hiller E.J. The strike. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

¹² Johnson C.S. The Negro in Chicago: A study of race relations and a race riot in 1919. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1922.

¹³ Edwards L. The natural history of revolution. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

социальная группа», 1929¹; Н. Андерсон, «Хобо», 1923²; Э.В. Стоунквист, «Маргинальный человек», 1937³).

Многие из этих исследований до сих пор привлекают внимание своей оригинальностью и плодотворностью, а заключенный в них опыт служит предметом критического изучения и переосмысления. Некоторые развитые в них концепции и подходы и сегодня сохраняют свою жизнеспособность (как, например, концепция новости или концепция маргинального человека).

Особое внимание сегодня привлекает методология этих исследований. Одна из проблем в данном случае состоит в том, что в чикагской традиции методология (также как и теория) не была предметом специального интереса. Многообразие методов и процедур сбора данных определялось не какими-то эксплицитными правилами, а скорее общими представлениями об изучаемом предмете, исследовательскими нуждами и попросту обстоятельствами. Была задача в чем-то разобраться, и для достижения этой цели использовались все доступные способы.

Отчасти это многообразие методов досталось чикагцам в наследство от традиции социальных обследований. В зачаточном виде почти все эти методы, от статистики и анкетного опроса до городской этнографии, можно найти в этой традиции (у Ч. Бута, в чикагских обследованиях Халл-Хауса, в Питтсбургском обследовании и т.д.). Однако в социологии Чикагской школы все они получают более дисциплинированное и находчивое применение.

Чикагские социологи пользовались в своих исследованиях разного рода статистикой, собираемой как Бюро переписи населения, так и социальными службами, полицией, государственными, муниципальными, общественными организациями. Для того чтобы можно было проводить более обоснованные и надежные сравнения разных районов города, по их инициативе в Чикаго были введены более мелкие переписные участки. Широко практиковался и самостоятельный сбор статистических данных, когда готовые статистические сводки отсутствовали (как, например, статистика гостиничного населения у Хейнера или статистика

¹ The personality and the social group / Ed. by E.W. Burgess. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

² Anderson N. The hobo: The sociology of the homeless man. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1923.

³ Stonequist E.V. The marginal man: A study in personality and culture conflict. – N.Y.: Russell & Russell, 1961.

посещаемости городского центра в разные времена суток). В 1920-е годы методы статистического анализа данных практически не применялись, но уже во второй половине 1930-х – при активнейшем участии Э.У. Бёрджесса и У. Огборна – получили применение факторный анализ, корреляционный анализ и т.п. (например, в исследованиях эффективности условно-досрочного освобождения заключенных).

Разновидностью статистического метода, отличительной для чикагской традиции, стала картография. Известно, что в эти годы без карт невозможно было защитить ни одну диссертацию. Картографирование в исследованиях городов применялось и раньше (еще со времен Ч. Бута), но никогда прежде не было такого тематического разнообразия карт. На карты разных видов (точечные, штриховые и т.д.) наносилось буквально все: демографические данные, преступность, подростковые правонарушения, шайки, самоубийства, притоны, цены на землю, разные виды танцевальных заведений, кинотеатры и т.д. Помимо наглядного представления статистических данных по районам, карты служили основой для дальнейших углубленных исследований: они визуализировали территориальное (экологическое) распределение изучаемых феноменов и проблем и позволяли выявить места их высокой концентрации для последующего качественного исследования их *in situ*. Предполагалось, что условия, благоприятные для этих феноменов и проблем, присутствуют в этих районах в наиболее выраженном виде. Так, исследование мира шаек проводилось в местах сосредоточения шаек (Ф.М. Трэшер¹), исследование социальных факторов самоубийства проводилось в районе с самым высоким уровнем самоубийств (Р. Кэван²), глубинному изучению факторов подростковой делинквентности и роста преступных карьер предшествовало изучение территориального распределения правонарушений и выявление «ареалов делинквентности» (К. Шю и др.³), для исследования своеобразия современной городской лич-

¹ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

² Cavan R.S. Suicide. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

³ Delinquency areas: A study of the geographic distribution of school truants, juvenile delinquents and adult offenders / Shaw C.R., Zorbaugh F.M., McKay H.D., Cottrell L.S., jr. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929; Shaw C.R., McKay H.D. Juvenile delinquency and urban areas. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1942; Shaw C.R., McKay H.D. Social factors in juvenile delinquency. – Wash.: US Government printing office, 1931.

ности выбирались места, в которых были сильнее всего выражены характеристики современного крупного города, например гостиницы (Н.С. Хейнер¹).

Образцовые чикагские исследования чаще всего строились по такой модели: сначала проводилось экологическое исследование распределения изучаемого явления, в котором выделялись места его концентрации, а далее следовало исследование «на месте», в котором решались задачи понимания и объяснения. Решение последних предполагало непосредственное знакомство с изучаемым фрагментом социальной реальности. Известно наставление Р.Э. Парка: «Вам говорили идти и порыться в библиотеке, накапливая тем самым кучу заметок и вбирая слой глубоко въевшейся книжной пыли. Вам говорили выбирать проблемы там, где вы сможете найти заплесневелые штабеля рутинных записей, базирующихся на тривиальных формах, подготовленных усталыми бюрократами и заполненными смущенными претендентами на помощь, придиричивыми благодетелями или равнодушными клерками. Это называется “запачкать ваши руки в реальном исследовании”. Те, кто вам это советует, люди мудрые и почтенные; резоны, которые они приводят, очень ценны. Но нужна еще одна вещь: непосредственное наблюдение. Пойдите и посидите в холлах роскошных гостиниц и на порогах ночлежек; посидите на диванах Золотого берега и на кроватях в трущобах; посидите в Концертном зале и на представлении бурлеска в “Стар энд Гартер”. Короче говоря, джентльмены, идите и запачкайте ваши штаны реальным исследованием»².

Парк и сам практиковал и прививал своим ученикам ознакомительные социологические прогулки по городу. Описание одной из таких прогулок (из центра Чикаго в трущобы и другие районы Ближнего Норт-Сайда) можно найти в первой главе книги Х.У. Зорбо «Золотой берег и трущобы»³.

Использовались чикагскими исследователями и более систематические виды этнографического наблюдения, невключенного и включенного. Так, Ф.М. Трэшер, изучая чикагские подростковые шайки, поселился неподалеку от мест их высокой концентрации,

¹ Hayner N. Hotel life. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1936.

² Цит. по: McKinney J.C. Constructive typology and social theory. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1966. – P. 71.

³ Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929. – Ch. 1.

чтобы наблюдать их в естественной среде (на улице)¹. Н. Андерсон, исследуя странствующих рабочих (хобо), регулярно бывал в районе, в котором они временно селились, с тем чтобы наблюдать их повседневную жизнь; это позволяло ему по случаю вступать с ними в беседы на улице, в кафе, на лавочках в парке, и эти свободные беседы (интервью) дали важный материал для его книги «Хобо»². Х.У. Зорбо несколько месяцев снимал жилье в Ближнем Норт-Сайде, чтобы наблюдать жизнь изучаемых им районов города изнутри³. П.Г. Кресси в целях изучения внутреннего мира таксидэнс-холлов стал завсегдатаем подобных заведений, что позволило ему не только напрямую прочувствовать их атмосферу, но и собрать нужную ему информацию через разговоры с танцовщицами, клиентами и хозяевами этих заведений⁴. В отдельных исследованиях (правда, редко) использовалась также визуальная этнография. Так, Трэшер собрал коллекцию фотографий шаек, и некоторые из них были включены в его монографию⁵.

Наблюдения у чикагцев были практически неотделимы от интервью. Судя по всему, интервью протекали свободно и без заранее подготовленных списков вопросов. Как они проводились и документировались – неизвестно, но в публикациях чикагцев присутствуют многочисленные выдержки из них.

Начиная с новаторского исследования У.А. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁶, чикагцами широко применялся анализ личных документов. Это были очень разные документы. Например, в основу исследования самоубийства у Р. Кэван были положены два дневника девушек-самоубийц (хотя использовались и другие материалы)⁷. Широко использовались биографии и автобиографии; иногда они собирались через интервью, иногда – писались людьми на заказ. На автобиографи-

¹ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

² Anderson N. The hobo: The sociology of the homeless man. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1923.

³ Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

⁴ Cressey P.G. The taxi-dance hall. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

⁵ Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

⁶ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America: In 5 vol. – Boston (MA): Badger, 1918–1920.

⁷ Cavan R.S. Suicide. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928.

ческих материалах и сопоставлении их с другими данными построены, например, книги К. Шоу «Обирающий пьяных»¹ и «Братья по преступлению»². Много таких материалов мы находим и в других работах чикагцев, хотя там они играют вспомогательную роль (образцовый пример – автобиографический нарратив «приютской девушки» в книге Зорбо «Золотой берег и трущобы»³). К категории биографических материалов причислялись и газетные истории, особенно в жанре исповедей и «криков души».

Не менее важную роль во многих исследованиях играли документы самых разных организаций (полиции, судов, благотворительных организаций и душеспасительных миссий, всевозможных комиссий и т.п.), публикации в прессе и газетные архивы. Например, внимательное изучение подшивок и архивов чикагских газет за 25-летний период позволило Дж. Ландеско, когда он исследовал историю чикагской организованной преступности, обнаружить несколько важных имен, не фигурирующих в полицейских карточках в силу тесных связей полиции с преступным миром⁴.

Если взять для сравнения нынешнее состояние социологии, то и здесь мы находим многообразие применяемых методов в связи с решением разных познавательных задач. Но в случае чикагской социологии они были вписаны в целостную и понятную теоретическую рамку, и сделано это было очень изобретательно и элегантно. Этим во многом и определяется ценность «золотого века» Чикагской школы сегодня.

¹ Shaw C.R. The jack-roller: A delinquent boy's own story. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1930.

² Shaw C.R., McKay H.D., McDonald J.F. Brothers in crime. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1931.

³ Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929.

⁴ Landesko J. A who's who of organized crime in Chicago // Illinois Crime survey, 1929. – Chicago (IL): Illinois Association for criminal justice, 1929. – P. 1061–1090.

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Хотя для чикагской традиции, построенной на принципах прагматизма, характерны теснейшее переплетение теории, методологии и исследования и вытекающее отсюда равнодушие к чистому теоретизированию, мы можем найти у ее представителей немало текстов, имеющих рамочный характер, в которых представлены различные компоненты их теоретических схем, а также содержательные обобщения. Теория и метод в этих текстах почти не разделены, поскольку такие компоненты теории, как понятия, модели и т.д., имеют с прагматистской точки зрения сугубо инструментальный характер и, соответственно, могут быть в равной степени истолкованы и как компоненты метода. Ниже вниманию читателя предлагается несколько таких текстов.

Эта подборка не претендует на репрезентативность. В нее включены многие тексты, которые имели бы приоритетное право в нее попасть, но уже опубликованы в предыдущих изданиях этой книжной серии (имеются в виду прежде всего работы Р.Э. Парка и Л. Вирта). Вместе с тем эта подборка дает общее представление о разных линиях теоретического развития, которые во времена Парка были частью единой системы координат, но впоследствии разделились и развивались уже независимо друг от друга.

Статья Р.Э. Парка и У.А. Томаса – важный документ их недолгого сотрудничества, во многом предопределившего общие очертания социологии Чикагской школы.

В статье Р.Д. Маккензи мы обнаруживаем в чистом виде экологический подход к изучению социальных феноменов, впоследствии превратившийся в отдельную социальную науку (человеческую экологию), а позже, у Э. Хоули, в самостоятельную социологическую парадигму.

В классической статье Э.У. Бёрджесса, в которой была разработана знаменитая концентрическая модель роста города, мы видим несколько иную версию экологической перспективы, чем у Р.Д. Маккензи, более открытую для соединения с другими перспективами, входящими в схему соотнесения, разработанную Р.Э. Парком.

В статье Э. Фэриса, содержащей критический разбор очень важного для чикагской традиции понятия первичной группы, хорошо представлена социально-психологическая (интеракционистская) перспектива, входившая наряду с другими в эту общую схему соотнесения, но позже обособившаяся (как и человеческая экология) в качестве отдельной дисциплины, а затем и самостоятельной парадигмы (символического интеракционизма).

В работах Э.Ч. Хьюза в свою очередь мы можем найти продолжение и развитие той многомерной социологии, за которую ратовал Р.Э. Парк. Его подход к изучению институтов включает в себе оригинальное соединение экологической, антропологической и социально-психологической перспектив и в наибольшей степени сохраняет ту интегративную интенцию, которая характеризовала чикагскую традицию в пору ее раннего расцвета.

Эрнест Уотсон Бёрджесс

РОСТ ГОРОДА: ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Эта статья имела программное значение для городских исследований Чикагской школы. В ней Бёрджесс не только разрабатывает знаменитую модель концентрических зон (позже многократно оспоренную на предмет ее универсальности), но и развивает основополагающие принципы и понятия так называемой «городской экологии» – приложения человеческой экологии к городским исследованиям. Динамическое видение города как развивающегося образования, постоянно пребывающего в процессе нарушения равновесия и его восстановления, дезорганизации и реорганизации, воплощает ключевые особенности прагматически ориентированной чикагской социологии.

Перевод сделан по источнику: Burgess E.W. The growth of the city: An introduction to a research project // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 47–62. Впервые был опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2000. – № 4. – С. 122–136. Воспроизводится с незначительными редакторскими изменениями.

Выдающимся фактом современного общества является рост больших городов. Нигде необычайные изменения, вызванные в нашей социальной жизни машинной промышленностью, не проявили себя так очевидно, как в городах. В США переход от сельской к городской цивилизации, хотя и начался позже, чем в Евро-

пе, происходил если не быстрее и всеохватнее, то уж, во всяком случае, более логично в своих наиболее характерных формах.

Все сугубо городские проявления современной жизни – небоскреб, подземка, универмаг, ежедневная газета и социальная работа – вещи типично американские. Менее бросающиеся в глаза изменения в нашей социальной жизни, те, которые в более грубых их проявлениях именуется «социальными проблемами» – проблемами, которые нас тревожат и выводят из себя, как то развод, делинквентность, социальные волнения, – проявляются острее всего в наших крупнейших американских городах. Глубокие «разрушительные» силы, вызвавшие эти изменения, измеряются ростом и экспансией городов. Об этом нам говорит сравнительная статистика Вебер, Бюхера и других ученых.

Эти статистические исследования, хотя имеют дело главным образом с последствиями городского роста, предельно рельефно обнажили отличительные черты городских популяций, в противовес сельским. Преобладание женщин над мужчинами в городах, в отличие от сельской местности, больший процент молодежи и людей среднего возраста, более высокая доля уроженцев других стран, растущая профессиональная неоднородность возрастают с ростом города и кардинально меняют его социальную структуру. Эти различия в составе населения служат показателями всех изменений, происходящих в социальной организации сообщества. В самом деле, эти изменения являются частью роста города и указывают на природу этих процессов роста.

Единственным аспектом роста, который адекватно описали Бюхер и Вебер, был довольно-таки очевидный процесс *агрегации* городского населения. Почти столь же очевидный процесс – процесс *экспансии* – был исследован с иной, весьма практической точки зрения группой специалистов, занимавшихся городским планированием, зонированием и региональными обследованиями. Еще более значима по сравнению с растущей плотностью тенденция городского населения становиться избыточным, распространяться вследствие этого на более обширные территории и вовлекать эти территории в более широкую общественную жизнь. В этой статье, следовательно, речь пойдет сначала об экспансии города, а затем о менее известных процессах городского метаболизма и мобильности, тесно связанных с экспансией.

Экспансия как физический рост

С точки зрения городского планирования, зонирования и региональных обследований экспансия города рассматривается почти всецело в терминах его физического роста. Транспортные исследования сосредоточились на проблеме развития транспорта в связи с распределением населения по всему городу. Обследования, проводимые Телефонной компанией Белла и другими службами, пытались предсказать направление и скорость роста города, дабы предвидеть будущий спрос на расширение их услуг. В рамках городского планирования размещение парков и бульваров, расширение проезжей части улиц, забота об административном центре города осуществляются в интересах будущего контроля над физическим развитием города.

К этой территориальной экспансии наших крупнейших городов ныне настойчиво привлекают наше внимание План изучения города Нью-Йорка и его окрестностей и создание Чикагской ассоциации регионального планирования, расширившей метропольный район города до радиуса 50 миль и включившей в него 4 тыс. кв. миль территории. В обоих случаях предпринимается попытка измерить экспансию, дабы справиться с изменениями, сопровождающими рост города. В Англии, где больше половины жителей живут в городах с населением 100 тыс. и более человек, К.Б. Фосетт дает такую живописную оценку влияния городской экспансии на социальную организацию:

«В последние десятилетия одной из самых важных и поразительных особенностей роста городских популяций у более развитых народов мира стало появление огромных городских агрегатов, или конурбаций, превосходящих по размеру и численности великие города любой предшествующей эпохи. Обычно они формировались путем одновременного расширения нескольких соседних городков, которые разрастались навстречу друг другу до тех пор, пока практически не сливались в одну непрерывную городскую территорию. Каждая такая конурбация вместе с тем имеет в своих пределах множество центров более плотного городского роста, большинство из которых представляют собой центральные районы тех разных городов, из которых она образовалась. Эти участки большей плотности соединяются менее плотно урбанизированными районами, которые поначалу были пригородами этих городов.

Последние до сих пор застраиваются, как правило, довольно несистематически и часто содержат много открытых пространств.

Эти большие скопления городских обитателей – новая особенность в расселении человека по поверхности планеты. На сегодняшний день имеется от 30 до 40 таких агрегатов, каждый из которых содержит более миллиона человек, тогда как еще столетие назад, если не учитывать крупные центры скопления населения на водных артериях Китая, их было от силы два или три. Такие скопления людей имеют огромную географическую и социальную значимость; они порождают новые проблемы в организации жизни и благосостоянии их жителей, а также в их различных видах деятельности. Немногие из них развили социальное сознание, сопоставимое с их величием, и полностью осознали себя как группировки людей, имеющих много общих интересов, чувств и мыслей»¹.

В Европе и Америке тенденция большого города к расширению нашла отражение в понятии «метрополис»; такого рода ареал выходит далеко за политические границы города, а в случае Нью-Йорка и Чикаго даже за пределы штата. Метрополис можно определить как ареал, включающий городскую территорию, обладающую свойством физической смежности, однако ныне он все больше определяется транспортными средствами, позволяющими деловому человеку жить в пригороде Чикаго, а работать в деловом центре, а его жене – совершать покупки в магазине Маршалла Филда и посещать представления гран-опера в Концертном зале.

Экспансия как процесс

Изучением экспансии как процесса еще никто не занимался, хотя материалы для такого исследования и обнаружения разных аспектов этого процесса содержатся в городском планировании, зонировании и региональных обследованиях. Типичные процессы экспансии города, наверное, лучше всего изобразить с помощью ряда концентрических кругов, которые можно пронумеровать, дабы обозначить как последовательно идущие зоны городского расширения, так и типы районов, дифференцирующихся в процессе экспансии.

¹Fawcett C.B. British conurbations in 1921 // Sociological rev. – Hoboken (NJ), 1922. – Vol. 14, N 2. – P. 111–112.

На этом рисунке представлена идеальная конструкция свойственных маленькому или большому городу тенденций к радиальному расширению из центрального делового района (на карте он помечен цифрой I). Центральную часть города обычно окружает переходная, или транзитная, зона, в которую проникают бизнес и легкая промышленность (II). Третью зону (III) населяют промышленные рабочие, бежавшие из зоны запустения (II), но желающие жить поближе к месту своей работы. За пределами этой зоны находится «спальная зона» (IV), образуемая комфортабельными многоквартирными домами или закрытыми районами частных домов, принадлежащих отдельным семьям. Еще дальше, за пределами самого города, располагается зона пригородов и городов-спутников, находящихся в полчаса-часе езды от центрального делового района.

Рис. 1. Рост города

Рисунок ясно показывает основной факт экспансии, а именно тенденцию каждой внутренней зоны расширять свою территорию путем проникновения в следующую внешнюю зону. Этот аспект экспансии можно назвать *сукцессией*, или *последовательностью*; данный процесс был подробно изучен в экологии растений. Если эту схему применить к Чикаго, то все четыре указанные зоны были некогда заключены в пределах внутренней зоны, ставшей ныне деловым районом. Нынешняя зона запустения много лет назад не была зоной, в границах которой селятся сегодня вольнонаемные рабочие; в памяти тысяч жителей Чикаго еще живы вос-

поминания о том, как в этом районе находились особняки «лучших семей». Вряд ли необходимо добавлять, что ни Чикаго, ни какой-либо другой город не вписываются в полной мере в эту идеальную схему. Она усложняется такими факторами, как прибрежная полоса озера, река Чикаго, железнодорожные линии, исторические факторы размещения промышленности, относительная степень сопротивления сообществ внешним вторжениям и т.д.

Помимо расширения и последовательности общий процесс экспансии в городском росте включает в себе антагонистические, но вместе с тем взаимно дополняющие друг друга процессы концентрации и децентрализации. Во всех городах имеется естественная тенденция к схождению линий внутренних и внешних транспортных перевозок в центральном деловом районе. В центре каждого крупного города мы ожидаем найти большие универмаги, высотные офисные здания, железнодорожные станции, большие гостиницы, театры, музей изобразительных искусств и городской концертный зал. Вполне естественно и почти неизбежно экономическая, культурная и политическая жизнь оказываются сосредоточены именно здесь. Связь централизации с другими процессами городской жизни можно приблизительно измерить тем фактом, что «Большую Петлю» (центральный деловой район Чикаго) ежедневно посещают более полумиллиона людей. В последнее время в лежащих за пределами города зонах выросли подчиненные деловые центры. Эти «центры-спутники», видимо, представляют собой вовсе не «долгожданное» возрождение прилегающих окрестностей, а скорее вовлечение нескольких локальных сообществ в более широкое экономическое единство. Вчерашний Чикаго, бывший скоплением сельских поселков и иммигрантских колоний, переживает процесс реорганизации и превращения в централизованную децентрализованную систему локальных сообществ, срастающихся в подчиненные деловые районы, над которыми зримо или незримо господствует центральный деловой район. Действительные процессы того, что можно было бы назвать централизованной децентрализацией, изучаются в настоящее время на примере развития торговых сетей, которые служат лишь одной из иллюстраций изменения, происходящего в самих основаниях городской организации¹.

¹ См.: Shideler E.H. The retail business organization as an index of community organization. – (Manuscript).

Экспансия, как мы уже увидели, связана с физическим ростом города и расширением технических служб, которые сделали городскую жизнь не только сносной, но и удобной, даже приятной. Некоторые из этих основополагающих потребностей городской жизни возможны лишь благодаря колоссальному развитию коммунального существования. Три миллиона людей, живущих в Чикаго, зависят от единой системы водоснабжения, одной гигантской газовой компании и одной огромной электростанции. Между тем, как и большинство других аспектов нашей коммунальной городской жизни, это экономическое сотрудничество представляет собой пример кооперации, в которой нет и доли того «духа сотрудничества», который в ней обычно предполагают. Крупные муниципальные службы являются частью механизации жизни в больших городах и почти или вовсе не имеют значения для социальной организации.

Тем не менее процессы экспансии, и особенно ее темпы, можно изучать не только в физическом росте и развитии бизнеса, но и в вытекающих из них изменениях в социальной организации и личностных типах. Насколько рост города в его физическом и техническом аспектах сопровождается естественной, но адекватной перестройкой в социальной организации? Какой темп экспансии является для города нормальным, т.е. таким, за которым могли бы успешно поспеть управляемые изменения в социальной организации?

Социальная организация и дезорганизация как процессы метаболизма

На эти вопросы, пожалуй, легче всего ответить, если мыслить городской рост как результат организации и дезорганизации, аналогичных анаболическим и катаболическим процессам в метаболизме живого тела. Каким образом индивиды инкорпорируются в жизнь города? Благодаря какому процессу человек становится органической частью своего общества? Естественный процесс усвоения культуры начинается с рождения. Человек рождается в семье, уже приспособленной к социальной среде – в данном случае к современному городу. В качестве естественного прироста населения, наиболее благоприятного для ассимиляции, можно, следовательно, принять преобладание рождаемости над смертностью. Но является ли это нормой для роста города? Определенно, современные города повышали и повышают численность своего населения с гораздо

более высокой скоростью. Между тем естественный темп прироста можно использовать как мерило для расстройств метаболизма, вызываемых любым избыточным приростом, например расстройств, которые последовали за великим наплывом негров с Юга в северные города после войны. Аналогичным образом все города демонстрируют отклонения в половозрастном составе от стандартного населения, каковым является население Швеции, не затронутое в последнее время великими волнами эмиграции или иммиграции. Опять-таки эти заметные отклонения, как, например, любое значительное преобладание мужчин над женщинами или женщин над мужчинами, искаженные численные пропорции детей или взрослых мужчин и женщин в населении, являются симптомами аномалий в социальном метаболизме.

Обычно процессы дезорганизации и организации могут рассматриваться как взаимно связанные друг с другом и как сообща подталкивающие равновесие социального порядка к цели, неявно или определенно трактуемой в качестве прогрессивной. Поскольку дезорганизация ведет к реорганизации и обеспечивает более эффективное приспособление, дезорганизацию мы должны понимать не как патологический, а как нормальный процесс. Дезорганизация как первый шаг к реорганизации установок и поведения почти неизменно становится уделом человека, только что поселившегося в городе. Расставание с привычным, которое зачастую совпадало для него с моральным, нередко сопровождается мучительным душевным конфликтом и переживанием личной потери. Но, пожалуй, чаще всего такое изменение рано или поздно приносит чувство избавления и стремление к новым ориентирам.

В ходе экспансии города совершается процесс распределения, который просеивает, сортирует и передислоцирует индивидов и группы по разным местам проживания и родам занятий. Возникающая в итоге дифференциация космополитического американского города на ареалы, как правило, подчиняется одному образцу, разве что с любопытными незначительными модификациями. В центральном деловом районе или на примыкающей улице располагается «основной костяк» так называемой Хобогемии, многолюдный Риальто бездомного странника со Среднего Запада¹. В зоне запустения, окружающей центральный деловой квартал, всегда можно обнаружить так называемые «трущобы» и «пустыри» с их опустившимися рай-

¹ Исследование этого культурного ареала городской жизни см. в: Anderson N. The hobo. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1923.

онами нищеты, деградации и нездоровья, а также преисподними преступности и порока. В пределах зоны разложения есть и районы доходных домов, чистилище «заблудших душ». Неподалеку имеется Латинский квартал, где обитают творческие и мятежные характеры. Кроме того, трущобы до предела набиты иммигрантскими колониями; тут есть и Гетто, и Маленькая Сицилия, и Греческий городок, и Чайнатаун, где старые мировые традиции причудливо сочетаются с американскими адаптациями. Отсюда выклинивается Черный пояс с его свободной и беспорядочной жизнью. Зона запустения, будучи по своей сути ареалом загнивания и стационарного или сокращающегося населения, является в то же время и зоной регенерации, о чем свидетельствуют душеспасительные миссии, благотворительные учреждения, колонии художников, радикальные центры – все как на подбор одержимые видением нового и лучшего мира.

Следующая зона тоже населена в основном промышленными рабочими и работниками магазинов, но квалифицированными и добившимися успеха. Это ареал второго иммигрантского заселения; обычно здесь селятся иммигранты второго поколения. Это регион бегства из трущобы, *Deutschland* честолюбивой еврейской семьи из Гетто. Ведь *Deutschland* (буквально «Германия») – это название, данное наполовину из зависти, наполовину в насмешку району вне Гетто, где удачливые соседи подражают внешним стандартам жизни немецких евреев. Однако сам обитатель этого ареала, в свою очередь, смотрит с надеждой на внешнюю «Обетованную землю», ее меблированные комнаты в гостиницах или доходных домах, ее «центры-спутники» и районы «неоновых вывесок».

Эта дифференциация на естественные экономические и культурные группировки придает городу его форму и характер. Ведь сегрегация предлагает группе, а тем самым и индивидам, эту группу составляющим, место и роль в целостной организации городской жизни. Сегрегация ограничивает развитие в одних направлениях, но освобождает ему дорогу в других. Эти ареалы тяготеют к акцентировке определенных черт, привлечению и развитию своего особого типа индивидов и, тем самым, к углублению дифференциации.

Разделение труда в городе точно так же иллюстрирует дезорганизацию, реорганизацию и возрастающую дифференциацию. Иммигрант, приехавший из сельских сообществ Европы и Америки, редко привозит с собой экономический навык, имеющий хоть сколько-нибудь весомую ценность в нашей промышленной, коммерческой или профессиональной жизни. Однако произошел любо-

пытный профессиональный отбор на основе национальности, в результате которого у нас есть теперь ирландские полисмены, греческие кафе-мороженое, китайские прачечные, негры-носильщики и бельгийские привратники. Этот отбор можно объяснить скорее расовым темпераментом или обстоятельствами, нежели экономическими традициями миров, в которых эти иммигранты жили раньше.

Тот факт, что миллион индивидов в Чикаго (996 589) успешно работал в 509 официально зарегистрированных родах занятий, а 1 тыс. мужчин и женщин, чьи имена вошли в справочник *Who's who*, представляли 116 разных профессий, дает некоторое представление о том, как мельчайшая дифференциация профессий в городе «анализирует и просеивает население, разделяя и классифицируя разнородные элементы»¹. Эти цифры позволяют также представить сложность и запутанность современного промышленного механизма и тонкую сегрегацию и обособление разделившихся экономических групп. С этим экономическим разделением труда тесно связано соответствующее разделение на социальные классы и на культурные и рекреационные группы. Среди этой множественности групп с их различающимися паттернами жизни человек находит конгениальный ему социальный мир и – что совершенно неосуществимо в узких границах деревни – может двигаться и жить в абсолютно отдельных и, возможно, даже конфликтующих друг с другом мирах. Личностная дезорганизация может быть всего лишь неудачей в гармонизации канонов поведения двух различающихся групп.

Хотя феномены экспансии и метаболизма показывают, что умеренная степень дезорганизации может способствовать и действительно способствует социальной организации, они показывают также и то, что быстрая городская экспансия сопровождается необычайным ростом заболеваемости, преступности, порока, умопомешательства и самоубийств, а все это примерные показатели социальной дезорганизации. Но каковы показатели причин – в отличие от показателей следствий – расстроенного социального метаболизма города? В качестве критерия уже было предложено взять превышение действительного прироста населения над естественным. Значимость этого прироста заключается в том, что в крупный городской центр вроде Нью-Йорка или Чикаго ежегодно прибывают десятки тысяч иммигрантов. Их проникновение в го-

¹ Weber A.F. The growth of cities in the nineteenth century. – N.Y.: Macmillan, 1899. – P. 442.

род обладает эффектом приливной волны, накрывающей сначала иммигрантские колонии и порты прибытия, затем выталкивающей тысячи их обитателей в следующую зону – и так далее, пока инерционная сила волны не доберется до самой последней городской зоны. Совокупным эффектом становится ускорение экспансии, ускорение развития промышленности и ускорение процесса «закламливания и обветшания» в зоне запустения (II). Эти внутренние движения населения становятся все более важными для исследования. Какое движение происходит в городе, и как можно измерить это движение? Классифицировать движение в городе, конечно, легче, чем его измерить. Есть переезд с одного места жительства на другое, изменение рода занятий, текучесть рабочей силы, движение на работу и с работы, движение ради отдыха и приключений. Это подводит к вопросу: какой аспект движения важен для изучения изменений в городской жизни? Ответ на этот вопрос непосредственно ведет к проведению важного различия между движением и мобильностью.

Мобильность как пульс сообщества

Само по себе движение не является свидетельством изменения или роста. На самом деле движение может быть фиксированным и неизменным порядком перемещения, призванным контролировать постоянную ситуацию, например в случае рутинного движения. Движение, значимое для общества, предполагает изменение движений в ответ на новый стимул или ситуацию. Изменение движения этого рода называется *мобильностью*. Движение, имеющее рутинный характер, находит свое типичное выражение в работе. Изменение движения, или мобильность, выражается характерным образом в рискованном приключении. Большой город – с его «неоновыми вывесками», торговыми центрами, где торгуют новинками и устраивают дешевые распродажи, дворцами увеселений, подпольным миром порока и преступности, рисками и страхованием жизни и собственности от несчастного случая, кражи и убийства – стал зоной, где до предела выросли дух приключения и опасность, душевный подъем и нервное возбуждение.

Мобильность естественным образом включает в себе изменение, новый опыт, стимуляцию. Стимуляция вызывает реагирование человека-персоны на те объекты его внешнего окружения, которые дают выражение его желаниям. Для человека-персоны, как и

для физического организма, стимуляция является существенным условием роста. Реакция на стимуляцию сохраняет целостность до тех пор, пока остается согласованной *интегральной* реакцией всей личности. Когда реакция становится *сегментарной*, т.е. отделяется от организации личности и не контролируется ею, она стремится стать дезорганизующей или патологической. Именно поэтому стимуляция ради стимуляции, как, например, в неугомонной погоне за наслаждениями, сродни по своей природе пороку.

Мобильность городской жизни со свойственным ей возрастанием числа и интенсивности стимуляций неизбежно сбивает человека с пути и ведет к его деморализации. Ведь существенным элементом общественных нравов и личной нравственности является согласованность – согласованность того типа, какой естествен для социального контроля в первичной группе. Там, где мобильность достигает наивысшего уровня и, следовательно, полностью рушатся первичные механизмы контроля, как, например, в современном городе в зоне запустения, возникают ареалы деморализации, распущенности и порока.

В наших исследованиях города обнаружилось, что ареалы мобильности являются теми самыми районами, где процветают юношеская делинквентность, подростковые банды, преступность, нищета, уходы из семьи, разводы, детская беспризорность, порок.

Эти конкретные ситуации показывают, почему мобильность – вероятно, самый лучший индикатор состояния метаболизма города. Мобильность можно рассматривать как «пульс сообщества», причем не просто в метафорическом смысле. Подобно пульсу человеческого тела, этот процесс является отражением и индикатором всех происходящих в сообществе изменений, и его можно разложить на элементы, поддающиеся количественному выражению.

Элементы, входящие в состав мобильности, можно подразделить на две основные категории: 1) состояние изменчивости человека-персоны и 2) число и тип контактов или стимуляций в его внешней среде. Изменчивость городских популяций изменяется вместе с половозрастным составом, а также со степенью оторванности персоны от семьи и от других групп. Все эти факторы можно выразить количественно. Новые стимуляции, на которые реагирует население, можно измерить через изменение движения или возрастание числа контактов. Статистические данные о движении городского населения могут измерить лишь рутину, но возрастание его со скоростью, превышающей темп роста населе-

ния, является измерением мобильности. В 1860 г. в Нью-Йорке трамваи с конной тягой перевезли около 50 млн пассажиров; в 1890 г. трамваи с электрической тягой (и немногочисленные сохранившиеся трамваи с конной тягой) перевезли около 500 млн пассажиров; в 1921 г. надземные, подземные, наземные, электрические и паровозные пригородные транспортные линии перевезли в общей сумме более 2,5 млрд пассажиров¹. В Чикаго общее годовое число поездок на душу населения (на наземном и надземном транспорте) составляло: в 1890 г. – 164, в 1900 – 215; в 1910 – 320; в 1921 г. – 338. Кроме того, среднедушевое число поездок в год на пригородных железнодорожных линиях (на электрической и паровой тяге) за период с 1916 по 1921 г. почти удвоилось, с 23 до 41. Не следует упускать из виду и возросшее пользование автомобилями². Например, число автомобилей в Иллинойсе за период с 1915 по 1923 г. возросло со 131 140 до 833 920³.

Мобильность может быть измерена не только этими изменениями движения, но и возрастанием числа контактов. В то время как рост населения в Чикаго в 1912–1922 гг. составил менее 25% (23,6%), рост количества писем, доставляемых жителям Чикаго, был вдвое выше (49,6% – с 639 084 196 до 1038 007 854)⁴. В 1912 г. в Нью-Йорке на 100 жителей приходилось 8,8 телефона, а в 1922 – уже 16,9. В Бостоне в 1912 г. на 100 жителей приходилось 10,1 телефона, а спустя десять лет – уже 19,5. За то же десятилетие для Чикаго эти цифры выросли с 12,3 до 21,6 на 100 человек⁵. Но увеличение пользования телефонами, вероятно, даже важнее, чем рост числа телефонных аппаратов. Количество телефонных звон-

¹ Данные взяты в адаптированном виде из книги: Munro W.D. *Municipal government and administration*. – N.Y.: Macmillan, 1923. – Vol. 2. – P. 377.

² Report of the Chicago Traction and subway commission to the Honorable, the mayor and City council of the city of Chicago on a unified system of surface, elevated and subway lines. – Chicago (IL): Rand, McNally & co., 1916. – P. 81; Report and recommendations on a physical plan for a unified transportation system for the city of Chicago, to the Committee on local transportation of the City council of the city of Chicago. – Chicago (IL): J.T. Igoe co., 1923. – P. 391.

³ Данные собраны автомобильной промышленностью.

⁴ Статистические данные отдела почтовых отправлений почтовой службы Чикаго.

⁵ Рассчитано по данным *Census Estimates for Intercensal Years*.

ков в Чикаго возросло с 606 131 928 в 1914 г. до 944 010 586 в 1922 г¹.; рост составил 55,7%, тогда как население увеличилось только на 13,4%.

Цены на землю, поскольку они отражают движение, дают один из самых чувствительных показателей мобильности. Самые высокие цены на землю в Чикаго находятся в точке наибольшей мобильности в городе – на углу Стейт- и Мэдисон-стрит, в центральном деловом районе Луп («Большая петля»). Подсчеты транспортников показали, что в период пик через юго-западный угол пересечения этих улиц проходят в час 31 тыс. человек, или 210 тыс. человек за 16 с половиной часов. На протяжении более десяти лет цены на землю в «Большой петле» удерживались на постоянном уровне, но за это же время выросли вдвое, вчетверо и даже в шесть раз в стратегических секторах «спутниковых деловых центров»², и это точный показатель происшедших изменений. Проведенные нами исследования показывают, что, по всей видимости, изменения в ценах на землю, особенно там, где они коррелируют с изменениями арендной платы, представляют, пожалуй, лучшую количественную меру мобильности и, стало быть, всех тех изменений, которые происходят в ходе экспансии и роста города.

Я попытался представить в общих чертах ту точку зрения и те методы исследования, которые применяет факультет социологии в своих исследованиях роста города, а именно: описать городскую экспансию в терминах расширения, последовательности и концентрации; определить, как экспансия нарушает метаболизм города, когда дезорганизация берет верх над организацией; и, наконец, определить мобильность и предложить ее как поддающийся точной количественной оценке критерий экспансии и метаболизма, который можно бы было почти буквально рассматривать как пульс сообщества. К слову, этот документ мог бы стать введением к любому из пяти-шести исследовательских проектов, которыми занимается в настоящее время наш факультет³. Проект, которым

¹ Из статистических данных, предоставленных м-ром Р. Джонсоном, диспетчером телефонных линий (Иллинойское отделение Телефонной компании Белла).

² За период 1912–1923 гг. цены на землю (за кв. фут) выросли в Бриджпорте с \$600 до \$1250; в районе Дивижн-Эшленд-Милуоки – с \$2000 до \$4500; в «Задворках» – с \$1000 до \$3000; в Инглвуде – с \$2500 до \$8000; на Уилсон-авеню – с \$1000 до \$6000; но упали в «Большой петле» с \$20 000 до \$16 500.

³ Anderson N. The slum: An area of deterioration in the growth of the city. – (Manuscript); Mowrer E.R. Family disorganization in Chicago. – (Manuscript); Reckless W.C. The natural history of vice areas in Chicago. – (Manuscript); Shideler E.H.

занят непосредственно я, представляет собой попытку применить эти методы исследования к поперечному срезу города. Я пытаюсь поместить эту территорию, так сказать, под микроскоп и изучить более детально, ответственно и точно процессы, описанные здесь в самых общих чертах. С этой целью было выбрано еврейское сообщество на западе города. Это сообщество включает так называемое «Гетто», район первого заселения, и Зеленый Дол, или так называемую «Германию», район второго заселения. Этот ареал имеет некоторые очевидные преимущества для такого исследования с точки зрения экспансии, метаболизма и мобильности. Он иллюстрирует тенденцию города к радиальному расширению из делового центра. В настоящее время это относительно гомогенная культурная группа. Зеленый Дол – район, пребывающий в потоке непрерывного изменения, куда все еще прибывает волна мигрантов из Гетто и откуда происходит постоянный отток людей в более желанные районы фешенебельных кварталов. Кроме того, в этом ареале можно изучить, как ожидаемому результату высокого уровня мобильности, а именно социальной и личностной дезорганизации, в немалой степени противодействует эффективная общинная организация еврейского сообщества.

The retail business organization as an index of business organization. – (Manuscript); Thrasher F.M. One thousand boys' gangs in Chicago: A study of their organization and habitat. – (Manuscript); Zorbaugh H.W. The Lower North Side: A study in community organization. – (Manuscript).

Родерик Данкен Маккензи

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Человеческая экология, основоположниками которой стали Р.Э. Парк и Р.Д. Маккензи, – одна из «визитных карточек» Чикагской школы. Статья Маккензи, впервые опубликованная в «American journal of sociology» в 1924 г. и включенная в знаменитую книгу «Город» (1925), имеет программный характер. В ней разрабатываются некоторые основные понятия и общие принципы человеческой экологии, а также очерчиваются возможности применения экологического подхода в городских исследованиях (этот подход в урбанистике известен как «городская экология»).

Перевод сделан по источнику: McKenzie R.D. The ecological approach to the study of human community // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 63–79. Сокращенный перевод был опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2000. – № 4. – С. 136–152. Для настоящего издания он заново сверен и отредактирован, недостающие места переведены.

Молодые науки о растительной и животной экологии вполне прочно утвердились в своем положении. Соответствующие области изучения явно хорошо определены, а набор понятий для анализа находит довольно широкое признание. Предмет человеческой экологии, однако, до сих пор остается практически неисследованным полем, если говорить о систематическом и научном анализе. Разумеется, есть множество исследований, так или иначе соприка-

савшихся с областью человеческой экологии в разных ее аспектах, но наука о человеческой экологии, сопоставимая по точности наблюдения или методу анализа с новейшими науками о растительной и животной экологии, еще не получила развития.

I. Связь человеческой экологии с растительной и животной экологией

Экология определяется как «та фаза биологии, которая рассматривает растения и животных так, как они существуют в природе, и изучает их взаимозависимость, а также связь каждого вида и индивида со своей средой»¹. Это определение недостаточно широко, чтобы включить в себя все элементы, логически попадающие в круг интересов человеческой экологии. В отсутствие какого бы то ни было прецедента предварительно определим человеческую экологию как исследование пространственных и временных² отношений между людьми, складывающихся под воздействием сил среды, связанных с отбором, распределением и аккомодацией. Человеческую экологию интересует прежде всего влияние *положения*³ – как во времени, так и в пространстве – на человеческие институты и человеческое поведение. «Общество образуется из индивидов, пространственно разделенных, территориально распределенных и способных к независимому передвижению»⁴. Эти пространственные связи людей являются продуктами конкуренции и отбора и постоянно пребывают в процессе изменения по мере вмешательства новых факторов, нарушающих конкурентные отношения или стимулирующих мобильность. Человеческие институты и сама человеческая природа становятся аккомодированными

¹ Encyclopedia Americana. – N.Y.: Americana corp., 1923. – P. 555.

² Как показывается далее в этой статье, экологические образования имеют тенденцию развиваться циклически. Период времени, в течение которого данное экологическое образование развивается и достигает вершины своего развития, есть временной период данного конкретного образования. Продолжительность этих временных периодов можно, в конечном счете, измерить и предсказать; отсюда включение временного элемента в определение.

³ Слово «положение» используется для описания место отношения данного сообщества к другим сообществам, а также местоположения индивида или института внутри самого сообщества.

⁴ Park R.E, Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 509.

к определенным пространственным связям между людьми. С изменением этих пространственных отношений меняется физический базис социальных отношений, что вызывает социальные и политические проблемы.

Много было написано о биологических, экономических и социальных аспектах конкуренции и отбора, но дистрибутивным и пространственным аспектам этих процессов уделялось мало внимания. Растительный эколог сознает воздействие борьбы за пространство, питание и свет на природу растительного образования, но социолог так и не осознал, что те же самые процессы конкуренции и аккомодации определяют размер и экологическую организацию человеческого сообщества.

Существенное различие между растительным и животным организмом состоит в том, что животное обладает способностью к передвижению, позволяющей ему добывать питание в более широкой среде; но человеческое животное, вдобавок к способности перемещаться в пространстве, обладает еще и способностью изобретать и адаптировать среду к своим потребностям. Одним словом, человеческое сообщество отличается от растительного двумя основными характеристиками – мобильностью и целеполаганием, т.е. способностью выбирать среду обитания и способностью контролировать или видоизменять условия этой среды. В первом приближении это, казалось бы, указывает на то, что человеческая экология не может иметь ничего общего с растительной, где процессы ассоциации и приспособления вытекают из естественных неизменных реакций; при более внимательном рассмотрении и исследовании, однако, становится очевидно, что человеческие сообщества не в такой уж большой степени продукт артефакта или замысла, как полагают многие приверженцы культа героев¹.

Человеческое сообщество берет начало в особенностях человеческой природы и потребностях людей. Человек – стадное животное; он не может жить один; он относительно слаб физически и нуждается не только в компании других людей, но также в крове и в защите от природных стихий. Брюне говорит, что есть три главные вещи, необходимые для возникновения человеческого

¹ Хотя действия индивидов могут планироваться и контролироваться, общий эффект индивидуального действия никогда не бывает ни задуманным, ни предусмотренным.

сообщества: дом, дорога и вода¹. Пищу легче переносить с места на место, чем жилище или воду; поэтому последние два элемента даже при самых кочевых условиях являются важнейшими элементами, дающими местоположение и пространственную фиксацию человеческим отношениям². Пример этому можно отыскать и в нашем нынешнем режиме автомобильной туристической жизни, где вода и кров становятся определяющими факторами местоположения стоянок.

Размер и стабильность человеческого сообщества, между тем, являются функцией продовольственного обеспечения и роли, играемой им в более широком экологическом процессе производства и распределения товаров. Когда человек живет охотой и рыбной ловлей, сообщество невелико и недолговечно; когда главным источником средств к существованию становится сельское хозяйство, сообщество остается небольшим по размеру, но приобретает более постоянный характер; когда развиваются ремесло и торговля, в узловых точках транспортировки товаров – в устьях рек, в местах слияния водных артерий, вблизи водопадов и отмелей, где водные потоки можно переходить вброд, – вырастают более крупные сообщества. По мере возникновения новых форм транспортировки появляются новые места концентрации, а старые становятся более значимыми или приходят в упадок. Опять же, поскольку товары для торговли изготавливаются в сообществах, возникают еще и другие точки концентрации, определяемые главным образом доступностью источников энергии и природного сырья³.

¹ Brunhes J. Human geography. – Chicago (IL); N.Y.: Univ. of Chicago press, 1920. – P. 52.

² С помощью ряда карт Брюне показывает, что между пространственным распределением мест обитания людей и системами водоснабжения разных стран существует теснейшая связь. Он также демонстрирует связь современного промышленного сообщества с районами угольных месторождений.

³ Часто отмечалась тесная связь, существующая между районами месторождений угля и железа и местоположением современных промышленных сообществ. Л.Ш.А. Ноулз пишет: «В отсутствие особых и исключительных обстоятельств промышленность в Европе и Соединенных Штатах имеет тенденцию развиваться там, где железнодорожное сообщение дает легкий доступ к районам угольных месторождений, и в этих районах население концентрируется в городах». (Knowles L.C.A. The industrial and commercial revolutions in Great Britain during the nineteenth century. – L.: G. Routledge & sons, 1922. – P. 24.)

II. Экологическая классификация сообществ

С точки зрения экологии сообщества можно разделить на четыре общих типа. Во-первых, первичное обслуживающее сообщество. В качестве примера можно взять сельскохозяйственный поселок, рыболовецкое, угледобывающее или лесозаготовительное сообщество, которые служат первой ступенью в процессе распределения исходящего сырьевого товара и последней ступенью в процессе распределения конечного потребительского продукта. Размер таких сообществ полностью зависит от природы и формы утилизации соответствующей добывающей промышленности в совокупности с протяженностью окружающего торгового ареала. Сообщество реагирует своим размером на любой элемент, воздействующий на производительность экономической базы или на протяженность ареала, из которого оно черпает средства к существованию. Однако в любом случае, пока такое сообщество не примет еще какую-то функцию в более широком экологическом процессе, численность населения в нем не может превысить несколько тысяч человек.

Следующий тип сообщества – сообщество, выполняющее вторичную функцию в процессе распределения товаров. Оно собирает основные сырьевые материалы из окружающих первичных сообществ и распределяет их на более широких мировых рынках. В то же время оно перераспределяет поступающие из других частей мира продукты в первичные обслуживающие сообщества для конечного потребления. Обычно его называют торговым сообществом; но оно может сочетать в себе и другие функции. Размер этого типа сообщества зависит от протяженности его распределительных функций. Оно может варьировать в диапазоне от небольшого поселка в центре сельскохозяйственных равнин, где продается все, до крупного портового города, хинтерланд которого простирается вглубь на полконтинента. Рост зависит от сравнительных преимуществ местоположения.

Третий тип сообщества – индустриальный город. Он служит местом сосредоточения производства товаров. Вдобавок к этому, он может сочетать в себе функции первых двух типов сообщества, первичного обслуживающего и коммерческого. Он может иметь свою локальную торговую территорию, а также быть распределительным центром для окружающих сельских районов. Этот тип характеризуется сравнительным преобладанием промышленности над другими формами обслуживания. Нет практически никаких

пределов для размера, которого промышленное сообщество может достичь. Рост зависит от масштабности и рыночной организации конкретных отраслей, которым довелось локализоваться в его границах. Промышленные сообщества бывают двух основных типов: во-первых, обладающие диверсифицированными и многочисленными отраслями, организованными на базе локальной продажи продукции, и, во-вторых, те, в которых преобладают одна или две высокоразвитые отрасли, организованные на базе общенационального или всемирного сбыта продукции.

Четвертый тип сообщества – это сообщество, в котором отсутствует особая экономическая база. Оно получает свое экономическое обеспечение из других частей мира и может не выполнять никакой функции в производстве или распределении товаров. Примерами таких сообществ служат наши курорты, политические и образовательные центры, сообщества военных, исправительных и благотворительных поселений. С точки зрения роста или упадка такие сообщества не подчиняются тем законам, которые управляют развитием городов, играющих какую-нибудь роль в более широких производственных или распределительных процессах¹. Они гораздо более уязвимы, чем базисные типы человеческих сообществ, перед лицом непостоянства человеческих фантазий и законодательных установлений. Конечно, любое сообщество может иметь и обычно имеет дополнительный прирост населения за счет оказания такого рода услуг. Например, оно может быть местонахождением университета или тюрьмы штата, может на какое-то время года превращаться в курорт.

III. Определяющие экологические факторы роста или упадка сообщества

Человеческое сообщество имеет тенденцию развиваться циклически. При данном состоянии природных ресурсов и данном состоянии искусств и ремесел сообщество обычно возрастает в размере и структуре до тех пор, пока не достигается точка соответствия популяции экономической основе. В аграрном сообществе

¹ Разумеется, если соответствующие интересы коммерциализируются, то рост такого сообщества начинает подчиняться тем же законам конкуренции, что и рост других типов сообществ, за исключением того, что изменение, скорее всего, будет более быстрым и причудливым.

ве при нынешних условиях производства и транспорта максимальная численность населения редко превышает 5000 человек¹. Уровень максимального развития можно назвать точкой кульминации, или высшей точкой, если воспользоваться термином растительных экологов². Сообщество имеет тенденцию оставаться в таком состоянии баланса между населением и ресурсами, пока не появится какой-нибудь новый элемент, нарушающий *status quo*, например введение новой системы коммуникации, нового типа промышленности или иной формы утилизации существующей экономической базы. Какой бы ни была инновация, выводящая сообщество из равновесия, есть тенденция к новому циклу приспособления. Она может проявлять себя и позитивно, и негативно. Она может служить сообществу *освобождением*, обеспечивая новый цикл роста и дифференциации, либо может оказывать стесняющее воздействие, делая необходимыми эмиграцию и переприспособление к более ограниченной базе.

В древних условиях жизни население удерживалось в соответствии с требованиями равновесия сообщества благодаря вариациям в смертности, или, как в случае греческих городов, избыточное население эмигрировало целыми группами и основывало новые колонии – ответвления материнского города. В современных условиях коммуникации и транспортного сообщения регулирование численности населения осуществляется непрерывающимся процессом индивидуальных миграций. В результате динамичных условий, преобладавших во всем цивилизованном мире на протяжении последних 50 лет, многие сообщества прошли через быстрые последовательные циклы роста или упадка, и определяющими факторами их были изменения в формах и маршрутах транспортного сообщения и коммуникации, а также рост новых отраслей промышленности.

«Некоторое преимущество в транспортировке – самая фундаментальная и важная из причин, определяющих местоположение распределяющего центра. Пожалуй, можно даже сказать, что это единственная причина образования таких центров. По какой-то причине или ряду причин добраться до какого-то места многим людям оказывается удобнее и дешевле, чем до любой точки в его окрестностях; и в результате они естественным образом обмениваются товарами здесь. Сельский магазин размещается на пересечении дорог. Здесь же находится дерев-

¹ См.: Douglass H.P. The little town. – N.Y.: Macmillan, 1927. – P. 44.

² Clements F.E. Plant succession: An analysis of the development of vegetation. – Wash.: Carnegie institution, 1916. – P. 3.

ня. В горной местности рыночный поселок находится на стыке двух или, лучше, трех долин. Другое предпочтительное его местоположение – конец горного перевала или ущелье между двумя долинами. Если реки трудно пересечь, поселения будут вырастать у наиболее безопасных переправ или мест, где реку можно перейти вброд. На равнине город будет находиться вблизи ее центра, а точка пересечения автомобильных и железных дорог на плодородной и густонаселенной равнине почти наверняка даст начало крупному городу»¹.

«Именно железная дорога и пароход определяют, где будет развиваться новый бизнес, а также часто государственная политика. Предоставление особых налоговых льгот и привилегий морским перевозкам стало в наши дни самым эффективным способом протекции.

Именно это убыстрение и удешевление транспортных перевозок дало в наши дни мощный толчок росту крупных городов. Оно позволяет им стягивать дешевые продукты питания с гораздо более широкой территории и побуждает бизнес размещаться там, где он имел бы более широкие деловые связи, а не там, где было бы легче всего производить готовые товары или сырье. Совершенствование средств коммуникации, почтовой службы и телеграфа усиливает тот же самый результат»².

«Весь чистый прирост населения в Иллинойсе, Висконсине, Айове и Миннесоте в 1870–80 гг. пришелся на большие и малые города, обладающие конкурентоспособными транспортными тарифами, в то время как в городах с неконкурентоспособными тарифами население сокращалось, и в Айове бытует общее мнение, что отсутствие крупных городов обусловлено прежней железнодорожной политикой, давшей Чикаго дискриминирующие тарифы»³.

Появление трамвая, а несколько позднее автомобиля внесло еще более дестабилизирующие элементы в рост человеческих сообществ. Следствием стало в первую очередь изменение жизни в маленьких городах и поселках, вызвавшее упадок одних и внезапный рост других. Внедрение этих двух форм транспорта, особенно автомобиля, стало самой могущественной силой в новейшей американской истории, приведшей к перераспределению всего нашего

¹ Smith J.R. *Industrial and commercial geography*. – N.Y.: H.H. Holt & co., 1913. – P. 841.

² Hadley A.T. *Economic results of improvement in means of transportation*; цит. по: Marshall L.C. *Business administration*. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 35.

³ Knowles L.C.A. *The industrial and commercial revolutions in Great Britain during the nineteenth century*. – L.: G. Routledge & sons, 1921. – P. 216.

населения и дезорганизации наших сельских и поселковых институтов, выросших на базе лошадно-повозочного типа мобильности¹.

Эволюция новых типов промышленности – еще одна черта, которая становится определяющим фактором в перераспределении населения страны. Заглядывая в наши переписи населения, мы каждое десятилетие видим появление одной или нескольких важных отраслей: сначала возникновение текстильной промышленности, вызвавшее отток населения в восточные штаты, затем развитие чугунной и сталелитейной промышленности, центр которой смещался все дальше и дальше на запад, а относительно недавно – появление автомобильной и нефтеперерабатывающей отраслей, приведшее к небывалой концентрации населения в некоторых штатах, а также рождение киноиндустрии с центром сосредоточения в южной Калифорнии. Появление новой отрасли имеет далеко идущие последствия, надолго дестабилизируя *status quo* жизни сообщества. Конкуренция быстро вынуждает новую отрасль сосредоточить производящие предприятия в одном или двух сообществах; эти сообщества служат далее великими магнитами, притягивающими к себе соответствующие элементы населения из дальних и ближних сообществ.

IV. Влияние экологических изменений на социальную организацию сообщества

Миграции населения, проистекающие из таких неожиданных давлений, какими являются результаты необычных форм высвобождения в росте сообщества, могут вызывать в развитии сообщества такую экспансию, которая решительно преодолевает естественный кульминационный предел его циклического развития, приводя к кризисной ситуации, неожиданному откату назад, дезорганизации или даже панике. Так называемые «boom towns» – это города, которые пережили стадные движения населения, вышедшие за естественный предел кульминации.

С другой стороны, сообщество, достигшее точки кульминации и не пережившее при этом никакой формы высвобождения, скорее всего, впадет в состояние стагнации. Его естественный избыток населения будет вынужден эмигрировать. Этот тип эмиграции часто приводит к истощению людских ресурсов в родитель-

¹ См.: Gillette J.M. Rural sociology. – N.Y.: Macmillan, 1922. – P. 472–473.

ском сообществе. Более молодые и предприимчивые элементы населения более чутко реагируют на отсутствие перспектив в своем родном городе. Это особенно верно для случаев, когда сообщество имеет единственную экономическую базу, например сельское хозяйство, лесозаготовку или добычу угля. Реформаторы тщетно пытаются уговорить молодых людей остаться на фермах или в родных поселках, почти не сознавая того, что они работают вразрез с общими принципами экологического порядка.

Когда сообщество начинает терять население вследствие ослабления экономической основы, следствием опять-таки становятся дезорганизация и социальная обеспокоенность¹. Конкуренция внутри сообщества обостряется, и более слабые элементы сообщества вынуждены либо переместиться на низший экономический уровень, либо вообще покинуть сообщество. Бывают, конечно, периодические и временные флуктуации в экономическом равновесии, обусловленные либо обстоятельствами, влияющими на весь экономический порядок, либо превратностями развития конкретной отрасли, от которой сообщество получает средства к существованию. Эти временные колебания, однако, при всей их важности с точки зрения общественного благосостояния, не содержат базисных детерминант развития сообщества.

Введение инновационного элемента в приспособительную регуляцию сообщества можно обозначить как начальную фазу вторжения, способного привести к полному изменению структуры и организации этого сообщества. Например, внедрение новой формы транспорта может трансформировать экономическую организацию сообщества и обусловить изменение в типе населения.

«Так, Гарлемская железнодорожная линия превратила Квакер-Хилл из самодостаточного сообщества с полным циклом выращивания, производства, изготовления, продажи и потребления в район специализированных фермерских хозяйств. Его рынком был Пукиспай, находившийся в 28 милях от него, за высокими горами и проселочными дорогами. Его метрополисом стал Нью-Йорк, находящийся от него в 62 милях по железной дороге и в 4–8 милях по автомобильной дороге.

С пришествием железной дороги обособленное гомогенное сообщество распалось. Сыновья квакеров эмигрировали. На их место пришли рабочие из

¹ Хороший статистический обзор падения сельского населения в Соединенных Штатах в период с 1900 по 1920 г. см. в: Gillette J.M. Rural sociology. – N.Y.: Macmillan, 1922. – P. 465.

Ирландии и других европейских стран и даже негры из Вирджинии. Жителями Холма стали ньюйоркцы, и это место стало самой дальней точкой пригородных железнодорожных путешествий»¹.

Утверждение новой отрасли, особенно если она замещает прежнюю экономическую базу, может обеспечить более или менее полное изменение населения и без серьезной модификации размера сообщества. Это положение дел иллюстрируют многие маленькие городки штата Вашингтон, переключившиеся с лесозаготовок на сельское хозяйство или с одного типа сельского хозяйства на другой. Во многих случаях после вторжения новой экономической базы в этих городах осталось мало прежних обитателей.

Однако по мере того как сообщество растет в размере, оно становится более способным приравниваться к таким вторжениям и внезапным переменам в числе жителей. Город стремится стать резервуаром, в который откачиваются излишки населения из окружающих его меньших сообществ.

V. Экологические процессы, определяющие внутреннюю структуру сообщества

В процессе роста сообщества развитие происходит от простого к сложному, от общего к специализированному – сначала к возрастающей централизации, а затем к процессу децентрализации. В маленьком городе или поселке первичные универсальные потребности удовлетворяются немногими магазинами широкого профиля и немногими простыми институтами, такими как церковь, школа и дом. По мере роста сообщества в размере происходит специализация как в типах предоставляемых услуг, так и в расположении мест их предоставления. Последовательность развития может быть примерно следующей: вначале бакалейная лавка, где иногда продаются лишь немногие основные сухие продукты, далее ресторан, бильярдная, парикмахерская, аптечный магазин, бакалейный магазин, затем банк, галантерейный магазин, салон мод и другие специализированные направления обслуживания².

¹ Wilson W.H. Quaker Hill; цит. по: The rural community / Ed. by N.L. Sims. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1920. – P. 214.

² Примерно такая последовательность развития была выявлена в ходе действительного обследования тридцати с лишним сообществ в Ситэле и его окрестностях.

Осевая, или каркасная, структура сообщества определяется пролеганием первых маршрутов пеших и транспортных перемещений¹. Дома и магазины строятся рядом с дорогой, обычно вдоль нее. Дорогой может быть тропа, шоссе, железная дорога, река или океанская гавань, но в любом случае сообщество обычно берет начало в параллельной связи с первой основной дорогой. С накоплением населения и развитием коммунального обслуживания сообщество обретает форму – сначала по одну сторону дороги, а затем по обеим ее сторонам. Точка соединения или пересечения двух главных дорог, как правило, служит исходным центром сообщества.

В то время как сообщество растет, не просто умножается число домов и дорог, но также происходит процесс дифференциации и сегрегации. Места проживания и институты распространяются центробежным образом вширь из центральной точки сообщества, а бизнес тем временем сосредоточивается все больше вокруг того места, где выше всего цены на землю. Каждый цикл роста населения сопровождается большей дифференциацией как услуг, так и мест их расположения. Между муниципальными службами ведется борьба за наиболее выгодное местоположение. Это вызывает повышение цен на землю и увеличение высоты зданий в географическом центре сообщества. По мере того как конкуренция за выгодные места обостряется с ростом численности населения, первые и экономически более слабые типы общественных служб вытесняются в менее доступные и более дешевые ареалы. К тому времени, когда население сообщества достигает численности от 10 до 12 тыс. человек, складывается довольно четко дифференцированная структура. Центральная часть – ясно очерченный деловой район с банками, аптечными магазинами, универмагами и отелями, занимающими места с самыми высокими ценами на землю. Заводы и фабрики обычно составляют независимые образования внутри города, сгруппированные вокруг железнодорожных и водных путей. Жилые кварталы, сформировавшись, разделяются на два или более типа, в зависимости от экономического и расового состава населения.

¹ Осевой, или каркасной, структурой цивилизации – Средиземноморской, Атлантической, Тихоокеанской – является океан, по берегам которого она вырастает. См.: Traquair R. The Commonwealth of the Atlantic // *Atlantic monthly*. – Boston (MA), 1924. – May. – P. 602–608.

Структурный рост сообщества происходит в некоторой сукцессионной последовательности, мало отличающейся от последовательности стадий в развитии растительной формации. Те или иные специализированные формы услуг и обычаев не появляются в человеческом сообществе до тех пор, пока не достигается определенная стадия развития, в точности подобно тому, как буковым или сосновым лесам предшествует сукцессионное доминирование других растительных видов. И точно так же, как в растительных сообществах сукцессии являются продуктом вторжения, так и в человеческом сообществе возникающие образования, сегрегации и ассоциации составляют результат серии вторжений¹.

Существует много видов вторжений внутри самого сообщества, но в целом их можно сгруппировать в два основных класса: те, которые приводят к изменению в землепользовании, и те, которые вызывают просто изменение в типе обитателя. Под первым подразумевается переход от одного общего типа пользования землей к другому, например превращение жилого ареала в деловой или делового района в промышленный. Второй класс охватывает все изменения типа, происходящие внутри конкретного используемого ареала, например изменения, постоянно происходящие в расовом и экономическом составе жилых соседств, или изменения типа услуг в пределах делового сектора. Вторжения производят последовательные стадии, имеющие разное качественное значение; иначе говоря, экономический характер района может в результате определенных типов вторжения возвышаться или падать. Этот качественный аспект отражается в колебаниях цен на землю или величины арендной платы.

Условий, инициирующих вторжение, великое множество. Вот некоторые самые важные: 1) изменения в формах и маршрутах транспортных перевозок²; 2) устаревание зданий, проистекающее из их физического износа или изменений в обычаях или веяниях; 3) возведение важных общественных или частных строений, зданий, мостов, учреждений, имеющих притягательную или отталкивающую значимость; 4) внедрение новых типов промышленности

¹ Cp.: Clements F.E. Plant succession: An analysis of the development of vegetation. – Wash.: Carnegie institution, 1916. – P. 6.

² Толковое обсуждение воздействия новых форм транспорта на структуру сообщества см. в: McMichael S.L., Bingham R.F. City growth and values. – Cleveland (OH): Stanley McMichael publishing organization, 1923. – Ch. 4; Grupp G.W. Economics of motor transportation. – N.Y.: D. Appleton, 1924. – Ch. 2.

или даже изменение в организации уже существующих типов; 5) изменения в экономической базе, обуславливающие перераспределение дохода и тем самым делающие необходимым изменение места жительства; 6) строительный бум, рождающий внезапные притязания на особые местоположения, и т.д.

Вторжения можно классифицировать соответственно стадии развития на а) начальную стадию, б) вторичную стадию, или стадию развития, и в) стадию кульминации. Начальная стадия вторжения включает в себе момент вхождения, реакцию сопротивления или потакания, с которой встречаются вторгшийся фактор прежние обитатели ареала, и воздействие этого на цену на землю и на величину арендной платы. Вторжение, разумеется, может происходить на незанятую территорию или на территорию, в разной степени занятую. Сопротивление вторжению зависит от типа вторгшегося фактора, а также от степени солидарности нынешних обитателей. Нежеланный посягатель, будь то в форме популяционного типа или нового обычая, обычно совершает вхождение (т.е. вступает в ареал, уже полностью занятый) в момент наивысшей мобильности. Давно замечено, что иноземные расы и другие нежеланные посягатели, за очень редкими исключениями, селятся вблизи делового центра сообщества или в других районах высокой мобильности и низкого сопротивления. Однажды закрепившись, они постепенно прокладывают путь вдоль главных деловых и транспортных магистралей города по направлению к периферии сообщества.

Начало вторжения обычно отражается в изменении цен на землю. Если вторгающимся фактором является изменение в землепользовании, то цены на землю обычно растут, а стоимость зданий падает. Это создает основу для дезорганизации. Обычные улучшения и ремонты зданий, как правило, прекращаются, и экономическая необходимость вынуждает владельца сдавать собственность в аренду паразитическим и сиюминутным сервисам, которые могут быть сильны экономически, но иметь дурную социальную репутацию, а потому способны и обязаны платить за аренду больше, чем могут себе позволить законные общественные службы. Всем известно, что пороки, процветающие под оком полиции, обычно сосредоточены в таких переходных ареалах¹.

¹ Согласно подсчетам, в Сिएтле более 80% домов терпимости, зарегистрированных в полицейской документации, представляют собой обветшавшие здания, расположенные неподалеку от центрального делового сектора, где установились высокие цены на землю и происходит становление новых видов землепользования.

В ходе развития вторжения обычая или типа в новый ареал происходит процесс вытеснения и отбора, определяемый характером вторгшегося фактора и подвергшегося вторжению ареала. Ранние стадии обычно отмечены обострением конкуренции, которое нередко находит выражение в открытых столкновениях. В этих ареалах деловые неудачи обычное дело и правила конкуренции попораны. По мере продолжения процесса конкуренция создает ассоциационные группировки. Услуги, от которых исходят схожие или взаимодополняющие притязания на территорию, обычно группируются в тесной близости друг к другу, порождая подобразования с определенными сервисными функциями. Такие ассоциации, как кварталы развлечений, районы розничной торговли, рыночные районы, финансовые сектора и зоны автомобильного движения, являются примерами этой тенденции.

Высшая стадия в процессе вторжения достигается, когда возникает доминирующий тип экологической организации, способный противостоять проникновению других форм вторжения. Например, в развитии жилого района, когда его не контролируют заранее ограничения на строительство, первые стадии роста обычно характеризуются значительными вариациями в типе и стоимости возводимых зданий. Но в процессе развития какой-нибудь единый по стоимости тип строения начинает доминировать, постепенно вытесняя все другие, слишком отклоняющиеся от нормы, в результате чего во всех устоявшихся жилых районах обычно обнаруживается значительная степень экономической однородности. Этот же процесс действует в ареалах, посвященных деловому использованию: конкуренция обособляет услуги, имеющие одинаковую экономическую силу, в ареалах с соответствующими ценами на землю и в то же время тесно сближает те особые формы услуг, которые извлекают выгоду из взаимной ассоциации, например финансовые учреждения или автосалоны. Как только в ареале установится доминантный тип использования, конкуренция между соединившимися в нем единицами становится менее безжалостной, появляются контролирующие правила, и вторжение иного типа его использования на какое-то время преграждается.

Общий эффект непрерывных процессов вторжений и аккомодаций состоит в том, что развитое сообщество получает четко очерченные ареалы, каждый из которых имеет свои особенности отбора и особые культурные характеристики. Такие единицы общинной жизни можно, воспользовавшись термином из раститель-

ной экологии, назвать «естественными ареалами»¹, или образованиями. В любом случае эти ареалы отбора и функции могут заключать в себе множество подчиненных образований, или ассоциаций, которые становятся частью органической структуры района или сообщества в целом. Было предположено, что эти естественные ареалы, или образования, можно определить через цены на землю²: место наивысшей цены на землю будет представлять центр, или ядро образования (это не обязательно должен быть географический центр, но может быть экономический или культурный), а точки низших цен на землю – периферию этого образования, или границу между двумя смежными образованиями.

Каждое образование, или экологическая организация, внутри сообщества служит фильтром или магнитом, притягивающим подходящие элементы населения и отталкивающим не соответствующие ему единицы, создавая тем самым биологические и культурные подразделения городского населения. Каждый знает, как во всех наших крупных городах складываются расовые и языковые колонии, но возрастные и половые сегрегации, которые также имеют место, не столь очевидны для общего восприятия. В Сиэтле, в чьем общем половом составе на 100 женщин приходится 113 мужчин, в центральном административно-деловом районе, заключающем в себе ареал радиусом около полумили, на каждые 100 женщин приходится от 300 до 500 мужчин. В то же время в районах города, лежащих вне делового центра, за исключением одного-двух промышленных секторов, эти пропорции прямо противоположны. Женщины численно преобладают над мужчинами во всех жилых микрорайонах и в пригородной зоне. То же самое и с возрастным распределением населения. Школьная отчетность показывает абсолютное падение числа детей школьного возраста в центральных районах города, хотя общая численность населения этого ареала с каждым десятилетием растет. Отсюда очевидно, что супружеские пары с детьми – популяционный тип постоянных жителей – покидают центр города, тогда как более мобильные и менее ответственные взрослые скапливаются в районах гостиниц и домов с гостиничным обслуживанием неподалеку от сердца сообщества.

Этот процесс просеивания населения производит не только растущую мобильность с периферии в центр естественного обра-

¹ Термин, используемый сотрудниками факультета социологии Чикагского университета.

² Эта идея также была предложена Чикагской группой.

зования, но и разные культурные ареалы, представляющие разные нравы, установки и степени гражданской ответственности. Микро-районы-соседства, в которых селится популяционный тип постоянных жителей и численно преобладают женщины и дети, служат хранителями стабилизирующих и репрессивных нравов. В Сиэтле именно в таких соседствах, особенно в возвышенной части города, проживают консервативные, законопослушные и граждански мыслящие элементы населения. Административно-деловой район и районы, лежащие в низинах, где в основном сосредоточена промышленность, населены классом людей, которые не только более мобильны, но и придерживаются более подвижных и радикальных нравов и установок, о чем свидетельствует их электоральное поведение.

Роберт Эзра Парк, Уильям Айзек Томас

УЧАСТИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

Трехлетнее сотрудничество У.А. Томаса и Р.Э. Парка (пришедшего на факультет социологии Чикагского университета именно по приглашению Томаса) – важная страница в становлении Чикагской школы. Сблизившись на основе общего интереса к «расовым отношениям», эти два социолога приняли участие в крупном исследовании американизации, проведенном в 1917–1919 гг. под руководством А.Т. Бёрнса для Корпорации Карнеги. Текст, публикуемый ниже, входил в документацию этого исследования. В нем мы можем найти ряд рамочных идей, значимых не только для исследования процессов ассимиляции иммигрантских групп, но и для общесоциологического подхода, характерного для чикагской традиции.

*Перевод сделан по источнику: Park R.E., Thomas W.I. *Participation and social assimilation* // *Source book for social psychology* / Ed. by K. Young. – N.Y.: A.A. Knopf, 1927. – P. 47–53. Впервые опубликован в журнале: *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии.* – М., 2011. – № 3. – С. 145–152. Воспроизводится с незначительными редакторскими изменениями.*

Исследование американизации предполагало, что основополагающим условием того, что мы называем «американизацией», является участие иммигранта в жизни сообщества, в котором он живет. Момент, который мы здесь подчеркиваем, состоит в том, что патриотизм, лояльность и здравый смысл не создаются и не передаются чисто интеллектуальными процессами. Иммигранты должны жить, трудиться и бороться сообща, чтобы создать ту

общность интересов и чувств, которая позволит им встречать кризисы в их общей жизни общей волей.

Очевидно, однако, что употребляемое здесь слово «участие» имеет широкий смысл, и для рабочих целей важно придать этому термину более определенное и конкретное значение.

1. Язык

Очевидно, что любая организованная социальная деятельность и любое участие в этой деятельности предполагают «коммуникацию». В отличие от общества животных, в человеческом обществе общая жизнь базируется на общей речи. Разделение общей речи не гарантирует участия в жизни сообщества, но является инструментом участия, и приобретение его членами иммигрантской группы правомерно считается признаком и приблизительным показателем американизации.

Одно из обычных переживаний в социальном взаимодействии, однако, состоит в том, что слова и вещи имеют не одни и те же значения для разных людей, в разных частях страны, в разные периоды времени и, вообще, в разных контекстах. Одна и та же «вещь» имеет разные значения для человека наивного и человека умудренного, для ребенка и для философа; новый опыт черпает свою значимость из характера и организации предшествующих опытов. Для крестьянина комета, эпидемия чумы, эпилептик могут означать Божье знамение, Божью кару, одержимость дьяволом; для ученого человека они означают нечто совершенно другое. Слово «рабство» имеет очень разные коннотации в античном мире и сегодня. Сегодня оно обладает очень разной значимостью в южных штатах и в северных штатах. «Социализм» имеет очень разную значимость для иммигранта из российского круга оседлости, живущего в нью-йоркском «Вест-Сайде», для гражданина с Риверсайд-драйв и для коренного американца, живущего в горах Джорджии.

Психологи объясняют эту разницу коннотаций одного и того же слова у людей, пользующихся одним языком, разницей «апперцептивной массы» у разных индивидов и разных групп индивидов. В их фразеологии масса апперцепции представляет собой совокупность воспоминаний и смыслов, отложившихся в сознании индивида из всей совокупности его переживаний. Это совокупность материала, с которым каждая новая данность опыта входит в контакт, с которым она связывается и в соединении с которым она обретает свой смысл.

Когда люди интерпретируют данные на разных основаниях, когда апперцептивная масса у них радикально разная, мы говорим в обыденной речи, что они живут в разных мирах. Логик выражает эту же мысль, говоря, что они занимают разные «универсумы дискурса» – т.е. не могут говорить в одинаковых терминах. Церковник, художник, мистик, ученый, филистер и богемный тип представляют более или менее разные универсумы дискурса. Даже социальные работники занимают универсумы дискурса, не являющиеся для них взаимно понятными.

Так же и разные расы и национальности как целостности представляют разные апперцептивные массы и, стало быть, разные универсумы дискурса, оставаясь друг для друга взаимно непонятными. Даже наши далекие предки труднопонятны для нас, хотя всегда более понятны в силу преемственности нашей традиции, чем иммигрант из Восточной Европы. Тем не менее понять «Элси Динсмор» или «Вестминстерское вероисповедание» нам почти так же трудно, как Коран или Талмуд.

2. Воспитание и образование

Следовательно, ясно, что при огромном расширении и колоссальной сложности современной жизни, в которой входят в тесный контакт народы разных рас и культур, расхождения в смыслах и ценностях, которые люди придают объектам и формам поведения, глубже всего выражены в языковых различиях.

Действительно, общее участие в общих деятельности подразумевает общее «определение ситуации». По сути каждый единичный акт и, в конце концов, вся моральная жизнь зависят от определения ситуации. Определение ситуации предшествует любому возможному действию и ограничивает его, а переопределение ситуации изменяет характер действия. Например, жестокий человек провоцирует гнев и, возможно, насилие, но если мы осознаем, что этот человек сумасшедший, то это переопределение ситуации увенчивается совершенно другим поведением.

Каждая социальная группа развивает систематические и не-систематические средства определения ситуации для своих членов. Среди этих средств – материнские «нельзя», общинные сплетни, обидные эпитеты («лжец», «предатель», «мерзавец»), насмешки, пожимание плечами, газета, театр, школа, библиотеки, право и Евангелие. Воспитание в самом широком смысле – интел-

лектуальное, нравственное, эстетическое – есть процесс определения ситуации. Это процесс, посредством которого определения старшего поколения передаются младшему поколению. В случае иммигранта это процесс, посредством которого определения одной культурной группы передаются другой культурной группе.

Различия смыслов и ценностей, о которых выше говорилось в терминах апперцептивной массы, вырастают из того факта, что разные индивиды и разные народы определили ситуацию разными способами. Когда мы говорим о разных «наследиях» или «традициях», которые носят с собой наши разные иммигрантские группы, это означает, что они в силу разных исторических обстоятельств по-разному определили ситуацию. Некоторые выдающиеся личности, школы мысли, корпусы доктрин, исторические события особым образом внесли вклад в определение ситуации и детерминацию установок и ценностей наших многообразных иммигрантских групп в их родных странах. Например, для сицилийца супружеская неверность означает кинжал, а для американца – бракоразводный судебный процесс. И даже когда иммигрант думает, что он нас понимает, он, тем не менее, не понимает нас полностью. В лучшем случае он интерпретирует наши культурные традиции в терминах собственной. Это хорошо иллюстрируется письмом, которое один итальянец (находившийся в то время в тюрьме Синг-Синг) направил 2 мая 1907 г. президенту Рузвельту. В нем он предлагал сделать его президентом «Чёрной руки», если его борьба за президентский пост в Вашингтоне закончится неудачей. Коренной американец оценивает «мужественность» и «большую дубинку» полковника Рузвельта в их целостном контексте, сицилиец же идентифицировал их с собственной «омертой».

В действительности ситуация по ходу переопределяется последствиями действий, спровоцированных прежними определениями, и тюремный опыт должен был дать данные для переопределения ситуации, хотя в случае этого итальянца он явно сработал неидеально.

Несомненно, важно, что люди, образующие сообщество и участвующие в общей жизни, должны иметь достаточный корпус общих воспоминаний, чтобы понимать друг друга. Это особенно верно для демократии, где есть стремление к тому, чтобы общественные институты были восприимчивыми к общественному мнению. Общественного мнения не может быть нигде, кроме как там, где люди, образующие общественность, способны жить в одном и том же мире и говорить и мыслить в одном и том же универсуме

дискурса. По этой причине представляется желательным, чтобы иммигранты не только говорили на языке принявшей их страны, но и знали кое-что об истории тех людей, среди которых они решили поселиться. И по этой же причине важно, чтобы урожденные американцы знали историю и социальную жизнь стран, из которых прибыли иммигранты.

Важно также, чтобы каждый индивид как можно полнее участвовал в фонде знания, опыта, чувств и идеалов, общих для всего сообщества, и сам вносил вклад в этот фонд. Именно поэтому мы поддерживаем и стремимся поддерживать свободу слова и бесплатные школы. Функция литературы, в том числе поэзии, романистики и газеты, состоит в том, чтобы позволить всем сочувственно и с воображением участвовать во внутренней жизни друг друга. Функция науки же состоит в том, чтобы собирать, классифицировать, переваривать и сохранять в форме, в которой они могли бы быть доступными сообществу в целом, идеи, изобретения и технический опыт образующих его индивидов. Таким образом, условием американизации становится не просто овладение общим языком, но и расширение возможностей для образования.

Проблема иммиграции уникальна в том смысле, что иммигранты носят расходящиеся определения ситуации, и это затрудняет их участие в наших деятельности. Вместе с тем эта проблема относится к тому же общему типу, что и явленная в случае «синдикализма», «большевизма», «социализма» и т.д., где определение ситуации не согласуется с традиционным. Современное «социальное беспокойство», как и иммигрантская проблема, есть признак недостаточного участия, и это верно настолько, что некоторые элементы считают единственным доступным средством участия насилие.

В общем, период беспокойства представляет собой стадию, на которой готовится новое определение ситуации. Эмоция и беспокойство сопряжены с ситуациями, где есть потеря контроля. Контроль обеспечивается на основе привычек, а привычки выстраиваются на основе определения ситуации. Привычка представляет ситуацию, в которой такое определение работает. Потеря контроля означает, что привычки больше не адекватны, что ситуация изменилась и требует переопределения. Именно в этот момент и возникает беспокойство – состояние эмоционального подъема, случайные движения, нерегулируемое поведение, – и это продолжается до тех пор, пока ситуация не будет переопределена. Беспокойство связано с условиями, в которых индивид или общество

чувствуют неспособность действовать. Оно таит в себе энергию, и задача состоит в том, чтобы использовать ее конструктивно.

Прежние общества обычно обращались с беспокойством, определяя ситуацию в терминах подавления или откладывания желаний; они старались сделать желанием сам отказ от желания. Здесь репрезентативны «смирение», «согласие с волей Божьей», финальное «спасение» в лучшем мире. Отцы-основатели Америки определяли ситуацию в терминах участия, но последнее приняло в действительности слишком узкую форму «политического участия». Сегодня ситуацию склонны определять в терминах «социального участия», включая требование совершенствования социальных условий до той степени, которая позволила бы участвовать всем.

3. Индивидуальная свобода

Но хотя и важно, чтобы люди, являющиеся членами одного и того же сообщества, имели корпус общих воспоминаний и общую апперцептивную массу, дабы мочь осмысленно говорить друг с другом, невозможно, да и не нужно, чтобы каждый индивид и каждая группа имели идентичный корпус переживаний и чтобы все имело одинаковый смысл для каждого. Идеально однородное сознание означало бы склонность определять ситуацию ригидно, свяшенно, раз и навсегда. Что-то вроде этого было в славянских сельских сообществах и у всех диких народов; таким же был идеал средневековой церкви; но это предполагает низкий уровень эффективности и медленные темпы прогресса.

Человечество отграничивается от животного мира, в сущности, тем, что состоит из лиц разных типов, с разными вкусами и интересами, с разными занятиями и функциями. Цивилизация является продуктом ассоциации сильно разнящихся индивидов, и с прогрессом цивилизации расхождения в индивидуальных человеческих типах постоянно умножались и должны так же умножаться и дальше. Наш прогресс в искусствах и науках и в сотворении ценностей вообще зависел от специалистов, чьей отличительной ценностью было именно их отличие от других индивидов. Ясно даже, что мы оказались способными продуктивно использовать индивидов, которые в дикарском или крестьянском обществе были бы классифицированы как сумасшедшие – и которые, возможно, и впрямь были сумасшедшими.

Способность продуктивно участвовать предполагает, таким образом, разнообразие установок и ценностей у участников, однако разнообразие не настолько большое, чтобы уронить нравственность сообщества и помешать эффективному сотрудничеству. Важно иметь готовые определения для всех непосредственных ситуаций; вместе с тем прогресс зависит от постоянного переопределения ситуации, и идеальным условием для него является наличие индивидов с расходящимися определениями, которые – отчасти осознанно, отчасти неосознанно – вносят своей индивидуальностью и своими трудами вклад в выполнение общей задачи и достижение общей цели. Только таким путем обретает существование осмысленный мир, в котором каждый может участвовать сообразно своему интеллекту. Ведь слова обретают свой смысл, а ситуации становятся определенными только через их последствия. Именно благодаря конфликту и кооперации, или, если воспользоваться ходовым выражением экономистов, «состязательной кооперации», всюду существует отличительно человеческий тип общества. Приватность и публичность, «общество» и одиночество, общественные цели и частные предприятия – всё это всюду находимые отличительные факторы человеческого общества. Они особенно характерны для исторической американской демократии.

В связи со всем этим оказывается, что групповое сознание и индивид как таковой формируются коммуникацией и участием, а сами коммуникация и участие зависят в своей значимости от общих интересов.

Было бы, однако, ошибкой полагать, что участие всегда подразумевает тесно сплоченный персонал, или связь лицом-к-лицу. Специалисты заметно и продуктивно участвуют в нашей общей жизни, но делают они это явно не на основе личной ассоциации со своими ближними. Дарвину в развитии нового определения ситуации помогли Лайель, Оуэн и другие его современники, но эти люди не были ему ближними. Когда Майер разрабатывал свою теорию превращения энергии, его соседи по деревне Хейльбронн были настолько далеки от участия, что дважды помещали его в лечебницы для умалишенных. Почтовая марка может быть более эффективным инструментом участия, чем деревенское собрание.

Определение ситуации в соотношении с участием иммигранта – это, конечно, не решение проблемы иммиграции. Для этого требуется анализ всей значимости качественного и количественного состава населения в связке с любыми данными ценностями – жизненными стандартами, индивидуальным уровнем эффективно-

сти, свободой и детерминизмом и т.д. Например, у нас в Америке есть некоторый уровень культуры, зависящий, скажем, по крайней мере от увековечивания нашей системы публичных школ. Но если бы в силу какой-то причуды природы рождаемость у нас возросла в сто раз или в силу какого-то катаклизма сто миллионов африканских черных стали ежегодно высаживаться на нашем восточном побережье, а столько же китайских кули – на западном, то у нас не стало бы ни достаточного количества учителей, ни достаточного числа зданий, ни достаточных материальных ресурсов для того, чтобы внедрить в часть населения хотя бы чтение, письмо и арифметику, и перспективы демократического участия стали бы совсем мрачными. С другой стороны, можно представить, что некоторые иммигрантские популяции с их особыми темпераментами, способностями и социальными наследиями стали бы вносить позитивный и все возрастающий вклад в наш запас цивилизации. Несомненно, если иммигрант допускается на каких-то основаниях, неважно каких, то одним из условий его американизации является то, что он должен иметь самые широкие и свободные возможности для внесения своего особого вклада в тот общий фонд знания, идей и идеалов, который образует культуру нашей общей страны. Только таким путем иммигрант может участвовать, в самом полном смысле этого слова.

Элсуорт Фэрис

ПЕРВИЧНАЯ ГРУППА: СУЩЕСТВЕННОЕ И СЛУЧАЙНОЕ

Понятие первичной группы, введенное в оборот Ч.Х. Кули, занимает важное место в описаниях, интерпретациях и объяснениях представителей Чикагской школы. В статье Э. Фэриса, которого можно с полным правом причислить к основоположникам символического интеракционизма (почти тождественного социальной психологии в ее чикагской версии), содержится критический разбор этого понятия и прояснение его содержания. Интерес чикагских социологов к первично-групповым связям и их эрозии в условиях большого современного города приобретает дополнительную объемность под углом зрения, который Фэрис предлагает в этой статье.

Перевод сделан по источнику: Faris E. The primary group: Essence and accident // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1932. – Vol. 38, N 1. – P. 41–50. Перевод был впервые опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2010. – № 3. – С. 146–157. Здесь он воспроизводится без изменений.

Понятие первичной группы, хотя, возможно, было и не самым важным вкладом Ч.Х. Кули, может стать тем вкладом, благодаря которому его будут дольше всего помнить. Другие говорили о «мы-группе» или о «внутренней группе» (in-group), но выражение «первичная группа» – более удачное. Кули утверждал, что в таких группах можно обнаружить подлинные источники человеческой природы. Это понятие было введено своевременно и было

одобрено единственным действенным авторитетом – авторитетом широкого цитирования и подхваченного употребления. Хорошо известный фрагмент из книги Кули гласит:

«Под первичными группами я понимаю группы, характеризующиеся тесной ассоциацией лицом-к-лицу и кооперацией. Они первичны в нескольких смыслах, но главным образом в том, что служат основой для формирования социальной природы и идеалов индивида. В психологическом плане результатом тесной ассоциации является некоторое сплавление индивидуальностей в общем целом, так что общая жизнь и задача группы становятся, по крайней мере во многих отношениях, подлинным Я индивида. Наверное, проще всего описать эту целостность, сказав, что это “мы”; она предполагает некоторого рода симпатию и взаимную идентификацию, для которой “мы” является естественным выражением. Человек живет ощущением целого и находит главные цели своей воли в этом чувстве»¹.

В этом утверждении обнаруживаются в явном или неявном виде три свойства первичной группы: связь лицом-к-лицу, временное предшествование в опыте и чувство целого, выраженное в «мы». Важность первичной группы, как он далее показывает, состоит в том, что в ней возникает человеческая природа и что в ней – и это может быть продемонстрировано – рождаются человеческие добродетели симпатии, доброты, справедливости и честности.

Использование этой концепции вызвало некоторые затруднения. Не было создано терминологии для групп, не являющихся первичными; многие авторы стали говорить о «вторичных группах», а некоторые даже вкладывать эти слова в уста самого Кули, хотя он никогда не употреблял этот термин². Возникла склонность рассматривать вторичные группы как группы, которые опираются в коммуникации на косвенные источники, такие как газеты.

Более серьезный вопрос касается точной денотации понятия. Внимание фиксировалось на критерии связи лицом-к-лицу; при этом игнорировались другие отличительные признаки, и многие ныне используют этот термин как относимый только к людям, физически присутствующим в групповой связи. Критерий временного предшествования предполагался неявно и ограничивал первичные группы детьми, поскольку у взрослых связь с их первыми группами давно утрачена. Психологический критерий мало акцен-

¹ Cooley C.H. Social organization. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1909. – P. 23.

² Даже фон Визе и Беккер делают это. См.: Von Wiese L., Becker H. Systematic sociology. – N.Y.: J. Wiley & sons, 1932. – P. 225.

тировался. Было бы полезно тщательно разобраться в том, какие именно качества четко и определенно отличают эти группы от других групп.

Схоласты проводили различие между сущностью и акциденцией. Акциденция может определять конкретный обозначаемый объект; при этом сущность его никуда не исчезает, когда акциденция отсутствует. Ваш стол может быть квадратным и сделанным из дуба, но квадратность и сделанность из дуба несущественны для его бытия столом и, следовательно, называются акциденциями. Будучи круглым или овальным, сделанным из клена или из стали, он все равно был бы столом. Существенные свойства стола могут быть установлены в тщательном определении, содержащем *genus* и *differentia*; из смешения случайного и существенного возникают одни ошибки.

Насколько существенно для определения первичной группы свойство лицом-к-лицу? Все ли группы лицом-к-лицу первичные? Могут ли какие-то группы быть первичными, если объединяющие их связи не являются связями лицом-к-лицу? Или связь лицом-к-лицу акциденция? Схожие вопросы возникают и в отношении временного предшествования, подразумеваемого в данном термине, хотя в этом случае особых затруднений не было.

Некоторые группы можно описать как находящиеся в крайней точке ряда, и относительно них не возникает сомнений. В американском уголовном суде судья, присяжные, подсудимый и адвокат находятся в непосредственной близости лицом-к-лицу, но в этом случае нет никаких существенных свойств первичной группы, выделяемых в приведенной цитате и в других местах, где Кули использует это понятие. Ведь суд контролируется и управляется извне правилами, созданными отсутствующими древними авторитетами. Действия сущностно институциональны по своему характеру. Здесь можно указать также на законодательный орган, хотя бы и небольшой, или совет директоров с формальными процедурами. Первичная группа может быть так же мала, как и эти две, но присутствие незваного торговца бондами в вашем офисе вовсе не означает, что вы образуете с ним первичную группу. Так же и нерадивый студент, вызванный в кабинет декана, не образует с ним такой группы. Не умножая число примеров, можно, следовательно, принять, что не все группы лицом-к-лицу являются по сути своей первичными группами.

Но не обладают ли свойствами первичной группы какие-то группы, не являющиеся группами лицом-к-лицу? Есть основания

думать, что такие есть. Родственная группа, рассеянная в пространстве и коммуницирующая только посредством писем, может характеризоваться общим чувством единства, демонстрировать «некоторое сплавление индивидуальностей в общем целом» и точно классифицироваться как первичная группа. Одна студентка описала свой опыт, когда она «влюбилась» в одну писательницу, писала ей длинные письма и долгие годы находилась под глубоким ее влиянием, хотя на момент, когда давалось это описание, они ни разу друг друга не видели. Разве это не было первичной группой? Исторические примеры дружбы, такие как дружба Эмерсона и Карлейля, держались не на физическом присутствии и не в нем имели корни. Товарищи по борьбе, если их объединяет *esprit de corps*, часто образуют первичные группы независимо от пространственного разделения. Похоже, это настоящие первичные группы.

Проблема, стало быть, в том, является ли понятие первичной группы пространственным понятием или нужно искать какие-то другие критерии. Изучение этого вопроса приведет нас к более фундаментальному вопросу: о валидности самого понятия группы. Является ли «группа» просто агрегацией индивидов и, следовательно, просто названием или обозначает конкретные социологические вещи, которые могут быть определены, классифицированы и изучены?

Разногласия по этому вопросу старые и известные, и никакой попытки решения этой проблемы здесь не предпринимается. Каждый, кто, возможно, хотел бы извлечь пользу из этого обсуждения, может ясно сформулировать свою точку зрения и должен далее ее придерживаться. Некоторыми авторами слово «группа» используется просто для указания на агрегат образующих ее индивидов. Такое словоупотребление характерно для статистики. Так, можно сгруппировать разведенных людей в классы по возрастам, вывести средние и рассчитать связи с другими аспектами. Такая группа – просто совокупность единиц, а средние – это абстрактные символы, обозначающие обобщенный характер этих единиц. В свою очередь социологическая группа предполагает консенсус, слаженность, коммуникацию. Статистическая группа существует для статистика; социологическая группа существует для ее членов. В первом случае индивиды образуют группу; во втором – группа создает своих членов. Яростное выступление против понятия группы, которое развернули Олпорт и другие, видимо, пренебре-

гает этим различием. Читатель сам без труда найдет обсуждение этих противоборствующих взглядов¹.

Далее я бы хотел поднять вопрос о том, насколько социологическая группа может быть определена в строго объективных терминах. В какой степени группу можно назвать объективной, и в какой степени должны быть приняты как существенные субъективные установки и образы? Является ли социологическая группа опытом или организацией опытов? Первичная группа и в самом деле может быть описана сторонним наблюдателем после наблюдения движений и звуков; но, может быть, он только интерпретирует симптомы, оставляя незамеченной саму сущность групповой жизни, или же ложно интерпретирует то, что он увидел и услышал. Строго бихевиористские отчеты о групповой жизни не могут принять во внимание то, что чувствуют члены группы и что они думают.

Слова Кули о «некоторого рода симпатии и взаимной идентификации, для которой “мы” является естественным выражением»² наводят на мысль, что он не собирался делать связь лицом-к-лицу сущностью и *sine qua non* первичной группы. Если первичная группа характеризуется «чувством мы» (we-feeling), то мы должны смотреть на субъективные критерии и не можем ограничиться простым наблюдением со стороны. Нужно обращаться к опыту, а не ограничиваться поведением.

У бихевиоризма много приверженцев. Не все принимают крайние его формы. Есть левые бихевиористы, правые бихевиористы и те, кто занимает центр. Однако все формы бихевиоризма можно точно охарактеризовать как мотивированные желанием объективности. Есть склонность приуменьшать и иногда отрицать важность внутренних субъективных аспектов опыта. Левые бихевиористы отрицают само существование сознания, и даже правые члены этой школы пытаются словесно выражать свои факты в терминах движений, поддающихся наблюдению. Только так, по их мнению, мы можем получить объективную науку.

Кули видел вещи иначе. Поскольку движения наших мышц, когда мы сияем от гордости или тоскуем по друзьям, не представляют установленного паттерна, он настаивал на важности вообра-

¹ См.: Allport F.H. «Group» and «institution» as concepts in a natural science of social phenomena // Personality and the social group / Ed. by E.W. Burgess. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929. – P. 162–180.

² Cooley C.H. *Social organization*. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1909. – P. 23. – Прим. ред.

жения и чувств. Когда человек влюбляется или обращается в веру, нервные течения настолько недоступны по сравнению с образами, чувствами и результирующими установками, что он счел последние факты основополагающими и центральными. Те, кто знает Кули хорошо, напомним о его смелом утверждении, что прочными фактами социальной жизни являются факты воображения. Моего друга лучше всего определить как то, что, как мне представляется, он сделает и скажет мне при тех или иных обстоятельствах. Кули учил, что для понимания человеческой природы мы должны воображать воображения. В последней книге он цитирует Холмса, говоря, что во встрече Джона и Тома присутствуют шесть лиц. Это реальное Я Джона (известное лишь его Создателю), представление Джона о себе, представление Джона о Томе и, разумеется, три соответствующих Тома. Далее Кули пишет, что их на самом деле двенадцать или даже больше, в том числе представление Джона о представлении Тома о представлении Джона о Томе. А дабы кто-то не счел это просто полетом фантазии, он настаивает, что непонимание этого последнего типа в момент принятия Германией рокового решения было, возможно, причиной того, что она проиграла войну. В этих «отзвуках отзвуков отзвуков» личности мы имеем *a fortiori* аргумент в пользу важности субъективного аспекта поведения.

Правильно ли интерпретировать Кули в том ключе, что первичная группа определяется у него в существенном смысле как характеризующаяся особым рода чувством, – вопрос литературного толкования. Изложенные соображения логически приводят к этому заключению. Если есть групповое сознание, *esprit de corps* – чувство «мы», – то мы имеем первичную группу, которая будет демонстрировать соответствующие опознаваемые установки и поведение. Положение лицом-к-лицу всего лишь акциденция. Группы друзей и соседей образуют первичные группы, однако существенное качество может присутствовать и в группах, где пространственная близость отсутствует. В Международной лиге женщин за мир и свободу состоит несколько сотен идеалистически настроенных пацифисток, разбросанных по всему миру, и большинство из них никогда не видели друг друга. Однако они соратницы по борьбе, сознающие целостный и охватывающий характер группы, думающие, говорящие и чувствующие в терминах «мы», и, следовательно, они отвечают определению первичной группы. С другой стороны, мы показали, что многие группы лицом-к-лицу лишены этого качества.

Если наше рассуждение правильно, то отсюда вытекает, что не каждая семья является первичной группой и что школьная группа когда-то может быть определена так, а когда-то нет. Домашний тиран приказами, угрозами и наказаниями, наверное, может три раза в день собирать своих подданных вокруг стола, но этой группе недостает существенных качеств первичной группы. Так же и учитель может иногда быть лидером первичной группы; но тот, кто отчуждает от себя детей, может быть для них ненавистным или трактоваться в абстрактном смысле как всего лишь аутсайдер и функционер в компании, в которой чувства «мы» нет и, стало быть, никакой первичной группы тоже нет.

С первичной группой соотносима не группа, члены которой разделены в пространстве, и не группа, коммуникация в которой осуществляется через косвенные посредники. Скорее первичную группу следует противопоставить формальному, безличному, институциональному. Важность ее состоит в том, что первичные связи рожают сущностно человеческие переживания; можно сказать, что именно в первично-групповых связях создается человечность (*human nature*). Чем полнее эти связи механизмируются, тем более частичными становятся контакты и тем менее эффективно они генерируют отличительно человеческие чувства. Чтобы стимулировать детей дома и в школе к участию в культуре своего народа, необходимо, чтобы дом и школа были первичными группами, а просто того факта, что они встречаются лицом-к-лицу с членами семьи или школьной системы, еще недостаточно для того, чтобы эти группы стали существенно первичными.

Это не значит, что первичная группа является ценностным понятием и, следовательно, выше других типов групп. Человеческие институты строятся для удовлетворения человеческих нужд, а эти нужды могут удовлетворяться институтами лучше, чем первично-групповыми связями. В действительности первично-групповые связи могут даже вторгаться в жизнь дезорганизующим образом, как, например, когда полицейский отказывается задерживать человека на том основании, что тот его друг. Сюда можно отнести значительную долю коррупции, взяточничества, nepотизма и «подкупа» в нашей современной жизни. Формальные и институциональные группы не могут выполнять свою функцию, пока не будет со всей тщательностью поддерживаться граница между ними и первичной группой. К тому же между этими чистыми типами нет никакой четкой разграничительной линии. Есть пограничные случаи и переходные формы; кризисные опыты могут

изменять любые из них в ту или другую сторону; однако не будет никаких неясностей, если существенные качества каждого типа будут точно установлены.

Если до сих пор мы рассуждали правильно, то становится ясно, что первичная группа может быть разрушена, полностью разрушена, даже если связи лицом-к-лицу сохраняются. Чаще всего это наблюдается в распаде семей, но может наблюдаться и в других типах первичных групп. Прежние тесные связи могут стать чисто формальными, даже правовыми, находящими опору в фиксированных формах и внешних регуляциях. В первичной группе человек делает более или менее то, что ему хочется; в институтах он следует правилам. В подлинной близкой дружбе не может быть никаких формальных регуляций, никаких установленных формул, ведь в этой связи жизнь является свободно текущей, спонтанной и взаимопроникающей. Дружба никогда не перерастает в институт и не может в него перерасти, ведь первичная группа увядает и умирает в атмосфере легальности. Формальные и внешние связи иные. Люди отстаивают свои права, взывают к властям, объявляют о выходе за рамки порядка, настаивают на сумме, номинированной в бонде, вступают в тяжбы по поводу условий контракта.

Таким образом, первичная группа одновременно больше и меньше, чем скопление людей. В возвышенный момент агрегат может достигать единства, вплоть до того, что каждого его члена переполняет сознание целого, но такое сознание, как мы показали, возможно и тогда, когда его члены разделены расстояниями. Оно может быть таким же односторонним, как безответная любовь. Однако опыт этот реален, поддается описанию и очень важен. Муди писал в «Глостерских болотах», как, потягивая сладкое вино посреди красот природы, подумал о своих братьях в городе, угнетенных физически, душевно и финансово. И вот он пишет:

Но почему ж я пью вино,
А брат мой глотает пыль?

И, видимо, было бы несостоятельно отрицать реальность и важность этого мгновенного выражения той пожизненной идентификации с целым классом, которая характеризовала жизнь этого поэта.

Так называемые «вторичные контакты» не имеют никакого отношения к этому случаю. Контакты с помощью писем, периодической печати, книг, телеграфа, телефона, радио могут иметь лю-

бое качество – от абстрактного обнародования сурового закона до волнующего сообщения, объединяющего и усиливающего связь между товарищами. Даже в больших и рассеянных группах, особенно тех, которые мы называем «социальными движениями», борьба за свободу, справедливость или любое великое дело может породить те самые переживания и связи, которые мы можем найти в первичной группе.

То, что Кули так считал, ясно из его утверждения, что демократия и христианство – порождение первичной группы и ее наивысшее выражение и расцвет. Это ясно из его слов, что он имеет в виду не институты, ибо церковь не является христианством, а демократия не тождественна государству. Христианство, в идеальном его понимании, выражается в любви, симпатии и лояльности тех, кто считает себя членом всеобъемлющего целого, частями которого они являются и золотым словом в котором является слово «мы». Существенны здесь установка и чувство; пространство и положение в нем – не более чем акциденции.

Человеческая жизнь по сути своей драматична. Личность складывается по мере того как – и в силу того что – мы играем роли в нашем социальном взаимодействии. Процесс рефлексии, в котором мы определяем для себя смысл того, что сказали мы, и того, что сказали и сделали нам другие, – тоже драматическое событие. Мы начинаем сознавать себя, когда представляем, что действуем подобно другому. Наша личность формируется определением наших актов, которое мы получаем от других. Мы реагируем на них в своем воображении и создаем тем самым не только наши пороки и добродетели, но и осознание их. Здесь и проявляется исключительная значимость первичной группы. Только в первично-групповой связи этот тип влияния оказывается непосредственно эффективным и позитивно формообразующим. Сугубо механические связи приближаются к бездумности, враждебные отношения обычно рождают противостоящие установки; в первичной же группе живут и приносят плоды семена культуры. И такая группа есть связь между членами, а не агрегация единиц. Социологическую группу можно описать только через соотношение с опытами ее членов.

Высказанные выше соображения были, по существу, теоретическими, но есть и практические применения у этой теории, как, впрочем, у всех других теорий. Поскольку первичная группа с ее рыхлой организацией и свободно текущим влиянием является матрицей, в которой формируется человечность, то первичную группу

характеризует собственный уникальный тип контроля. Семья всегда считалась сущностным типом первичной группы; тем не менее было показано, что семья принадлежит к этой категории лишь тогда, когда в ней присутствует определенный тип организации. Можно проследить, как в ходе исторического развития в семейные отношения проникли политические и правительственные паттерны контроля. Патриархальная семья, во главе которой стоит великодушный или злой деспот, являющийся одновременно законодателем, судьей, коллегией присяжных и палачом, вовсе не является исходной формой семьи; на самом деле всюду в дописьменном мире сегодня обнаруживаются семьи, в которых этот особый тип контроля и отношений отсутствует. Когда в семью импортированы псевдополитические формы, она уже не сохраняет в себе существенное качество первичной группы. Контроль в какой-то степени переносится из этого особого локуса в другие группы, в которые дети могут проложить себе путь. Семья оказывает долговременное влияние на своих членов в той степени, в какой сохраняет в себе характер первичной группы. Она утрачивает присущий ей тип контроля, когда в силу незнания этого особого принципа он замещается другим типом контроля.

Совершенно аналогичные феномены можно наблюдать в американских школах. Детский сад в том виде, в каком он ныне существует, является по существу первичной группой с теми типами контроля и связей, которые были описаны выше. То же самое можно сказать о начальной школе, но традицией установлено, что по мере подрастания ребенка сущностно неформальный тип контроля должен замещаться более институциональным; в итоге установки и идеалы, которые учителю предписано передать, часто не могут быть в более или менее полном объеме почерпнуты из этого особого источника. Всякое объективное исследование средних школ в сегодняшней американской жизни подтвердит это утверждение и послужит иллюстрацией этого принципа. Мнения, стандарты и идеалы учителей передаются ученикам средних школ лишь частично, и мы утверждаем, что объяснение этого кроется в потере тем традиционным типом контроля, который был возложен на среднюю школу, сущностного характера первично-групповой связи. Происходящее доступно обычному наблюдению и общеизвестно. Подростки стремятся образовать и образуют собственные первичные группы, явно изолирующие их от старших. Первичные группы, варьирующие в диапазоне от небольших дружеских кругов до явно грабительских мальчишеских шаяк, еще раз иллюстрируют принцип, который мы здесь выдвинули. С точки зрения ментальной гигиены детей и под-

ростков родителям и учителям нужно «пойти учиться» в шайку и изучить ее методы; и если бы из этого обучения извлекли урок, то оказалось бы, что контроль шайки – это по сути контроль первичной группы, а школа и дом утратили ее сущностные свойства.

Мы не можем полностью описать первичную группу, сосредоточив все наше внимание на гармонии и тесных личных связях, ибо сильнее всего они проявляются в противовес враждебности и конфликту с другими схожими группами, которые дают первичной группе *esprit de corps* и единство, а также служат поводом для повышения ее морального духа. Враждебная группа не противоположна первичной группе; она в какой-то степени есть условие ее существования. Если бы была только одна первичная группа, то не было бы вообще ни одной, ведь осознание группы происходит только в противовес осознанию другой – контрастирующей или противостоящей – группы. Таким образом, враждебность и лояльность суть два аспекта одной и той же связи, а сущностное качество первичной группы следует искать в ее вольном течении и непринужденности.

Как мы показали, сущностной противоположностью первичной группы оказывается институт, где зафиксированы определенные формы, предписаны определенные правила, установлены определенные должности и достаточно ясно и относительно жестко определены обязанности. Человек действует уже не свободно, а в должности, выполняя определенную институциональную функцию. Когда институт работает в своей обычной манере, функционер проявляет минимум личных отношений. Институт можно было бы даже с некоторыми оговорками определить как социальный механизм, делающий ненужными эмоции. Существенным элементом первичной группы является между тем эмоциональность, связывающая ее членов.

Таким образом, природа первичной группы заключена не в ее частях, а в ее организации. Она базируется не на пространственной близости, а на функциональной взаимосвязи. Ее нельзя описать ни путем статистической переписи, ни путем пространственного измерения. В ней заключено больше, чем сумма отдельных элементов. Вдобавок к пространству есть еще и время. Первичная группа не может существовать без воспоминаний; она не может продолжаться без целей. Механическое или пространственное описание не будет для нее адекватным. Это меняющаяся организация функциональных деятельностей, устремленная к некоторой цели, находящаяся под влиянием ее прошлого и направляемая ее целями и ее будущим. Это не механизм; это часть жизни.

Эверетт Черрингтон Хьюз
ИЗУЧЕНИЕ ИНСТИТУТОВ*

Понятие института занимает центральное место в той ветви чикагской социологии, которая связана с именем Э.Ч. Хьюза. Если в ранних версиях чикагской социологии в фокусе исследовательского внимания так или иначе оказывались сообщества, трактуемые в экологическом смысле и чаще всего территориально компактные, то у Хьюза в центр ставятся именно институты. В этой статье, имеющей программный характер, он впервые формулирует свой подход к изучению институтов.

Перевод сделан по источнику: Hughes E.C. The study of institutions // Social forces. – Baltimore (MD), 1942. – Vol. 20, N 3. – P. 307–310. Перевод впервые опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2003. – № 4. – С. 118–126. Для настоящего издания он был заново сверен и отредактирован.

Значительная часть людей в нашем обществе живет семьями, жизнь которых, хотя и заключена в пределы, установленные нравами и законом, в то же время отражает особенности их членов и случайные обстоятельства, с которыми их сталкивают их времена и их окружения. Подобным же образом люди ходят работать на фабрики; они учатся, преподают и играют в школах или, по крайней мере, платят как граждане налоги на их содержание. Если они жители латиноамериканских местечек, то будут раз в год соби-

* Доклад, прочитанный в Социологическом обществе Среднего Запада в апреле 1941 г.

раться на большую *фiestу*; если живут на сельскохозяйственном Среднем Западе, то будут, возможно, ежегодно мобилизовываться на участие в окружной ярмарке.

Во всех этих случаях люди мобилизуются на занятие своих мест – важных или не очень, случайных или постоянных, добровольно или против воли – в коллективном предприятии, осуществляемом более или менее установленным и ожидаемым образом. Вещи, упомянутые мною, равно как многие прочие, называются институтами. Среди прочих вещей, называемых этим же именем, некоторые сильно отличаются от упомянутых. В мои цели не входит прояснение пределов употребления этого понятия. Мои рассуждения отталкиваются от того, что я понимаю изучение институтов как часть изучения общества в действии. Центр этой области находится там, где действие протекает в более или менее прочно установленных формах. Вместе с тем исследователь институтов будет стремиться выяснить, как социальные формы застывают, как они гнутся под давлением и подчиняются ему, как они уступают место новым формам и какие функции они выполняют. Если он интересуется структурой и функционированием общества, то его лишь случайным образом будет заботить категорический ответ на вопрос, является ли в данный момент институтом газета, пивная, Республиканская партия или собственность.

Очевидно, что многие люди, не будучи социологами, интересовались и интересуются институтами. Но если так, то каково место социологии в их изучении?

Социология – та самая социальная наука, которая особо и специально, по замыслу, а не воле случая является наукой о социальных институтах. В нашей отрасли социальной науки были разработаны понятия для анализа социального контроля и коллективного поведения. Благодаря Самнеру мы особенно хорошо осознали нелогические аспекты социального поведения; опираясь на Кули, а также на Самнера, мы обратили внимание на различие между, с одной стороны, неформальными давлениями первичной групповой жизни и бездумного следования обычаю и, с другой стороны, формальными и рационализированными процедурами институтов. Социологами разработана схема соотнесения для описания процессов, посредством которых возникают социальные движения и посредством которых они при определенных обстоятельствах оставляют после себя в качестве осадка новые формы ожидаемого и рутинного действия в структуре общества. Наш багаж включает – или должен включать – богатый набор понятий, развитых Максом Вебером для

описания того, как пророк становится священником, политическая секта – легитимным и высокоструктурированным государственным механизмом, а приверженцы – бюрократией, а также схожих процессов, посредством которых необычные, нелегитимные и романтические формы коллективного поведения или даже рациональные деловые предприятия встраиваются в общество как легитимная и традиционная рутина. Эти понятия составляют неотъемлемую часть социологического дискурса. Ни в какой другой области не было создано сопоставимого с этим адекватного набора понятий.

Отсюда не следует, что социологи – а под социологами я понимаю тех, кто пользуется этими понятиями и интересуется этими процессами, – знают о социальных институтах больше, чем другие социальные ученые. На самом деле социологические исследования в основном ограничивались немногими институтами. Интенсивнее всего изучалась семья. Некоторые институты меж тем стали предметом специального интереса для ученых, работающих в других областях. И, кстати говоря, одним из главных грехов нас, социологов, стало то, что недружелюбные критики окрестили «социологизированием» институтов, которых мы специально не изучали.

Это побуждает нас внимательно отнестись к исследованию социальных институтов в других отраслях социальной науки. Каждая отрасль, поскольку она претендует на научность, имеет свою особую схему соотнесения для открытия фактов, своего рода линзу, собирающую определенные проблемы и факты в единый фокус. В каждой из отраслей есть также свое конвенциональное содержание, вытекающее отчасти из практических проблем, решением которых исследователи в этой области прежде были заняты, а отчасти из склонности людей видеть и делать предметом интереса общий контекст, в котором их особые проблемы себя проявляют.

Это утверждение и его значение для изучения институтов можно проиллюстрировать на примере экономики. Экономическую науку обычно не воспринимают как метод изучения экономических институтов. Ее особые понятия – это понятия, возникшие в попытке предсказать количество товаров, которые люди будут производить, покупать и продавать по разным ценам при некоторых данных условиях, важнейшими среди которых являются, пожалуй, свободная конкуренция и прямолинейный рациональный торг. Чтобы провести такого рода анализ, экономисту, строго говоря, нет необходимости знать о корпоративной организации производства, финансов и рыночных институтов, о рабочих движениях и кооперативах потребителей, о трудностях, с которы-

ми сталкиваются работодатели в попытках заставить рабочих трудиться в полную силу, о связях политики с бизнесом и об истории экономических институтов. Тем не менее некоторые экономисты и их полупризнанные коллеги в школах коммерции все эти вещи изучали. Некоторые из этих вещей, стоит только им проявиться, разрушают или по крайней мере ограничивают свободную конкуренцию, необходимую для восприимчивости цены к рыночным влияниям. Эти досадные, сбивающие с толку твари осаждают невинную букашку, которую экономист разглядывает в свой микроскоп. Или, скажем так, это вещи, которые реально его волнуют.

Каковы бы ни были причины, среди прочего академического люда именно экономист знает «самые свежие новости» о некоторых институтах. Он может не сворачивать в сторону, как его коллеги Самнер, Вебер и Парето, чтобы разработать систематический метод для изучения отвлекающей его институциональной периферии рынка. Он может, как авторы бюллетеня Бюро экономических исследований «Доходы от самостоятельной профессиональной практики», изогнуть свой экономический метод анализа так, чтобы подогнать его к ситуации, не вполне к нему приспособленной¹. Либо, хорошо это или плохо, может разработать какой-то метод *ad hoc*. Хорошо это сделали, например, авторы отчета «Структура американской экономики», подготовленного в Национальной комиссии по ресурсам². Впечатленные тем фактом, что «рыночные рычаги контроля» – т.е. контроль через спрос и предложение на рынке – уже не столь важны, как прежде, они пытаются классифицировать разные виды контроля, находимые в институтах производства и распределения: контроль работодателя над работником, инвестиционного банка над производящей промышленностью, финансовых «групп» над рядом связанных корпораций, правительства над задолжавшим фермером и т.д. Эти формы контроля они связывают с тем, что в политической науке называется «властью».

Схожая ситуация обнаруживается и в других теоретических и прикладных областях социальной науки. Политический ученый знает политические толки, новости и историю. Его внимание вышло

¹ Я говорю о той части бюллетеня, в которой предпринята попытка объяснить число людей, стремящихся поступить в медицинские и зубоучебные школы в расчете на пожизненный доход, без соотнесения с какими бы то ни было данными о престиже и путях формирования устремлений.

² The structure of the American economy. – Wash.: National research committee, 1939. – Pt. 2. См. в этом отчете главу «Структура контроля».

далеко за рамки изначального изучения политических конституций в узком смысле слова. Помимо политических партий, он изучает механизмы лоббирования, развиваемые группами интересов, промышленными объединениями и даже местными политическими клубами, которые с другой стороны изучались бы как спортивные клубы, этнические клубы общения и даже как банды. Мы обнаруживаем, что специалисты в более практических сферах образования, социальной работы и бизнеса – какими бы ни были их теоретические интересы – знают очень много, соответственно, о школах, социальных службах и деловых организациях, а также о событиях, оказывающих на них воздействие. По крайней мере некоторые из тех, кто занят в этих областях, не возражали бы, если бы их назвали экспертами, а не учеными. Прежде всего их интересует, как те или иные институты работают; теоретические вопросы у них могут возникать и возникают, и они над ними размышляют, но первоочередной интерес для них представляет работающий институт.

Каждая социальная наука, независимо от того, является ли ее отправная точка теоретической или практической, стала по сути хранилищем огромных запасов «знания о» некоторой группе взаимосвязанных институтов и центром анализа относящейся к ним свежей информации. Самое значительное исключение здесь – антропология. Антрополог, поскольку он оставался наблюдателем примитивных обществ, изучал все институты, которые только мог найти. Обстоятельства всячески ему в этом способствовали; ибо изучаемое им общество обычно невелико, и он, как правило, присутствует в своем поле один. Во всяком случае, его интересовало прежде всего место частей внутри целого; изучение специализированной части своего общества в связи с некой предполагаемой или реальной основной функцией, которую она выполняет, не входило в его задачи.

Ситуация, которую мы видим в социальной науке, далека от логически идеальной, но, вероятно, недостижимой ситуации, в которой каждая отрасль социальной науки имела бы свои особые методы и придерживалась их, куда бы они ни вели. Она, может быть, приближается, но еще не пришла к более плодотворному состоянию, когда исследователи, знающие поведение какого-то одного вида института, сверяли бы свои наблюдения, понятия и методы с теми, кто изучает другие виды институтов. Можно, конечно, сослаться на несколько ярких примеров такой координации: например, на сотрудничество эксперта по сельскому хозяйству Кимбелла с социальным антропологом Аренсбергом в исследовании крестьян-

ской семьи в Ирландии¹. Сотрудничество физиологов, психиатров, социальных антропологов и умных промышленных руководителей в серии исследований трудовых отношений в промышленности, предпринятых Гарвардской школой бизнеса, – еще один выдающийся пример².

В целом, однако, когда мы погружаемся в литературу об институтах, мы находим великую путаницу в проблемах и методах их изучения, а часто и вовсе отсутствие какого бы то ни было систематического метода. Одна из трудностей состоит, по-видимому, в том, что человек, хорошо знакомый с каким-то институтом и считающий уместным провести его исследование для публикации, страдает – в силу своей точки зрения или, возможно, самой позиции, которую он занимает относительно этого института, – теми или иными пристрастиями.

Обычным подобным пристрастием является чрезмерное подчеркивание какой-то одной функции института, в результате чего исследователи либо не видят других важных функций, либо нетерпеливо хватаются за черты, согласующиеся с их представлениями о его функции. Например, Джордж Каунте изучил социальный состав школьных отделов (school boards)^{*3}. Он имеет в виду род занятий и экономическое положение их членов. Другие отмечали, что члены школьных отделов необязательно являются самыми образованными гражданами сообщества. Обычно эту информацию подают как нечто возмутительное. Исследователи даже не думают о том, чтобы пойти и выяснить путем исследования, почему это так, не есть ли это своего рода константа, обнаруживаемая во многих институтах, и сможет ли школа, управляемая людьми, наиболее фанатично преданными делу образования, сохранить доверие сообщества. Возможно, это была бы школа, где неприятно даже работать, на что указывают слова, сказанные недавно одним практично мыслящим школьным инспектором:

¹ Kimball S., Arensberg K. Family and community in Ireland. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1941.

² См.: Mayo E. The human problems of an industrial civilization. – N.Y.: Macmillan co., 1933; Roethlisberger F.J., Dickson W.J. Management and the worker. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1939; Barnard Ch. The functions of the executive. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1938.

* Отделы в системе местного самоуправления в США, ведающие образованием. – *Прим. пер.*

³ Counts G. The social composition of boards of education. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927.

«Боже, пожалей учителя, если его отдел образования состоит из бывших школьных учителей и любящих родителей».

Совершенно естественно, что люди, проявляющие профессиональный и обостренный интерес к образованию, должны пристрастно относиться к внешне неприглядным чертам школ; многие из них, конечно, внесли свою лепту в наше понимание этих неподатливых и досадных аспектов школьной системы. Вклад социолога, занимающегося сравнительным изучением различных институтов, мог бы состоять в постановке вопроса о том, не верно ли то, что касается членов школьных отделов, также для целого ряда других институтов. Всякий наблюдательный исследователь католических приходов быстро замечает, что, хотя все члены прихода верят в церковь и нуждаются в ее поддержке, церковные старосты, увы, нечасто бывают самыми набожными прихожанами, даже если относятся к числу самых уважаемых и надежных. У ученого может даже родиться гипотеза, что одной из функций религиозных или образовательных институтов является удержание религии и образования в пределах цены, интенсивности и типа, которые сообщество, при всех прочих данных характеристиках, сможет вынести и будет поддерживать. Я ожидаю, что почти всюду для человеческих обществ будет характерно, что они вполне искренне нуждаются в образовании, религии и патриотизме, но в обычные времена не хотят быть до смерти замученными ими и изобретают средства для удержания под контролем тех самых людей, которых они нанимают для предоставления им этих ценных вещей. На этот счет я должен высказать довольно простую мысль: ученый, занятый сравнительным изучением институтов, мог бы уменьшить интенсивность сосредоточения внимания на какой-то одной черте института, скорректировав тем самым «институциональное пристрастие». Он ожидал бы, что отбор личного состава функционирующих частей любого института будет отражать иные факторы, нежели преданность и техническое мастерство, что будет иметь место некоторое взаимодействие между специализированным институтом и другими элементами общества. И он бы также исходил из того, что одной из функций института, помимо обеспечения сообщества той или иной услугой, является контроль; отличие института от секты или движения за реформу состоит именно в этом.

Случай, чем-то похожий на этот, мы обнаруживаем в исследованиях институтов, предоставляющих сообществу медицинские услуги. Такие исследования могут писаться с целью проинструктировать претендентов на различные медицинские профессии или

могут проводиться в связи с той или иной программой действий, нацеленной на снижение стоимости этих услуг или обеспечение их доступности для более широких кругов населения. Ни в одном из этих случаев не изучаются некоторые важнейшие взаимосвязи. Например, со всей определенностью было показано, что разница между врачом, имеющим доход чуть выше среднего, и врачом, зарабатывающим существенно больше, заключена не в том, какого рода услуги они предоставляют, а в том, каким классам людей они их предоставляют. В связи с этим молодой терапевт должен быть всерьез озабочен тем, кем будут его пациенты с точки зрения социального класса, влияния и платежеспособности. Пациенты творят своего врача. Между тем, кроме вялой полемики и апологетики, люди, выступающие в печати либо за, либо против существующих систем получения и распределения медицинских услуг, мало что внесли в решение этой проблемы. У нас нет исследований того, как врач подбирает себе клиентуру. В данном случае люди, лучше всего осведомленные о соответствующих институтах, в силу самой природы своих интересов не вооружены системой понятий, которая позволяла бы им работать с такого рода фактами; впрочем, они обычно и не расположены раскрывать подобную информацию.

Это подводит нас к еще одной проблеме социолога. Невозможно анализировать институт, не имея доступа к данным, раскрывающим его работу. Такие данные нельзя получить без доверия людей, которым они известны либо как материал документации, либо просто как то, что они переживают в личном опыте. Люди, владеющие этими данными, могут знать, что они важны, но могут не доверять их другим; пожалуй, даже чаще они их скрывают, а то и вытесняют из сознания вплоть до полной потери из виду. Люди той или иной профессии развивают что-то вроде коллективного бессознательного, которое удерживает определенные содержания вне досягаемости для разума. Социолог, берущийся изучить тот или другой институт, должен чувствовать эти вещи и так или иначе добиться эффективного доступа к относящимся к делу данным. Поскольку мы вообще занимаемся полевой работой, нам приходится двигаться проторенными маршрутами. Ко многим институтам у нас нет действенного доступа. Когда мы его получаем, мы делаем это в особой роли включенного наблюдателя, которую можно сделать понятной и приемлемой для людей, охраняющих секреты храма. При изучении многих самых крупных и наиболее специализированных наших институтов люди, от которых должна быть получена относящаяся к делу информация – информация об их собст-

венном месте в институте, а не просто записи из книг, – столь же искусены, как и исследователь, и обладают таким же, как у него, или более высоким социальным престижем. Странно, но факт: такой человек может всячески одобрять исследование и вместе с тем не хотеть давать информацию, наиболее важную для того самого исследования, которого он так желает. Я говорю, разумеется, не о наших коллегах, социальных ученых, а о лицах, облеченных властью в институтах. В таком случае задачей исследователя становится искусная социальная манипуляция. Звучит, конечно, ужасно, но ему приходится быть чем-то вроде коммивояжера.

Подытоживая, можно сказать следующее.

1. В социологии разработан набор понятий, очень полезных для анализа процессов, заключенных в росте и функционировании социальных институтов.

2. Каждая социальная наука стала, по существу, своего рода центром для накопления и анализа знания о каком-то множестве институтов, но не обязательно систематического и сравнительного анализа этих институтов.

3. Социолог – т.е. человек, имеющий социологическую точку зрения и пользующийся социологическими понятиями, – может сделать исследования институтов (причем любых) более ценными, введя в них сравнение и понятие *функции*, позволяющие наблюдателю избавиться от некоторых типов пристрастий, ограничивающих наблюдение.

И наконец, еще один момент, который я не обсудил так подробно, как мог бы: все сказанное не имеет равным счетом никакого значения, пока социолог не обладает доскональным знанием института.

Эверетт Черрингтон Хьюз

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДОЛЖНОСТЬ И ПЕРСОНА

В этой статье Хьюз развивает одно из важнейших понятий своего подхода – понятие должности, с помощью которого институты и их динамика сопрягаются с человеческими Я, биографиями и карьерами и их динамикой. Предлагаемая здесь модель анализа имеет рамочный характер для исследований Хьюза в области социологии работы и профессий.

Перевод сделан по источнику: Hughes E.C. Institutional office and the person // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1937. – Vol. 43, N 3. – P. 404–413. Перевод впервые опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2003. – № 4. – С. 127–138. Для настоящего издания он заново сверен и отредактирован.

От более элементарных коллективных феноменов социальные институты отличаются осознанным выполнением обязанностей в формально определенных должностях. В этой статье будут рассмотрены природа институциональных должностей и их связи с особыми ролями и карьерами персон¹.

¹ Sumner W.G. The folkways. – N.Y.: Ginn & co., 1956. – § 40, 41, 56, 61, 63, 67 et passim; Cooley C.H. Social organization. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1929. – Ch. 3, 28; Faris E. The primary group: Essence and accident // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1932. – Vol. 38, N 1. – P. 41–50. (См. перевод в данном сборнике. – Прим. пер.)

Должность и роль

Самнер настаивал, что нравы не только стандартизируют, но и дифференцируют поведение, ибо статус укоренен в них¹. Статус приписывает индивидов к различным принятым социальным категориям; каждая категория имеет свои права и обязанности. Ни один индивид не становится моральной персоной, пока не приобретет чувство собственного положения и не усвоит способы поведения, ему подобающие. Статус, в его активном и сознательном аспекте, есть элементарная форма должности. Должность – это стандартизированная группа обязанностей и привилегий, вручаемых персоне в некоторых определенных ситуациях.

В нынешней литературе о развитии личности много места отводится социальной роли. Обычно предполагается, что индивид приобретает некоторое устойчивое представление о себе в соотношении с другими людьми. Это представление, хотя и отождествляется с собственным Я как некой уникальной сущностью, является социальным продуктом: как сказал бы Кули, продуктом первичной групповой жизни. Но роль, какой бы индивидуальной и уникальной она ни была, не остается свободной от статуса. На самом деле, говорит Линтон, «роль есть динамический аспект статуса»². Роль *динамична*, но, кроме того, она еще и нечто большее, чем статус. Статус относится только к той части выполняемой роли, которая имеет стандартное определение в нравах или в законе. Статус никогда не бывает специфичным для индивида; он историчен. В статусе и в институциональной должности персона отождествляется с *исторической ролью*. Особая роль пророка или политического лидера может преобразоваться в историческую роль или должность священника или царя. Каждая должность имеет свою историю, в которой неформальное и уникальное стало формальным и в какой-то мере безличным. Историю института вполне можно изложить через рост его должностей, с которыми отождествлялись персональные роли последовательного ряда индивидов.

Вхождение в статус – не всегда вопрос выбора. Это не мешает персонам сознавать, что они в него входят, фокусировать на нем свои воли и выполнять сопряженные с ним обязанности с

¹ Sumner W.G. The folkways. – N.Y.: Ginn & co., 1956. – § 73.

² Linton R. The study of man. – N.Y.: Appleton, 1936. – Ch. 8: Status and role.

осознанно варьируемыми степенями умения и скрупулезности. Статус дает самосознанию и совести некоторую уязвимость¹.

Каждый социальный порядок с определенной точки зрения есть круг повседневной жизни. Антропологи почти неизменно описывают его именно так и показывают, как лица разного статуса встраивают свою деятельность в этот круг. Однако помимо рутины даже в простых и стабильных обществах бывают крупные церемониальные события и жизненно важные предприятия. Во время таких событий какая-то персона или несколько персон оказываются в центре повышенного внимания. Вокруг них координируются коллективная экспрессия и коллективные усилия. Статус может определять отбор этих персон, но они должны выполнять особые должностные обязанности, подходящие событию. Они становятся, в пределах своих должностей, особо ответственными за судьбу своих товарищей и целостность своих сообществ².

О лице, занявшем такую важную должность, судят не как об обычном человеке, а в соотношении с его предшественниками на этом посту и массовым представлением о том, какой эта должность должна быть. К нему предъявляют особые требования. Но он также и защищен – в той мере, в какой должность устанавливает пределы его ответственности, – от разящих ударов критики и от угрызений собственной совести.

¹ Malinowski B. *Crime and custom in savage society*. – L.: Routledge, 1926. – Ch. 5 *et passim*. Малиновский выступает с критикой бытующего в эволюционной социальной теории представления, будто член примитивного общества придерживается обычая неосознанно и автоматически. Он утверждает, что у тробрианских островитян имеется существенный зазор между максимальным и минимальным выполнением обязанностей и что в этих пределах людьми движут мотивы, очень схожие с нашими. Некоторые люди выказывают избыток рвения и любезности, рассчитывая на отдачу в виде благ или престижа. Также он указывает на конфликт должностей, воплощенных в одном лице: мужчина является одновременно любящим родителем своих детей и охранником собственности и интересов детей своей сестры. Малиновский выдвигает предположение, что мужчина часто сознает этот конфликт.

² См.: Redfield R. *Chan Kom, a Maya village*. – Wash.: Carnegie institution, 1934; Redfield R. *Chan Kom, a Maya village*. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1962. – P. 153–159 (описание *фиесты* и должности *каргадора*); Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific*. – N.Y.: E.P. Dutton, 1922; Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific*. – N.Y.: E.P. Dutton, 1961 (описание должностных обязанностей вождя в постройке каноэ и экспедициях и должностных обязанностей мага в садоводстве).

Предельной жесткости объективная дифференциация долга достигает в ритуальной должности. Субъективным аспектом такой жесткости является пунктуальность¹. Круг полномочий ритуальной должности очерчен столь четко, что позволяет тому, кто ее занимает, испытывать уверенность в том, что он выполняет свой долг в полном объеме. Но тем больше тревога, как бы не сделать чего не так². Тревога и ответственность одинаково сосредоточены в должности как чем-то таком, что превосходит индивида. Должностное лицо чаще всего нетерпимо относится к критике со стороны других. Оно отменяет ее, заявляя, что тот, кто критикует его, покушается на священную должность.

Исполняя ритуал, человек может в глубине души вообразить, что он – даже он! – играет историческую роль; он может пережить преображение, войдя в экстатическое состояние, в котором его личные атрибуты сливаются с атрибутами должности. Каждый педантично выполненный жест взрывается символическим смыслом. Э. Бойд Барретт так пишет о чувствах, охвативших его, когда он впервые служил мессу:

«На белоснежном сукне алтаря передо мною стоит чаша с вином, а на дискосе лежит облатка пресного хлеба. Теперь *по моим словам*, по моему повторению вечной формулы посвящения вино становилось кровью Христовой, а хлеб – телом Его. Рукам моим, сколь бы ни были они грязными и греховными, была дарована привилегия подняться ввысь в восхвалении Сына Божьего, Спасителя мира... И были поистине священными слова “Sanctus! Sanctus! Sanctus!” в присутствии этой тайны тайн!.. Моя первая месса была экстазом радости... Я уверенно и от всего сердца отдался Богу и почувствовал, что и Он отдался мне»³.

¹ Sumner W.G. The folkways. – N.Y.: Ginn & co., 1956. – § 67.

² Психоналитики возводят ритуал к тревогам, проистекающим из бессознательного чувства вины. При неврозе навязчивых состояний индивид непрерывно выполняет ритуалы *Buss* [раскаяния] и *Nichtgeschehenmachen* [отмены некогда бывшего] (см.: Fenichel A. Hysterien und Zwangsneurosen. – Wien: Internationaler psychoanalytischer Verl., 1931. – Kap. 4). Пиаже обнаруживает, что маленькие дети играют в шарики в качестве ритуала, прежде чем это становится для них собственно игрой. На этой ранней стадии они пунктуально соблюдают такие правила, какие они знают, приписывая их происхождение своим отцам, городскому олдермену и Богу. Они падки на обвинения и легко извиняют самих себя, но проявляют мало почтения к товарищам по игре.

³ Barrett E.B. Ex-Jesuit. – L.: G. Bles, 1931. – P. 124. Многие католики ожидают особых блаженств от первой мессы священника.

Тогда как преданность должности и ощущение ее в эти моменты могут достигать максимума, суждение в это время отключается. В самой природе ритуала заложено, что так и должно быть, ведь каждое действие – часть священного целого. Кроме того, ритуалы выполняются по непреодолимому влечению, часто подкрепленному обетом. Обет не дает возможности отступить, изменить решение, не позволяет вторгаться в дело суждениям рассудка¹.

Со временем должность может стать настолько ритуалистической, что поочередно занимающие ее люди становятся не ответственными агентами, а всего лишь символами. При приближении к ним соблюдается строгий этикет, а чувства благоговения приобретают такую силу, что должность превращается в предмет поклонения. Эта финальная точка в развитии безличного института долж-

¹ См.: Sumner W.G. *Mores of the present and future // War, and other essays.* – New Haven (CT): Yale univ. press, 1911. – P. 157. В этом месте Самнер говорит: «Одной из самых примечательных и далеко идущих особенностей современных нравов является неготовность соблюдать клятву и добиваться ее соблюдения посредством какого-либо гражданского или церковного процесса... В современных нравах дозволяется, чтобы человек менял по ходу жизни свои решения». Убеждение в том, что человеку можно менять свои решения, – сугубо секулярная установка. Католическая доктрина сознает это, разграничивая решения, обещания и обеты. Обеты наиболее священны, ибо они – обещания Богу: «Последующее изменение в цели человека – недостаток почтения к Богу; это все равно что забрать назад нечто, уже посвященное Ему, и совершить святотатство в самом широком смысле слова». Решения – всего лишь текущие намерения, не содержащие в себе обязательности; а обещания, которые человек дает человеку или святым, должны сдерживаться, хотя нарушение их не столь серьезно, как нарушение обета (*Vows // The Catholic encyclopedia.* – N.Y.: R. Appleton co., 1907–1912. – Vol. 15). Наверное, именно остаток принудительной силы обета дает бывшим священникам ощущение того, что они – люди исключительные. См.: Barrett E.V. *Ex-Jesuit.* – L.: G. Bles, 1931. Обычная жизнь может быть для этих людей, некогда посвященных в священную должность, чем-то вроде разочарования. Такие люди, кроме того, подозрительны. Один франкоканадец недавно отверг все, что мог бы сказать иной психолог, заметив: «C'est un homme qui a porté la soutane» [«Это человек, который носит сутану»].

В социологической литературе имеется много примеров глубоких изменений в институте, которые сопровождаются упадком принудительной силы его должностей. Так, Редфилд (Redfield R. Chan Kom, a Maya village. – Wash.: Carnegie institution, 1934) рассказывает, как в маленьких и больших городах *фюеста* становится секулярным мероприятием. Это уже не священный праздник, руководимый *каргадором*, принявшим «священное время» от своего предшественника. Супруги Уэбб описывают аналогичное угасание обязанности служить приходскими священниками в растущих промышленных городах (Webb S., Webb B. *English local government: The parish and the country.* – L.: Longmans, 1906).

ности достигается ценой утраты более активных функций руководства. В непрерывно продолжающейся коллективной жизни возникают обстоятельства, требующие принятия каких-то решений. Даже ритуал не может воссоздаваться без режиссера-постановщика. Более того, каждый ритуал приличествует тому или иному событию. А это событие должно распознаваться и обнаруживаться. Должность может стать чисто символической, только если задача столкновения с обстоятельствами переносится в какую-то другую должность¹.

Спускаясь на землю, человек не может, будучи оторванным от ритуала, избежать суждений. Его особая социальная роль закрепляется и может войти в конфликт с той должностью, которую он занимает. Слияние персональной роли и должности, возможно, нигде не бывает полным, кроме как в ритуале.

Одна из крайних форм, в которых проявляется персональная роль, – это форма призвания или особой миссии. Представление человека о своей миссии может вывести его за пределы того представления, которое имеют о его должности другие. Когда должность обретает определенность, возникают средства, с помощью которых другие люди решают, является ли данный человек лицом, для нее подходящим. Первый лидер секты может быть «призван» к выполнению своей задачи; его преемник тоже «призван», но вопрос о действительности его призвания решается другими людьми, а не только им самим². Таким образом, «призвание» как субъек-

¹ Макс Вебер описывает в общих чертах естественную историю различных типов политической должности (Weber M. *Politik als Beruf* // Weber M. *Gesammelte politische Schriften*. – München: Drei Masken Verl., 1921. – S. 396–450. Рус. пер.: Вебер М. *Политика как призвание и профессия* // Вебер М. *Избранные произведения*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706). Он показывает, как некоторые должности, например султана, стали сугубо символическими, в то время как обладание политической властью и риск совершения ошибок были приняты другими. Позиция императора Японии аналогична; император божественен, но высказывается только через посредство людских голосов. Мы не говорим, что эти две черты не проявляются иногда в одной должности. Так бывает, например, в папстве. Должности содержат разные соотношения символа и действия.

² См.: *Vocation* // *The Catholic encyclopedia*. – N.Y.: R. Appleton co., 1907–1912. – Vol. 15. Хотя католическая церковь допускает возможность того, что божественный свет столь обильно прольется на душу, что сделает размышления о правильности служения в каких-то случаях ненужными, она не считает такую внутреннюю уверенность необходимой для служения. Духовный наставник должен открыть и развить зерно призвания, формируя характер и пестуя «благородство воли». Церковь настаивает, что прежде чем одна воля сможет войти в духо-

тивная уверенность и непреодолимое влечение ставится под контроль других. Однако ощущение миссии может быть столь сильным, что делает человека нетерпимым к дисциплинирующему воздействию его коллег¹.

Есть и другие способы, которыми персональная роль и должность могут входить в конфликт. Для наших целей достаточно предположить, что само чувство персональной роли, приводящее человека на институциональную должность, может создавать в нем раздражение ее узам. Экономия энергии и воли, преданности и суждения, характерная для индивида, не исчезает в нем полностью, когда он облачается установленной и даже священной должностью. Более секулярные должности предъявляют к индивиду меньше формальных требований; они требуют меньшего подавления индивидуальности. Они менее символичны, более подчинены проверке эффективности в действии. Свободное, секулярное общество, с этой точки зрения, – это такое общество, где индивид может направлять свои энергии на новые цели и где он может не только изменить природу и функции существующих должностей, но и успешно создать новую.

Карьера и должность

В любом обществе есть подходящее поведение для ребенка каждого возраста. Нормальное развитие личности предполагает, что в надлежащее время человек переходит из одного статуса в другой. Одни стадии в этом развитии имеют большую продолжительность; другие – короткие. Хотя некоторые из стадий считаются по существу подготовительными, а их продолжительность

венство, должны совпасть две воли: воля индивида и воля церкви. Последняя есть «внешнее призвание», и это «допуск кандидата в надлежащей форме компетентным авторитетом».

¹ Рвение человека с особой миссией может обернуться невыносимым позором для его коллег и содержать признаки неповиновения старшим. Неофита, который слишком *exalté*, еще могут терпеть, однако требуется, чтобы он с течением времени умерил свое рвение. В прочно установленном институте рвение должно удерживаться в некоторых границах, требуемых властью и декором; при этом дело не обязательно доходит до того, что «люди, боясь перевыполнить свой долг, оставляют его выполненным лишь наполовину», как говорил Голдсмит об английском духовенстве.

обосновывается представлением о том, что подготовка к следующей стадии требует времени, они тем не менее конвенциональны.

При относительно стабильном состоянии общества переход из одного статуса в другой осуществляется плавно, и опыт каждого поколения во многом схож с опытом предыдущего. При таком состоянии ожидаемый темп перехода из одного статуса в другой и сопровождающая его схема обучения и отбора тех, кто будет наследовать институциональные должности, определяют амбиции, усилия и свершения индивида. В обществе, где происходят крупные изменения, последовательность поколений в должности и последовательность должностей в жизни человека нарушаются. Целое поколение может оказаться потерянным из-за беспорядка в переходе через одну фазу, длящегося всего несколько лет.

Какой бы оборот ни принимали амбиции и свершения человека, они предполагают некоторую последовательность связей с организованной жизнью. В высоко и жестко структурированном обществе карьера, в объективном плане, состоит из последовательного ряда статусов и ясно определенных должностей. В более свободном обществе индивид имеет больше гибкости для создания собственной позиции или выбора какой-то из множества существующих; вместе с тем у него меньше уверенности в достижении любой данной позиции. Здесь больше авантюристов и неудачников; но до тех пор, пока не восторжествовал полный беспорядок, будут существовать типовые последовательности позиций, достижений, полномочий и даже авантур. Социальный порядок будет задавать пределы для ориентации индивида в собственной жизни как в плане направления усилий, так и в плане интерпретации их смысла.

В субъективном плане карьера есть движущаяся перспектива, в которой человек видит свою жизнь в целом и интерпретирует смысл своих атрибутов, действий и того, что с ним происходит. Эта перспектива не является абсолютно фиксированной ни в отношении точки зрения, ни в отношении направленности, ни в отношении предопределенности. В ригидном обществе ребенок и в самом деле может иметь фиксированное представление о положении, которое ему уготовано. Даже в нашем обществе он может принять путь достижения как свой собственный вплоть до утраты восприимчивости к противоречащим ему устремлениям. Последовательный строй

интересов и жесткое представление о своей предопределенной роли могут проявиться у человека уже в первые годы жизни¹.

Как бы ни были важны первые ростки карьеры, они редко остаются не затронутыми влиянием опыта. Представление ребенка о социальном порядке, в котором живут и движутся взрослые, возможно, более наивно, чем его представления о своих способностях и своей особой судьбе. Те и другие пересматриваются в соответствии с опытом. Во взаимодействии своей созревающей личности и расширяющегося мира индивид должен сохранять ориентацию.

В нашем обществе карьеры обычно мыслятся через рабочие места; ведь они представляют собой типичные и ключевые места подсоединения индивида к институциональной структуре. Рабочие места – это не только признанное свидетельство того, что человек может «добиться успеха»; помимо этого, они дают средства, с помощью которых он может обеспечить себя всеми другими значимыми в жизни вещами. Однако карьера ни в коем случае не исчерпывается последовательностью деловых и профессиональных достижений. Есть и другие точки, в которых жизнь человека соприкасается с социальным порядком, другие линии социального достижения – влияние, ответственность и признание.

Женщина может делать карьеру, сохраняя единство семьи или вознося ее на новые позиции. Некоторые люди с весьма умеренными профессиональными достижениями делают карьеры в патриотических, религиозных и гражданских организациях. Они

¹ Психоналитики сводят последовательные линии в представлении индивида о своей жизни и способ, которым он дисциплинирует свои усилия и управляет ими, к весьма низменным мотивам. Важнейший их тезис гласит, что эти феномены проистекают из близких семейных отношений. Также они используют термин «подвижность либидо» (см.: Klein M. The role of the school in the libidinal development of the child // International j. of psychoanalysis. – L., 1924. – Vol. 5. – P. 312–331) для указания на способность ребенка переносить свои привязанности и энергии на объекты окружающего мира по мере своего развития и расширения круга своей деятельности. Однако предстоит еще очень много сделать, прежде чем мы поймем влияние ранних переживаний на последующие карьеры людей. Очевидно, что возраст, в котором возникает чувство карьеры, и частота проявления этого чувства очень различаются в разных семьях и разных классах. Степень давления, оказываемого на детей с целью вымуштровать их для будущей карьеры, тоже варьирует; побочные психологические продукты этих давлений нуждаются в изучении, ибо иногда они, видимо, мешают осуществлению той цели, которая этими давлениями преследуется.

См.: Lasswell H.D. World politics and personal insecurity. – N.Y.: McGraw-Hill, 1935. – P. 210–212, где обсуждаются «маршруты карьеры».

могут даже сосредоточивать свои усилия на обретении той или иной ценимой должности такого рода, а не на продвижении по служебной лестнице в своих профессиях. Карьеру можно сделать не только в профессии, но и в хобби.

Влиятельные места в наших крупнейших некоммерческих организациях, однако, открыты в основном для тех, кто приобрел престиж в какой-то другой области. Члены правления университетов отбираются отчасти на основании их деловых достижений. Недавно проведенный анализ управляющих органов благотворительных учреждений Нью-Йорка показывает, что в их состав входят люди, пользующиеся престижем в деловой и профессиональной жизни, а также обладающие свободным временем и способностью внести денежный вклад в бюджет учреждения¹.

Было бы интересно узнать, насколько именно значимыми оказываются эти должности для людей, которые их занимают, и, кроме того, перед кем они считают себя ответственными за выполнение своих функций. Независимо от ответа, важно, что эти должности – побочные продукты достижений иного рода. Это привилегии и полномочия, приобретаемые случайно; можно было бы даже сказать, что они осуществляются *ex officio*, или *ex statu*.

Взаимосвязь директоратов образовательных, благотворительных и иных филантропических организаций обусловлена, пожалуй, не столько тайным сговором, сколько самим тем фактом, что они филантропические. Филантропия, насколько нам известно, предполагает экономический успех; она появляется на поздних этапах карьеры. Она может появиться только во втором поколении успеха. Но когда она появляется, она состоит не только в предоставлении денег, но в такой же степени и в принятии определенных привилегий и полномочий в контроле над филантропическими институтами. Эти привилегии и полномочия составляют часть представления успешного человека о самом себе и входят в ожидания мира относительно него².

Другой траекторией карьеры, характерной для нашего общества и его институциональной организации, является траектория, ведущая к позиции «руководителя». Для нашего общества харак-

¹ Kennedy A.J., Farra K. Social settlements in New York. – N.Y.: Columbia univ. press, 1935. – Ch. 14; Veblen T. The higher learning in America. – N.Y.: Sagamore, 1918. – P. 72 *et passim*.

² Молодежная лига откровенно занимается подготовкой молодых неработающих женщин к их ожидаемым должностям в филантропических организациях.

терно, что огромное множество его функций осуществляется корпоративными организациями. Эти организации должны искать одобрения и поддержки у общественности, пользуясь для этого рекламой или пропагандой. Немногие институты обладают таким престижем и доверием, что могут отказаться от непрерывной реинтерпретации своего смысла и своей ценности для сообщества. Это влечет необходимость иметь некоторое множество функционеров, выступающих не только в качестве администраторов, но и в качестве промоутеров и пропагандистов. Даже такая традиционная профессия, как медицина, и такая установленная организация, как Римская католическая церковь, нуждаются в таких людях. Какими бы именами они ни назывались, их функция налицо и может быть идентифицирована.

Иногда, как в случае исполнительных секретарей медицинских обществ, эти люди вербуются из рядов профессии. В других случаях они набираются извне. Президентов университетов часто черпают среди духовенства. В УМСА главное руководящее лицо очень часто оказывается не из рядов «секретарей». Но так или иначе функции этих должностных лиц таковы, что они не остаются в полной мере коллегами собратьям по профессии. Скорее это должностные лица, осуществляющие связь между техническим персоналом, правлением и такими публиками, как жертвователи и клиентура. Их техника является в сущности политической; она во многом одна и та же, независимо от того, действуют ли они для профессиональной ассоциации, УМСА, больницы, благотворительной организации или университета. Между институтами существует даже острая конкуренция за людей, владеющих этой техникой, и есть некоторое их перетекание из одного института в другой. Помимо прочего эти люди наделены энтузиазмом и воображением. Институт становится для них чем-то таким, в чем можно реализовать свои мечты¹.

Эти энергичные люди, владеющие искусством политики, необходимым в филантропическом, демократическом обществе, часто вступают в бой со старой иерархической организацией тех институ-

¹ Доклады Американской ассоциации университетских профессоров о конфликтах между профессорами и президентами университетов иногда раскрывают в интересном ракурсе характеристики тех и других, а также должностей, которые они занимают. См.: Bull. of the American Association of university professors. – Boston (MA), 1935. – Vol. 21, N 3. – P. 224–266 (о Питтсбургском университете); Bull. of the American Association of university professors. – Boston (MA), 1933. – Vol. 19, N 7. – P. 416–438 (о Колледже Роллинс, Rollins College).

тов, с которыми они связаны. В этом и состоит их значимость для обсуждаемой нами темы. Они изменяют баланс сил между различными функционирующими частями институтов. Они изменяют не только собственные должности, но и должности других.

Исследования некоторых других типов карьер аналогичным образом пролили бы свет на природу наших институтов – как, например, дорога на политические посты через братства, профсоюзы и патриотические общества. Такие карьеры являются предприятиями и требуют определенной мобильности и даже, пожалуй, некоторого оппортунизма, если человек хочет осуществить свои амбиции. Сами эти амбиции кажутся подвижными, а не фиксированными на незыблемых и четко определенных целях. Эти карьеры противоположны бюрократическим карьерам, где шаги, предпринимаемые в целях продвижения по службе, ясно и строго расписаны, равно как прерогативы каждой должности и ее место в должностной иерархии¹. Возможно, есть тенденция, ведущая нашу социальную структуру в сторону ригидности и, соответственно, делающая пути к различным позициям более ясно определенными. Такая тенденция сделала бы более судьбоносным каждый поворотный пункт в персональной карьере. Она могла бы также потребовать от индивидов урезать их представления о себе до более четких, более конвенциональных и, возможно, более мелких паттернов.

Но как бы ни обстояло дело, можно ожидать, что изучение карьер – т.е. движущейся перспективы, в которой персоны ориентируют себя относительно социального порядка, и типичных цепочек и сцеплений должностей – раскроет природу и «работающую конституцию» общества. Институты – всего лишь формы, в которых протекает коллективное поведение и коллективное действие людей. В ходе карьеры персона находит себе место в этих формах, ведет активную жизнь в отношении других людей и интерпретирует смысл той единственной жизни, которую ей суждено прожить.

¹ Маннгейм ограничил бы термин «карьера» такого рода вещью. Успех в карьере, как он говорит, может мыслиться только как *Amtskarriere* [официальная карьера]. На каждом ее этапе человек получает некоторый комплект престижа и власти, величина которого известна заранее. Лейтмотив такой карьеры – гарантированность; непредвиденное сводится почти до нуля (Mannheim K. Über das Wesen und die Bedeutung des wirtschaftlichen Erfolgstreben // Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik. – Tübingen, 1930. – Bd. 63. – S. 458 ff).

Эверетт Черрингтон Хьюз

РАБОТА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ Я

Хьюз внес большой вклад в такие области, как социология работы и социология занятий и профессий. В этой классической статье он не только соотносит понятия занятия и профессии, но также приводит ряд ключевых принципов исследований в указанных областях, очерчивает их тематику и вводит целый ряд важных понятий («грязная работа», «делегирование», «ошибки в работе», «рутина и ЧП»), подробнее развернутых в других его публикациях и определяющих своеобразие его подхода к изучению работы и занятий.

Перевод сделан по источнику: Hughes E.C. Work and self // Social psychology at the crossroads / Ed. by J.H. Rohrer, M. Sherif. – N.Y.: Harper & bros, 1951. – P. 313–323. Впервые перевод опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2003. – № 4. – С. 138–151. Здесь он публикуется в новой редакции.

Есть общества, где обычай или санкционированное правило определяют, какой работой человек данного статуса может заниматься. В нашем обществе по крайней мере одно мощное течение в идеологии устанавливает, что человек может делать любую работу, которую он компетентен делать, или даже имеет право на обучение и опыт, необходимые для достижения компетентности в любом виде работы, который он сделал целью своих устремлений. Равенство возможностей формулируется у нас в значительной мере через право на вхождение в любой род занятий, какой только понравится. Хотя до конца эту веру мы не практикуем, мы – народ,

культивирующий целеустремленность. Огромная часть нашей целеустремленности облекается в форму приобретения подготовки к таким видам работы, которые несут в себе больше престижа, чем те, которыми были заняты наши отцы. Таким образом, работа человека – это одна из тех вещей, по которым о нем судят, и, разумеется, одна из важнейших вещей, по которым он судит о себе сам.

Многие люди в нашем обществе работают в именованных родах занятий. Их названия – своего рода ярлыки, комбинация ценника и визитной карточки. Иной раз достаточно услышать случайный разговор, чтобы понять, насколько эти ярлыки важны. Прислушайтесь к торговому агенту, говорящему в ответ на вопрос, чем он занимается: «Я занимаюсь продажами», – или: «Я занимаюсь продвижением товара на рынке», – а не: «Я продаю сковородки». Школьные учителя иногда превращают преподавание в школе в образовательную работу, а воспитание молодых оболтусов и сопровождение классов на экскурсиях – в работу с личным составом. Ведение уроков в воскресной школе преобразуется в религиозное образование, а секретарь отделения YMCA занимается «групповой работой». Социальные ученые особо подчеркивают в своем названии научное окончание. Эти ограждающие утверждения, в которых люди подбирают самое благозвучное из нескольких возможных названий своей работы, предполагают аудиторию. И одна из важнейших вещей, касающихся любого человека, – это как раз его аудитория или его выбор нескольких наличных аудиторий, которым он может адресовать свои притязания на то, что он чего-то стоит.

Этих замечаний должно быть достаточно, чтобы привлечь внимание к тому, что работа человека – это одна из важнейших частей его социальной идентичности, его Я и, по сути, его судьбы в той единственной жизни, которую ему предстоит прожить, ведь в выборе рода занятий есть нечто почти столь же необратимое, как и в выборе супруга. И поскольку язык, которым говорят о работе, сильно нагружен ценностными и престижными суждениями, а также оборонительным выбором символов, то нас не должно удивлять, что понятия социальных ученых, изучающих работу, несут аналогичную нагрузку, ибо связь социально-научных понятий с народной речью остается тесной, несмотря на все наши попытки их разделить. Разница же состоит в том, что если в народной речи ценностная нагрузка естественна и уместна (ведь сокрытие и эго-защита относятся к самой сути социальных взаимодействий), то в научном дискурсе ценностно нагруженные понятия становятся шорами. И одна из проблем метода при изучении трудового поведения заключается

в том, что люди, обладающие наибольшими знаниями о данном роде занятий (скажем, медицине), у которых, следовательно, должны братья данные для анализа, – это люди, вовлеченные в данный род занятий. Они могут соединять в себе самое изощренное и сложное оперативное знание соответствующих социальных отношений с весьма сильно мотивированным подавлением и даже вытеснением глубочайших истин об этих отношениях, а в родах занятий более высокого статуса – еще и с незаурядным вербальным умением оставлять эти отношения недоступными для мышления и обсуждения других людей. Отчасти это делается за счет использования при обсуждении их работы ценностно нагруженных слов и настаивания именно на этих словах.

Позвольте мне для иллюстрации тезиса, что понятия могут быть шорами, вкратце поделиться с вами моим собственным опытом изучения занятий. Возможно, одна из причин того, что мы, социальные ученые, легко попадаем в их ловушку, состоит в том, что многие из таких занятий имеют более высокий статус по сравнению с нашим.

Моей первой вылазкой в поле было исследование агентов по продаже недвижимости в Чикаго. Эти люди, одержимые духом конкуренции, находились как раз в той точке своего путешествия к респектабельности, в которой желали подчеркнуть отход от прежней торгашеской подозрительности друг к другу и переход к профессиональной установке, предполагающей уверенность друг в друге и притязание на доверие публики. Я начинал исследование с намерением найти ответ на привычный вопрос: «Являются ли эти люди профессионалами?» Вопрос был ложный, ибо понятие «профессия» в нашем обществе является не столько описательным термином, сколько обозначением ценности и престижа. Снова и снова происходит то, что люди, практикующие некоторый род занятий, пытаются пересмотреть представления, которые их различные публики имеют относительно этого рода занятий и людей, в него вовлеченных. Делая это, они также пытаются пересмотреть собственное представление о себе и своей работе. Образец, который эти занятия ставят себе в качестве цели, – образец «профессии»; таким образом, термин «профессия» является символом желаемого представления о собственной работе и, стало быть, о собственном Я. Движение в направлении «профессионализации» занятия является, таким образом, коллективной мобильностью некоторых из тех, кто в это занятие вовлечен. Одна из целей этого движения – избавить занятие от тех, кто недостаточно мобилен, чтобы идти в ногу с изменениями. Есть два возможных вида профес-

сиональной мобильности. Один – индивидуальный. Индивид делает некоторое множество выборов и достигает мастерства, позволяющего ему подняться на некоторую позицию в профессиональной и, следовательно, как он надеется, в социальной и экономической иерархии. Его выбор ограничен несколькими условиями, в том числе социальным знанием, которым он располагает на момент принятия критического решения (для разных видов работы этот момент различен).

Другой вид профессиональной мобильности – это мобильность группы людей, включенных в род занятий, т.е. самого рода занятий. Он имел важное значение в нашем обществе, где произошли великие изменения в технологии и где этому сопутствовали рост числа новых занятий и изменение техники и социальных отношений в старых. Ныне порой случается, что к тому времени, когда человек овладевает всем социальным знанием, необходимым для как можно более толкового выбора рода занятий, он уже оказывается привязан к какому-то и всерьез в него вовлечен. Насколько сильно это может влиять на тягу к профессионализации занятий, я не знаю. Подозреваю, что такой мотив возникает. Во всяком случае, в нашем обществе обычное дело, когда группы, объединенные родом занятий, поднимают свое занятие на более высокую ступень в иерархии, превращая его в профессию. Не буду описывать здесь этот процесс. Укажу лишь, что в своих исследованиях от ложного вопроса «Является ли данный род занятий профессией?» я перешел к вопросам более фундаментальным: «При каких обстоятельствах люди некоторого рода занятий пытаются превратить его в профессию, а себя – в профессионалов?» и «Посредством каких шагов они пытаются породить идентификацию со своим ценным образцом?»

Даже с этой новой ориентацией термин *профессия* продолжал сохранять свое зашоривающее воздействие. Ибо, когда я начал читать курсы и вести семинары по родам занятий, я использовал целый набор понятий и заголовков, пагубно отражавшихся на понимании того, что такое трудовое поведение и трудовые отношения. Одним из них было понятие «кодекс этики», которое все еще подталкивало к сортировке людей на хороших и плохих. Только когда мне представился случай провести исследование расовых отношений в промышленности, я, как мне кажется, наконец избавился от этой предвзятости в используемых понятиях. Чернокожие промышленные рабочие, бывшие главным объектом нашего исследования, выполняли виды работы, имевшие наименьший престиж и связанные с наименьшими притязаниями; тем

не менее оказалось, что даже в низших занятиях люди развивают коллективные притязания на то, чтобы придать своей работе и, следовательно, самим себе ценность в глазах друг друга и в глазах посторонних.

Именно благодаря этим людям мы узнали, что общая облагораживающая рационализация людей во всех позициях трудовой иерархии, за исключением самой верхней, принимает следующий вид: «Мы, занимающие эту позицию, спасаем людей, занимающих позицию непосредственно над нами, от их собственных ошибок». Представление человека о том, что он спасает человека, обладающего более признанным умением и, несомненно, более признанным престижем и властью по сравнению с ним, от его ошибок, доставляет особое удовлетворение. Итак, в трудовой организации складываются правила взаимной защиты между лицами, относящимися к данной категории и данному рангу, и между рангами и категориями. Если использовать термин «кодекс этики», то мы, скорее всего, так и не увидим истинную природу этих правил. Эти правила с необходимостью имеют отношение к ошибкам, ибо в самой природе работы заложено, что люди допускают ошибки. Вопрос о том, как справляются с ошибками, ведет нас гораздо глубже, чем любой вопрос, содержащий понятие «профессиональная этика», в обычном ее понимании. Ибо при выявлении того, как справляются с ошибками, мы неизбежно подбираемся к фундаментальным психологическим и социальным механизмам, благодаря которым люди могут продолжать вести свои дела, жить с другими и с самими собой, зная, что то, что для них в их профессиональных ролях является повседневной рутинной, может быть для других судьбоносным, и зная, что их рутинные ошибки, причем даже те, на которых они учатся, могут затронуть в решающих точках чужие жизни. Отчасти это проблема рутинного обращения с кризисами других. Люди низших рангов, стало быть, пользуются мощным психологическим оружием, рационализируя свою ценность и незаменимость как нечто, заложенное в защите ими лиц высших рангов от их ошибок. На мой взгляд, почти трюизм, что люди, принимающие больше ответственности и полномочий, должны быть людьми, способными смело смотреть в лицо допущенным ошибкам, тогда как скрупулезность в делах отходит на второй план. Между тем, насколько мне известно, это не принимается всерьез во внимание в исследованиях социальной драмы работы.

Правила, которые люди создают для регуляции своего поведения на работе, охватывают, разумеется, иные проблемы, нежели

проблема ошибок. В сущности, эти правила классифицируют людей, ведь для того, чтобы определить ситуации и надлежащее поведение в ситуациях, необходимо приписать роли вовлеченным людям. Таким образом, к числу важнейших элементов правил относится установление критериев, позволяющих узнавать действительного сотрудника и определять, кто надежен и кого, возможно, даже нужно посвятить в мы-группу ближайших равных, а кого надо держать на некотором расстоянии. Эта проблема обычно скрывается от внимания термином «коллеги», который, хотя его этимология идеально подходит для рассматриваемого дела, включает в себе представление о высшем статусе или респектабельности. (В Германии до Гитлера социал-демократические рабочие называли друг друга «товарищами». Христианские профсоюзы настаивали на термине «коллега».)

Позвольте мне назвать еще один ценностно нагруженный термин, который может зашоривать наш взгляд при изучении социальной психологии работы, а именно – «ограничение производительности». Этот термин содержит ценностное допущение иного рода: допущение, будто есть человек, знающий и имеющий право определять правильный объем выработки для других людей. Если кто-то делает меньше, то он ограничивает производительность. Мэйо и другие исследователи много сделали для анализа рассматриваемого явления, но Макс Вебер еще сорок лет назад указывал на «торможение» как естественный результат борцовского матча между человеком и его работодателем за ту цену, которую первый должен платить своим телом за получаемую заработную плату. Короче говоря, Вебер говорил о том, что ни один человек не уступает другому без боя полный контроль над прилагаемыми усилиями и особенно над суммой физических усилий, которые он должен прилагать ежедневно. Вместе с тем нет ничего более характерного для человека, чем решительное и даже героическое усилие по выполнению задачи, которую человек каким-то образом воспринял как свою собственную. Я не собираюсь делать абсурдного вывода, будто могла бы быть ситуация, в которой каждый человек был бы своим единственным и полноправным бригадиром. Но, мне кажется, мы могли бы понять социальное взаимодействие, определяющее меру затрачиваемых усилий, если бы держались подальше от терминов, предполагающих, что делать меньше, чем требуется каким-то резонным авторитетом, ненормально.

У вас, несомненно, сложится впечатление, что я обращаюсь с обычным призывом к свободной от ценностей науке, т.е. к ней-

тральности. У меня нет такого намерения. Наша цель – *глубже проникнуть* в личную и социальную драму работы, понять социальные и социально-психологические упорядочения и средства, при помощи которых люди делают свою работу терпимой или даже делают ее величественной для себя и для других. Я полагаю, что в значительной мере наша терминология и, следовательно, постановка проблемы ограничивают поле нашего восприятия некоторой претенциозностью и некоторой ценностной нагрузкой. Если говорить конкретно, нам нужно избавляться от любых понятий, мешающих нам увидеть, что коренные проблемы работающих людей везде одинаковы и не зависят от того, выполняют ли они свою работу в лабораториях знаменитого института или в загаженном до безобразия помещении безвестной фабрики. До тех пор, пока мы не сумеем найти точку зрения и понятия, которые помогут нам провести сравнения между старьевщиком и профессором без намерения развенчать одного и превознести другого, мы не сможем наилучшим образом выполнить нашу работу в этой области.

Прикладывая к высокопрестижным профессиям понятия, естественным образом приходящие на ум при изучении людей в самых низких видах работы, можно узнать о них, по всей видимости, так же много, как много мы узнаем о других родах занятий, прилагая к ним понятия, разработанные в связи с высоко ценимыми профессиями. Более того, я пришел к выводу, что изучение любого социального феномена плодотворно начинать в точке наименьшего престижа. И вот почему. Поскольку престиж есть в значительной мере вопрос символов и даже претензий – пусть даже заслуженных, – рядом с престижем всегда имеется тенденция сохранять фронтальную видимость, скрывающую под собой внутреннюю начинку вещей: фронтальную пелену названий, уклончивости, секретности (во многом необходимой секретности). С другой стороны, в менее престижных вещах легче докопаться до сути.

В последние годы несколько моих студентов изучали более или менее низко ценимые занятия: уборщиков в многоквартирных домах, старьевщиков, боксеров, джазовых музыкантов, остеопатов, фармацевтов и т.д. Они делали это во многом благодаря своим связям с данными родами занятий и, возможно, в силу каких-то собственных проблем. Сначала я считал эти исследования просто интересными и информативными, так как они могли кое-что поведать о людях, выполняющих свою неказистую работу; я видел в этом просто американскую этнологию. Теперь я пришел к убеждению, что, хотя проблемы людей в этих направлениях работы так

же интересны и важны, как и любые другие, их более глубокая ценность кроется в тех прозрениях, которых они позволяют достичь в отношении трудового поведения во всех и любых родах занятий. Дело не в том, что они позволяют разоблачить других. Совсем нет. Просто процессы, скрытые в других родах занятий, в этих низко ценимых занятиях гораздо легче увидеть. Здесь мы, возможно, имеем дело с фундаментальной проблемой социальной науки: проблемой нахождения лучшего лабораторного животного для изучения данного ряда механизмов.

Позвольте привести пример. Уборщик в многоквартирном доме – это человек, которому приходится ради заработка делать много грязной работы за других. Это очевидно. Он не смог бы этого скрыть, даже если бы захотел. Так вот: каждый род занятий – это не одна, а несколько деятельностей, и некоторые из них составляют в этом деле «грязную работу». Она может быть грязной одним из нескольких способов. Она может быть просто физически неприятной. Она может быть символом унижения, чем-то таким, что ставит под удар чувство собственного достоинства.

Наконец, она может быть грязной работой в том смысле, что каким-то образом идет вразрез с нашими более героическими моральными понятиями. Та или иная грязная работа обнаруживается во всех занятиях. Трудно даже представить род занятий, в котором бы человек в некоторых повторяющихся обстоятельствах не оказывался практически вынужденным играть роль, которой (как он считает) он должен немного морально стыдиться. Поскольку любое занятие несет с собой некоторую Я-концепцию, или некоторое представление о личном достоинстве, то, вероятно, в какой-то момент человек будет чувствовать, что он вынужден делать нечто *infra dignitatem*. Уборщики в разговоре о своей физически грязной работе оказались весьма откровенными. На вопрос: «Какова самая тяжелая часть вашей работы?» – они почти по-приятельски отвечали в духе следующей цитаты: «Мусор. Он часто склизкий и воняет. Ну, вы же знаете, некоторые даже смотреть не могут на мусор, если он склизкий. Теперь-то я уже привык, а вот когда начинал, было очень противно». Или вот еще один ответ: «Самая тяжелая? Возиться в грязи перед мусоросжигателем. Это самая скверная вещь на этой работе. Жильцы не помогают, ублюдки поганые. Сегодня с ними говоришь, а завтра опять перед мусоросжигателем навалена куча».

Из второй цитаты ясно видно, что физическое отвращение уборщика – это нечто, имеющее место не просто между ним и

мусором, но включающее в себя также и жильца. Жилец – это человек, который больше всего вторгается в повседневную трудовую деятельность уборщика. Именно жилец больше всего мешает его полному достоинству упорядочению своей жизни и работы. Если бы не жилец, который разбил окно, он мог бы вовремя завершить свою регулярную субботнюю уборку; если бы не жилец, который засорил мусоропровод, его бы не вытаскивали с позором для него прямо из-за обеденного стола в тот самый момент, когда он экспансивно предлагал критически осматривающим на него родственникам жены вторую порцию свиных котлет, продолжая тем временем рассказывать о важности своей работы. Именно жилец причиняет уборщику статусные страдания. Физически неприятная часть работы уборщика напрямую втянута в его отношения с другими действующими лицами его трудовой драмы.

В качестве *contre coup*, именно благодаря мусору уборщик становится судьей над жильцами, которые его третируют, и обретает над ними власть. По кусочкам разорванных писем уборщики узнают о тайных любовных интрижках, по наличию в выброшенном хламе множества невскрытых писем – о нависшей финансовой катастрофе или финансовых махинациях. Они могут уклоняться от требований срочно выполнить какую-то работу со стороны неблагодарной женщины, о которой они по ее мусору знают, что она, по словам уборщиков, «ходит в тряпье». Мусор дает уборщику все необходимое для своего рода магической власти над этим претенциозным негодяем – жильцом. Я говорю «магическая власть», ибо не возникает даже мысли о том, чтобы кого-то выдать и тем самым превратить это знание в открытую власть. Он охраняет жильца, но, по крайней мере среди чикагских уборщиков, это охрана без любви.

Порассуждайте о том, что можно услышать от людей в некоторых других родах занятий; подумайте, дают ли они такие же откровенные и честные ответы, как уборщики. Я не говорю, да и не думаю, что было бы хорошо, если бы люди во всех родах занятий говорили так же свободно о физическом отвращении, как эти люди. Делать это где-либо, кроме как в самом закрытом узком кругу, значит создавать невыносимые ситуации. Но обычно при изучении занятий, где практикуется сокрытие, мы об этом забываем, и это создает совершенно ложное представление о проблемах, с которыми в этих занятиях приходится сталкиваться, и о возможных побочных психологических и социальных продуктах решений, вырабатываемых в отношении проблемы отвращения.

Итак, делегирование грязной работы кому-то другому – обычная вещь среди людей. Многие табу чистоты и, возможно, даже многие моральные заповеди зависят в своем соблюдении от успешного делегирования табуированной деятельности кому-то другому. Делегирование грязной работы является также частью процесса профессиональной мобильности. Тем не менее есть виды работ, в том числе некоторые с очень высоким престижем, в которых такое делегирование возможно лишь в ограниченной степени. Грязная работа может быть неотъемлемой частью той самой деятельности, которая наделяет профессию ее харизмой, как, например, работа врача с человеческим телом. В этом случае, как я полагаю, грязная работа каким-то образом интегрируется в целое и входит в престижную роль лица, выполняющего эту работу. Какую роль в этом случае она играет в драме трудовых отношений, еще предстоит выяснить. Уборщик, между тем, не интегрирует свою грязную работу в какое-либо глубоко удовлетворяющее его определение своей роли, которое могло бы ликвидировать его антагонистическое отношение к людям, с грязью которых он возится. И, кстати говоря, мы нашли причины считать, что одним из глубинных источников антагонизмов в больницах является убеждение людей, занимающих скромные должности, в том, что пользующиеся властью врачи призывают их к выполнению их грязной работы, прикрываясь ролью «лечения больных», хотя ни отблески престижа, ни даже толика денежного вознаграждения не достигают тех, кто занимает в иерархии нижние ступени. Таким образом, занятия, содержащие грязную работу, можно разделить на те, в которых она вплетена в удовлетворяющее и дающее престиж определение роли, и те, в которых она в него не вплетена. На мой взгляд, можно подумать и о другой классификации: на те занятия, в которых грязная работа кажется человеку возложенной на него по чьей-то воле, и те, в которых она совершенно не связывается с кем-либо из лиц, вовлеченных в трудовую драму.

Среди тюремных охранников и санитаров в психиатрических больницах бытует ощущение, что общество в целом и их начальство лицемерно возлагают на них грязную работу, которая, как им (обществу и начальству в тюрьме и больнице) известно, необходима, но которая, как они делают вид, не нужна. Здесь грязная работа принимает – в сознании людей в этих двух низких по статусу занятиях – форму оставления их на двадцать часов (сутки на работе, сутки отдых) наедине с заключенными, которых публике не доводится видеть никогда и которых люди, стоящие во

главе организации, видят лишь эпизодически. Здесь есть целый ряд проблем, которые не могут быть решены каким-то чудом в изменении социального отбора тех, кто нанимается на такую работу (а это обычное нереалистическое решение для таких случаев).

И это подводит нас к краткому рассмотрению того, что можно назвать социальной драмой работы. Большинство видов работы сводит людей в поддающихся определению ролях: например, уборщика и жильца, врача и пациента, учителя и ученика, рабочего и его мастера, тюремного охранника и заключенного, музыканта и его слушателя. Во многих занятиях имеется категория лиц, с которыми люди на работе регулярно вступают в ключевой контакт. В некоторых занятиях наиболее важными отношениями являются отношения работника с собственными сослуживцами. Именно они больше всего способны подсластить или отравить ему жизнь. Часто, однако, это оказываются люди, занимающие какую-то другую позицию. И во многих родах занятий есть категория лиц, являющихся, так сказать, потребителями работы или услуг работника. Вероятно, люди в этих занятиях будут вести свою хроническую борьбу за статус и личное достоинство с группой потребителей их услуг. Социально-психологическая проблема таких родов занятий заключена в какой-то степени в поддержании некоторой социальной дистанции и свободы от этих людей, самым решающим и непосредственным образом причастных к их работе.

В наших разговорах о родах занятий мы очень часто предполагаем, что напряженность между производителем и потребителем услуг определяется так или иначе недоброжелательностью или непониманием, которые легко устранить. Возможно, корни ее уходят гораздо глубже. Нередко со стороны производителя проявляется некоторая амбивалентность, которая может быть проиллюстрирована на примере профессиональных джазовых музыкантов. Музыкант нуждается в работе и в доходах. Он хочет также, чтобы ценилась его музыка, однако ставить свои заработки в зависимость от оценки ему не очень-то хочется. Ведь лучшими судьями своей игры ему нравится считать себя и других музыкантов. Игра на потребу аудитории, убаживание потребителей, которые, по его мнению, не являются хорошими судьями, становится для него источником раздражения. И дело не только в том, что слушатели, имеющие дурной вкус, требуют от него исполнения музыки, которую он не считает лучшим, на что способен; даже когда они восхищаются им за исполнение, в которое он вложил свою душу, ему это не нравится, ибо в этом случае они слишком приближаются, слишком сильно насаждают на его приватный мир.

Соответственно, музыканты пользуются всевозможными маленькими средствами для сохранения границы, проведенной ими между самими собой и аудиторией: например, выступая в танцевальном зале без сцены, поворачивают стулья, на которых сидят, так, чтобы создать нечто вроде барьера. Для многих занятий характерно, что от работающих в них людей – хотя они убеждены в том, что никто лучше них не может судить не только об их компетентности, но и о том, что будет лучше всего для людей, для которых они выполняют услуги, – требуется в некоторой мере считаться с суждением о том, что нужно этим любителям, получающим их услуги. Эта проблема дает о себе знать не только у музыкантов, но также в преподавании, медицине, стоматологии, искусстве и многих других областях. Это хронический источник уязвления эго и, возможно, антагонизма.

С этим связана проблема рутины и ЧП. Во многих родах занятий рабочие и специалисты (употребим оба статусных термина, низкий и высокий) рутинно заняты тем, что для людей, получающих услуги, является ЧП. Это источник хронического напряжения между ними. Ведь человек, попавший в критическую ситуацию, чувствует, что другой пытается преуменьшить его проблему, что он воспринимает ее недостаточно серьезно. Сама компетентность работника проистекает из того, что он имел дело с тысячей случаев того, что мне хочется считать моей уникальной проблемой. Работник считает, что знает из долгого опыта, что люди свои проблемы преувеличивают. Поэтому он создает средства, защищающие его от назойливости людей. Эту функцию выполняет жена уборщика, когда жилец звонит с просьбой или требованием срочно осмотреть протекающий кран; эту же функцию выполняет жена доктора и иногда даже жена профессора. Врач сопоставляет настоятельность одного вызова с неотложностью другого; причина того, что он не может прямо сейчас прибежать и осмотреть Джонни, у которого, возможно, корь, состоит в том, что он, к сожалению, в этот самый момент работает со случаем чумы. Здесь есть что-то от той борьбы, которая упоминалась выше в разных контекстах: борьбы за поддержание некоторого контроля над собственными решениями о том, какую работу делать, а также над распоряжением собственным временем и рутинной собственной жизни. Было бы интересно узнать, что думает про себя приходской священник, когда его в десятый раз вызывают соборовать почти святую миссис О'Флагерти, которая за всю жизнь не совершила ни одного греха, за исключением того, что, опасаясь умереть в греховном состоянии, назойливо досаждала священнику. Сама миссис

О'Флагерти чувствует опасность, что может умереть, не исповедовавшись, и у нее есть повод бояться, что люди, отпускающие грехи, могут не принять всерьез грозящую ей физическую опасность, а потому не прибыть достаточно быстро, когда ее час наконец пробьет. В сознании получателей неотложных услуг может даже присутствовать обида на то, что нечто, столь для них важное, может быть предметом более холодного и объективного отношения, пусть даже они прекрасно знают, что такая установка необходима для компетентности, и не смогли бы вынести, если бы эксперт, которому они поведали свои проблемы, выказал какие-либо признаки волнения. Я не работал сколько-нибудь полно или систематически со всеми проблемами этой драмы «рутина *versus* ЧП». А, стало быть, не работал систематически и с теми проблемами, которые были подняты в этой дискуссии. Моей целью было привлечь внимание к некоторым проблемам, которые, как мне кажется, лежат на границе между социологией и психологией, проблемам, над которыми люди в этих двух дисциплинах должны работать сообща.

РАЗДЕЛ II.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Значительную часть наследия Чикагской школы составляют работы, имеющие в большей или меньшей степени эмпирический характер. В этом разделе представлены такие работы. Им свойственно не только тематическое разнообразие, но и разнообразие воплощенных в них типов исследования.

«Гетто» Л. Вирта, «Золотой Берег и трущобы» Х.У. Зорбо, «Таксидэнс-холл» П.Г. Кресси, «Шайка» Ф.М. Трэшера – одни из наиболее известных и чаще всего упоминаемых сегодня чикагских монографий. Во всех них мы находим образцовый чикагский тип эмпирического исследования, в котором сочетаются экологическая, антропологическая и социально-психологическая точки зрения, и все они вносят важный вклад в понимание существенных свойств современного общества и жизни большого современного города.

Книга Э.В. Стоунквиста «Маргинальный человек» менее известна, но не менее важна в контексте Чикагской школы, поскольку в ней раскрываются изменения, происходящие в человеческой личности и культуре в процессе современного роста миграций и вовлечения во взаимодействие групп, прежде разделенных и не входивших друг с другом в контакт. В этой книге применен иной тип исследования: Стоунквист сравнивает множество случаев, опираясь не на собственную полевую работу, а на релевантную литературу.

Книга Х.М. Хьюз «Новость и интересная история», построенная на детальном и кропотливом анализе газет, новостных материалов и иного рода текстовых документов, в свое время осталась недооцененной, но до сих пор остается оригинальным вкладом в понимание эволюции медиа и содержания новостных сообщений. В этом исследовании разворачиваются идеи Р.Э. Парка о развитии газет, природе новостей и изменениях, приходящих в общество с современными СМИ.

В статье Э. Фэриса «Секта и сектант» представлен интеракционистский тип социологического анализа. Мы не находим в ней эмпирических данных, но Фэрис опирался в своем анализе как на собственный опыт (он много лет посвятил миссионерской работе в Африке и хорошо знал предмет), так и на опыт своих коллег (внимание к феномену секты было характерно для многих чикагских социологов).

Исследования гостиничной жизни Н.С. Хейнера – не самая известная страница в истории Чикагской школы, но в них дается интересный взгляд на природу современного города и показывается связь личностных изменений и изменений в поведении с современной городской мобильностью и таким важным элементом ее инфраструктуры, как гостиничные учреждения.

Две статьи Н.С. Хейнера о тюремных сообществах – малоизвестная, но интересная попытка применения чикагского опыта полевого исследования сообществ и культурных миров к такому институту, как тюрьма. И это одна из первых попыток социологического изучения тотальных институтов.

Луис Вирт

ГЕТТО

«Гетто» (1928) – единственная монография Л. Вирта (1897–1952), книга, давно ставшая классической. Гетто, в духе идущей от Р.Э. Парка традиции, рассматривается в ней как многомерный феномен, имеющий территориальное, экологическое, экономическое, политическое, социальное, культурное, социально-психологическое измерения. В книге рассматривается «естественная история» гетто и описываются разные траектории его развития, подробно рассматриваются франкфуртское и чикагское гетто, анализируются особенности гетто как особого социального и культурного мира и складывающиеся в связи с ним типичные особенности биографий и личностей. Гетто трактуется Виртом как предельный случай культурного сообщества, или общины, возможный в условиях современного городского общества. Вместе с тем еврейское гетто берется как образцовый случай целого класса городских районов, складывающихся на основе особых культур и образцов жизни их обитателей. Наконец, анализ гетто позволяет выявить и описать ключевые проблемы становления обществ современного типа, для которых характерны масштабные миграции и смешения народов и культур.

Здесь приводятся несколько глав из книги.

Перевод сделан по источнику: Wirth L. The ghetto. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928. – P. 1–39, 200–205, 222–226, 263–291. Впервые он был опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2005. – № 1–2. Здесь он воспроизводится с незначительными редакторскими изменениями.

Глава I. Введение

Это исследование – попытка понять некоторые особенности культурной жизни группы, имеющей долгую историю. История евреев за истекшую тысячу лет дает возможность изучить, какими способами культура группы влияет на характер народа и, наоборот, какие мутации происходят в культуре вследствие изменений в опыте народа. История евреев в этот период – это история гетто.

Понятие «гетто»

Слово «гетто» употребляют в отношении еврейского квартала города. Происхождение этого слова неясно, хотя в общем употреблении оно находится уже по меньшей мере лет пятьсот. Вместе с тем достоверно известно, что гетто существовали задолго до того, как были обозначены специальным названием. То, что известно о происхождении этого слова, может тем не менее оказаться в какой-то мере полезным если не для определения примерной даты рождения исторического феномена, к которому оно относится, то уж по крайней мере для определения его первоначального характера.

Впервые его, по всей видимости, стали употреблять в Италии, и форма его указывает на итальянское происхождение. Итальянские евреи, между тем, связывали истоки этого слова, произносимого ими как *gueto*, с древнееврейским *get*, означавшим документ о разводе, «полагая, что идея развода, выраженная в одном термине, и идея исключения, выраженная в другом, достаточно схожи, чтобы указывать на их общее происхождение»¹. Согласно другому объяснению, слово «гетто» было связано с немецким словом *Gitter*. Хотя что-то в этом есть, поскольку, как мы покажем дальше, гетто имело некоторые черты сходства с тюремными решетками, в целом это объяснение кажется притянутым за уши и слабо обоснованным. Могло это слово возникнуть и из итальянского *borghetto*, «маленький квартал». Доказательств в пользу этого, однако, немного. Более вероятно, что это слово происходит от итальянского *gietto* – пушечной мастерской в Венеции, неподалеку от которой располагалось первое еврейское

¹ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 24.

поселение¹. Еврейские историки Х. Гретц и А. Берлинер склоняются к тому, что корни следует искать в венецианском слове *gheta*, «пушечная мастерская»². Нет ничего необычного в том, что локальное название какого-то места переходит в общее употребление и начинает обозначать схожие явления. Берлинер берет в качестве иллюстрации слово «катакомбы», произошедшее от первых подземных склепов в Риме, которые располагались *ad Catacombas*³.

Таким образом, исторически современное гетто уходит корнями в средневековый европейский городской институт, посредством которого евреи сегрегировались от остального населения. Для обозначения улицы или квартала города, занимаемого евреями, в прошлом употреблялись и до сих пор в какой-то степени употребляются также и другие названия. Это *vicus Judaeorum*, позже известный как *Judenstrasse*, *Judengasse* (или просто *Gasse*) или *Juden-viertel* в Германии, *Judiaria* в Португалии, *Juiverie* во Франции и *Carriera* в Провансе и Конта-Венессене⁴.

¹ «Еврейская энциклопедия», один из самых авторитетных трудов в такого рода вопросах, сообщает: «Слово “гетто”, вероятно, итальянского происхождения, хотя ни один итальянский словарь не дает никаких ключей к его этимологии. В документах, датированных еще 1090 г., улицы Венеции и Салерно, отведенные евреям, носят название *Judaca* или *Judacaria*. В Капуе, согласно документам 1375 г., было место, называвшееся “San Nicolo ad Judaicam”; и еще в конце XVIII в. другое место называлось “San Martino ad Judaicam”. Отсюда делается предположение, что *Judaicam* стало итальянским *Giudeica*, а затем было искажено и превратилось в “гетто”. Другие ученые возводят это слово к *gietto*, пушечной мастерской в Венеции, недалеко от которой располагался первый еврейский квартал. Против обоих мнений говорит то, что слово произносится “ghetto”, а не “getto” (джетто); и представляется вероятным, что даже если бы какое-то из этих слов было искажено в разговорной речи, по крайней мере первая его буква, звучание которой является в слове главенствующим, сохранила бы свое исходное произношение. Исходя из этого, некоторые ученые видят истоки слова “гетто” в талмудическом *get*, схожем с ним по звучанию, и предполагают, что сначала этот термин использовался евреями, а затем вошел в общее употребление. Представляется, однако, невероятным, чтобы слово, рожденное маленьким презираемым меньшинством, получило всеобщее признание и даже вошло в литературу» (*Jewish encyclopedia*. – N.Y.: Funk & Wagnalls, 1903. – Vol. 5. – P. 652).

² Graetz H. *Geschichte der Juden*. – Magdeburg: Faldenberg, 1860. – Bd. 5. – S. 37; Berliner A. *Aus den letzten Tagen des römischen Ghetto*. – B.: Rosenstein & Hildesheimer, 1886.

³ Berliner A. *Aus den letzten Tagen des römischen Ghetto*. – B.: Rosenstein & Hildesheimer, 1886. – S. 2.

⁴ Philipson D. *Old European Jewries*. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 20, 30.

Различные местные названия, применяемые к гетто от страны к стране, показывают, что к концу XIV в. во многих европейских городах уже существовали ясно очерченные ареалы, населенные преимущественно или исключительно евреями. Как термин «гетто» вошел с течением времени в общее употребление, так и форма, принятая этим институтом, вскоре конвенционализировалась и стандартизировалась по всей Европе.

В России до недавнего времени гетто имело форму «черты оседлости». Этот круг поселения представляет собой фактически гетто внутри гетто. Он был установлен в 1771 г. с целью не допустить расселения евреев из Белой Руси, попавших при первом разделе Польши под суверенитет России, по всей стране. Границы его менялись, и в 1905 г. он включал следующие пятнадцать районов: Бессарабию, Вильно, Витебск, Вольнь, Гродно, Екатеринослав, Ковно*, Минск, Могилев, Подолье, Полтаву, Тавриду, Херсон, Чернигов и Киев. Более того, в пределах этих районов зоны расселения евреев ограничивались определенными городами и местечками. Правовые установления, касавшиеся расселения евреев, вообще запрещали им жить в остальной России, хотя какое-то время делалось исключение для некоторых групп, таких как выпускники университетов, купцы первой гильдии и проститутки. Евреям было разрешено жить в Польше, но в то же время их категорически не пускали в Финляндию и, за исключением осужденных, в Сибирь¹.

В нынешние времена слово «гетто» применяется не к месту официально регламентированного поселения евреев, а скорее к тем локальным культурным ареалам, которые сформировались с течением времени либо были добровольно ими выбраны или построены. В особенности оно применяется к тем ареалам, где проживает самая бедная и отсталая группа еврейского населения маленьких и больших городов. В наших американских городах словом «гетто» называют прежде всего ареал первого поселения, т.е. те части города, где иммигрант обосновывается вскоре после прибытия в Америку. Иногда ареал, в котором некогда жили евреи, но который затем был заселен другими популяционными группами, особенно иммигрантами, продолжает сохранять за собой обозначение «гетто». Более того, похоже, существует тенденция обозначать словом «гетто» иммигрантские кварталы вообще.

* Ныне Каунас. – Прим. пер.

¹ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – Ch. 7. См. также: Encyclopedia Americana. – N.Y.: Encyclopedia Americana corp., 1919. – Vol. 21. – P. 138.

С точки зрения социолога, гетто как институт интересно прежде всего тем, что репрезентирует пролонгированный случай социальной изоляции. Это результат попытки народа приспособиться, по крайней мере внешне, к чужакам, среди которых он поселился. Следовательно, гетто можно рассматривать как форму аккомодации между разными популяционными группами, посредством которой одна группа действительно подчиняется другой. Оно представляет собой по крайней мере одну из исторических форм обращения с раскольническим меньшинством в пределах более широкой популяции. В то же время это форма терпимости, благодаря которой устанавливается *modus vivendi* между группами, находящимися друг с другом в конфликте по фундаментальным вопросам. Наконец, в административном плане гетто служило инструментом контроля.

Некоторые из этих функций, как мы увидим, до сих пор выполняются современным гетто, хотя в иных отношениях оно полностью отлично по своему характеру от средневекового института, из которого оно возникло. Наибольший интерес для нас представляет гетто Западной Европы и Америки, так как оно наглядно показывает действительные процессы распределения и группирования населения в городских сообществах. Гетто живописно иллюстрирует способы, которыми культурная группа дает выражение своему древнему наследию при пересадке в чужую среду, а также постоянную сортировку и пересортировку ее членов и силы, благодаря которым сообщество сохраняет свою целостность и преемственность. Наконец, оно демонстрирует незаметные способы, которыми это культурное сообщество постепенно трансформируется, пока не смешивается с окружающим широким сообществом, в то же время снова и снова проявляя в изменчивых обличьях свою старую, безошибочно узнаваемую атмосферу.

Естественная история гетто

Гетто имеет письменную историю, охватывающую как минимум тысячу лет. Еще до того как гетто стало характерной формой еврейской общинной жизни, мы находим богато документированную историю еврейских поселений, которая возвращает нас к дням, предшествующим началу христианской эры. Странствия еврейского народа после потери им национального суверенитета, которые один писатель пересказал недавно в книге с удачно по-

добранным названием «*Страннее, чем вымысел*»¹, находят для себя сцену в каждой стране Европы и почти в каждом уголке земного шара. История гетто, стало быть, дает редкую возможность преобразования истории в естественную историю.

Многочисленные рассказы о жизни гетто, яркие автобиографии, пьесы, проза и поэзия гетто, описания путешественников, размышления философов, аргументы и мнения раввинов и талмудистов – все это не просто составляет историю гетто, но также дает материал для пытливого сравнительного изучения института, или культурного сообщества. Когда мы связываем отдельный факт или удивительно уникальную деталь жизни гетто, взятые из одного периода, с фактами и деталями, взятыми из другого периода, а факты жизни гетто в одной местности с фактами из другой местности, мы видим, как проступают сходства в линиях развития, которые создают основу для обобщений, для классификаций и для социологических законов. Имея это в виду, мы попытаемся пересказать историю гетто, не ограничивая себя каким-то одним сообществом или эпохой, а ища те более универсальные истины, которые не зависят от времени и места.

Исследование гетто, осуществленное под таким углом зрения, вероятно, прольет свет на множество родственных феноменов, таких как происхождение сегрегированных ареалов и развитие культурных сообществ вообще; ведь хотя гетто является, строго говоря, еврейским институтом, есть и такие формы гетто, которые имеют отношение не только к евреям. В наших больших городах есть Маленькие Сицилии, Маленькие Польши, Чайнатауны и Черные пояса, а также такие сегрегированные ареалы, как ареалы порока, имеющие с еврейским гетто много общего. Эти формы общинной жизни станут для нас, вероятно, более понятны, если мы будем иметь перед собой естественную историю еврейского гетто. Следовательно, гетто может считаться типичным представителем целого ряда других форм общинной жизни, которые пытаются изучать социологи.

В нашем исследовании гетто нам, очевидно, нет нужды погружаться в массу деталей, предоставляемых имеющимся материалом, также как нет нужды вдаваться и в тонкости высокой исторической критики. Наша задача – свести материал к форме, в которой он будет очищен от своей уникальности и станет типичским, т.е. общезначимым. На первый взгляд, мир индивидуального

¹ Browne L. *Stranger than fiction*. – N.Y.: Macmillan, 1925.

опыта складывается из бесконечного множества обособленных случайностей. Каждый опыт в некотором смысле уникален. Какой-то порядок достигается лишь путем связывания уникальных феноменов с предшествующими точками отсчета в опыте индивида или культуре группы. С помощью упорядоченной системы соотнесения мы способны свести непостижимую сложность и пестроту уникальных феноменов в ту плоскость, в которой разум может их объять. В этом процессе уникальный, или индивидуальный, опыт трансформируется в репрезентативный, или типичный.

Завидный темп прогресса в физических и естественных науках достигнут главным образом благодаря той экономии мышления и усилий, которая стала результатом сосредоточения на решающих экспериментах и наблюдениях. Случайные наблюдения и опыты признаны расточительными. Ограничив локус наблюдения и отбирая опытные данные, можно получить результаты, имеющие значимость не просто для индивидуального случая, а для целого класса случаев. На основании сходства можно предполагать, что результаты, полученные в одном эксперименте, будут верными для целого ряда родственных феноменов, при условии, что несущественные различия между ними будут временно исключены из внимания.

Такой процедуры мы, стало быть, и будем придерживаться, прослеживая развитие гетто от самых первых его проявлений по нынешний день в различных местностях, где евреи достаточно прочно укоренились и создавали типичные сообщества, среди которых каждое имело, конечно, свою особую атмосферу, но все имели друг с другом достаточно много общего, чтобы в них легко узнавались формы общего типа культурного самовыражения, характерного для всей этой группы в целом.

Человеческая природа и гетто

В повествованиях благожелательных историков история гетто предстает удивительной летописью трагедий и приключений народа. История гетто полна «человеческого интереса»; в ней есть свои вершины героизма, свои чудесные рассказы о бегстве, свои частые и повергающие в уныние глубины страдания и отчаяния. Поведать полную историю гетто во всей ее уникальности – законная функция художника и историка. Но социолог видит в гетто нечто большее, чем просто переживания данного народа в специфической исторической обстановке. Для него гетто – не просто глава в культурной истории человека. Для него это исследование

человеческой природы. Оно обнажает изменчивые и неуловимые мотивы, заставляющие людей действовать так, как они действуют. Социолога интересуют не столько декреты, издаваемые суверенами и законодательными органами, сколько фундаментальные мотивы, которые толкают к их принятию, и человеческие отношения, формальным выражением которых они являются.

Гетто – не только физический факт; это еще и состояние духа. Законы, регламентировавшие поведение евреев и христиан, являются собой лишь внешние формы, которым с субъективной стороны соответствуют установки социальной дистанции, самосознания и группового сознания. Враждебные чувства и взрывы насилия, которыми насковозь пропитана история гетто, представляют трения и конфликты, порождаемые совместной жизнью разных культурных групп. Многочисленные табу и ограничения, коими было отягощено поведение евреев и христиан по отношению друг к другу, должны рассматриваться не просто как случайные и произвольные решения членов той или иной группы, но скорее как физические проявления социальной дистанции, возникавшей из отношений конфликта. Поведение этих двух групп по отношению друг к другу заключало в себе не только неприятие и взаимное отталкивание, но они модифицировались тенденцией к дружелюбию и взаимному притяжению. Хотя, с одной стороны, еврей становился все больше и больше членом класса – т.е. абстракции, – с другой стороны, присутствовала устойчивая тенденция реагировать на него как на человека, т.е. как на личность. Игра этих противоборствующих сил во взаимодействии еврея и нееврея проходит красной нитью через всю историю гетто.

История гетто, с нашей точки зрения, есть история института. Различные стадии процесса, в ходе которого этот институт формируется; фундаментальные человеческие мотивы, которые находят в нем выражение; силы, которые его изменяют, воспроизводят и, наконец, вносят вклад в его разрушение, – вот некоторые вопросы, которые мы, изучая гетто, надеемся осветить. История гетто может показать различные процессы, причастные к рождению и росту общинной жизни как таковой, а также способы, которыми сообщество формирует те личностные типы и культурные институты, которым дает приют. В каждом сообществе идет процесс специализации и интеграции, приводящий к разделению труда и кооперации; последние связывают жизнь внутри ареала в единое целое и придают ей организованный характер. Гетто де-

монстрирует развитие такого сообщества в мельчайших деталях, предоставляя возможность для наблюдения и обобщения.

Что мы, в конечном счете, пытаемся найти, изучая гетто, так это степень, в которой изоляция формировала характер еврея и природу его социальной жизни. Каковы силы, сохраняющие эту изоляцию, и как она видоизменялась вследствие контакта? Как изоляция евреев произвела результаты, относящиеся не только к еврею, но также к негру, китайцу, иммигранту и множеству других изолированных групп в нашем современном мире? Хотя ниже нас интересуют главным образом еврей и еврейское гетто и материал мы черпаем из истории этого конкретного института, процессы, которые в нем протекают, мотивы, которые в нем работают, и последствия, которые он порождает, призваны пролить свет на более широкие предметы: человеческую природу и культуру.

Глава II. Происхождение гетто

В поисках новых домов

С 70 г., когда римляне завоевали Палестину и разрушили Иерусалим, начинается период *диаспоры*, или рассеивания по всему миру. Этим событием в еврейской истории открывается долгая глава миграции и поиска новых домов. Нельзя сказать, что до этого времени евреи жили только в границах Палестины, ибо предание гласит, что уже задолго до этого евреи жили в Италии, Испании и Германии; точно установлено, что еще до начала христианской эры евреи жили в Александрии, Антиохии, Риме и городах Малой Азии и Египта¹. Но, вероятно, нигде в Европе до этого евреи не оседали в сколько-нибудь большом числе, кроме Рима, где о них слышали уже в 76 г. до н.э. Тамашняя еврейская колония значительно выросла, когда римский полководец Помпей вошел в Иерусалим и, возвращаясь в Рим, увел с собой большую группу евреев. Тит депортировал тысячи евреев в западные римские провинции. Многие из них были привлечены к работам на сардинских коях, а из Рима они дрейфовали в другие итальянские города. «Что касается Испании, – говорит Филипсон, – то первое достоверное упоминание мы нахо-

¹ Huidekoper F. Judaism at Rome, B.C. 76 to A.D. 140. – N.Y.: D.G. Francis, 1883. – P. 6; Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 5.

дим у апостола Павла, который говорит в Послании к римлянам: “Как только предприму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами, и что вы проводите меня туда”. И далее: “...я отправлюсь чрез ваши места в Испанию”. Павел, как известно, путешествовал только в места, где проживали евреи или были установлены еврейские учения, ибо только знакомые с еврейскими доктринами могли понять его»¹.

Лучшее свидетельство раннего присутствия евреев в западных землях христиан обнаруживается в многочисленных декретах, изданных в отношении них церковными соборами. Присутствие значительного числа евреев в Испании к началу IV в. подтверждается тем, что церковный собор, состоявшийся в 305 г. н.э., принял несколько постановлений, запрещавших христианам поддерживать близкие связи с евреями. Фрагмент одного из этих постановлений гласит: «Ежели еретики не желают войти в Католическую Церковь, то девушек-католичек не следует выдавать за них замуж; ни евреям, ни еретикам не должны они отдаваться в жены, потому как для верующего не может быть никакой связи с неверующим. Если же родители пойдут против этого запрета, надлежит лишать их причастия на пять лет»². Другое гласит: «Поэтому если кто из церковников или верующих вкусит пищи с евреями, то надлежит лишить его причастия, чтобы это исправить»³. И еще: «Владельцам [земли] повелевается не допускать, чтобы их продукты, полученные ими от Бога, благословлялись евреями, дабы они не сделали бесполезным и слабым наше благословение. Если кто дерзнет это сделать после настоящего запрета, будет отлучен от церкви»⁴.

Джозеф Джекобс⁵ обнаруживает свидетельства присутствия евреев в Англии до Норманнского завоевания в канонических

¹ Philipson D. *Old European Jewries*. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 6–7. См. также: Рим. 15: 24, 28.

² Labbe P., Cosartii G. *Sacrosanta concilia ad regiam editionem exacta, quae nunc quarta parte prodit auctior*. – Lutetiae Parisiorum: Imprintis Societatis typographicae librorum ecclesiasticorum, 1671–1672. – Vol. 1. – P. 1273–1276; см. также: *Consiliarum omnium generalium et provincialium collectio regia*. – Vol. 1. – P. 645. Цит. по: Philipson D. *Old European Jewries*. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 7.

³ Philipson D. *Old European Jewries*. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 8.

⁴ Philipson D. *Old European Jewries*. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894.

⁵ Jacobs J. *The Jews of Angevin England*. – L.: D. Nutt, 1893. – P. IX, 2–3.

законах архиепископов Кентерберийских и Йоркских начиная с 669 г.: «Документ, изданный в 833 г. королем Витглафом из Мерсии, подтверждает право монахов монастыря в Кройленде на все владения, пожалованные им прежними королями Мерсии, дворянами и иными правоверными христианами, а также на те, которые были получены в дар, в залог или иным образом от евреев»¹.

Начало поселения евреев во Франции датируется II столетием². В различных торговых центрах Западной и Южной Германии, таких как Кёльн, Магдебург, Радасбон, Майнц, Шпейер, Вормс, Трев, Нюрнберг, примерно в XI в. мы находим большое число евреев³, но их присутствие в этих местах можно установить и гораздо раньше⁴.

Во всех этих странах в этот ранний период евреи вели существование, полное опасностей. Ненадежность жизни во времена раннего средневековья, особенно для чужаков, сделала еврея кочевником и принесла ему прозвище «вечный жид». Мобильность и приспособляемость к чуждым и постоянно меняющимся условиям были главными качествами, необходимыми для выживания. Еврейские предания этого периода полны рассказов о страданиях и странствиях, о героических подвигах, об изворотливых контактах с не слишком дружелюбными соседями и правителями. Меры, принимавшиеся евреями в защиту самих себя, очень схожи с некоторыми рационализациями и мифами, изобретаемыми в ответ на такие сегодняшние кризисы, как нордическая пропаганда. Филипсон приводит два подобных примера:

«По преданию, евреи поселились в Германии в глубокой древности. Когда во времена Крестовых походов на евреев Западной Европы стали возлагать ответственность за смерть Христа и многие тысячи их были растерзаны под этим предлогом разъяренными толпами, была придумана легенда, призванная опровергнуть это обвинение, и евреи выдвинули притязание на то, что община в Вормсе была у них еще задолго до Иисуса, фактически уже во времена Эзры, и что, следовательно, они непричастны к распятию и не несут за него никакой ответственности»⁵.

¹ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 10–11.

² Graetz H. Geschichte der Juden. – Magdeburg: Faldenberg, 1860. – Bd. 5. – S. 55–56.

³ Stobbe O. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters. – Braunschweig: Schwetschke, 1866.

⁴ Depping G.B. Les Juifs dans le moyen age. – P.: Impr. Royale, 1834. – P. 4.

⁵ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 9.

«Согласно другому преданию, евреи Южной Германии были потомками солдат, разграбивших Иерусалим. Как гласит история, эти солдаты, *Vangiones*, отобрали себе в качестве военной добычи еврейских красавиц, увели их в свои дома на Рейне и Майне и там на них женились. Их дети были воспитаны своими матерями как евреи и стали основателями еврейских общин между Вормсом и Майнцем. Все это, однако, лишь легенды»¹.

Ведя жизнь, полную неопределенности, евреи в Западной Европе эпохи раннего Средневековья вряд ли были больше чем странниками, относясь к своим поселениям как всего лишь к перевалочным пунктам на пути, ведущем их куда-то – куда они и сами не знали. Однако в своей роли чужака еврей оставлял у тех, у кого он гостил, неизгладимое впечатление. «Никто не отрицает того, что евреи были великими научными, торговыми и философскими посредниками Средневековья, – говорит выдающийся еврейский ученый из Англии Израил Абрахамс, – но чего обычно не признают, так это того, сколь много прогресса состоит просто в передаче идей и обмене товарами... Требовать признания за евреями этой заслуги – того, что они были посредниками в передаче не только торговых продуктов, но и идей, – значит, на мой взгляд, требовать признания за ними великой и отнюдь не постыдной роли»².

Еврей как чужак

По сравнению с тем, что последовало дальше, удел евреев в Европе в первом тысячелетии христианской эры был сносным, хотя и не идеальным. С началом Крестовых походов, однако, установилась острая реакция со стороны основного населения. Нельзя сказать, что до 1096 г. преследований не было, но они были спорадическими и умеренными по сравнению с тем постоянным и организованным массовым насилием, которое началось с Первым крестовым походом. До этого евреи были, в целом, свободными людьми и поддерживали в основном дружеские, а иногда даже близкие отношения со своими соседями иных вероисповеданий. Это подтверждают постановления многих церковных соборов, запрещавшие такую близость. Впечатляющие массовые движения,

¹ Philipson D. *Old European Jewries*. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 9–10.

² Abrahams I. *Jewish life in the Middle Ages*. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. XX–XXI.

которыми сопровождалась Крестовые походы, нарушили размеренную жизнь средневековой Европы. Внезапно население осознало, что в самой его гуще находятся чужие. Требовался лишь небольшой толчок для превращения этих чужаков во врагов, особенно во времена, когда нужен был козел отпущения, чтобы конкретно и непосредственно выразить далекие и идеалистические цели паломничества в Святую землю и ее завоевания, в которых, в конечном счете, могло участвовать лишь меньшинство. В этой ситуации евреи обратились за защитой к тем, кто не принадлежал к числу их близких и был достаточно далек от них в пространстве и положении, чтобы видеть их объективно – как нечто полезное; они обратились к императорам и папам. Они становились слугами казны (*servi camerae*)¹ и приобретали формальные и безличные *права*, гарантировавшие им некоторый статус в обществе, где каждый член населения имел фиксированное место. Средневековый серв был привязан к своему лорду, арендатор – к земле, которую он обрабатывал, ремесленник – к своей гильдии. Только место еврея в этом мире не было четко определено. Он был чужаком, но жил в условиях близости со своими соседями. Личные отношения не базируются на правах; только когда отношения становятся формальными и дистантными, в регуляцию поведения индивидов вторгаются права и законы. Как человек еврей не нуждался для защиты себя ни в каких правах; но как полезная вещь он в них нуждался, и он их приобрел. При всей призрачности этой протекции и ненадежности суверенов, продававших ее за высокую цену, евреи все же относились к ней как к привилегии. Согласно Гретцу, эта протекция началась в Германии при Фридрихе Барбароссе и была продолжена в 1103 г. при Генрихе IV. В годы правления Конрада III, на которые выпал Второй крестовый поход, евреи обратились к нему за защитой в Нюрнберге². Но общее распространение институт *servi camerae* получил лишь в XIII в.³ В еврейских молитвенных книгах до сих пор сохранилась специальная молитва за суверена, основанная на этом средневековом институте.

¹ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 12–13.

² Graetz H. Geschichte der Juden. – Magdeburg: Faldenberg, 1860. – Bd. 6. – S. 269.

³ Stobbe O. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters. – Braunschweig: Schwetschke, 1866. – S. 12.

«По мере того как из Средневековья рождается Европа, евреи все более и более подчеркнуто входят в особые отношения с правительством. Вместо того чтобы стать частью общего населения, каковой евреи часто были в первые века христианской эры, они выбрасываются из общей жизни в отдельную категорию. Достаточно сравнить Молитву за Королеву, как она до сих пор представлена в англо-еврейском ритуале, с ее формой в Книге общей молитвы. “Пусть высший Царь царей, – гласит еврейская версия, – милостью своей вложит сострадание в ее сердце и в сердца ее советников и знати, дабы они обращались милосердно с нами и со всем Израилем”. Современного еврея обижает этот язык, но нельзя отрицать, что его средневековая тональность все еще остается лейтмотивом миллионов еврейских жизней»¹.

Евреи со своей стороны искали статуса и безопасности; правители же смотрели на них как на всего лишь источник доходов. Один из них, император Руперт, в 1407 г. «распорядился, чтобы евреев не слишком притесняли, дабы они не были вынуждены эмигрировать и городам не пришлось сильно страдать от сокращения дохода. В 1480 г. Фридрих III распорядился, чтобы с евреями Радасбона обращались так, чтобы они могли за пять лет восстановить в достаточной степени свои состояния и платить императору 10 000 гульденов»². В результате евреи стали по сути сборщиками налогов для правителей, так как необходимость платить эту дань, разумеется, влияла на цены благ и услуг, которые они предоставляли населению в целом. Благодаря этой связи с властями евреи оказывались настолько желанными, что император, сталкиваясь с финансовыми затруднениями, часто находил выгодным продать привилегию опеки над евреями, а значит и привилегию собирать с них налоги, какому-нибудь принцу или церковнику. Так, в 1263 г. евреи Вормса перешли под защиту епископа Шпейера, а в 1279 г. евреи Страсбурга и Базеля были переданы епископу Базеля. Иногда это право продавалось частным лицам или городам; для средневековых суверенов оно стало одним из важных финансовых активов³. Как правило, евреям приходилось также покупать право жить в сообществе, в котором они до сих пор не жили. Оно было известно как право *Judaeos tenere*, или

¹ Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. XVII–XVIII.

² Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 15.

³ Stobbe O. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters. – Braunschweig: Schwetschke, 1866. – S. 19.

Judaeos habere. Это право содержать евреев, или владеть ими, которое император был волен продать местным властям или индивидам во многом так же, как город сегодня продает лицензии на перевозку пассажиров, предполагало, разумеется, что статус евреев был ненадежным. В глазах закона они были не гражданами – и даже не людьми, – но скорее налогооблагаемой собственностью. Даже это право, как мы увидим, существенно ограничивалось и подвергалось произвольному изменению по воле или прихоти его дарителя. «Будучи имуществом правителя, еврей не имел возможности надеяться ни на что, кроме личной милости и человечности правителя»¹. Этот статус оставался в основных чертах неизменным вплоть до эпохи Французской революции.

Древнейшая история евреев в Европе показывает постепенный переход от личных, спонтанных отношений, естественно выраставших между евреями и христианами, к формальной, легалистской, абстрактной форме отношений. Этот переход начался сразу, как только рутинные, первичные контакты, посредством которых обычно поддерживается жизнь соседства и сообщества, разрушились и начались кризисы, приведшие к вмешательству имперской или папской власти. В ходе этого изменения еврей приобрел особый статус, который не только повысил его самосознание, но и промаркировал его как *tertium quid** в глазах его соседей.

Добровольное гетто

Заключение евреев в обособленные локальные ареалы в средневековых городах вовсе не было порождением какого-либо формального эдикта церкви или государства. Гетто не было, как иногда ошибочно считают, произвольным творением властей, призванным совладать с чужим народом. Гетто было не продуктом чьего-либо умысла, а невольной кристаллизацией потребностей и практик, укорененных в религиозных и светских обычаях и наследиях самих евреев. Еще задолго до того как оно сделалось принудительным, евреи жили в отдельных частях городов в западных странах по собственной воле.

«Хотя эпоха гетто, в собственном смысле слова, начинается с XVI в., сохранилось много документов об уединении евреев в особых кварталах несколь-

¹ Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. XVIII.

* Третий член (вечного треугольника) (лат.). – Прим. пер.

кими веками раньше. *Добровольное* сосредоточение евреев в определенных частях городов, обусловленное нуждами общинной организации, было обычным делом уже к XIII в. В Кёльне был в это время еврейский квартал, хотя в этом городе, как и в большинстве мест, где существовали добровольные еврейские кварталы, евреи жили также и за пределами еврейского района. Но отличие, которого достигают своими силами, не то же самое, что отличие, навязываемое извне. Нигде это не видно так ясно, как на примере Праги. Там евреи, жившие за пределами *Judenstadt*, решили в 1473 г. добровольно разделить участь со своими братьями, жившими в еврейском городе... В 1555 г., когда Павел IV учредил обреченное на неудачу гетто в Риме, лишь очень немногие еврейские семьи проживали там вне *serraglio degli hebrei*, или *septus hebraicus*, как назывался еврейский квартал на левом берегу Тибра. Но хотя мало кто из евреев жил за его пределами, многие из благороднейших христиан жили в самом сердце еврейского квартала. Величественные дворцы и церкви стояли по соседству с синагогой, а римские христиане поддерживали свободное и дружелюбное общение со своими еврейскими соседями... Поначалу гетто было скорее привилегией, чем ущемлением, и иногда отстаивалось как право, когда нависала угроза его упразднения»¹.

Евреи стекались в отдельные культурные ареалы не под давлением извне и не по какому-то обдуманному плану. Факторы, побуждавшие евреев к основанию локально обособленных сообществ, следует искать в характере еврейских традиций, в привычках и обычаях евреев, но не только их самих, но и средневекового горожанина вообще. Географически обособленное и социально изолированное сообщество, видимо, давало евреям наилучшие возможности для следования их религиозным предписаниям, приготовления пищи согласно принятому религиозному ритуалу, соблюдения их правил диеты, ежедневного трехкратного посещения синагоги для молитвы и участия в многочисленных функциях общинной жизни, к которым обязывал каждого члена сообщества религиозный долг. В некоторых случаях, быть может, страх перед остальным населением заставлял их ради безопасности искать общества друг друга. Иногда принц или правитель, под чьей опекой они находились, находил желательным подарить им для этого отдельный квартал как привилегию. Нужно учитывать в этой связи и общий тон средневековой социальной жизни. Было принято, чтобы члены одной профессиональной группы жили на одной улице или в одном районе, и евреи, образуя в целом отдельный

¹ Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. 62–65.

профессиональный класс и имея особый экономический статус, отличавший их от остального населения, стало быть, просто поступали в соответствии с общим устройством средневекового общества¹. Вдобавок к этому существовали многочисленные узы родства и знакомства, формировавшие основу того *esprit de corps*, который является значимым фактором развития общинной жизни. Были элемент общего языка, общность идей и интересов, да и просто то сродство, которое возникает даже между чужаками, когда они, будучи родом из одной местности, сходятся друг с другом в чужой среде.

Добровольная сегрегация евреев в гетто имела много общего с сегрегацией негров и иммигрантов в современных городах и была во многих отношениях идентична развитию богемных и бродяжно-богемных кварталов в сегодняшнем городском сообществе. Терпимость, в которой нуждаются чужие образы жизни и которую они находят в иммигрантских колониях, латинских кварталах, ареалах порока и других местах (localities), служит могущественным фактором сортировки населения и его распределения по особым культурным ареалам, где человек обретает свободу от враждебных нападков и прочные тылы в виде группы родственных душ.

Наконец, добровольное гетто было административным инструментом, по крайней мере отчасти. Оно способствовало социальному контролю со стороны сообщества над его членами; оно существенно облегчало сбор налогов; и оно делало возможным надзор, который средневековые власти осуществляли над всеми чужаками и не-гражданами.

Постепенный переход от прямых, спонтанных, личных к косвенным, формальным и легалистским отношениям между евреем и его христианскими соседями находит отражение в древнейшем из сохранившихся документов, в котором местной группе евреев дарится отдельный квартал. В этом первом письменном свидетельстве подчеркивался тот факт, что гетто вручалось евреям как право. Безопасность, приходящую с такими письменными инструментами, вряд ли можно переоценить, ведь мы помним, что могущество средневековых властей было почти безграничным, а личность суверена была очень капризной. Кроме того, необходимо

¹ См., например: Stobbe O. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters. – Braunschweig: Schwetschke, 1866. – S. 176; Höniger R. Zur Geschichte der Juden im frühen Mittelalter // Ztschr. für die Geschichte der Juden in Deutschland. – B., 1887. – Bd. 1, H. 1. – S. 90.

напомнить, что в средние века чужакам обычно не разрешалось подолгу оставаться в сообществе и они облагались безжалостными налогами. Между тем, покупая это право, евреи кое-что приобретали и кое-что теряли. Они получали официальное покровительство суверенной власти, но теряли те личные связи и самоочевидный статус в сообществе, которыми каждый член сообщества пользуется без осознания какого-либо формального и законного права. Право проживания и торговли, приобретенное евреями, промаркировало разрыв с их прежним спонтанным симбиозом с христианскими соседями и переход ко вторичной связи с ними, в которой они составляли отдельный класс. Упомянутый документ гласит:

«Во имя святой и неделимой Троицы, когда я, Рюдигер, зовущийся также Гузманн, Епископ Шпейера, превратил Шпейер в город, я думал приумножить славу нашего места, привлекая сюда евреев. Соответственно, я разместил их вне общины и места проживания других граждан, а дабы высокомерие населения не могло без труда их настичь, я оградил их стеной. Место их проживания я приобрел справедливым путем: холм – частично за деньги, частично путем обмена; долину получил в дар от [каких-то] наследников. Это место, говорю я, передал я им на условии, что они будут платить три с половиной фунта денег Шпейера ежегодно в пользу [монастырских] братьев. В пределах места их проживания и за его пределами, вплоть до гавани, и в самой гавани я дал им полное дозволение обменивать золото и серебро, покупать и продавать все, что они пожелают, и это же самое дозволение я дал им в пределах всего государства. Впридачу я выделил им из собственности церкви место для погребения с правами наследования. Также я дал следующие права. Если какой-либо чужой еврей поселится [временно] у них, он будет избавлен от налогов. Кроме того, как правитель города рассматривает споры между гражданами, так и главный служитель синагоги принимает решения по каждому спору, который может возникнуть между евреями или против них. Но если, волей случая, он не может разрешить тяжбу, то дело должно быть вынесено на суд епископа и его казначеев. Ночных смотрителей, охрану, укрепления они будут обеспечивать только для собственного района; охрану, разумеется, вместе с прислугой. Няnek и слуг им будет позволено брать у нас. Мясо, которое им, по их закону, есть не дозволяется, они могут продавать христианам, а христиане могут его покупать. Наконец, в качестве высшего знака доброты, я даровал им законы, лучшие, чем еврейский народ имеет в любом другом городе Германской империи.

Дабы никто из моих преемников не уменьшал этой благосклонности и привилегии и не заставлял их платить бóльшую дань под предлогом, что свой привилегированный статус они обрели несправедливо, а не получили его от епископа, я оставил этот документ как свидетельство вышеупомянутых приви-

легий. И дабы память об этом сохранилась на века, я скрепил его своей подписью и печатью, что можно ниже увидеть.

Составлено пятнадцатого сентября, в год Воплощения 1084, в год двенадцатый от того, как вышеупомянутый епископ приступил к правлению в этом государстве»¹.

Льготы, дарованные евреям Шпейера в этом документе, были заметными и, как говорит епископ, более предпочтительными, чем где бы то ни было. Им давалась локальная автономия; при этом в руки самих еврейских общинных властей передавались такие юридические полномочия, каких евреи обычно не имели до значительно более позднего времени. Кроме того, в этом документе определяются их экономические отношения с общим населением, которые, в частности, позволяли евреям иметь прислугу из христианского населения для выполнения необходимых работ в синагоге и в домах во время субботы, а также в иное нужное время, и продавать христианам ту часть мяса (обычно заднюю часть туши), которую евреям не было позволено употреблять в пищу. Без этой привилегии потребление мяса среди евреев стало бы слишком дорогостоящей роскошью. Все эти обстоятельства благоприятствовали развитию автономных еврейских институтов и давали организованной общине такой контроль над ее членами, который гарантировал ее преемственность и низводил индивида в состояние зависимости от общинной жизни, обеспечивающее эффективную субординацию и строгую дисциплину. Физический барьер в форме стены, коего требует этот документ, был вещью характерной и указывал на небезопасность городской жизни в средние века. То, что евреи действительно относились к этой протекции как к привилегии, видно из того, что при возникновении угрозы упразднения гетто евреи противились этим попыткам и иногда повторно выкупали свое право на отдельное место проживания за солидную цену².

Только что процитированный документ показывает, что евреи, с точки зрения правителя, были всего лишь полезной вещью. Как контрактная рабочая сила может импортироваться в сообщество, так и евреи привлекались в него постольку, поскольку, по

¹ Orient (1842). – P. 391. Цит. по: Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 36–38.

² См.: Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. 65.

словам епископа, они бы «приумножили славу нашего места» и выполняли некоторое множество функций, которые жители города не были способны выполнить сами. Евреям разрешалось заниматься торговлей и обменом – делами, которыми церковь не позволяла заниматься христианам. Кроме того, евреи были ценной налогооблагаемой собственностью, и на них можно было положиться в обеспечении крайне необходимых доходов. Евреи, в свою очередь, тоже относились к христианскому населению как к средству для достижения цели – как к полезной вещи. Христиане могли выполнять такие функции, как употребление в пищу филейных частей говядины, и могли покупать товары, имевшиеся у евреев для продажи; они могли занимать у евреев деньги и выплачивать проценты. Христиане могли выполнять для евреев такие услуги, как разжигание их очагов по субботам и праздникам, что самому еврею возбранял делать его строгий религиозный ритуал. В религиозной и социальной жизни обеих групп мы, стало быть, находим те факторы, которые ответственны за возникновение между этими двумя группами отношений полезности. Это вполне гармонировало с общей тональностью средневековой жизни, когда за каждым индивидом в сообществе было жестко закреплено определенное место, а функции каждого класса были строго очерчены обычаями и правом.

По мере того как жизнь евреев менялась, она становилась все больше и больше тем, чем всегда является жизнь, – а именно адаптацией к физическим и социальным условиям местности. В местности, в которой евреи теперь оказались, каждый был к чему-то привязан – к земле, к феодальному господину, к дому, в котором жили он и его предки, или к гильдии, в которой он состоял. В этой жесткой структуре евреи нашли себе стратегическое место. Установка средневековой церкви неразрывно связывала торговлю и финансы с грехом. Евреи были, по крайней мере, свободны от этих табу, в силу которых занятия торговца и банкира выглядели нежелательными для христианского населения. Христианских церковников не беспокоили «опасности для еврейской души», ведь у еврея, как им было известно, не было души и спасать в нем было нечего, он в любом случае был пропащим.

Торговые связи, однако, были возможны, и не только благодаря тому, что они были взаимовыгодными, принося еврею средства к существованию, а окружающему сообществу – процветание и доход, но и благодаря тому, что торговые связи возможны даже тогда, когда никакой другой формы контакта между двумя наро-

дами быть не может. Торговля – абстрактная связь, особая форма симбиоза, скорее физическая по своей природе, чем социальная. Она рациональна, эмоции в ней отходят на задний план. Торговать можно и с врагами, поскольку торговля не заключает в себе никаких элементов личных предубеждений. Чем менее личностна, менее эмоциональна и более безлична и абстрактна установка торговца, тем эффективнее и успешнее он может осуществлять свою функцию. Торговать с родственниками и друзьями нелегко, поскольку в этом случае к абстракциям, на которых строится торговля, примешиваются личностные соображения.

Будучи чужаком и принадлежа к отдельному и обособленному классу, еврей как никто другой подходил для того, чтобы стать торговцем и банкиром. Он дрейфовал в маленькие и большие города, где торговля была возможной и прибыльной. Здесь он мог использовать все дальние связи, накопившиеся у него в ходе странствий. Его привязанность к окружающему сообществу была слабой. Поэтому он был избавлен от сентиментального отношения к нему и мог, когда требовала необходимость, мигрировать в другое место, где было больше возможностей. У него не было недвижимого имущества, к которому он был бы привязан, и он не был сервом феодального господина. Его мобильность, в свою очередь, развивала в нем разносторонность. У него было чувство перспективы, а его невежество в локальных традициях и табу позволяло ему открывать возможности там, где местные жители не могли их увидеть.

В то время как его контакты с внешним миром были категориальными и абстрактными, внутри своего сообщества он был дома. Тут он мог расслабиться и сбросить с себя этикет и формализм, которыми регулировалось его поведение в мире гоев. Гетто давало освобождение. Большой мир был холодным и чужим; его контакт с ним ограничивался абстрактным и рациональным общением. Но внутри гетто он чувствовал себя свободным. Его контакты с другими евреями были теплыми, спонтанными и интимными. В особенности это относилось к его семейной жизни. Во внутреннем кругу своей племенной группы он получал ту высокую оценку, ту симпатию и то понимание, которые более широкий мир не мог ему дать. В своем сообществе, базирующемся на солидарности составлявших его семей, он был человеком со статусом, в противоположность его формальной позиции во внешнем мире. Его собратья-евреи и члены его семьи, с которыми он был связан традицией и общими верованиями, укрепляли его в уважении к

ценностям собственной группы, поразительно отличавшимся от ценностей чужого общества, в котором он в данный момент жил.

Когда бы он ни возвращался из путешествия на дальние рынки или со своей ежедневной работы, которой приходилось заниматься в основном в мире гоев, он возвращался в свой родной круг, туда, где он мог отдохнуть от забот и вновь утвердиться в качестве человека и в качестве еврея. Даже оказываясь вдали от родных, он жил своей настоящей внутренней жизнью в мечтах и тоске по ним. Со своими он мог говорить тем домашним и свойским языком, который был непонятен остальному миру. Общими трудностями, многочисленными церемониями и чувствами он был прикован к своей маленькой группе, которая жила собственной жизнью, не замечая мира за пределами гетто. Без поддержки своей группы, без защищенности, которой он наслаждался в своем внутреннем круге друзей и земляков, жизнь для него была бы невыносимой.

Через посредство гетто – добровольного гетто – постепенно развилась та социальная дистанция, которая в конце концов изолировала еврея от всего остального населения. Эти барьеры не препятствовали контакту полностью, но свели его к тому типу связей, который имеет вторичный характер, – торговле и другим формальным отношениям. По мере того как кристаллизовывались эти барьеры и жизнь еврея протекала все больше и больше вдали от остального мира, солидарность его собственного маленького сообщества укреплялась, пока оно не оказалось наконец жестко отрезано от более широкого внешнего мира. Вместе с тем добровольное гетто ознаменовало лишь начало долгого процесса изоляции, который достиг своего наивысшего развития, когда на место добровольного гетто пришло гетто принудительное.

Глава III. Гетто становится институтом

Принудительное гетто

Формы общинной жизни, возникшие естественно и спонтанно в попытке евреев адаптироваться к своим окружениям, постепенно формализовались в обычае и прецеденте и, наконец, кристаллизовались в правовые установления. То, к чему евреи стремились как к привилегии и что прежде санкционировалось всего лишь личными любезностями и обычаем, вскоре стало мерой, которая им навязывалась. Между евреями и их соседями было много близости и дру-

жеских связей. Евреи играли, среди всего прочего, роли торговцев, банкиров, врачей и солдат; многие из них становились выдающимися советниками правителей и учителями в тогдашних учебных заведениях. Если не брать одежду и обычаи, их вряд ли можно было отличить от остального населения. Однако их религиозные идеи и практики – или, скорее, представления церковников и населения об их религии – вовлекали их иногда в острый конфликт с установленным порядком. Когда с началом крестовых походов церковь стала воинственной, наступил период активного подавления. Кульминацией его стала правовая регламентация гетто, а в некоторых случаях, особенно в Испании и Польше, это подавление приняло форму массового истребления и изгнания.

К XV в. гетто стало законодательно предписанным местом проживания евреев. Мотивы, побудившие церковь и государство принять эти репрессивные меры, достаточно ясно просвечивают в многочисленных указах, которые обнародовались правителями и принимались различными церковными соборами. Вот выдержка из протоколов церковного собора, состоявшегося в 1266 г. в Бреслау:

«Поскольку земля Польши является новым обретением в теле Христианства, то дабы христианских людей не заражали с легкостью предрассудки и порочные нравы евреев, живущих среди них... повелеваем, чтобы евреи, живущие в этой провинции Гнезена, не жили среди христиан, но имели свои дома близко или по соседству друг с другом в какой-нибудь изолированной части государства или города, и чтобы место их проживания было отделено от места общего проживания христиан изгородью, стеной или рвом»¹.

Опасения церкви были не совсем уж беспочвенными, о чем свидетельствует ересь «жидовствующих», появившаяся в XV в. в Польше², хотя базировались они по большей части на неподтвержденных слухах, которые распространяли излишне ревностные церковники или нарочно придумывали заинтересованные части населения. В различные периоды средневековья происходили обращения в иудаизм, но в целом евреи не искали новообращенных и обладали чувством превосходства собственной группы³.

¹ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 39–40.

² Dubnow S.M. History of the Jews in Russia and Poland. – Philadelphia (PA): Jewish publication society of America, 1916. – Vol. 1. – P. 36.

³ Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. 411.

Меж тем уже самого факта присутствия чужеродной, раскольнической популяции было достаточно, чтобы разбудить страхи по поводу возможного еретического воздействия на местных жителей. Еретические движения в рамках установленной церкви нередко списывались на влияние евреев.

«Интеллектуальному движению в большинстве наций Европы повсеместно предшествовал бунт против Церкви. Во Франции этот бунт случился в XII–XIII вв. и был связан с альбигойской ересью. В Англии XIV век увидел подъем лоллардизма; в Богемии основание великого Пражского университета в XV в. было связано с реформой гуситов. Так вот, второе из этих движений было, с теологической точки зрения, несомненно иудейской реакцией. Относительно первого и третьего достаточно сказать, что правящие круги сочли разжигателями этих движений евреев и оплатили им за их предполагаемое участие кровавой монетой»¹.

То, как церковь встретила опасность со стороны евреев, иллюстрирует следующий пример:

«Третий провинциальный совет Равенны, состоявшийся в 1311 г., желая положить конец свободному смешению христиан и евреев, похоже, вошедшему в моду в этой провинции, постановил принять, среди прочих ограничительных мер, меру в отношении места проживания евреев: “Евреи нигде не должны жить дольше месяца, кроме как в местах, где у них есть синагоги”.

Представляется, однако, что распоряжения этого совета не очень-то уважались, ибо еще один совет, состоявшийся там же в 1317 г., принимает на эту тему более жесткое решение. Четырнадцатый параграф этого совета открывается словами: “Хотя церковь терпит евреев, все же не следует терпеть их во вред или тяжкий ущерб верующим; потому как нередко случается, что они воздают христианам оскорблением за благосклонность, презрением за доброе расположение. Поэтому провинциальный совет, состоявшийся в Равенне некоторое время назад, полагая, что много скандалов возникло из-за слишком свободного их смешения с христианами, постановил, что они должны носить колесо из желтой ткани на верхней одежде, а их женщины – такое же колесо на головах, дабы их можно было отличить от христиан”. Далее в тексте говорится на интересующую нас тему: “И евреи нигде не должны жить дольше месяца, кроме как в местах, где у них есть синагоги. Но поскольку некоторые, не будучи в состоянии удержаться от возбраниющихся вещей, относятся к твердому решению вышеупомянутого совета непочтительно и притворяются несведущими, то наказание научит их

¹ Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. XXI.

знать, сколь тяжким преступлением является пренебрежение церковными указами; и с одобрения священного совета, желая с сего дня пресечь это преступление, доводим до сведения всех священнослужителей, а также мирян нашей провинции, и постановляем, что никто не должен возводить дома для евреев, сдавать им в аренду или продавать уже построенные дома, ни под каким предлогом дарить им [свои дома] и позволять им их занимать. А если кто-то поступит против этого, то самим своим деянием навлечет на себя отлучение, от коего не сможет быть избавлен до тех пор, пока не выполнит вышеупомянутые требования»¹.

Декреты, имеющие такую общую тональность, были приняты во всех странах Европы, в Турции и в Марокко. Вот что гласят некоторые из них:

«...Верующие подвергают серьезной опасности тело и дух»².

«Дабы избежать чрезмерного общения с ними [евреями], в больших и малых городах надлежит обязать их жить в определенных местах, отделенных от места проживания христиан и находящихся как можно дальше от церквей»³.

«Настоятельно требуем от правителей, чтобы они выделили в разных городах определенные места, где евреи жили бы отдельно от христиан. А если евреи имеют собственные дома в [других частях] города, то пусть они [правители] прикажут им продать их в течение шести месяцев христианам, притом настоящему, а не путем какого-либо притворного договора»⁴.

Получив образец в лице римского гетто, учрежденного в 1556 г. папой Павлом IV, гетто выросли в Христианском мире повсеместно, в каждом городе, где была еврейская община. Обычно эти гетто были обнесены стеной и имели одни или несколько ворот, запираемых на ночь. К заходу солнца евреи должны были быть по внутреннюю сторону ворот, подвергаясь в противном случае суровому наказанию. Обычно им не разрешалось появляться на улицах за пределами гетто по воскресеньям и в важные христианские праздники. Кое-где власти отказывались предоставить евреям больше про-

¹ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 40–42.

² Ibid. – P. 42.

³ Ibid. – P. 44.

⁴ Ibid. – P. 45.

странства, чем было первоначально отведено под гетто; обычно это вело к перенаселенности, когда население гетто возрастало.

«Помимо изоляции, которую в большей или меньшей степени влекли за собой гетто, – я говорю “в большей или меньшей степени”, ибо совершенно очевидно, что многие евреи ухитрялись обеспечить себе привилегию жить за их пределами, – самым серьезным следствием нового притеснения была ужасная перенаселенность, неизбежно вытекавшая из скопления тысяч евреев в ограниченных пространствах. Еврейское население росло, а гетто оставались практически неизменными. Укрупнения иногда дозволялись, но в целом изначально установленные пределы гетто не расширялись. А потому даже когда места, в которых строились гетто, не были трущобами, они быстро в них превращались. Иногда, например в XIII в. в Кёльне, еврейский квартал был самой узкой частью города и даже назывался “Узкой улицей”»¹.

Нередко евреев изгоняли из их гетто; наиболее примечательными из этих случаев были изгнания из Вены в 1670 г. и из Праги в 1744–1745 гг. Последнее произошло во время войн за наследование австрийского престола, когда Мария Терезия под предлогом, что «они впали в немилость», велела евреям покинуть Богемию. Этот указ под давлением властей был отменен, но евреи, не зная о его отмене, обратились с прошением о принятии их обратно в обмен на выплату годового налога; этот налог они платили до 1846 г.²

Мотивы, побудившие власти заключить евреев в гетто, уже были отчасти указаны. Случаи открытого конфликта с официальной церковью были редкими, но были большие опасения, что присутствие евреев ослабит веру христиан. Часто приводился аргумент, что евреи покидают дом с целью обращения других в свою веру. В одном из декретов, который мы уже цитировали, говорится об опасении, что они могут повредить христианскому богослужению, в силу чего им надлежало жить как можно дальше от христианских церквей. Если брать внешние резоны, то величайшим фактором из всех был страх перед ересью, который чаще всего был страхом перед просвещением, которое могло прийти от людей, имевших более космополитические взгляды на жизнь и более богатый опыт путешествий и чтения по

¹ Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. 67.

² Encyclopedia Britannica. – 11th ed. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1910. – Vol. 11. – P. 920.

сравнению со своими соседями. В следующем примере можно увидеть несколько противоречивое смешение доводов:

«Когда в 1570 г. в Вене должно было быть создано гетто, граждане возразили против того, чтобы евреям было предоставлено место за городом, по трем следующим любопытным причинам: 1) Они боялись, что если евреи будут жить одни за пределами города, то им будет легче заниматься своими “гнусными делами”. 2) Евреев могли легко застать врасплох враги. 3) Евреи могли убежать!

Поэтому граждане предложили, чтобы все евреи жили в одном доме, имеющем только один выход, чтобы окна и двери в нем крепко запирались, дабы никто не мог покинуть его ночью, и чтобы была обеспечена невозможность входа в него и выхода из него через тайные ходы. Поскольку евреи возразили против этой схемы, проект был вскоре отброшен»¹.

Атмосфера гетто

В этой связи стоит, видимо, реконструировать, насколько возможно, атмосферу существования в гетто. Последствия этой вынужденной изоляции от мира ярко сформулировал Филипсон:

«Наконец решение было найдено; еврей был действительно исключен. Христиан больше не должно было портить и разлагать тесная близость последователей *superstitio et perfidia Judaica*, “еврейского суеверия и вероломства”. Это длилось четыре столетия. Как сегодня мы удаляем жертв чумы подальше от населенных частей наших городов, так и евреи были отсечены стенами гетто, словно пораженные какой-то отвратительной болезнью, которая могла повлечь страдания и гибель других, если бы они жили с ними в тесном контакте. Гетто было прочно стигматизировано как “чумная изоляция”. Один писатель говорит, имея в виду XVI век: “Каменные стены выросли во всех местах, где жили евреи, отсекая их кварталы от мира словно чумные бараки; гетто стало эпидемией”»².

«Какую картину вызывает в памяти гетто! Узкие, темные улочки с уходящими ввысь домами по обе стороны, куда редко проникает солнечный свет; расположенное в худших трущобах города; отрезанное от мира воротами, запираемыми каждый вечер на цепи и замки, так чтобы никому от заката до рассвета нельзя было ни войти, ни выйти»³.

¹ Jewish encyclopedia. – N.Y.: Funk & Wagnalls, 1903. – Vol. 5. – P. 652.

² Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 21–22.

³ Ibid. – P. 21.

В некоторых городах в гетто были перенесены публичные дома, так как гетто было подходящим местом для учреждения с дурной репутацией¹. Часто в одном здании проживало по несколько семей, и квартал обычно располагался в наименее притягательном районе города. Один писатель говорит о гетто своего родного города как о «заброшенном квартале, тянущемся вдоль нездоровых болот по берегу реки, на которой стоит наш городок. Зловонные испарения отравляют воздух, и даже при самом ярком солнечном свете держится темень»². Протесты, исходившие от евреев с установлением принудительного гетто, были многочисленными, но бесплодными. Даже когда такие несчастья, как пожары и эпидемии, навещали гетто и часто завершались его полным разрушением или гибелью большей части его жителей, условия их проживания не улучшались. И все же, несмотря на все страдания и притеснения, жизнь в гетто имела и свою солнечную сторону. Необходимо взглянуть на типичное гетто конкретно, чтобы понять тот факт, что во времена прекращения активных преследований жизнь в стенах гетто была столь же богатой и человеческой, как и во внешнем мире. На самом деле, иногда существование в гетто выгодно выделялось на фоне мрака в окружающем его мире.

Историки гетто обычно склонны переоценивать ограничивающий эффект барьеров, воздвигнутых вокруг еврея, и провинциальный и застойный характер жизни гетто. Они зачастую забывают, что в стенах гетто, несмотря ни на что, кипела жизнь – «жизнь с идеалами и устремлениями, со страстями и даже человечностью»³. Понадобились художники и поэты, чтобы открыть эту жизнь гетто заново. Жизнь в гетто, вероятно, всегда была более деятельной и насыщенной, чем жизнь вне его. Гетто дало евреям самосознание. Они жили на границе двух миров: мира гетто и чужого мира, находившегося за его воротами. Жизнь в гетто была возможной лишь потому, что был более широкий внешний мир, о котором многие евреи имели больше чем мимолетное впечатление.

Евреи средних веков определенно поддерживали больше контактов, чем их соседи-христиане, и эти контакты были более

¹ Stobbe O. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters. – Braunschweig: Schwetschke, 1866. – S. 276. В городке Швейдниц евреи обратились с жалобой в Совет, и им было обещано, что отныне никакие женщины с дурной репутацией на еврейскую улицу переводиться не будут.

² Karl Emil Franzos, цит. по: Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 30.

³ Abrahams I. Jewish life in the Middle Ages. – N.Y.: Macmillan, 1897. – P. XXII.

разнообразными и широкими. Они путешествовали из одного города в другой; многого в мире они не могли увидеть лично, но к ним в гетто приезжали евреи со всех концов земного шара. Прежде всего в синагоге находим мы центр мысли, место встреч, куда часто заглядывали странники, дабы поведать о том, что происходит в далеких землях. Тем самым еврейские сообщества участвовали в жизни своих далеких братьев по религии и, вероятно, знали о происходящем в мире больше, чем даже самые образованные христиане. Фактически в течение долгого времени евреи были интеллектуальными посредниками между Востоком и Западом. Они были врачами и эмиссарами светских владык.

Всегда было стремление выбраться из гетто со стороны тех, кого влек к себе широкий мир, раскинувшийся за его пределами. Иногда еврей покидал гетто и, соблазняясь возможностями, которые, как ему казалось, ждали его с той стороны, обращался в христианство; и иногда эти обращенные, сокрушенные и униженные, возвращались в гетто, дабы еще раз изведать той теплой, интимной, племенной жизни, которую нельзя было найти нигде, кроме как среди своего народа. В таких случаях романтическая история о ренегате кочевала по улицам гетто, и все сообщество собиралось тем самым в плотную массу, еще крепче, чем раньше, цеплявшуюся за свои старые традиции. Спорадические отчуждения мятежных душ от семейных и общинных связей служили лишь укреплению уз семейной и общинной солидарности, когда заблудшие члены возвращались в круг единоверцев и на фоне торжественных церемоний реинкорпорировались в общинную организацию.

Реальная внутренняя солидарность сообщества гетто всегда коренится в прочных семейных узах. В этом внутреннем круге в отношении между членами вплетались через колоритный ритуал глубокие узы симпатии. Здесь каждый индивид, бывший для внешнего мира всего лишь евреем, имел достойное место и был связан глубокими чувствами с остальными. Приключения каждого были достоянием всех и обогащали запас семейных преданий. Через организацию в синагоге, в свою очередь, семейной единице придавался определенный статус, базирующийся не столько на богатстве, сколько на учености, набожности, целомудрии в семейной жизни и предоставляемых сообществу услугах. В свою очередь, сообщество обретало репутацию – иногда всемирную – через своих выдающихся личностей, в особенности своих филантропов и ученых.

Жизнь гетто вряд ли когда-нибудь застывала в неподвижности. Всегда появлялись новые проблемы, которые требовали от его

членов коллективного действия. Было бесчисленное множество вопросов, имевших большую важность для его жителей, которые нужно было обсуждать и на которые нужно было искать какие-то ответы. Иногда было невозможно выступить единым фронтом против враждебного внешнего мира без долгих дебатов и серьезных расколов внутри сообщества. Сколь бы ни была область гетто ограниченной, в ней была масса возможностей для проявления способности к лидерству. На узких улицах гетто существовали, вероятно, более четко очерченные типы личности и ярко выраженные характеры, чем в более широком внешнем мире. Сообщество гетто было детально специализированным и высокоинтегрированным. В то же время оно давало своим членам богатую, интенсивную и разнообразную жизнь.

Все внешние проявления отдельности – стена гетто, ворота, еврейские метки – способствовали развитию группового сознания и самосознания евреев. Они стали физическими символами социальной изоляции, которая проявлялась в социальной дистанции между евреями и христианами. С течением времени евреи приспособились к этим ограничениям и смогли выстроить собственное общество, в котором жизнь была сносной и порой даже возбуждающей. В этом малом мире соплеменников черпали они мужество жить, и из него отправлялись в более широкий космос, который соблазнительно маячил за высокими стенами. Гетто давало безопасность и статус в узком, но интимном сообществе, укрытом от бурь, бушевавших вовне; но бури эти были часто слишком соблазнительны, чтобы действительно удержать еврея на его месте. Требовался более широкий мир, чтобы удовлетворить страсть к новому опыту, к возбуждению и приключению, которой томилась беспокойные души из числа обитателей гетто. Формальные ограничения, которые их связывали, служили лишь дополнительным стимулом, делавшим вхождение в сей запретный мир еще более манящим.

Чтобы конкретно показать некоторые структурные черты того общества, которое выросло в гетто, и жизнь, которая в нем протекала, обратимся к гетто, которое было типичным для этого института, как он сложился в большинстве стран Европы*.

* Следующая глава посвящена франкфуртскому гетто в Германии. – *Прим. пер.*

Глава XI. Чикагское гетто

Гетто как культурное сообщество

Как бы ни было трудно адекватно выделить физические характеристики гетто как естественного ареала, его культурные характеристики безошибочно узнаваемы. Гетто – прежде всего культурное сообщество. В его многолюдные, перенаселенные, узкие улочки были почти целиком перенесены все основные очертания жизни европейского гетто и русской черты оседлости. Само местоположение гетто определяется не только доступностью и низкой арендной платой за жилье, но и традицией. Евреи, которые жили в гетто, знают ценность близости к рынку или коммерческому центру города, в котором они живут. Пражское гетто располагалось неподалеку от Тандельмаркт; франкфуртское гетто – в непосредственной близости от ярмарочных площадей; и так обстояло дело с каждым значительным гетто в Европе. Нью-йоркское гетто, граничащее с Ист-ривер, Бовери и Бродвеем, и филладельфийское гетто, расположенное между рекой Делавэр и деловым районом, – примечательные примеры американских гетто, размещенных схожим образом. Как цыгане обычно селятся на окраинах города, так и еврей-иммигранты селятся вблизи делового района, набережных или железнодорожных станций.

Аналогичным образом, плотность населения в гетто нужно объяснять не только бедностью иммигрантов и их неспособностью платить высокую цену за аренду жилья, но также традициями тесной общинной жизни, сложившимися в многолюдных кварталах гетто Старого Света. Вероятно, никакой другой народ не был способен жить в условиях такой перенаселенности, какую навязывают гетто и трущобы, с таким низким уровнем смертности, как у евреев¹. Было ли это обусловлено приобретенным иммунитетом, ритуалистически предписанной диетой и гигиеной или установкой родителей по отношению к детям и природой еврейской семейной жизни, можно со всей определенностью утверждать, что евреи достигли некоторого рода аккомодации к тем городским условиям, которые представляет типичный трущобный район.

С какой бы стороны вы ни забрели в это гетто, нельзя не поразиться внезапности перехода. Описывая нью-йоркское гетто, один

¹ См.: Levy K. Health and sanitation of the Jews in Chicago // The Russian Jew in the United States: Studies of social conditions in New York and Chicago, with a description of rural settlements / Ed. by C.S. Bernheimer. – Philadelphia (PA): J.C. Winston, 1915. – P. 318 ff.

автор говорит: «Нет никаких закрытых стен в этом гетто, но как только оказываешься в еврейском квартале, сразу понимаешь, что попал в особый район города, словно миновал массивные ворота, отделяющие эту часть Нижнего Ист-Сайда от нееврейских районов Нью-Йорка»¹. Чикагское гетто моложе нью-йоркского, а последнее, в свою очередь, выглядит юным на фоне франкфуртского; но характеристики гетто не измеряются годами, в течение которых данный ареал населяли евреи. Где бы гетто ни располагалось, оно имеет долгую историю и базируется на старых традициях, в отношении которых американское гетто является всего лишь продолжением – последней сценой финального акта. Во всяком случае, еврейское гетто коренится в привычках и чувствах людей, которые его населяют, и во всех тех переживаниях, которые сопутствуют гетто как историческому институту.

У нью-йоркского гетто, разумеется, есть своя внушительная история, не зависящая от европейских корней. В этой отдельной истории надо искать его отличительные характеристики, когда оно противопоставляется европейскому институту. Чикагское гетто может похвастаться значительно более короткой независимой жизнью, однако большинство его обитателей, прежде чем прибыть на Запад, приобрели значительный опыт в нью-йоркском Ист-Сайде, который и привезли с собой в Чикаго.

Большой вес также имеет численность. Полтора миллиона евреев города Нью-Йорка в силу самой своей численности конституируют более независимое сообщество, чем чикагские евреи. Активная и автономная жизнь сообщества такого размера неизбежно способствует большему постоянству его культурных черт посреди дезинтегрирующих влияний. Гетто Нью-Йорка было в большей или меньшей степени моделью для всех американских еврейских сообществ. Оно все еще оказывает главенствующее влияние на все другие города. Своими выдающимися личностями и институтами оно задает тон. Оно неоспоримый центр американского еврейства, подобно тому как нью-йоркский Сити – центр культурной жизни Америки.

Нью-Йорк для большинства евреев-иммигрантов был первой остановкой, Чикаго – вторым местом высадки. Но с начала XX в.

¹ Reizenstein M. General aspects of the New York Ghetto // // The Russian Jew in the United States: Studies of social conditions in New York and Chicago, with a description of rural settlements / Ed. by C.S. Bernheimer. – Philadelphia (PA): J.C. Winston, 1915. – P. 44.

чикагское сообщество стало для евреев источником в значительной мере независимой и творческой жизни. По мере того как численность его возрастала, все больше и больше иммигрантов, родственников и *Landsleute* тех, кто здесь уже поселился, прибывали сразу в этот город без предварительного посвящения в образ жизни американского гетто в другом городе. С развитием локальных институтов и организаций многие движения, имеющие общенациональную значимость, сосредоточились здесь.

Между гетто Старого и Нового Света есть одно важное различие. Первые являются в целом гомогенными образованиями, сосредоточенными в одной части города и имеющими общую культурную жизнь в городском или даже региональном масштабе. В свою очередь американское гетто разбивается, как правило, на несколько секций, содержащих разные национальные группы евреев и отражающих влияния гетерогенных волн иммиграции, а также последовательных поколений одних и тех же групп.

В гетто как таковом мы находим только первое поколение иммигрантов; в основном это выходцы из России, Польши и Румынии. Старейшие группы иммигрантов – испано-португальцы, немцы и австрийцы, – прибыв из стран, где они на протяжении двух-трех поколений жили в какой-то степени вне гетто и усвоили некоторые внешние характеристики своих соседей, расселялись, как правило, по более широким ареалам и никогда не достигали той сплоченности и солидарности, которая свойственна русским и польским еврейским массам. Более того, ранние немецкие иммигранты прибывали из еврейских сообществ, которые, хотя и вели обособленное существование, не были декретированы формальными законами и регламентациями, в то время как русские приезжали непосредственно из принудительного гетто. Наконец, иммигранты из Германии были преимущественно городским народом, тогда как русские и поляки ехали из деревень и маленьких городов и не очень далеко отошли в своем социальном мире от крестьян, которых тщательно сторонились.

Хотя технически они были свободны селиться везде, где душа пожелает, они скучивались в ареале запустения, где продолжали жить во многом так же, как до того в Европе. С более преуспевающими и частично ассимилированными немецкими евреями они чувствовали не больше родства, чем с гоями. Один из них выразил это так:

«Когда я впервые ступил на землю Чикаго, меня охватило такое отвращение, что я подумал, что лучше бы мне было остаться дома, в России. Я покинул

Родину, потому что там нельзя было быть евреем и при этом остаться в живых, но лучше бы я умер, чем стал похож на немецкого еврея, который порочит еврейское имя, будучи гоём. Вот что коробит: они всюду разгуливают как евреи, но в глупине души они даже хуже, чем гои, они *мешумеды* [вероотступники]»¹.

<...> Сообщество гетто настолько тесно спаяно, а члены его настолько прямо подчинены контролю сообщества, что попытки обосновавшихся в гетто христианских миссий обратить евреев в самом гетто в свою веру не принесли ощутимых результатов.

Гетто – полноценный мир, но это маленький и узкий мир. В нем есть свои интеллектуалы, но их интеллектуальность ограниченного сорта. То, чего жизни гетто недостает в плане широты, она восполняет глубиной эмоций, силой семейных и общинных связей, привязанностью к традиции, форме и чувству.

Узы семьи, деревенской общины и *Landsmannschaft*, которые связывают обитателей гетто в маленькие ядра более или менее автономных единиц, лишь отчасти видны человеку со стороны. Семья из гетто будет переносить такие кризисы, которые обычную семью разбили бы вдребезги, а чужак, способный назваться *Landsmann*, не только развязывает кошелек первого встречного, но и становится вхожим в его дом. *Landsleute* не только принадлежат к одной синагоге, но и, как правило, работают в схожих родах занятий, становятся партнерами по бизнесу, живут в одном соседстве и заключают браки внутри своей группы. *Landsmannschaft* имеет своих патриархальных лидеров, свои ложи и ассоциации взаимопомощи, свои торжества и праздники. У него есть свой участок на кладбище. Оно хранит и оживляет воспоминания группы посредством частых взаимных визитов и поддерживает устойчивую связь с остатками еврейского сообщества в Старом Свете.

Иногда эти организации объединяют силы с другими местными группами евреев, происходящими из того же общего региона в Европе. В случае, когда евреи из одной и той же страны немногочисленны по сравнению с доминирующими группами, например восточные евреи, испано-португальские евреи, румынские евреи и в какой-то степени венгерские евреи, организация *Landsmannschaft* может охватывать более широкую территорию. Обычно провинциальные или национальные узы укрепляются общим диалектом, особенностями питания и местными обычаями. В критических ситуациях, особенно в случае кризисов на старой родине, затраги-

¹ Автобиография иммигранта (рукопись).

вающих всю группу, они действуют как единое целое. Иногда это требует оказания денежной помощи зарубежному сообществу, иногда – выражения протеста против правительства, в других случаях – поиска поддержки других еврейских групп в локальном и национальном масштабе для достижения желаемых результатов. Рука об руку с узами симпатии между членами *Landsmannschaft* идут антагонизмы и взаимные предрассудки между этими группами, перенесенные сюда из Старого Света. Социальные дистанции между румынскими и венгерскими евреями, между литовцами и поляками, между поляками и русскими и между русскими и выходцами из Галиции порой столь велики, что делают корпоративное действие внутри гетто невозможным. Взаимные браки между некоторыми из этих групп почти так же редки, как и браки между евреями из гетто и неевреями.

Описание гетто было бы неполным без упоминания массы других характерных институтов, придающих ему особую атмосферу и маркирующих его как особый культурный ареал. Сюда относятся кошерные мясные лавки, где продаются свежее мясо и всевозможные сосиски и где рядом с мясником мы находим особого функционера, *shochet*, который забивает на заказ свежую птицу, бормоча под нос молитву каждый раз, когда он перерезает горло очередному цыпленку, утке или гусю с помощью *chalef* (одобренного ритуалом мясничьего ножа). Есть здесь и полуподвальный рыбный магазин, удовлетворяющий взыскательные вкусы богатым ассортиментом сельдей, щук и карпов; еврейские домохозяйки покупают их по четвергам, чтобы приготовить известное национальное блюдо *gefüllte fish* для роскошной пятничной вечерней трапезы. На тротуарах перед мясными лавками и рыбными магазинами по всему гетто, особенно по четвергам и пятницам, можно увидеть согбенную фигуру бородатого точильщика. Нередко он оказывается религиозным учителем или ученым-талмудистом из Старого Света, который в силу преклонного возраста находит закрытыми для себя другие источники заработка. Есть также кошерные пекарни, где ежедневно продают ржаной хлеб, булки с маком и хлеб с отрубями, а по субботам – особый вид пончиков, известный как *beigel*. И наконец, есть баня, содержащая помещения, где можно помыться по-турецки и по-русски, просто и с фантазией; кроме того, это еще и современный аналог ритуальной бани, или *mikveh*, которая по некоторым предписанным случаям переходит под контроль женщин. Русские и турецкие бани выполняют для гетто функции гостиницы, поскольку есть обычай оставаться в них на ночь; поэтому в гетто нет гостиниц.

В гетто есть собственный театр, где ставятся пьесы русских драматургов на идише и где Шолом Аш и Перец Хиршбеин соседствуют в репертуаре с переводами из Шекспира, Ибсена, Шоу и *risqué* бродвейскими комедиями. Но чикагский театр на идише, как и пресса на идише, является по большей части лишь второстепенным отзвуком нью-йоркского гетто. Газеты и театр на идише черпают свое вдохновение из Нью-Йорка. И если вдруг случается обнаружить литературного гения или *actorke* на местной сцене, вскоре их перехватывает более широкая и благодарная аудитория Второго авеню – еврейского Бродвея Нью-Йорка.

Кроме того, для гетто характерны книжные лавки, кафе и рестораны в полуподвалах и на вторых этажах, где интеллектуалы высказываются по поводу новейших веяний в сионизме, социализме, философии, искусстве и политике, играя при этом в шахматы или карты. Полицейский участок на Максвелл-стрит, сигарные лавки и игорные дома с занавешенными окнами служат местами, где собираются бездельники и гангстеры этого района. Наконец, в офисах юристов-крючкотворцев, *риэлестейстников* и подпольных торговцев спиртным можно обнаружить посредников в проворачивании сомнительных дел, доверенных лиц районных боссов и мелких политиков гетто.

Но, при всем многообразии видов деятельности и личностных типов, мир гетто все-таки маленький. Жизнь, которая в нем пульсирует, – провинциальная и сектантская жизнь. Успехи здесь измеряются малыми масштабами; диапазон самовыражения ограничен. Лишь покинув гетто, еврей живет по-настоящему полноценной жизнью. Сообщество гетто не способно коллективно действовать в более широких масштабах. В нем есть свои трагедии и свои комедии; и там, где оно выигрывает в глубине и интенсивности, оно проигрывает в широте и содержательности. Оно рабски преклоняется перед формами, освященными традицией и чувством, но мелководно в плане содержания и лишено контакта с миром. Оно продукт сектантства и изоляции, предрассудков и табу. Гетто – закрытое сообщество, воспроизводящее и обновляющее себя при минимальном впитывании влияний извне, как биологических, так и культурных. Оно почти так же полностью отрезано от мира, как если бы и сейчас было обнесено стеной, а его жители все еще запирались по ночам за его массивными воротами.

Глава XIII. Возвращение в гетто

Конфликт и самосознание

Выход из гетто вовне не является ни прямым, ни беспрепятственным. Как только еврей отваживается выбраться с узких улочек гетто в широкую космополитическую жизнь внешнего мира, он сразу же сталкивается с внешними препятствиями и переживает внутренние конфликты. Переход из одной культуры в другую и от одной личности к другой – процесс, требующий не только времени, но и сотрудничества обеих групп.

«Эмансипация евреев происходила не без внутренней борьбы и не без внешнего конфликта. Само еврейство бросало из стороны в сторону противоречивыми течениями чувств. Когда движение этой расы вперед и вовне оказывалось слишком быстрым, оно неизменно провоцировало во внешнем нееврейском мире расовую реакцию, и еврейская жизнь отбрасывалась назад, к самой себе. Что вследствие этого происходит, так это сжатие еврейского сообщества и его замыкание в себе самом. Тени стен старого гетто вновь вырастают вокруг него. Еврейство возвращается к источникам своего вдохновения и силы и начинает сознавать себя как народ особый, народ избранный, народ со своей судьбой и своей миссией»¹.

Следующий случай типичен для различных поворотов в жизненной истории тысяч евреев нашего современного мира, чья жизнь начинается в гетто и, пройдя полный круг, завершается, наконец, где-то недалеко от того места, в котором началась:

«Во время своего долгого проживания в Нью-Йорке я наблюдал следующие изменения, произошедшие с одним человеком. Он прибыл сюда в 1810 г. бородатым талмудистом. Рабби Глокману не было тогда и тридцати. У него были жена и четверо детей, два сына и две дочери. Старшему было двенадцать лет, а это означало, что женился он в восемнадцать. Годом позже рабби Глокман все еще преподавал иврит в небольшом *Cheder*, куда родители посылали детей после школы, чтобы те не забыли, что они евреи. Школа располагалась на Дивижн-стрит, что в нижней части Ист-Сайда. Спустя два года, слегка укоротив бороду, мистер Глокман стал хозяином кошерного магазина деликатесов на Второй авеню

¹ Park R.E. Behind our masks // Survey graphic. – Exton (PA), 1926. – May. – P. 136 (цит. по рус. пер.: Парк Р.Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. – М., 2001. – Т. 3, Вып. 1. – С. 104).

неподалеку от Десятой улицы. В пятницу вечером заведение закрывалось и оставалось закрытым до тех пор, пока не завершались субботние молитвы. Мистер Глокман был президентом конгрегации. Через четыре года мистер Глокман стал партнером в предприятии по пошиву платья, которое работало по субботам. Борода совсем исчезла. Жили они в Бронксе. На шестой год мистер Глокман уже всюду курил по субботам, ел “нечистую” пищу и был осужден забастовщиками как жесточайший эксплуататор. Он нанимал на работу исключительно итальянцев, сменил имя, став отныне Джорджем Беллом, и переехал из Бронкса в Морристаун, потому что там не было евреев. На восьмой год его дочь вышла замуж за гоя. Но затем случилась забастовка на железной дороге. В моду вошел великий морристаунский план, согласно которому поезда стали обслуживаться богатейшими жителями пригорода. Каждое утро мистер Белл приходил на станцию с комбинезоном подмышкой, готовый занять свое место в качестве штрейкбрехера – чтобы помочь стране. Но мистер Т., мистер Д. и мистер Ф., которые всем этим верховодили, не желали, чтобы в одной кабине с ними находился еврей. Ему пришлось ездить в качестве пассажира. Они даже отказали ему в привилегии поработать кондуктором. Сегодня мистер Белл – опять Соломон Глокман. Он живет в Гарлеме, в самом сердце еврейского района, является членом конгрегации и стал фанатичным сионистом. Даже бороде, в первое время слегка подстриженной, было позволено вновь отрасти на всю длину. Дочери, пока она не развелась со своим мужем и не вышла замуж за еврея, было запрещено появляться в родительском доме»¹.

Отпор, продиктованный предубеждениями и исключением, вынуждает еврея остро осознать свою отдельность. Он сталкивается с тем, что внешний мир не принимает его как индивида и упорно приклеивает унижительный ярлык «еврей» к нему и его детям, не сознавая того, что он чувствует себя частью своего народа не больше, чем этот народ считает его частью себя. Он занимает положение в двух мирах и ни в одном из них не чувствует себя как дома. Его Я расколото между миром, который он покинул, и миром, который никак его не принимает.

«Среди тех евреев, которые, долгие живя среди нас, дальше всего отошли от древнего наследия и глубже всего проникли в жизнь внешнего нееврейского мира, эти повторяющиеся вспышки расовых предрассудков и вызываемые ими внезапные изменения в еврейской жизни провоцируют глубокое моральное замешательство. Тем, кто однажды покинул гетто, непросто, а в длительной пер-

¹ Bercovici K. The greatest Jewish city in the world // Nation. – N.Y., 1923. – Sept. 12. – P. 259.

спективе и невозможно вернуться обратно, даже если стены гетто перестали быть видимыми. Результат, однако, таков, что их охватывает чувство моральной изоляции; они чувствуют себя не вполне уютно как в нееврейском мире, так и в еврейском. Внешне жизнь идет как будто так же, как и раньше, но они охвачены ненасытной неугомонностью, и испепеляющая “тайная мука” гложет самое сердце их существования¹.

Преуспев в бизнесе или в своей профессии, еврей, который был воспитан в гетто и отведал некоторых плодов нееврейского мира в свободном общении со своим ближайшим кругом товарищей, с другими студентами в университете или с членами своей профессиональной группы, по всей видимости, поначалу считает истории о предубеждениях и исключении либо преувеличенными, либо по крайней мере к нему лично неприменимыми. Его личность расширяется, он приобретает некоторую непринужденность в выученных им манерах поведения и любезностях, достаточную для того, чтобы быть естественным и исполнять роль человека, который находится у себя дома и чувствует себя как дома. Но при этом он все время сознает некоторую формальность, иногда чрезмерную сердечность, и это заставляет его быть настороже. До него доходят истории о том, как его братья по вере пострадали от предубеждений и отторжения. Он в глубине души надеется, что сможет положить конец всем этим необоснованным слухам, вернуться к своему народу и рассказать ему, что предубеждение против еврея – либо фикция, либо оправданная реакция со стороны гоев на грубость, агрессивность и недостаточную тактичность самих евреев. И иногда он в этом преуспевает. Но чаще его надежды рушатся еще до того, как он наполовину войдет во внешний мир.

«Я закончил с отличием медицинскую школу. Во время учебы в колледже я, конечно, чувствовал что-то необычное, ведь некоторые братства, в которых состояли мои друзья, никогда не приглашали вступить в них еврея. Но я вежливо принимал это. Я говорил себе: “У них издавна существует традиция против принятия евреев, но как люди они вполне дружелюбно ко мне относятся и, я уверен, попросили бы меня к ним присоединиться, если бы не правила, за которые не стоит их упрекать”.

¹ Park R.E. Behind our masks // Survey graphic. – Exton (PA), 1926. – May. – P. 136 (в указанном рус. пер.: Парк Р.Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. – М., 2001. – Т. 3, Вып. 1. – С. 104–105).

Разумеется, я никогда не скрывал, что я еврей, хотя могу утверждать, что моя внешность никогда бы не выдала моей расы. Глядя на юношей из гетто, учившихся в школе, я говорил себе: “Я не виню их за их предрассудки. Взгляните только на них, с их диковинными обычаями, их манерностью, их неугомонностью и нахальством. Разве не станет при этом стыдно быть евреем? При подобных обстоятельствах разве кто-то осудит братства за то, что они их не принимают? Они не могут быть просто обычными членами чего бы то ни было. Они либо подгребают все под себя, либо все разрушают”.

Втайне я симпатизировал неприязненному чувству в отношении евреев и для себя лично решил, что от своего народа никогда не откажусь, но постараюсь сделать себя достойным дружбы гоев. Иногда я вступал в спор с этими русскими евреями (сам я был из немецких, а родился в Америке) и говорил им, что если бы они не вели себя столь вызывающе и оскорбительно, то у остальных евреев появился бы шанс. В ответ они твердили, что до меня скоро дойдет, что никаких исключений нет, что для гоев еврей есть еврей, будь у него светлые волосы или темные, что они его за версту чувят.

Я занялся профессиональной практикой и работал в учреждении, где был один видный еврейский специалист, к которому все его коллеги относились с уважением. То был образцовый еврей – тихий, с достоинством, неброский. Я следовал его примеру. Однажды один товарищ по профессии из гоев спросил меня, не хочу ли я вступить в клуб, членом которого он был. О клубе я мало что знал, но этот друг мне нравился, а я хотел быть парнем что надо. Я сказал, что вступлю. Пару недель спустя он встретил меня с выражением стыда на лице и сказал: “Знаешь, дружище, ты уж меня извини, но они где-то выяснили, что ты еврей, а у них правило – евреев не принимать. Правило отвратительное. Я и сам решил отказаться от членства”. Я его успокоил и попросил не нарываться на неприятности, сказав, что если бы знал, что у него возникнут из-за этого проблемы, то попросил бы сказать об этом с самого начала, а так ведь я не знал, что туда евреев не принимают. Моей дружбе с этим человеком случившееся не помешало, но душевных мук причинило немало.

Я долго над этим думал и пришел к выводу, что от этого никак не уйти. Есть только два выхода. Один – подняться, почувствовать себя человеком и бороться, но у меня не было мужества делать это в одиночку и не было желания вливаться в ряды борцов, поскольку я считал, что они делают положение еще худшим, чем оно есть. Другой выход – впасть в раздумья над собственной участью, вступить в V'nai Brith и стать сионистом, присоединиться к еврейским клубам и храму, а мир пусть себе катится куда хочет. У меня не было мужества для первого пути и не было склонности к последнему, и вот я – никто, раздвоенная личность, человек с двумя душами, человек без родины»¹.

¹ Автобиография еврейского студента из колледжа (рукопись).

Проблема состоит в том, что до тех пор, пока еврей остается в гетто, он принадлежит к отдельной касте, живущей в мире, который узок, но наполнен теплом семейной жизни, чувствами и возможностью самовыражения в пределах группы. Но как только он выходит из гетто, он становится просто человеком, а это значит, что он контактирует с внешним миром и сталкивается не только с приязнью и дружелюбием, но также с трениями и враждебностью. Сколь бы он ни был обычно чувствителен к мельчайшим жестам тех, частью кого он еще не является, ему оказывается трудно вести себя непринужденно и с достоинством. Он сторонится конфликта и склонен приписывать свои неудачи и отторжение себя другими исключительно тому факту, что он еврей. Подобно Льюисону¹, он склонен вернуться в стаю и стать ревностным «евреем», а иногда даже ярым защитником ортодоксии и сионизма как единственного подходящего ответа миру, который его исключает и оскорбляет.

Социальная дистанция между евреем и неевреем проявляется не только в исключении еврея из социальной жизни христиан и в недопущении его в клубы и братства, но также в исключении из ряда профессиональных дел, таких как профсоюзы, и в недопущении в некоторые жилые ареалы. Нередко в газетах появляются объявления с припиской: «Евреев просим не обращаться». Какое-то время чикагские профсоюзы плотников и производителей сигар не принимали в свои ряды евреев; а когда началась забастовка, профсоюзы, дабы не допустить появления еврейских штрейкбрехеров, организовали евреев в особые местные отделения. Еврейский совет профсоюзов был до самого недавнего времени функционирующим предприятием (a going concern). Еврей помещался в один класс с женщинами и неграми. В последние годы это исключение, конечно, было преодолено, особенно в связи с тем, что президент АФТ сам был евреем. Одно из недавних газетных объявлений гласило: «Летний рай. Гои! Купите себе летние домики на северном берегу Кристал-Лейк»². Результат оказался таким:

¹ См.: Lewisohn L. Up stream: An American chronicle. – N.Y.: Boni & Liveright, 1923, – где излагается история восприимчивого, вдумчивого еврейского иммигранта из Германии, который обнаруживает, что узкое гетто его отвергло, и ищет самовыражения в мире литературы. Потерпев неудачу, он возвращается в родное гнездо. Последовательные стадии эволюции паттерна жизни см. в его «Израиле» (Lewisohn L. Israel. – N.Y.: Boni & Liveright, 1925) и «Острове внутри» (Lewisohn L. The island within. – N.Y.: Harper & bros, 1928).

² Chicago daily news. – Chicago (IL), 1925. – May 18.

«Воодушевляющим знаком социальной жизни еврейского сообщества в штатах Среднего Запада стало предприятие, организованное синдикатом “Рузвельт Хиллз”. Мистер А.С. Де Кофски, президент синдиката, пользуется широкой известностью как строитель нескольких современных жилых зданий в Вест-Сайде и как предприимчивый дилер в сфере торговли недвижимостью. Он почувствовал необходимость организовать обширную летнюю курортную зону и приобрел под нее полосу превосходной земли между Южной гаванью и Бентоновской бухтой, штат Мичиган, с которой открывается вид на просторы озера. Синдикат “Рузвельт Хиллз”, офис которого располагается в Рузвельт-билдинге, д. 179 по Вест-Уошингтон-стрит, поделил эту землю на участки и предложил места для летних домиков еврейской общественности...»¹

Там, где вопрос всего лишь в том, чтобы купить дорогу во внешний мир, евреи не испытывают затруднений; но попытка сломить таким образом предрассудки вскоре оборачивается поражением, ибо вместо того, чтобы установить контакт с неевреями, евреи обнаруживают, что они лишь восстанавливают контакт с теми самыми евреями, от которых они пытались сюда убежать.

«Много лет назад Натан Штраус приехал в отель “Лейквуд”, чтобы провести несколько недель на этом весьма эксклюзивном зимнем курорте. Менеджер сказал ему: “Здесь не место евреям”. Тогда он построил рядом с ним отель только для евреев. В результате уже через несколько лет это место наводнили сотни маленьких и больших “кошерных” отелей. То, что случилось с местом “не для евреев”, – поучительная история. Местные жители, тем не менее, не пожалели о переменах. В последнее Рождество на вершине рождественского дерева общины на Мейн-стрит развевался еврейский флаг»².

Возвращение домой

Требуется исключительное мужество, чтобы противостоять расовой враждебности в качестве индивида. Чаше наблюдается тенденция возвращения к собственному народу, в маленькую, но человечную и сочувственную группу семьи и *Landsmannschaft*, где человека ценят и понимают. Похвалы здесь звучат не столь громко, но зато более искренние. Поэтому расположенные на бульваре Дугласа большие и роскошно оборудованные синагоги считаются

¹ Chicago chronicle. – Chicago (IL), 1925. – Jan. 16.

² Bercovici K. The greatest Jewish city in the world // Nation. – N.Y., 1923. – Sept. 12.

всего лишь ответвлениями обветшалых хижин гетто. Люди постарше находят эти новые здания с их странными церемониями холодными и неприветливыми, а потому по субботам и праздникам возвращаются помолиться в до боли знакомые, хотя и жалкие строения гетто, где встречаются своих кузенов и *Landsleute*.

Жизнь в фешенебельных отелях скучна для большинства обитателей, вышедших из гетто или даже из *Дойчланда*. Новомодные кожаные туфли слегка им жмут, смокинги слишком тесно подогнаны под их фигуры; но прежде всего им нечем заняться.

«Интересно, многие ли игроки в маджонг и бридж с Северного берега являются членами каких-нибудь литературных групп или просветительских кружков? Многие ли из этих откормленных, увешанных бриллиантами, громкоголосых женщин в норковых мехах входят в Совет еврейских женщин, или *Hadassah*? Что еще в жизни интересует этих *nouveau riche*, кроме карт, вечеринок и *rechilos*?»¹

Что спланивало еврейское сообщество вопреки всем этим разлагающим силам, так это не только возвращение разочарованных евреев, которые хотели из него выбраться, а, потерпев поражение, вернулись, чтобы стать апостолами национализма и расового сознания, но и тот факт, что еврейское сообщество трактуется как сообщество окружающим миром. Эта трактовка, которую евреи получают со стороны прессы и широкой публики, навязывает им извне коллективную ответственность. Нью-йоркское еврейское сообщество (*Kehillah*), по крайней мере, обязано своей формальной организацией такому внешнему стимулу:

«С массовой иммиграцией восточноевропейских евреев, начавшейся поколение тому назад, проблема организации еврейского сообщества в Нью-Йорке из года в год становилась все острее. Но главные силы, ответственные за эту организацию, постоянно набирали мощь, и требовался лишь какой-то внешний импульс, чтобы вовлечь эти силы в дело и ускорить образование *Kehillah*, или еврейского сообщества, в этом городе. Этот внешний импульс дал инцидент с Бингемом, случившийся осенью 1908 г. Генерал Бингем, тогдашний комиссар полиции Нью-Йорка, сделал заявление, что евреи составляют 50 процентов нью-йоркских преступников. Это заявление было позже опровергнуто под давлением многочисленных митингов, проведенных еврейскими организациями, которые выступили с гневным протестом против этого беспочвенного обвинения. Хотя

¹ Chicago chronicle. – Chicago (IL), 1925. – Feb. 6.

тогда этому инциденту было придано, вероятно, излишне большое значение, его, несомненно, хватило, чтобы пробудить общинное сознание до такой степени, что стала возможной организация *Kehillah*»¹.

В Чикаго еврейское сообщество находится лишь в эмбриональной стадии формальной организации. *Kehillah* есть, но включает только ортодоксальные синагоги. С другой стороны, централизация сбора пожертвований и общинных институтов привела в последние годы к такой степени единения, на фоне которой меркнет солидарность еврейского сообщества в любом другом крупном городе страны. До недавнего времени немецкие евреи (реформистский элемент) и русские евреи (ортодоксальный элемент) имели свои отдельные комплексы общинных институтов. Сколь угодно длительной консолидации наиболее важных общинных предприятий неизменно мешали внутренние разногласия фракций. И опять же под влиянием внешнего давления группа соединилась в сплоченную массу.

Вероятно, ничто так не способствовало движению в этом направлении, как оживление антисемитизма. Атаки со стороны Генри Форда и организация современного Ку-клукс-клана мобилизовали еврейское сообщество на борьбу, и для этого были созданы многочисленные органы. Законодательство об иммиграции вызвало появление общенациональных и локальных организаций политического действия, а катастрофические изменения в экономическом положении восточноевропейского еврейства – образование международных еврейских организаций помощи, собирающих ежегодно миллионы долларов. Наконец, возрождение антисемитизма в мировом масштабе, вызвав рост социального сознания евреев, превратило утопический сионизм XIX в. в активное националистическое движение с практическими целями и организованным политическим действием. Внушающий тревогу рост числа смешанных браков обратил еврейское сообщество к самому себе и заставил его взглянуть на свою социальную структуру более критично. Безграничная вера в панацею, столь характерная для еврея, видна в той готовности, с которой он обратился к перестройке того, что считал слабыми местами в этой структуре. Был выдвинут лозунг: «Ради Бога давайте же что-то сделаем!» В одной из недавних редакционных статей можно прочесть:

¹ Sackler H. The Kehillah of New York: A brief history / Jewish Communal register of New York City. – N.Y.: Kehillah (Jewish community) of New York City, 1918.

«Еврейское сообщество Берлина (Германия) обнародовало недавно интересную статистику. В 1922 г. в этом большом городе было зарегистрировано 1422 еврейских брака, из которых 781 (больше половины) были смешанными. Лидеры берлинского еврейства, естественно, взволнованы этими цифрами и ищут теперь способы и средства, чтобы сдержать волну подобных браков в этом городе.

Причины этого удивительного феномена найти нетрудно. Немецкое еврейство последние полстолетия было занято борьбой с антисемитизмом. В последние годы мы много слышали о разнообразии еврейской культурной работы высочайшего разряда, проделанной в Германии вообще и в Берлине в частности. Все это, однако, делалось прежде всего многочисленными восточно-европейскими евреями, перебравшимися за последние несколько лет в Германию, и немецкими сионистами. Между тем эти два элемента составляют лишь меньшинство. Большинство урожденных немецких евреев, вообще проявлявших интерес к еврейским проблемам, были больше всего озабочены антисемитизмом. Разумеется, волна антисемитизма в Германии сильна, и евреи этой страны, естественно, вынуждены с ней бороться. Но немецкое еврейство совершило серьезную ошибку, направив лучшие силы на эту негативную деятельность. Немецкое еврейство должно было осознать, что пропагандистская борьба против антисемитизма не дает его молодежи ничего конструктивного и, следовательно, не может удержать ее в родном гнезде. Что нужно еврейской молодежи, так это знание и вдохновение, а их-то немецкое еврейство и не смогло ей дать. Есть, разумеется, и много других причин для роста смешанных браков в немецком еврействе, но мы настаиваем, что важнейшая причина обнаруживается в отсутствии у нашего народа в этой стране животворной религиозной жизни. Когда еврейские юноши и девушки заключают браки вне своей расы, это всего лишь показывает, что в иудаизме нет ничего, что бы они любили и что бы их заботило.

Пусть американское еврейство изучит эти факты и вынесет для себя столь нужный ему урок. Евреи нашей страны всерьез разделены по религиозным вопросам. Все мы, однако, согласны в нашем противостоянии смешанным бракам. Ныне ни для кого не секрет, что число таких смешанных браков в нашей стране весьма велико и что оно постоянно растет. Это число, несомненно, будет расти и множиться, если мы не проснемся и не обратим внимание на серьезность ситуации. Лидеры наших сообществ считают, что наша важнейшая задача – благотворительность и помощь нуждающимся; мы не хотим преуменьшать важность этих деятельностей, но знаем, что один только дух благотворительности не удержит в нашей молодежи интерес к иудаизму. Панацея от еврейских болезней – штудирование Торы, учеба и практика. Если еврейское сообщество Чикаго не хочет повторить неприятный берлинский опыт, мы должны вкладывать в нашу молодежь еврейские знания и должны учить ее обычаям еврейской жизни»¹.

¹ Sentinel. – Chicago (IL), 1925. – Jan. 16.

Призывы вроде приведенного выше нередки для локальных сообществ. Результатом становятся возрождение интереса к «еврейскому образованию» и создание дополнительных еврейских школ современного типа, работающих по последнему слову педагогической науки. Денежную поддержку этим школам оказывают не только и даже не столько ортодоксальные евреи. Интерес к возрождению религиозного обучения проявляет и реформистски настроенная часть евреев; она делает это если не для собственных детей, то по крайней мере для детей гетто.

По-видимому, нет предела тому, насколько давление извне способно солидаризировать группу. Выросшее после войны групповое сознание проявляется в консолидации даже непримиримых сторон в сообществе:

«Сплочение наших сил: На прошлой неделе мы рискнули предложить прогноз, что будущий тип американского иудаизма будет состоять в компромиссе между реформой и консерватизмом. Далее мы с радостью наблюдали, как наши взгляды обсуждаются внимательными исследователями тенденций американской еврейской жизни. *Jewish Morning Journal*, крупная и влиятельная нью-йоркская ежедневная газета на идише, обсуждая принятую съездом Союза американских еврейских конгрегаций резолюцию о созыве конференции всех еврейских религиозных организаций Соединенных Штатов, дает следующий комментарий:

“Разграничительные линии между евреями-реформаторами и консервативными евреями устраняются не резолюциями, а силами самой жизни. Но резолюции служат симптомами изменившихся условий. Несомненно сдвиг вправо; большинство евреев склоняется к ортодоксии, даже если сами они не очень набожны. И все же становится все труднее отличить польских и литовских евреев, окончивших Еврейский союзный колледж (реформированную семинарию), от их *landsleit*, окончивших Нью-йоркскую еврейскую теологическую семинарию. Консолидация Объединенных синагог, которые представляют ортодоксию, и Союза американских еврейских конгрегаций, который представляет реформированный иудаизм, неизбежна и рано или поздно произойдет”.

Мы просто хотели бы добавить, что *Jewish Morning Journal* всегда была газетой консервативной, отстаивающей ортодоксию и яростно противостоящей реформе. То, что приведенные выше слова исходят из столь неожиданного источника, поистине знамение времени»¹.

В период с 1914 по 1924 г. американские евреи собрали колоссальную сумму в 63 млн долларов для оказания помощи евре-

¹ Sentinel. – Chicago (IL), 1925. – Feb. 6.

ям, пострадавшим от войны. Денежные пожертвования поступили от 900 тысяч вкладчиков. Среди самых активных «застрельщиков» этого мероприятия были евреи, никогда до того не проявлявшие большого интереса к еврейскому сообществу. Но:

«...Соприкосновение с общей опасностью всех породило. Все раздоры между евреями смыло прочь потоком кровопролития. Сегодня евреи сплочены как никогда. Луис Маршалл и судья Хорас Стерн поддерживают борьбу евреев за Палестину (прежде они были антисионистами). Сэмюэл Унтермайер защищает дело сионизма. Эти примеры можно приводить тысячами.

Мы больше не ортодоксы и реформисты, консерваторы и радикалы. Все едины и связаны древней формулой: “Я еврей!” И за это мы выражаем нашим братьям по ту сторону океана нашу вечную признательность, которая перевешивает нашу помощь им, поскольку преданность вере по меркам Израиля превышает даже золота бескорыстной благотворительности»¹.

В этих кампаниях чикагское сообщество уступало по числу участников лишь Нью-Йорку. Степень, до которой местное еврейское сообщество окрепло и обрело способность к коллективному действию, убедительно демонстрируют его местные кампании по сбору средств на нужды сообщества. В 1923 г. в Чикаго по официальным каналам была собрана сумма в 2,5 млн долларов. В 1925 г. стартовала кампания по сбору 4 млн долларов, проходившая под лозунгом «Ты еврей?» Собранная сумма даже превысила запланированную. Председатель этой кампании высказался следующим образом:

«Объединенная кампания по сбору 4 млн долларов, руководить которой меня поставили, взяла в качестве своего лозунга вопрос: “Ты еврей?” Многие из вас, поняв вопрос в его истинном значении, ответили на него в духе тех, кто его задавал... Среди тех, кто не смог так его воспринять, есть три класса людей. Во-первых, есть еврей житейски мудрый – мудрый не в делах жертвенности и не в делах служения, а в делах мирских. Ему присущи мелкие премудрости временщика и лакея. Он жаждет аристократических доблестей богатства и социального положения. Но несмотря на все хитрости и уловки, к которым его подстрекает эта жажда, двери всех снобов навсегда перед ним захлопнуты. Он не войдет в них, хотя он отказался от своего отца и отбросил прочь свою мать. Но все же есть надежда на его спасение. Пусть он помнит, что хотя он и боролся тщетно за призы на Ярмарке Тщеславия, он все еще может обеспечить себе место в единственной аристократии, которую знают

¹ Rosenfelt H.H. This thing of giving. – N.Y.: Plymouth press, 1924. – P. 325.

евреи. Я разумею Аристократию Душ. Там он будет оцениваться по своим побуждениям, а не по своему занятию. Там о нем будут судить по тому, что он дает, а не по тому, что он имеет. Там он будет оценен как благородный или подлый по благородству своей души, а не по крови, которая течет в его венах.

Во-вторых, есть еврей напуганный и стыдящийся. Стыдящийся чего? И чего опасющийся? Разве он не в Америке, в нашей Благословенной Обетованной Земле, где ему гарантированы равенство и конец всякого угнетения? Тогда почему он говорит о своем иудаизме шепотом и сжимается от страха, подумав, что кто-то его подслушал? А потому что, хотя тело его находится в безопасности, душа его все еще накрыта тенью погрома. Потому что, хотя речь и манеры его стали американскими, в сердце его до сих пор лежит камнем ужас преследования. Потому что некое внутреннее чувство позора сделало его постыдным. Потому что какая-то внутренняя сервильность заставляет его принимать изгнание как должное, а гетто – как причитающееся ему место жительства.

Через притворство и через отказ ищет он бегства. Но бегства от чего? От стыда в собственном сердце не убежать. От своего долга как еврея перед евреями не убежать. Нельзя убежать от собственного происхождения, нельзя укрыться от самого себя. Его родство со своим народом глубже, чем он думает, глубже даже, чем он осмеливается признать. Он навечно прикован к прошлому, из которого он явился. Пусть же он знает, что его личная свобода навеки связана со свободой всего еврейства. Пусть он усвоит, что как стыд и страх еврея в России стали его страхом и его стыдом, так и участь еврея в России становится его участью. Пусть он проникнется простым мужеством еврея, способного без страха и без стыда принять факт своего еврейства, как без страха и без стыда он принимает факт своего американства.

В-третьих, остаются те, кто, не попав ни в одну из названных категорий, были тем не менее озадачены публикацией нашего лозунга. Это мои личные друзья – люди с щедрой душой, теплым сердцем и широким опытом, добропорядочные евреи в лучшем смысле слова, которые пришли ко мне с тем искренним несогласием, которое является привилегией близких... Их любовь ко мне столь же прочна, как и преданность нашему делу, но они выражают сожаление по поводу того, что называют недостатком достоинства... То, что они называют недостатком достоинства, я называю почтением. То, что они считают недостойным, для меня священо. Я не больше, чем они, желаю кричать о нашем происхождении на рыночной площади или щеголять нашей верой там, где это делать неуместно. Но в этой кампании то, *кто мы такие*, имеет значение; это нельзя забыть или умолчать. Это кампания для евреев, призванная помочь им нести бремя евреев. Ужасно важно, чтобы мы узнавали, спрашивали друг у друга: “Ты еврей?”¹

¹ Loeb J.M. Are you a Jew? Address delivered at Sinai Temple. – Nov. 1, 1925.

Как сформулировал председатель этой кампании, «от этого не убежать», ибо все сообщество сплотило усилия, чтобы сделать бегство невозможным.

«В этом-то и состоит суть кампании по сбору средств, проведенной недавно Еврейской благотворительной организацией Чикаго, кампании столь далеко идущей по своему замыслу, столь основательной по своей реализации, столь удивительной по достигнутым результатам, что это заставляет каждого нееврейского гражданина Чикаго остановиться, посмотреть и послушать, а слушая, уважительно снять шляпу. В начале 1924 г. эта центральная организация, включающая двадцать шесть дочерних еврейских благотворительных агентств, с регулярными сборами сумм свыше 1 090 000 долл., столкнулась с дефицитом 200 000 долл. за истекший финансовый год.

11 ноября этого года, по завершении кампании по привлечению новых членов, длившейся четыре недели, в список регулярных жертвователей было внесено 9 тыс. новых имен, так что общее число жертвователей составило 21 тыс. человек; и необычайная энергия этой кампании до сих пор продолжает приносить новых членов, ежедневно и в большом числе.

Покрытие дефицита было лишь ничтожной частью этого достижения. Дефицит покрывался и раньше. И в этот раз его легко было устранить, просто предъявив цифры нескольким лояльным и щедрым жертвователям. Суть дела – в тех 9 тыс. новых членов, каждый из которых жертвует в среднем по 18 долл., в том поразительном факте, что практически каждому еврею в Чикаго, способному внести десять долларов или больше на нужды благотворительности, давалась возможность – а может и несколько возможностей – внести свою лепту.

“Вы не просите подаяния. Вы предлагаете привилегию”, – так говорилось в руководстве для агитаторов. От начала и до конца кампании этот тон последовательно выдерживался.

Внутренние пружины такого мероприятия имеют жизненно важное значение. Вам будет интересно узнать, что в течение пяти лет до проведения этой переписи неофициальное бюро вырезок выделяло и помечало еврейские имена, упоминавшиеся чикагскими газетами в связи с передачами недвижимости, свадьбами, вечеринками, кражами драгоценностей и мехов – даже в колонке “Потери и находки”. Такие списки потенциальных клиентов тщательно сверялись со списком жертвователей Еврейской благотворительной организации и распределялись между добровольными сборщиками средств, проводившими перепись»¹.

Затем следовали персональные призывы, часто в комиссиях; а если и они не приносили желаемых пожертвований, к упрямцу

¹ Taking the census // Jewish social service quart. – N.Y., 1925. – Jan.

обращался кто-нибудь из важных членов сообщества, личная просьба которого считалась достаточным по силе давлением. Устраивались собрания и обеды, на которых тем, кто уже внес свой вклад, предоставлялась возможность снискать дополнительное признание, повысив сумму своих пожертвований в присутствии наиболее видных членов сообщества. Если способность действовать корпоративно является критерием сообщества, то евреи в Чикаго явно движутся к тому, чтобы стать сообществом.

В настоящее время в Чикаго проживает приблизительно 300 000 евреев¹. Из них, согласно переписи населения США 1920 г., 159 518 считают родным языком идиш или иврит. Это показывает, что существенно больше половины – вероятно, три четверти – чикагских евреев составляют русские и восточные евреи. Между тем темпы притока этих евреев, вероятно, несколько сократились с изменением законов об иммиграции.

В то время как гетто пустело, стало мало новых рекрутов, которые могли бы заполнить освобождающиеся места. В прошлом именно постоянный приток ортодоксальных евреев был гарантией единения сообщества и сохранения веры. Сегодня, однако, на эту силу уже нельзя положиться. Возрождение расового предубеждения против еврея послужило заменой этой силы. Оно чрезвычайно усилило групповое сознание и упрочило солидарность. Оно вернуло большое число евреев, находившихся на высоких стадиях ассимиляции, назад, в родное гнездо. Оно дало мощный толчок еврейскому националистическому движению и ортодоксии.

Предубеждение, идущее извне, воскресило стену гетто, возможно, менее видимую, чем раньше, но не менее реальную. Подъем и упадок гетто являют собой, по всей видимости, циклическое движение. Когда еврей выходит из гетто во внешний мир и обретает в нем качество человека, гетто приходит в упадок. Но как только эта свобода ограничивается, обычно в результате слишком массивного и быстрого продвижения, между евреями и неевреями вырастают дистанции, и начинается обратное движение в гетто. Само существование гетто способствует сплочению более широкого еврейского сообщества. Такие евреи, как Льюисон и Филипсон, справедливо видят в сохранении современного гетто корень «еврейской проблемы»:

¹ Точное число евреев в Чикаго так и не определено. (Далее Вирт приводит статистику, которую мы опускаем. – *Прим. пер.*)

«Современные гетто, еврейские кварталы в крупных городах мира... – еще один прямой результат официальной институционализации гетто в средние века. Нищие стекались в эти районы, поскольку здесь они находят дружбу и симпатию, и тем самым удовлетворяется их общественный инстинкт. Но они, по крайней мере, не вынуждены здесь оставаться и, как только пожелают, могут отсюда уйти. Если о такой вещи, как еврейский вопрос, и можно в каком-то значении, кроме религиозного, говорить в этой стране, то только в отношении этих еврейских кварталов Нью-Йорка и других больших городов и их обитателей. Как расформировать эти кварталы и рассеять их обитателей по просторам этой широкой, благодатной страны и сделать так, чтобы они стали самостоятельными, уважающими себя гражданами – великая проблема, настойчиво требующая сегодня решения... Эти добровольные гетто – постоянная опасность, ибо они пробуждают худшие страсти нееврейских демагогов. Благодаря им евреи рассматриваются как особый класс и в этом качестве дискриминируются... Эти последние зримые следы существования гетто должны быть стерты. Они полны опасности... Прочь все эти гетто. Закон не может повелеть их устранить, как это было с официально установленным гетто. Этого можно достичь только волевыми усилиями. И как говорится в старой молитве, “да увидим мы это свершившимся в наши дни”»¹.

Хотя евреи видят в современном гетто опасность для своего статуса как личностей и как граждан, жители самого гетто невосприимчивы к конфликтам, нарушающим душевный покой остального еврейства. «Еврейская проблема» – это проблема расколотого сознания, переживаемая отчасти ассимилированными евреями на границе с нееврейским миром, но не обитателями самого гетто, цепляющимися за тепло семейного и племенного очага.

Современная незримая стена гетто не менее реальна, чем старая, потому что она держится на чувствах и предрассудках людей, являющихся продуктами разных культур, и на самых фундаментальных чертах человеческой природы, управляющих нашей тягой к знакомому и нашим отталкиванием от чуждого. Евреи как индивиды не всегда находят путь к ассимиляции блокированным. Они обретают не только врагов, но и друзей. Между тем вовсе не очевидно, что контакты между культурными группами неизбежно производят как трения, так и гармонию и что первые можно предотвратить, а последней поспособствовать готовыми административными средствами. Взаимодействие – это жизнь, а жизнь – это рост, и он противится попыткам направить его и взять под кон-

¹ Philipson D. Old European Jewries. – Philadelphia (PA): The Jewish publication society of America, 1894. – P. 217–219.

троль с помощью методов, пусть даже сколь угодно рациональных, если они не учитывают этот динамический процесс. В борьбе за обретение статуса рождается личность. Еврей, как и всякий человек, обязан своим уникальным характером этой борьбе.

Глава XIV. Социологическая значимость гетто

Нееврейские гетто

Гетто – это глава в истории евреев и западной цивилизации, сама по себе заслуживающая того, чтобы ее рассказали. Но гетто имеет и гораздо более широкую значимость, делающую его интересным для исследователя человеческой природы и общества. То, что мы находим в гетто, есть в сущности то же самое, что мы видим в социальной жизни других меньшинств, живущих бок о бок друг с другом или, как часто бывает, бок о бок в стороне друг от друга. Заходит ли речь о чехах в Австрийской империи Габсбургов, о фиуме в разобщенной Италии, о британцах в Индии, о белых в городах Китая или о китайцах в Сан-Франциско, проблема везде по сути одна и та же, ибо аспекты этих ситуаций, связанные с человеческой природой, сродни тем, которые мы находим в гетто.

Отношения между двумя группами в таких случаях обычно являются внешними. Проблемы решаются правилами и законами, а не личным контактом и интимной дискуссией. Именно потому, что контакты между большей и меньшей, господствующей и подчиненной группами ограничиваются сугубо поверхностными делами, они и способны жить так близко друг к другу. В таких случаях человеческим группам удается жить бок о бок в связи, известной как симбиоз, во многом подобно растениям и животным. Возникающая при этом экономика воспроизводится без всякого участия сознания. Но у людей будут возникать сознание и чувства, и две группы могут занимать данный ареал без потери своих отдельных идентичностей, поскольку каждой стороне позволено жить своей собственной внутренней жизнью и каждая каким-то образом боится другой или идеализирует другую. Это взаимоотношение было удачно названо аккомодацией, в отличие от ассимиляции, происходящей, когда два народа с успехом влезают, так сказать, в шкуры друг друга, начинают соучаствовать во внутренней жизни друг друга и становятся, тем самым, единым целым.

Евреи стекаются в гетто, как уже отмечалось, по тем же причинам, по которым итальянцы живут в Маленькой Сицилии, негры – в черном поясе, а китайцы – в чайнатаунах. Разные ареалы, образующие городское сообщество, притягивают разные типы населения, чьи экономический статус и культурная традиция лучше всего приспособлены к физическим и социальным характеристикам, которые они в них находят. Каждый раз, когда в население входит новое приращение, оно не локализуется случайным образом где попало; оно вызывает пересортировку всей массы людей, приводящую в конце концов к укоренению каждого элемента в той среде, которая является для него если уж не самой желанной, то во всяком случае наименее нежеланной.

В этой связи важно, однако, не то, где каждый разместится, а тот факт, что каждый находит свое особое местоположение, по всей видимости, без чьего бы то ни было явного умысла. Оказавшись в ареале, каждая группа стремится воспроизвести культуру, к которой она привыкла в своем прежнем хабитате, настолько точно, насколько позволяют новые условия. Именно этой тенденцией обусловлены те резкие перемены в локальной атмосфере, которые мы иногда чувствуем, переходя с одной улицы на другую в скоплениях маленьких гетто, образующих крупные иммигрантские районы наших больших городов.

В отличие от гетто былых времен, эти новые гетто не нуждаются в стене или воротах, чтобы поддерживать обособление разных видов людей. Каждый человек подыскивает себе хабитат во многом так же, как это делают растения и животные в мире природы; каждый имеет свой тип питания, семейной жизни и увлечений.

Физическая дистанция, отделяющая эти иммигрантские ареалы от ареалов коренного населения, есть одновременно мера социальной дистанции между ними и средство, с помощью которого эта социальная дистанция может поддерживаться. Это не столько предполагает взаимную враждебность, сколько предполагает и делает возможной взаимную терпимость. Эти сегрегированные ареалы дают иммигрантам возможность уйти от древнего правила: «Будучи в Риме, веди себя как римлянин», – и позволяют им быть самими собой. Но ценой, которая платится за эту свободу и непринужденность, является потеря близкого контакта с другой группой. То тут то там индивид преодолевает этот разрыв и братается с чужаком, но делает это с риском изгнания из собственной группы и без уверенности в теплом приеме со стороны другой.

И все же именно тот, кто время от времени отправляется в стан врага или чужака, является в конечном счете агентом, способствующим слиянию двух групп.

Гетто и сегрегированный ареал

Гетто иллюстрирует еще один феномен в жизни локального сообщества, лежащий также в основе сегрегации ареалов порока, районов неоновых огней, богемий и хобогемий в современных городах. Сравнивая средневековый город с современным городским сообществом, мы обнаруживаем, что в этих структурах есть нечто фундаментально общее, а именно – сегрегация населения по разным классам и профессиональным группам. По существу, этот процесс есть процесс конкуренции. В основе своей он сродни составительной кооперации, присущей сообществу растений. Отличие от сообщества растений состоит в том, что люди более мобильны и могут путем передвижения искать те ареалы, в которых они смогут наилучшим образом удовлетворить свои фундаментальные интересы и желания.

Как естественное, или добровольное, гетто существовало раньше, чем гетто было декретировано законом, так и ареалы порока существовали до того, как полицейские установления согноли проституток в ограниченные зоны, а деловые центры выросли прежде, чем градостроители и законы о зонировании признали эти специализации в городской экономике. И точно так же, как гетто сохраняется еще долгое время после его законодательного упразднения, район красных фонарей продолжает существовать еще долго после того, как праведно негодующее население успокоит свою совесть убеждением, что порок изгнан из города.

Эта специализация интересов и культурных типов является по сути своей фазой элементарного процесса разделения труда. Каждый ареал в городе приспособлен к какой-то одной функции лучше, чем к любой другой. Цены на землю, арендная плата, доступность и установки его обитателей и владельцев определяют, в конечном счете, каким типом ареала он станет. Среди этих факторов более фундаментальным является, вероятно, фактор экономических ценностей, ведь чувства людей в конце концов обычно склоняются перед этим критерием, являющимся выражением составительного процесса. В конечном счете, план города или любая другая искусственная регуляция будут успешны только в той степени, в какой они принимают во внимание эти факторы, и в той

степени, в какой они считаются с тем фактом, что эти ареалы – продукт роста, а не произвольного умысла.

Каждый из этих ареалов не только обладает собственными внешними характеристиками в форме зданий, учреждений и общего облика, но и имеет собственный моральный кодекс. Население ищет ареал, в котором к нему будут относиться терпимо и в котором желания его членов могут удовлетворяться с наименьшими помехами. Богемный тип дрейфует в Латинский квартал, потому что там он может быть самим собой и без особого стеснения самовыражаться. Хобо ищет *main stem*, не только потому что его институты и стандарты жизни соответствуют его личным запросам, но и потому что здесь он находит себя и свой дом. Иммигрант дрейфует в трущобу, даже не сознавая того, что он живет в трущобе.

Кроме того, гетто демонстрирует, в какой степени локальная культура есть вопрос географического местоположения. Антропологи познакомили нас с понятием культурного ареала, под которым они подразумевают распределение в пространстве более или менее интегрированных комплексов материальных или нематериальных культурных черт. Живучесть традиционной еврейской жизни, по-видимому, зависит от благоприятной почвы гетто, от исключения из сферы дезинтегрирующих и разъедающих влияний других культурных ареалов. Едва индивид отрывается от почвы, к которой были привязаны он и его институты, как перед ним немедленно открывается возможность утраты его своеобразия и исчезновения его как особого типа. Его институты тоже с трудом выдерживают напряжение, приходящее с миграцией в другую местность. Именно поэтому синагога в гетто сохраняет свою значимость для еврейской общинной жизни, но быстро ее теряет, как только мигрирует в *Deutschland*. Каждый из этих ареалов имеет свои особые типы преобладающих личностей, которые меняются, когда локальная жизнь группы претерпевает трансформацию. Место, где живет еврей, является не худшим, чем любой другой, показателем того, что это за еврей.

Гетто как социальный феномен

Если бы мы узнали полную историю жизни какого-нибудь индивида в его социальной среде, то, вероятно, узнали бы почти все, что стоит знать о социальной жизни и человеческой природе. Если бы мы узнали полную историю гетто, то социолог получил бы в руки лабораторный образец, воплощающий в себе все поня-

тия и процессы из его профессионального словаря. Институт гетто – не только летопись исторического народа; это манифестация человеческой природы и специфического социального порядка.

Гетто рассматривалось в этом исследовании прежде всего как следствие изоляции. Изоляция евреев имела не просто физический, но прежде всего менее осязаемый и менее зримый характер. Это был тип изоляции, производимый отсутствием интеркоммуникации вследствие разницы языка, обычаев, чувств, традиций и социальных форм. Гетто, как мы его рассматривали, – не столько физический факт, сколько состояние духа. Изоляция еврея была сродни тому типу изоляции, в которой оказывается человек, чувствующий себя одиноким в самой гуще толпы.

Было время, когда исследователи человеческой природы полагали, «что удивительно разные обычаи произведены народами с разными инстинктами или с инстинктами разных степеней силы или интенсивности»¹. Евреи, как кое-кто утверждал, ведут отдельное обособленное существование по причине того, что они кичливый и клановый, не общительный народ. Им, дескать, недостает стадного инстинкта. К счастью, в случае евреев мы имеем долгую письменную историю, и она приводит нас к убеждению, что, по крайней мере, было время, когда у них не было клановости, когда они были народом, поддерживающим много контактов. Еще одним примером противоположного является попытка прорваться в нееврейский мир, предпринимаемая многими евреями сегодня. Вероятно, правильнее будет сказать, что евреи приобрели исключительность, поскольку на определенном этапе своей истории были исключены. Еще один ответ состоял бы в том, что они были обособлены в силу отличия их культурной жизни от культурной жизни их соседей.

Если к чему-то исследователи человеческой природы в последние годы и научились относиться с осторожностью, так это к списыванию характера народа и индивида на счет человеческой природы без досконального исследования их исторических переживаний. То, что евреи таковы, какими их сделала их история, возможно, звучит банально, но эту банальность стоит повторить вслух.

Евреи обязаны тем, что сохранились как отдельная и особая этническая группа, своей социальной изоляции. Воспроизведение

¹ Faris E. The nature of human nature // Proceedings of the American sociological society. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – Vol. 20. – P. 25.

их партикулярной социальной жизни и их выживание как социального типа зависят прежде всего от продолжения этой изоляции, так как особый характер любого народа зависит от его отключения (exclusion) от контактов с другими народами. Карьера евреев в европейских гетто была полна превратностей и драматизма не потому, что они очень уж отличались от остального населения, а потому что они были очень похожи друг на друга. «Там, где отчетливо выражены расовые черты и велики разделяющие расы социальные дистанции, случается иногда, что мы вообще его [индивида] не различаем. При таких обстоятельствах, отмечает Шейлер, чужак остается посторонним и странным, представителем своей расы, а не соседом»¹. Когда еврей оставляет гетто, его тип претерпевает глубокую трансформацию. Он не только меняет одежду, выражение лица и манеру держаться, но и обычно целиком преобразует свое сознание: «В необозримой волне космополитической жизни еврейский расовый тип не столько исчезает, сколько становится невидимым. Когда его перестают видеть, антисемитизм приходит в упадок. Ибо расовый предрассудок является функцией видимости. Расы с “высокой видимостью”, как говорят моряки, становятся естественными и неизбежными объектами расового предрассудка»².

Гетто может осветить в совершенно ином ракурсе одну тонкую черту изоляции. Гетто – культурное сообщество, выражающее общее наследие, запас общих традиций и чувств. Установки и чувства, заключенные в сознании еврея, а также институты и практики, в которых они находят свое внешнее выражение, сконцентрировались вокруг религиозной жизни этого народа. Если говорить антропологически, еврейская культура репрезентирует комплекс синагоги. Сегодняшнее еврейское сообщество, как и сообщество времен средневекового гетто, имеет много общего с современной сектой. «Свободное общение противостоящих сторон всегда угрожает их моральному духу... Солидарность группы, как и цельность индивида, предполагает хотя бы какую-то меру изоляции от других групп и лиц как необходимое условие своего

¹ Park R.E. Behind our masks // Survey graphic. – Exton (PA), 1926. – May. – P. 136 (в указанном рус. пер.: Парк Р.Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. – М., 2001. – Т. 3, Вып. 1. – С. 103–104).

² Park R.E. Behind our masks // Survey graphic. – Exton (PA), 1926. – May. – P. 136 (в рус. пер.: Парк Р.Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. – М., 2001. – Т. 3, Вып. 1. – С. 104).

существования»¹. В пределах секты, как ясно показывает гетто, жизнь все более становится вопросом формы. В конечном счете форму приходится сохранять любой ценой, хотя ее содержание давным-давно выветрилось.

Когда стены гетто наконец рушатся, по крайней мере настолько, чтобы сделать возможным бегство из него некоторых его обитателей (inmates), те, кто приобретает вкус к жизни в более свободном внешнем мире и соблазняется его красками, обычно терзаются тем противоречивым чувством, которое приходит к любым гибридам, как физическим, так и социальным. С одной стороны, есть странный и чарующий мир человека, с другой – ограниченное сектантство маленькой группы, в которой ему довелось родиться, и он не является в полной мере членом ни того, ни другого. Он колеблется между тем и другим до тех пор, пока какое-нибудь решающее событие не окунет его с головой в дела внешнего мира, где он забывает свою личность и преобразуется в новое существо, либо пока отпор не отбросит его рикошетом в его старую родную первичную группу, где жизнь, при всей ничтожности ее масштаба, богата, глубока и тепла.

С этой проблемой сталкиваются не только индивиды в пределах времени своей жизни; с нею же сталкиваются и последовательно идущие поколения в любой иммигрантской группе. Этим объясняется тот факт, что сам иммигрант в течение своей жизни вряд ли когда-нибудь полностью ассимилируется в новую группу, но в то же время редко бывает преступником, тогда как его дети, в свою очередь, становятся ассимилированными, но вместе с тем порождают проблемы дезорганизации и преступности. Гетто демонстрирует, что в социальной жизни важны не столько «прочные» факты материального существования и внешние формы, сколько неуловимые чувства, мечты и идеалы народа.

Что делает еврейское сообщество – состоящее в наших метрополисных центрах из столь многих гетерогенных элементов – сообществом, так это его способность действовать корпоративно. Оно имеет общий набор установок и ценностей, базирующихся на общих традициях, схожих переживаниях и общих проблемах. При всей своей географической обособленности, оно сплачивается в сообщество конфликтом и давлением извне и коллективным действием изнутри. Еврейское сообщество – культурное сообщество.

¹ Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1924. – P. 229.

Это максимум приближения к общинной жизни, который может предложить современный город.

Аномальный статус еврея базируется на солидарности его сообщества и его удивительной способности действовать коллективно. Именно историческая изоляция еврея, именно гетто, добровольное и принудительное, средневековое и современное, объясняет его характер, а также те фантастические представления, которые другие о нем имеют. История евреев и история гетто, в сущности, история миграций. В ходе этих миграций евреи развивали связи, из которых кристаллизовалось нечто, выглядящее как международная организация. В итоге еврей предстает фигурой не просто повсеместной, но и в чем-то мистической. А стало быть, если решения так называемой «еврейской проблемы» мы не нашли, то не возможно ли, что, работая с гетто как с естественным феноменом, не предлагая апологии и не выдвигая программы, мы сделали эту проблему более понятной?

Харви Уоррен Зорбо

ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ И ТРУЩОБЫ

«Золотой Берег и трущобы» (1929) – единственная книга Х.У. Зорбо (1896–1965), одна из наиболее известных монографий, вышедших в 1920-е годы в «Социологической серии Чикагского университета». Главная тема книги – возможно ли сохранение и развитие сплоченных сообществ в современном большом городе. Пытаясь ответить на этот вопрос, Зорбо взял в качестве объекта исследования небольшой участок Чикаго к северу от делового центра – Ближний Норт-Сайд, – где на небольшой площади (около 6 кв. км) было сосредоточено несколько очень непохожих друг на друга районов, от трущоб и иммигрантских колоний (в частности, Маленькой Сицилии, или Маленького Ада) до богемного Тауэртауна и престижнейшего Золотого Берега. Эти районы были досконально исследованы Зорбо; в течение года он жил в них и собирал разного рода материалы, которыми плотно насыщена его книга. Социологический анализ этих районов и их особых социальных миров составляет две трети книги. В ходе исследования выяснилось, что во всех этих районах, несмотря на их различия, обнаруживается один и тот же упадок сообществ, в традиционном их понимании, что в современном большом городе действуют социальные механизмы, неизбежно рожающие этот результат. Ниже приводятся две главы, посвященные двум изученным автором районам, и обобщающая теоретическая глава из заключительной части книги.

Перевод сделан по источнику: Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the slum: A sociological study of Chicago's Near North Side. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929. – P. 46–61, 63–86, 221–251. Впервые он был опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.

Сер. 11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2004. – № 3–4. Здесь он воспроизводится с незначительными редакторскими изменениями.

Глава III. Золотой Берег

«Золотой Берег», вытянувшийся вдоль Северной набережной от Ист-Чеснат-стрит до Линкольн-парка и простирающийся на запад до Норт-стейт-парквэй, – это место, где живут лидеры чикагских “четырёхсот семей”.

Четыреста семей – это те, кто “добились успеха”. Они образуют группу, обладающую самосознанием. У них свои, особые нравы; “хороший тон” и разные мелочи жизни чрезвычайно для них важны. Нарушить социальный кодекс – грех несоизмеримо больший, чем нарушение Десяти Заповедей. Джентльмен может пить, играть в азартные игры, но ни при каких обстоятельствах не должен появляться на полуденном чаепитии в визитке и приходиться на обед, не надев смокинга. Насколько сложен этот социальный кодекс, показывает объем “Синей книги этикета” Эмили Пост¹, где эти правила кодифицированы для страждущего “обывателя”, для тех, кто не рожден к хорошим манерам. У четырехсот семей есть свои газеты, “*Club-fellow*” и “*Town Topics*”; ежедневные газеты посвящают целые колонки их приездам и отъездам; у них есть собственные клубы, такие, как “Он-вэнтсия” и “Казино”, собственные летние колонии в Лейк-Форесте, Хаббард-Вудс и полудюжине других мест. Они живут в совершенно ином мире, нежели остальное население города, гражданами которого они являются. В этом мире они ведут калейдоскопически стремительную жизнь, которая вращается вокруг фешенебельных отелей на Набережной, престижных мест отдыха, “мелкой благотворительности”, игры в гольф и верховой езды, не говоря уже о бридже и званых обедах с периодическими выездами на улицу Ла-Саль. И прерогативы этого мира они ревностно оберегают»².

Таково на первый поверхностный взгляд «высшее общество». Таков Золотой Берег. Ибо в Чикаго все, что стоит особняком, все эксклюзивное, все, что несет на себе отметину *l'haute société*,

¹ См.: Пост Э. Этикет: Классическое руководство. – М.: Центрполиграф, 2005. – *Прим. ред.*

² Документ 3. Документы, на которых основана эта глава, были все без исключения написаны жителями Золотого Берега. Следовательно, они представляют в большей степени благожелательные наблюдения и ироничный самоанализ, чем завистливую нетерпимость. По понятным причинам эти документы публикуются здесь анонимно.

сосредоточено вдоль «набережной» между отелем «Дрейк» и Линкольн-парком или вдоль тихих, аристократических улиц, непосредственно примыкающих к этому отрезку набережной. Здесь мы находим наибольшее сосредоточение богатства в Чикаго. Здесь живут многие из тех, кто достиг особых успехов в промышленности, науке и искусствах. Здесь расположены самые фешенебельные отели и клубы Чикаго. Здесь живут две из шести тысяч людей, чьи имена внесены в светский реестр Чикаго и его пригородов, и в числе этих двух тысяч – люди, признанные лидерами «высшего общества».

Но если мы всмотримся более пристально в жизнь, протекающую в этих роскошных гостиницах, в этих «эксклюзивных» клубах, в этих величественных и неприступных особняках, то картина становится менее ясной. Ведь что такое, в конце концов, «высшее общество»? Заслышав этот вопрос, лидеры общества и редакторы светских хроник качают головами, выглядят озадаченными и лишь беспомощно улыбаются.

Поколение тому назад на этот вопрос сразу бы ясно и четко ответили: «Социальное положение – это вопрос семьи, происхождения, аристократии». Старое «высшее общество» было кастой, едва ли не кланом. Старые «светские собрания» были почти наследственным институтом. Наследницы старейших семей были главами клана и вершителями социальных судеб. Приглашение на светские собрания было надежным признаком социального ранга. Если кого-то принимали в собраниях, то его принимали везде в «высшем обществе».

Однако рост города с его денежными стандартами и его экономической организацией, с его необычайной мобильностью и самой силой многолюдности не мог не изменить природу «высшего общества», равно как не мог не изменить и все другие стороны социальной жизни. Старое «общество», базировавшееся на наследовании социального положения, осталось в прошлом, и на смену ему пришло «высшее общество» клик и социальных кругов, богатства и показухи и прежде всего молодости.

«В Чикаго больше нет того высшего общества, какое было в прошлом. Вместо этого существует несколько небольших групп. Одна маленькая группа танцует до упада, другая пьет до потери сознания и охотится, третья – до умопомрачения играет в бридж. Каждая занимается чем-то до потери пульса и в величайшей спешке. Спешка и создает эти мелкие группы на месте прежнего, более широкого и достойного общества. Эти мелкие группы собираются на “приемах”».

Но они не смешиваются: разбиваются на те же маленькие группы по десять-двадцать человек и танцуют в своем узком кругу, как будто в зале кроме них никого нет. Они не желают с риском для себя знакомиться с новыми людьми, беседовать с кем-то, кто не особенно им нравится, танцевать с кем-то, кто не очень хорошо танцует. Они пытаются даже избежать встречи с хозяевами дома.

У светского общества ныне нет лидеров, какие были в прошлом, – грациозных, очаровательных, поистине гостеприимных старых дам. Эти женщины были реальными лидерами. Чтобы быть признанным членом высшего общества, нужно было быть в их списках. Они могли приглашать тех, кого выбирали – какого-нибудь эксцентрика или денди, в зависимости от случая, – и тот факт, что человек был приглашен в этот дом, гарантировал любезное признание его всеми. Вот реальный критерий лидерства. Это лидерство, возможно, еще существует в Европе и в некоторых городах нашей страны, но только не в сегодняшнем Чикаго. Чикагское высшее общество находится в руках молодежи – клик очень богатых молодых людей. Лидерство часто рассредоточено по нескольким кликам, или в какой-то один сезон на вершине находится одна клика, а в другой сезон у власти оказывается уже другая. Мельтешение так велико, конкуренция настолько остра, что практически во всех великосветских кликах не осталось ни одного человека, который бы находился там в силу происхождения из хорошей семьи, личного очарования и культуры. Эти люди должны приноравливаться к стандартам текущего дня – элегантно одеваться, посещать светские мероприятия, быть остроумными и общительными, – иначе о них забудут; а забвение, надо сказать, приходит быстро.

Сегодняшнее высшее общество хаотично. Несомненно, это обусловлено ростом города. Крупные состояния и огромные богатства привели к хвастовству и нарочитой демонстративности. Город так велик, что высшее общество уже не может сохранить свою целостность. Ускорившийся ритм города возвел на светский трон молодых»¹.

Суть изменения в характере «высшего общества», пришедшего с ростом города, можно выразить одним предложением: «Человек больше не рождается с определенным социальным положением; он достигает социального положения, играя в “социальную

¹ Документы 4 и 5. Один из этих документов был составлен женщиной, принадлежавшей к одной из старейших и самых аристократических семей Чикаго; другой – мужчиной, очень популярным в сегодняшнем светском обществе, которого все время приглашают руководить светскими и благотворительными мероприятиями. Их комментарии можно было бы почти дословно найти в книге миссис Джон Кинг ван Ренселер «Социальная лестница», описывающей историю высшего общества Нью-Йорка (*Van Rensselaer J.K., Mrs. The social ladder.* – N.Y.: H.N. Holt, 1924).

игру»». И это верно как для «высшего общества» Чикаго, так и для «высшего общества» Лондона или Нью-Йорка¹. В каждом крупном городе наследственные и традиционные социальные барьеры рушатся. «Высшее общество», в старом смысле, заменяется «социальной игрой», и в сегодняшнем Чикаго человек должен постоянно «играть в игру», чтобы сохранить за собой то вызывающее зависть отличие, которое известно как социальное положение.

Социальная игра

«Социальная игра» – это постоянная конкуренция между «вхожими в высший круг» за отличие и превосходство и постоянная борьба со стороны тех, кто «не вхож» в этот круг, за то, чтобы в него прорваться. Возможно, лучшим критерием социального положения, составляющего заветную цель «социальной игры», является *Светский реестр*, тонкая синяя книга, владеть экземпляром которой может только тот, кто в нее вписан, и которая содержит полный список лиц, входящих в высший свет, со всеми данным об учебе в университете, членстве в клубах, браке, связях и смерти. Чтобы имя человека было внесено в *Светский реестр*, «он не должен “работать по найму”, должен подать заявку и должен быть безупречным во всех отношениях»².

Светский реестр, однако, лишь ставит печать одобрения на тех, кто уже достиг успеха. Он всего лишь удостоверяет, что они уже являются членами определенных клубов, мелькают на некоторых светских мероприятиях, входят в какие-то списки приглашенных. <...>

Именно вокруг этих клубов и отелей, этих «событий» сезона – светских приемов, балов, оперной *première*, пасхального ше-

¹ См.: *Van Rensselaer J.K., Mrs. The social ladder.* – N.Y.: H.N. Holt, 1924, а также документ 6.

² Документ 3. Интересное описание таинств *Светского реестра* см. в: Hall N.S. *The ins and outs in American society // Liberty.* – Hagerstown (MD), 1926. – Feb. 13. Одним из поразительных фактов, касающихся *Светского реестра*, является то в высшей степени безоговорочное согласие, с которым высшее общество принимает его вердикты. Разговаривая однажды в полдень с несколькими признанными лидерами чикагского высшего общества, автор спросил, что служит критерием социального положения. Было высказано единодушное мнение, что принятие в *Светский реестр* – пожалуй, самый надежный критерий. При этом никто не имел ни малейшего представления о том, кто отбирает имена в *Светский реестр* и на каком основании они в него включаются.

ствия – вращается показной формальный маскарад «высшего общества». Приглашения на приемы и в члены «привилегированных» клубов – необходимые составляющие социальной игры. Для некоторых они и в самом деле являются желанными призами. Но внутри всего этого маскарада идет «борьба» за более высокие ставки: за приглашения на некоторые закрытые вечеринки в опере, «обеда ста» в Казино, званый обед и танцы в «Сэддл энд Сайкл», на встречу с принцем Уэльским, где «выбираются наследники социального трона города», – борьба за постепенное включение в число тех, кого признают вершителями судеб четырехсот семей.

«Средства, с помощью которых члены четырехсот семей становятся судьями светского мира, попадая в верхнюю десятку, многочисленны и разнообразны. Одна достигает этого, устраивая всемирную ярмарку и играя заметную роль в оказывающихся на виду городских движениях, после чего начинает мелькать в газетах, и дело сделано; ибо порядок, в котором появляются имена в колонках светской хроники, и частота, с которой они в них появляются, служат довольно точным индикатором социального влияния. Кто-то спонсирует и возглавляет клуб “Казино”; кто-то покровительствует искусствам; другие поднимаются вверх за счет денег и расточительности в расходах. Иногда средством попадания на вершину является спонсирование каких-то известных благотворительных мероприятий»¹.

Вне эксклюзивных цитаделей четырехсот семей всегда толкуются люди, жаждущие пробиться в этот закрытый круг. «Социальная игра» создала новый социальный тип – «карьериста». Ухищрения «карьериста» многочисленны и коварны. Самым очевидным шагом вверх является блестящий брак; но этот путь открыт только для мужчин². Большинство карьеристов стремятся купить вход в высшее общество – не открыто, разумеется, а тактично и украдкой, под именем благотворительности. Многие «взбираются вверх», умело пользуясь постановочными средствами: откапывают где-то титулованного иностранного *émigré*, автора бестселлера или последнюю оперную сенсацию и делают повальным увлечением сезона³. Способность организовать великолепный *салон*, затащив туда пару знаменитостей и некоторое количество «нужных людей» в качестве гвоздей программы, обеспечила не один социальный три-

¹ Документ 3.

² Изредка, правда, бывает, что светского успеха достигают жены мужчин, женившихся на «низших по положению».

³ Документ 3; например, светские приключения Топси и Евы.

умф. Наконец, бывают иногда и странствующие рыцари «высшего света», как, например, Уорд МакАллистер поколение тому назад; они достигают успеха исключительно силой своей личности¹. Какой бы маршрут для движения вверх ни выбирал карьерист, неизменно требуется долгая и тщательно спланированная кампания.

«Допустим, у некоей миссис Джон Джонс есть светские амбиции. Она замужем за человеком, который сколотил состояние на Северо-Западе на заготовках леса. Она со всей семьей переезжает в Чикаго. Так вот, может ли она добиться, чтобы ее имя было внесено в *Светский реестр*? Никто из членов семьи не работает по найму. Семья во всех отношениях безупречна; в конце концов, лес окружен ореолом романтики. Но нет: сначала она должна быть принята в свете. Она должна, грубо говоря, “вскарabкаться наверх”. Так вот, из шести тысяч человек, чьи имена внесены в *Светский реестр*, есть около двухсот или, возможно, трехсот, которые образуют “верхний слой”; а среди этих трехсот около десятка составляют “*élite*”. Задача миссис Джонс – сделать так, чтобы ее пригласили на обед в один или несколько домов, относящихся никак не меньше чем к “верхнему слою”, а лучше всего к “*élite*”. Но миссис Джонс не может добиться этого, первой пригласив этих людей в собственный дом; на ее приглашение бы подчеркнуто не ответили.

Миссис Джонс из восточного промышленного города поступает так. Первым делом она снимает апартаменты в одном из фешенебельных отелей на Набережной. Ее дочка знакомится в отеле с дочерьми женщин, имена которых внесены в *Светский реестр*. Затем она устраивает день рождения дочери, на который приглашаются эти ее новые подружки. Теперь их матери чувствуют себя перед ней в долгу. Ее приглашают на чай, на танцы и, наконец, на званый обед. Так она достигает успеха. Приглашение на политическое собрание или свадьбу ничего не значит – кроме возможностей. Первым шагом является приглашение на чай. Затем следуют танцы, ленч и, наконец, званый обед, который эквивалентен сертификату принятия в высшее общество, – и чем уже круг приглашенных, тем больше завидуют такому сертификату.

Чаще, однако, амбициозные личности взбираются наверх по маршруту “мелкой благотворительности”. Ибо у каждой из тех, кто на виду в высшем свете, есть своя “скромная” благотворительная организация или свое политическое или социальное движение. Миссис ван Дерфельт проводит в своем доме послеполуденные собрания Комитета женщин-демократок. Миссис Джонс на них ходит. Чуть позже она подходит к миссис ван Дерфельт со словами: “О, миссис ван Дерфельт, я только что услышала, что Вы заботитесь о Доме детей-калек, и какая восхитительная работа там проводится. Не могу ли я внести какой-нибудь

¹ См.: *Van Rensselaer J.K., Mrs. The social ladder.* – N.Y.: H.H. Holt, 1924. – P. 205 ff.

маленький вклад?» После этого миссис ван Дерфельт чувствует себя в большей или меньшей степени обязанной пригласить миссис Джонс на чай. Игра продолжается. И если миссис Джонс умело использует свои карты, уже на следующий год ее имя можно будет найти в *Светском реестре*.

Еще одна хитрость карьеристки – отправить детей учиться в фешенебельную школу, где они познакомятся с детьми из “четырёхсот семей”. Через детей происходит встреча родителей, и первый шаг сделан¹.

Успешная «карьеристка» – подлинная художница и в само-рекламе, и в умении добиться того, чтобы ее имя не исчезало из колонок светской хроники, и в связывании себя с «правильными» людьми и «правильными» вещами².

«Социальная игра», ведется ли она ради того, чтобы попасть в круг избранных, или ради того, чтобы в нем удержаться, требует постоянного планирования, маневрирования, взаимных приглашений, попыток «удержаться на плаву». Ибо в сегодняшнем «высшем обществе» необходимо не выбиваться из ритма, в противном случае ты из этого «общества» выпадаешь. Положение человека никогда не бывает настолько надежным, чтобы он мог позволить себе расслабиться, если только его не устраивает перспектива жить воспоминаниями о прошлых успехах.

«В и ее муж, А, являются членами самой блистательной группы в чикагском высшем обществе, причем членами, которые денно и нощно трудятся, чтобы сохранить свое положение. Их *entrée* произошло благодаря тому, что оба принадлежали к семьям, входившим в светское общество прошлого поколения, и благодаря учебе в частных школах, которые принимали лишь детей из фешенебельного мира или детей, имевших хорошие рекомендации. В годы детства и юности это гарантировало приглашения на вечеринки, устраиваемые для детей из лучших домов, и означало более или менее близкое знакомство с высшим обществом того времени.

¹ Документ 3.

² См. документ 7: «Миссис X, которую мы с Вами хорошо знаем, не упускает ни одной хитрости. Она занимает положение в попечительском совете фешенебельного клуба, участвует в одном совете попечителей с миссис Y, и на следующий день Вы читаете об этом в *Dowager's Column*. Она подходит к каждому на закрытых вечеринках: “Я точно уверена, что видела Вас прошлым вечером у миссис Маккормик”. У миссис X есть фотография, на которой она запечатлена с группой детей из приюта, и эта фотография публикуется на следующий день после “закрытой вечеринки” у миссис Z, хотя на самом деле никаких детей с нею не было».

Но поскольку *А* имел относительно небольшой доход, развернулась настоящая борьба за сохранение этого положения после того, как они поженились и обосновались в собственном доме. В конце концов им пришлось отказаться от попыток содержать собственный дом, так как стоимость содержания его в соответствии с принятыми в их кругу стандартами была слишком велика; они смирились с необходимостью и сняли номер в самом эксклюзивном отеле в этом районе.

Их реальное “влияние” пришло благодаря необычайной живости и энергии, которой оба буквально бурлили. *В* необычайно одухотворена и вносит оживление в любое сборище, в котором участвует. Такова ее репутация, и она неукоснительно ей соответствует. Ни один комедийный актер, находясь на публике, не мог бы быть более безжалостным к самому себе. Иногда я видел ее вконец измотанной и опустошенной, даже подавленной, после вечеров и танцев, на которых она была “душой общества”.

А получает от светской жизни неподдельное удовольствие; это бросается в глаза и сразу же чувствуется. Он популярный заводила на танцах и других развлекательных мероприятиях. Его высокая, хорошо сложенная фигура, грациозные жесты и радостная улыбка вызывают у собравшихся взрыв воодушевления. “Перед этим я всегда выпиваю целый бокал шампанского, а на следующий день не поднимаюсь с кровати”, – поясняет он, соглашаясь, что напряжение и поздние часы “выжимают” его “до нитки”.

Эти энергия и веселость, эта готовность во что бы то ни стало оказать услугу друзьям – от помощи в выборе наимоднейшего бального платья до заказа цветов на похороны – и составляют те активы, которые обуславливают их успех вопреки низким доходам. Они одеваются со всей тщательностью – всегда что-нибудь очень модное и эксклюзивное, и при этом чуть-чуть опережающее популярный стиль. Они принимают гостей в том же духе, с тщательно продуманными интервалами, и тратят уйму времени и энергии на то, чтобы на их вечеринках было интересно и свежо. Они досконально продумывают, кого включить в список гостей: не должно быть никакого риска, только признанные достойные люди да, быть может, какой-нибудь оперный певец, правильно подобранная звезда сцены или литературное светило; званые обеды, обед с танцами, недолгие чаепития в Казино для очень нужных людей, встреча в узком кругу в отеле»¹.

Листки календаря светской женщины за месяц наглядно изображают этот постоянный круг деятельностей, составляющих социальную игру:

«Парикмахерская – один или два раза в неделю.

Маникюр – один или два раза в неделю.

¹ Документ 8.

Массаж – раз в неделю.

Посещение портного.

Шопинг – несколько раз в неделю.

Балетный класс для сохранения фигуры – раз в неделю.

Урок французского, в группе из шести человек, в доме подруги – раз в неделю.

Лекции – Бриджесовские чтения из шести лекций (есть время посетить только три) в “Плейхаусе” и клубе “Фортнайтли”.

Клубные собрания – два клуба, каждым ежемесячно проводится собрание в “Фортнайтли”; без духовного подъема; чтение статей членов, а также ленч или чай».

По большей части жизнь Золотого Берега складывается из постоянного выставления себя напоказ. Ведь чтобы остаться в кругу избранных, каждый должен постоянно быть в курсе всего происходящего, своевременно отвечать на поступающие от других приглашения и взносы в свои благотельные фонды ответными приглашениями и взносами в их благотворительные фонды. И эта игра становится настолько сложной, что может требовать найма полноценного светского секретаря. У одной из богатейших «замужних девушек» Чикаго есть, например, список рассылки приглашений, включающий две тысячи имен; он состоит из двух частей, одна из которых содержит имена тех, кому она просто чем-то обязана, а другая – имена тех, с кем она должна поддерживать контакт, чтобы оставаться в игре. Она вынуждена иметь секретаря, который занимается ее корреспонденцией, планирует ее танцевальные вечера и приемы, рассылает приглашения, отвечает на поступающие приглашения и ведет учет ее светских обязательств. В сущности, требования игры таковы, что выросла целая когорта женщин, чьей профессией является составление списков видных холостяков, детей, их возрастов и дней рождения, переездов семей, заключаемых браков, разводов, а также выпуск пригласительных списков и распоряжение танцами, обедами, приемами и т.п.

«В досье светского секретаря есть один интересный список: список “пятисот танцующих мужчин”. Это подходящие в мужья молодые холостяки, чьи имена внесены в *Регистр*, которые необычайно хорошо танцуют и играют в бридж, могут поддержать светскую беседу и сносно играют в гольф или теннис. Этот список служит матроне, когда она желает устроить большой бал, домашний праздник и т.п.

Далее, есть “парадные мальчики”. Это молодые люди из других городов, с хорошими связями, обычно закончившие университет, работающие по найму в видных фирмах города, живущие в фешенебельных холостяцких апартаментах

или доходных домах – еще не включенные в чикагский *Светский реестр*, но живущие надеждой в него попасть. Эти мужчины со стороны встречаются с девушками из четырехсот семей, которые предпочитают веселиться с ними, а не с “танцующими мужчинами”, подобно тому как девочки с “Главной улицы” противопоставляют нового мальчика городским мальчишкам. Это мужчины хоть куда, их часто куда-нибудь приглашают, и часто один из них является светским львом сезона. Их имена тоже будут обнаружены в списках светского секретаря.

Также она может иметь возможность свести *парвеню* со светскими амбициями с кем-нибудь из “маленьких братьев богатых” – тех молодых светских холостяков с ограниченными средствами, которые из “чисто профессиональных соображений” будут отправлять самого малообещающего кандидата в светское плавание»¹.

Такова социальная игра, в которую играют на Золотом Берегу. По сути, это борьба за статус и престиж, за положение и влияние. Она включает в себя искусство публичного существования, преподнесения себя и расточительности в расходах; результатом становится такая известность человека, которая больше нигде в городе не обнаруживается. Некоторые играют в эту игру из чисто-го тщеславия; некоторые – потому что рождены к ней и потому что «должны это делать». Женщины делают ее профессией, призванной приумножить состояния их мужей. Авантюристы играют в нее ради золота. Другие играют в эту игру ради власти, в силу того, что им больше нечем заняться, или из чистой любви к острым ощущениям. Но какой бы мотив ни заставлял людей играть в эту игру, в конце концов она превращается в страсть к признанию, становящуюся центром, вокруг которого организуется жизнь. И эта социальная игра, эта страсть к признанию, становится главенствующим интересом в жизни по крайней мере трети той группы, которую мы знаем как «высшее общество»².

Социальный ритуал

Вокруг социальной игры выросла масса ритуалов, т.е. конвенциональных способов делания чего-то, служащих отграничению аристократии от «простых людей». И социальный контроль в «высшем обществе» осуществляется по большей части через этот ритуал. Для «карьериста», человека, не уверенного в своем поло-

¹ Документ 3.

² Документ 9.

жении, социальный ритуал заменяет Десять заповедей. Нравы более широкой группы могут безнаказанно попираются – если их попирают «вполне конкретные» люди и если их попрание не афишируется слишком вопиющим образом. Но есть в социальном ритуале конвенции, нарушение которых грозит изгнанием. При этом даже значительная часть ритуала может игнорироваться теми немногими, чье социальное положение не ставится под вопрос, – если эти немногие обладают тем неопределимым нечто, тем незаменимым сочетанием уверенности и тонкого чутья, которое известно как *savoir faire*.

Одна женщина из высшего света пишет наполовину в шутку, наполовину всерьез об этом ритуале:

«Пока у вас нет прочного социального положения, не живите к северу от Норт-авеню или к западу от Норт-стейт-стрит и будьте внимательны при выборе квартала. Если вы вынуждены жить в отеле, поселитесь в “Дрейке”, “Блэкстоне”, на Озерной набережной, в “Амбассадоре” или “Пирсоне”. Варианты из этого списка не содержат ничего необычного, но нужно все тщательно продумать. Не пользующийся одобрением квартал или отель будет доказывать другим, что вы нежелательны.

Обслуживание – дело торжественное, если кто-то пытается его организовать. Молодым людям подобает, принимая гостей, обходиться без слуг. Но если слуги есть, абсолютно необходимы определенные формы. Служанка опрятна и бесшумна, а после пяти одета в черное. Лицо слуги или служанки совершенно лишено выражения. Слуга должен открывать дверь, когда приходят гости или кто-то звонит. Стол должен быть надлежащим образом накрыт. Скатерть на столе непопулярна; центральное освещение ни к чему; требуется свечное освещение без теней. Служанка должна знать правила обслуживания сидящих за столом; было бы непростительно, если бы служанка убирала со стола больше одной тарелки за раз.

“Быть хорошо ухоженным” – так можно суммировать нерушимую заповедь. Идеально подстриженные и уложенные волосы, одежда без единой пылинки и единого пятнышка, изысканные туфли или безупречные гетры (“банкиры всегда носят гетры”). Ногти у женщин *должны* быть отполированы; мужчины тоже *могут* это сделать. Один раз (или два раза) в день душ – это часть ритуала. Нижняя одежда в последние десять лет приобрела новую важность. В прошлом человеку надлежало быть чистым, но в выборе нижней одежды он мог позволить себе исходить из личного вкуса или личного удобства. Сегодня сицилийская мать с гордостью показывает, что на ее ребенке надето семь рубашек; а модница приходит в смущение, если кто-то узнает, что она носит под платьем больше, чем могло бы уместиться в большом кармане пальто. Какое-то время нельзя было избе-

жать розового шелкового крепа. На нем могли быть мелкие цветочки, но не слишком много: “М. прислала мне розовую креповую сорочку со множеством разноцветных цветочков – распутное нижнее белье. Я отослала его в магазин ‘Белый слон’ на распродажу старых вещей”. Если врач советует ей носить шерстяные вещи – и даже длиной до колен и с короткими рукавами, – она изо всех сил старается скрыть это от своего портного и от хозяйки дома, в котором гостит в уик-энд. Если скрыть это не получается, она дает объяснения; но никакие объяснения не помогут, если она и дальше следует этой привычке. “Она – из тех, кто носит шерстяное нижнее белье!”

Одежда должна соответствовать преобладающей эксклюзивной моде, но только не крайностям массовой моды. “Конечно, никто не носит зеленые туфли или ботинки в дневное время, как поступают сплошь и рядом на Уилсон-авеню”. Когда новым стилем овладевает продавщица, этот стиль отвергается. “В наши дни почти невозможно иметь эксклюзивную одежду. Толпы от Нью-Йорка до Канзаса мгновенно все копируют!” Женщина из *l’haute société* не надевает на улицу вечерние туфли, как не носит платье вечернего покроя с вырезом, соответствующими рукавами и из соответствующей ткани в дневное время. Стиль в светском кругу должен соблюдаться с головы до пят. Плохие перчатки, неверная линия поведения, неказистые туфли портят впечатление, которое человек стремится произвести. “Она не знает, что значит быть по-настоящему светской женщиной”. Бесплезно даже пытаться перечислить то, что идет в ногу со временем; слишком быстро все меняется. “Где ты достала это норковое пальто, дорогая? Должно быть, съездила на Уилсон-авеню? Ты же выглядишь как содержанка”. Эксгибиционизм в одежде, видимо, больше преобладает на “Boule Miche”, чем на “Золотом Берегу”. Это можно объяснить разницей групп, на которые они пытаются произвести впечатление. “Boule Miche” стремится впечатлить весь мир; “Золотой Берег” желает произвести впечатление на тех, кто следует более эксклюзивной и утонченной моде.

Визитная карточка, почтовая бумага, приглашения – все это вещи, требующие абсолютного соответствия одобренным стилям. Никогда не звоните по телефону; если вы это делаете, то это доказывает, что вы приехали из Спайксвилла, штат Канзас, или из еще какого-нибудь места, плетущегося на четверть столетия позади эпохи. В опере никогда не выходите из зала после первого акта; подождите, пока закончится второй акт. Не стоит носить с собой сверток или зонтик. Как-то одну артистку пригласили на музыкальный вечер в один из лучших домов “Золотого Берега”. Был дождь, и она пришла с мокрым зонтиком. Она прошла мимо слуги у парадного крыльца, поднялась по устланым коврами лестницам и подошла к домашнему слуге, стоявшему у двери. Она протянула ему свой мокрый зонтик. Он равнодушно на него взглянул, но не сделал даже движения, чтобы его взять. Человека, который носит с собой зонтик, нельзя было приглашать.

Неуместно добираться на светские мероприятия трамваем или в “желтом кебе”. Есть гаражи, которые рекламируют автомобили, выглядящие точь-в-точь как частные, и по случаю светских мероприятий можно ими воспользоваться. Большинство людей, которых вы знаете, нельзя везти в оперу в “желтом кебе”. Излишне даже говорить, что никого и никогда нельзя доставлять на светские мероприятия трамваем, даже днем.

Извинения, рукопожатия, представления должны использоваться чрезвычайно внимательно. Вы можете извиниться, если опоздали, но нельзя этого делать в случае, если подгорела рыба, если у служанки плохая прическа или если вы надели перчатки тогда, когда надевать их не следовало. Если вы молоды или отправляетесь в компанию младших, то можете при случае вернуть такие слова, как “проклятье!”, “черт побери”, “о, май год!” Говорят, проходят даже такие выражения: “Заткни свой чертов рот!” Но сказать: “Мне чрезвычайно приятно вас видеть”, – было бы практически губительно. *Nil admirari*, если только удивления, восхищения или комментарии от вас не ждут. Если вам нужно рассмотреть какие-то детали комнаты или костюма, делайте это так, чтобы никто не заметил. Любопытство – верх дурного воспитания.

Вы можете стоять на голове в гостиной на большой или маленькой вечеринке, если делаете это правильным образом и в подходящий момент; можете ползать по полу на корточках; можете класть локти на стол. Если вы достаточно молоды, то можете, словно вам всего девять лет, затеять схватку с совершенно чужим молодым человеком, который выглядит живым воплощением УМСА, а он может намотать носовой платок вам на шею, привлечь вас к себе и поцеловать. Все это может произойти на самой что ни на есть светской вечеринке, и если вы в совершенстве владеете *savoir faire*, никто критиковать вас не будет. Но если вы неправильно держите ложку или вилку, в этот дом вас никогда больше не пригласят. Довольно странно, но человек, который может вдруг воспользоваться зубочисткой, никогда не получает даже первого приглашения. В человеке, который может воспользоваться зубочисткой, есть что-то такое, о чем можно сказать, даже если вы никогда не общались с ним за столом.

Если вы допускаете промах, совершенно ясно, что вы его допустили, и тут ни объяснения, ни обман не помогут. Лучший выход из положения – принять установку, что это не заслуживает внимания: что это скорее забавно, что так и должно было быть, что это совершенно не имеет значения, потому что *вы* это сделали. “Все, что я делаю, *правильно*, потому что это делаю *я*”, – так наставлял свою юную дочь один хорошо известный светский предводитель. “Я добралась трамваем”, – говорите вы с усмешкой или с оттенком полного хладнокровия, создавая впечатление, что вы из тех девушек, которые поступают так, как им хочется, что вы выше всякой критики. Моя подруга была с визитом в одном из самых эксклюзивных сельских домов в самой эксклюзивной из летних колоний. После полудня, когда все играли в поло, она вернулась в дом с двумя молодыми

людьми до возвращения хозяйки дома. Слуга без всякого выражения на лице принес великолепный и должным образом сервированный чайный столик и другие столики, сообщив, что хозяйка сказала по телефону, что к чаю не вернется. Моя подруга никогда не пила чай таким образом; она была полностью уверена, что сама бы никогда так не поступила, и на миг похолодела. Это было совершенно непростительно; она бы опозорила себя и свою хозяйку. Она повернулась к дворецкому: “Вы принесете нам наконец чай, Хутон?” Потом рассмеялась: “Или, может быть, Вы нас обслужите, мистер К.? Чай для меня дело серьезное. Я никогда этим не интересовалась и наверняка сделаю что-то не так. Ужасно неженственно, наверное”. Затем она продолжила беседу, сохраняя атмосферу полной уверенности.

Врожденные хорошие манеры должны быть хладнокровными; должен быть дух благополучия и успеха. Незаменимо изящество в точно отмеренных дозах, которое в одной дозе согревает собеседника, а в другой охлаждает его. Для успеха в обществе требуется атмосфера полной уверенности в себе, непринужденной непоколебимости с примесью *hauteur*¹.

Социальный ритуал, вместе с теми установками, которые вокруг него группируются, служит одновременно опознавательным знаком принадлежности к четыремстам семьям, средством общения между членами этих семей, а также барьером, отделяющим эти семьи от остального мира. Поведенческие паттерны, воплощенные в этом ритуале, которые можно суммировать словами «хороший тон» и *savoir faire* и за которыми кроется жестокая конкуренция социальной игры, конституируют основную силу социального контроля в «высшем обществе». Но вместе с тем ритуал придает «высшему обществу» те непринужденность, достоинство и очарование, которые доводят до отчаяния многих «карьеристов» и служат предметом зависти для многих, кто не был «рожден к хорошим манерам».

Золотой Берег как сообщество

Золотой Берег имеет общую основу опыта и традиции. По правде говоря, за очень немногими исключениями чикагские семьи, если углубиться в их прошлое на одно или два поколения, обнаруживают очень разные и не слишком аристократические корни. Но, как мы увидели, потребности социальной игры требуют, чтобы «высшее общество» жило в определенных соседствах, училось в определенных школах и университетах, принадлежало к определен-

¹ Документ 10.

ным клубам, покровительствовало каким-то искусствам, служило в попечительских советах общественных и гражданских организаций, обладало определенными политическими пристрастиями и, прежде всего, подчинялось общему ритуалу. Вследствие этого «высшее общество» приобретает более или менее общий запас опыта и традиции, установок и конвенций.

Более того, «высшее общество» является классово сознательным. «Я верю в аристократию, – пишет одна светская женщина. – В праздном досуге, роскоши, путешествиях и знакомстве с искусствами есть нечто такое, что дает человеку, который эти преимущества имеет, своего рода превосходство»¹. В сознании этого превосходства «высшее общество» обособляет себя от всего, что можно назвать «простонародным».

«Солидарность этой группы, вероятно, столь же прочна, сколь и солидарность любой известной группы. Она базируется в немалой мере на материальных интересах. Она порождается осознанием выдающегося богатства, успеха, социального положения. Эта группа сознательно выражает себя в определенном образе жизни, в стандарте роскоши, который требует принятого и дорогого “стиля” в материальных деталях. Эта группа сознает свое общее отличие в личной внешности и манерах, а также свои общие устремления, которые реализуются в одобренных местах, обычно недоступных для других групп»².

Высшее общество считает себя выше всех других групп. Оно делает это вполне искренне и прямодушно, и осознание собственного превосходства дает ему некоторое ощущение ответственности. Оно обязано сохранять свой стандарт жизни, свой этикет, свой внешний блеск – как ради самого себя, так и из долга перед цивилизацией. Для этого оно не должно допускать никакого близкого контакта, никакого панибратства с другими группами. Неизбежный контакт с другими группами всегда сопровождается ясным пониманием превосходства высшего общества и невозможности равенства. Ребенка в школе и на игровой площадке тщательно оберегают от контакта с другими группами детей»³.

Однако «высшее общество» не только обладает общим багажом опыта и традиции и некоторой мерой самосознания, отделяющего его от других групп. Помимо этого, «высшее общество» в Чикаго в высокой степени локализовано, будучи сконцентрированным в пределах того участка Озерной набережной от Стритервилла

¹ Документ 11.

² Ср.: Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.

³ Документ 12.

до Линкольн-парка, который известен как Золотой Берег, участка не более мили длиной и не более двух кварталов шириной. Здесь сосредоточены *определенные* улицы, *определенные* семьи, *определенные* отели, *определенные* клубы, и их сегрегация разительно подчеркивается окружающим их ареалом меблированных комнат.

«В нынешнем поколении центр светской жизни в Чикаго всегда располагался в районе “Золотого Берега”. За последние пять лет я была в Саут-Сайде от силы два раза и редко бывала севернее Линкольн-парка. Люди, живущие в нашем районе, фактически отказываются от всех приглашений на чай или званый обед в Саут-Сайд или севернее Линкольн-парка, если только они не исходят от какого-то *особенно* влиятельного лица или от *очень близкого* друга. В свою очередь, со всего остального города все ездят на светские мероприятия на “Золотой Берег”. На самом деле, еще задолго до того, как последняя из старых семей переехала на “Золотой Берег”, выяснилось, что для того, чтобы позвать хотя бы кого-то на свои мероприятия, нужно устраивать их в Казино или в каком-то другом клубе “Золотого Берега”. В Чикаго светская жизнь чрезвычайно локализованная и компактная, по сравнению, например, с Нью-Йорком. Последние из старых семей давным-давно перебрались на “Золотой Берег”. Южный Берег и район вдоль Шеридан-роуд к северу от Диверси¹ – совершенно иные социальные миры. На севере города я никого не знаю, а на Южном Берегу живет разве что кузина – да и та могла бы с равным успехом жить в Сент-Луисе или в Нью-Йорке, если говорить о ее принадлежности к моему социальному миру»².

Итак, казалось бы, Золотой Берег, где локализовано «высшее общество» с его самосознанием и общей традицией, должен быть сообществом. Битвы, которые Золотой Берег вел за то, чтобы на Норт-стейт-парквэй не заезжали автобусы, чтобы на Астор-стрит не строилось многоквартирное жилье и чтобы на Озерной набережной не размещались магазины, за то, чтобы не допустить расширения Набережной и разделаться с пляжем на Оук-стрит, демонстрируют возможность общего действия жителей Золотого Берега. Тем не менее анализ обнаруживает здесь меньше общности, чем кажется на первый взгляд.

Начнем с того, что «солидарность» Золотого Берега вовсе не базируется на проживании в пределах «Берега». Скорее, проживание на Золотом Берегу является результатом состоятельной сегрегации в

¹ Эта окраина Линкольн-парка, известная как Линкольн-парк-вест, является всего лишь составной частью Золотого Берега.

² Документ 6.

процессе социальной игры. Имеются остатки старого дружелюбия, основанного на локальном проживании. Некоторые из старожилов называют старых трамвайных кондукторов такими ласковыми именами, как «Полли-овечка» и «Тути». Но эти вещи интересны лишь постольку, поскольку они – остатки. Локальная жизнь, к которой они нас мысленно отсылают, осталась в далеком прошлом.

Мы увидели, что нынешнее «высшее общество» складывается из кругов и клик. Эти группы базируются на общности возраста, прихотей и преходящих интересов, а не на общности проживания, и жизнь Золотого Берега распадается по большей части на жизнь таких небольших групп.

«Золотой Берег разбит на мелкие группы. Есть, например, компания с Дивижн-стрит, состоящая из старых дев, холостяков и жизнерадостных молодых. В ней поддерживается своеобразная местечковая атмосфера с ее сплетнями и вечеринками. Половина мероприятий, на которые я хожу, проводятся на Дивижн-стрит. Каждый раз всех собравшихся объединяет какое-нибудь жаргонное выражение или какая-нибудь особенность в одежде. Но это никоим образом не *соседское* мероприятие; много часов проводим вместе, но *кто* живет в этих домах, мы так *никогда* и не узнаем»¹.

В районе Золотого Берега, как и везде в городе, человек не знает своих соседей. На одном из чаепитий в этом районе, когда предметом обсуждения стала тема добрососедских отношений, все дружно говорили: «Нет, мы не знаем наших соседей»². Одна женщина, живущая на Озерной набережной, сказала, что не знакома с женщиной, которая живет по соседству, хотя живет с ней бок о бок уже больше 25 лет. Другая женщина, живущая на Норт-стейт-парквэй, рассказала, что однажды увидела дым, идущий из дома по ту сторону улицы, и обзвонила всю округу в тщетной попытке выяснить, кто в этом доме живет. Опрошенные мужчины говорят то же самое³. Один заявляет, что не знает никого в квартале в любом направлении от того места, где живет он сам. Другой говорит:

«Между теми, кто живет в Норт-Сайде, нет добрососедских отношений. Я живу в отеле, где 20 номеров, и из тех, кто там живет, я шапочно знаком от силы с пятью, а по-настоящему знаю лишь одного. Я не думаю, что у тех, кто там

¹ Документ 6.

² Документ 13.

³ Документы 15 и 16.

живет, есть хоть какая-то привязанность к этому месту: естественно, ее и не должно быть. Люди живут на Озерной набережной просто потому, что это самое дорогое место в городе».

Быстрый рост числа многоквартирных домов и отелей на Золотом Берегу только усиливает это. Прежде всего, сама природа жизни в многоквартирном доме и гостинице способствует вторичным контактам; более того, гостиница и апартамент все больше используются *натуро* и «карьеристом» как средство приобретения престижа через проживание на Золотом Берегу¹.

Жителям Астор-стрит разослали анкету, призванную выявить установку этих людей в отношении места (locality), в котором они живут. Обнаружилось, что многие из них не мыслят Золотой Берег как сообщество, а его улицы – как соседства². Большинство опрошенных утверждали, что из всех их интересов – светских, политических, религиозных, филантропических, профессиональных, интеллектуальных и эстетических – только «светские» сосредоточены в районе Золотого Берега. И мы уже видели, что «светские» интересы означают участие в социальной игре, а не соседские контакты. Более того, анкеты показали, что все эти люди без исключения проводят от трех до пяти месяцев в году за пределами города. У всех есть свои «летние места». Многие проводят какую-то часть года за границей или на восточных, западных и южных курортах. Следующие случаи довольно типичны для передвижений золотобережных семей:

¹ Две интересные спонтанные попытки организации соседств на неформальной основе бесславно провалились. Отель «Вирджиния» несколько лет назад решил устраивать по субботам вечерние танцы для своих гостей. Танцы имели большой успех, если иметь в виду увеличение числа участников; но при этом выяснилось, что никто из самого отеля в них не участвовал.

Позже одна женщина с Беллевию-плейс пригласила на обед нескольких своих соседей, которых знала. Во время обеда родилась идея регулярно проводить вечеринки, собирающие Беллевию-плейс. Однако ничего из этой идеи не вышло. Люди либо были слишком заняты, либо понятия не имели, кто такая миссис Такая-то, либо не проявляли к этому интереса, либо предпочитали встречаться с другими людьми и в других местах.

² На вопрос анкеты «Считаете ли Вы окрестности Озерной набережной соседством или сообществом?» один человек ответил: «Я весьма озадачен тем, к чему клонит анкета. Разумеется, когда спрашивают, считаю ли я место, в котором живу, соседством или сообществом, сразу напрашивается ответ: “Дело безнадежное, старина, я больше ничем не могу Вам помочь. – Ну что на это сказать?”» (Заполненные анкеты хранятся в архиве Комиссии по исследованиям локального сообщества Чикагского университета.)

«А. – Имеет апартаменты на Норт-стейт-парквэй. В мае перебирается в Лейк-форест. Август проводит на северной вилле. Оттуда возвращается в Лейк-форест и остается там на всю осень. Последние два года часть зимы проводил за границей.

Б. – Покинул апартаменты в июне; уехал в Лейк-форест. В октябре переехал в отель “Дрейк”. В феврале ездил в Палм-Бич. Вернулся в “Дрейк” в апреле. В мае уехал в Лейк-форест. В августе отправился в Дарк-Харбор, штат Мэн.

В. – Провел зиму в Санта-Барбаре. В мае уехал в Европу. Осенью несколько недель жил в отеле “Дрейк”»¹.

Так что даже значительная часть «светской» жизни обитателей Золотого Берега сосредоточивается либо в фешенебельных пригородах Чикаго, либо в фешенебельных местах летнего и зимнего отдыха, разбросанных по всей стране. Светский сезон длится всего четыре месяца. Затем наблюдается исход в более теплые климаты. В пасхальный период несколько недель могут проводиться в Чикаго. Затем каждый куда-нибудь уезжает на все лето².

Следовательно, Золотой Берег вряд ли можно назвать сообществом. Это всего лишь престижное место для размещения собственного городского дома, где человек проводит светский сезон. Интересы большинства людей, живущих на Золотом Берегу, расфокусированы в пространстве. Здесь нет соседств; люди связываются друг с другом скорее как члены светских клик, нежели как соседи. Очень многие из тех, кто «живет» в окрестностях «Набережной», значительную часть своего времени проводят в других местах. Другие не являются членами самого «высшего общества». И солидарность тех, кто принадлежит к «высшему обществу», – солидарность скорее кастовая, чем основанная на совместности проживания. Тем не менее Золотой Берег – это почти сообщество, как и любая другая не иностранная локальная группа, находящаяся во внутреннем городе.

Глава IV. Мир меблированных комнат

На задворках бьющих в глаза роскошью апартаментов, отелей и домов Озерной набережной и тихих, тенистых улиц Золотого Берега расположен ареал болезненно однообразных улиц со старыми, покрывшимися копотью домами, не отличающимися чистотой

¹ Документ 14.

² Документ 6.

аллеями и ветхой атмосферой респектабельности. Проходя дом за домом по этим улицам, можно увидеть на окнах черно-белые вывески со словами: «Сдается в аренду». Ибо это мир меблированных комнат, мир до странности неконвенциональных обычаев и людей, один из наиболее характерных миров, вносящих свою лепту в жизнь большого города¹.

Этот неясно очерченный (*nondescript*) мир, как и всякий район доходных домов, имеет долгую и извилистую историю.

«Типичный доходный дом никогда не строится целенаправленно; он всегда оказывается адаптацией бывшего частного дома – дома, который видел лучшие дни. На первом этапе его истории как доходного дома это может быть очень высококлассный доходный дом. Затем, по мере того как фешенебельный жилой район перемещается все дальше и дальше к окраине города, а бизнес подступает все ближе и ближе, уровень этого заведения падает, пока оно наконец не превращается в “отель для бездельников” или в распутный дом»².

Читая историю Ближнего Норт-Сайда, мы видели, что после пожара это был богатый и фешенебельный жилой район. Но как только бизнес пересек реку и пришел на север, он становился все менее и менее желательным местом для жизни. Фешенебельные семьи постепенно выезжали из своих старых домов. Сюда проникали менее состоятельные, временные, чужие группы. Однако по мере того как город шел маршем на север, цены на землю и стоимость аренды медленно росли, так что теперь семьи, которые хотели бы жить в этом районе, уже не могут платить за аренду столько, сколько с них требуют. В результате большие старые жилые дома превратились в доходные дома; и это – еще одна глава в естественной истории города.

В Ближнем Норт-Сайде этот район ночлежных домов и меблированных комнат упирается на востоке в Золотой Берег, а на западе – в Уэллс-стрит. Он простирается на север от Гранд-авеню и делового района до Норт-авеню. К югу от Чикаго-авеню этот район плавно переходит в трущобу; здесь его ночлежные и доход-

¹ Район доходных домов в Ближнем Норт-Сайде – один из трех подобных районов в Чикаго. Точно такие же ареалы меблированных комнат есть на юге и западе города; они располагаются вдоль центральных транспортных линий на переходе из жилых ареалов в трущобы и деловой район. Районы доходных домов будут обнаруживать такое же местоположение в каждом большом городе.

² Trotter E. The housing of non-family women in Chicago. – Chicago (IL): Chicago community trust, 1921. – P. 5.

ные дома дают приют рабочему, бродяге, снимающей комнату семье, студиям богемного персонажа, преступнику и самым разным людям, потерпевшим жизненную катастрофу; в некоторых маленьких отелях обитает в большом количестве театральные люди, в других – заезжие проститутки. Весь район иссечен вдоль и поперек деловыми улицами. Ареал, расположенный к северу от Чикаго-авеню, между тем не является трущобным, за исключением разве что Кларк-стрит. И именно этот ареал с его доходными домами лучшего класса, в которых живут по большей части молодые и не состоящие в браке мужчины и женщины, интересует нас в этой главе.

Анализ «Реестра ночлежных домов штата Иллинойс» показывает, что в Ближнем Норт-Сайде 1139 ночлежных и доходных домов и что в этих домах снимают меблированные комнаты той или иной разновидности 23 007 человек. 90 кварталов этого ареала лучших меблированных комнат к северу от Чикаго-авеню были интенсивно изучены с помощью поголовной переписи. Это исследование выявило дополнительные факты: в 71% домов этого района жили постояльцы, и из людей, снимавших в них комнаты, 52% составляли одинокие мужчины, 10% – одинокие женщины и 38% – пары, «состоящие в браке», предположительно «с благословения духовенства»¹. Ареал доходных домов – бездетный ареал². Тем не менее большинство живущих здесь людей находятся в продуктивном возрасте, от 20 до 25 лет³.

Доходный дом – это, как правило, большой жилой дом старого образца, хотя многие многоквартирные дома также превращены в доходные⁴. Население этих доходных домов составляет, как правило, группа, которую профсоюзные лидеры называют «белыми воротничками»: мужчины и женщины, занимающие раз-

¹ Данные этой переписи постояльцев предоставлены Комиссией по социальным исследованиям Чикагского университета.

² Школьная перепись, 1920 г. Небольшое число детей в этом ареале является разительный контраст с их многочисленностью в ареале трущоб, расположенном южнее и западнее, и даже с их числом на Золотом Берегу.

³ Эти данные о возрастном распределении основаны на мнении социальных работников и открытиях Э. Вулфа: *Wolfe A.B. The lodging-house problem in Boston.* – Boston (MA); N.Y.: Houghton, Mifflin & co., 1906.

⁴ Часть истории доходного дома содержится в том факте, что эти большие старые дома нельзя превратить в многоквартирные дома. См.: *Breckinridge S., Abbott E. Chicago's housing problem // American j. of sociology.* – Chicago (IL), 1910. – Vol. 16, N 3. – P. 295–296.

личные клерковские позиции. Это бухгалтеры, стенографистки, всякого рода конторские работники. Есть также студенты из многочисленных музыкальных школ Ближнего Норт-Сайда. Большинство живет на грани бедности, и здесь они могут жить дешево и достаточно близко к Петле, чтобы иметь возможность ходить на работу и возвращаться с работы, когда захотят¹.

Постоянные прибытия и убытия обитателей – самая поразительная и важная характеристика мира меблированных комнат. Каждые четыре месяца его население полностью меняется². На окнах постоянно вывешиваются таблички, оповещающие о том, что комнаты свободны³, но этим табличкам редко удается провисеть до вечера, поскольку по улицам все время ходят люди в поисках комнат. Держатели доходных домов меняются почти так же быстро, как и их постояльцы. По крайней мере половина держателей этих домов проживала по своим нынешним адресам шесть месяцев или меньше⁴.

«Большинство людей на улице Ла-Саль все время куда-то переезжают. Хозяева делают это в расчете, что в другом доме или на другой улице дела у них пойдут лучше. Думаю, многие из них могли бы найти себя в азартных играх или изобретательстве: у них развито воображение, да и темперамент таков, что они все время ищут удачи. Жильцы тоже постоянно переезжают, так как надеются найти что-то лучшее в другом доме или на другой улице. Они все время ищут место, больше похожее на дом, более уютное или более дешевое»⁵.

Итак, в драме мира доходных домов сцены непрерывно меняются – меняются с быстротой киноплёнки.

¹ Спутниками доходного дома являются дешевые кафетерии и рестораны, десятки которых можно найти вдоль Кларк- и Стейт-стрит, а также на Чикаго-авеню, Дивижн-стрит и Норт-авеню.

² Перепись доходных домов (см. выше). Конечно, есть люди, живущие в одной комнате по несколько лет. Однако сотни других живут в данном доме всего месяц, неделю или даже день. См. документы 14 и 15.

³ Например, 1 ноября 1923 г. такие таблички были вывешены на окнах в 30% домов этого района. Перепись доходных домов (см. выше).

⁴ *Illinois Lodging House Register*. В отношении продолжительности проживания 117 последовательно проведенных регистраций для Нижнего Норт-Сайда демонстрируют следующее распределение:

0–1 мес.	1–3 мес.	3–6 мес.	6 мес. – 1 год	1–5 лет	более 5 лет
9	9	26	25	35	13

⁵ Документ 14: Интервью с жильцом доходного дома на улице Ла-Саль.

Доходный дом

Доходный дом не следует путать с пансионом.

«Характеристики старинного пансиона слишком хорошо известны, чтобы их здесь пересказывать. При всех его недостатках следует признать, что в нем было нечто от дома. Пансионеры знали друг друга, встречались два или три раза в день за столом и засиживались вечерами после ужина, чтобы поговорить. Летом они собирались на парадных ступенях и верандах, зимой часто играли в юкер и вист в гостиной хозяйки. Родственные души имели возможность найти друг друга. Была общая гостиная, где принимали гостей, и, по крайней мере в приличных пансионатах, девушке не нужно было думать о том, как провести джентльмена-визитера в собственную комнату. Хозяйка хорошего пансиона проявляла к своим пансионерам нечто вроде живого участия, пусть даже отчужденного, и они часто начинали чувствовать себя частью семьи, хотя бы и против своей воли. Был некоторый личный элемент в отношениях между индивидами; никто не мог изолироваться и уж тем более замкнуться в себе»¹.

Здесь было, по крайней мере, ядро общего мнения, некоторый комплекс личных отношений, который обычно определял социальные ситуации. Однако в современном городе пансион приказал долго жить. Рост ренты, механизация жизни и более строгое определение экономической функции, приведшие к развитию кафе и ресторанного бизнеса, урезали круг занятий прежнего хозяина пансиона до простого «принятия постояльцев». В данном районе Ближнего Норт-Сайда не было найдено и десятка пансионатов.

Доходный дом, который пришел на смену пансиону, – совершенно иное место для жизни. В нем нет столовой, нет гостиной, нет общего места встреч. В доходном доме завязывается мало знакомств.

«В доходном доме знаешь очень немногих. За полтора года, что я там жила, я в общей сложности узнала достаточно хорошо не более 12 человек, с которыми могла бы поговорить. А ведь за это время там побывало, должно быть, человек 300; они же постоянно въезжают и выезжают; каждый день кто-нибудь да съезжает, в газете все время даются объявления, в окнах постоянно висят таблички. Но комнаты никогда не пустуют больше нескольких часов. Такое впечатление, что все время кто-нибудь ходит по улицам в поисках комнаты и

¹ *Wolfe A.B.* The lodging-house problem in Boston. – Boston (MA); N.Y.: Houghton, Mifflin & co., 1906. – Vol. 1. – P. 46–47.

кто-то всегда поселяется на освободившееся место. Люди меняются так быстро и бывают дома так мало – весь день на работе, да и вечерами часто отсутствуют, – что почти нет шансов с кем-нибудь познакомиться, даже если захочется. Но никто этого и не хочет; в этом мире доходного дома царит всеобщий барьер недоверия. Поначалу я не могла этого понять, но потом поняла»¹.

Держатель доходного дома не имеет личных контактов с постояльцами и не испытывает к ним никакого интереса. Он довольствуется тем, что собирает с них плату за жилье и этим зарабатывает себе на жизнь. Для него это дело сугубо коммерческое. Поэтому среднестатистический держатель доходного дома не обращает особого внимания на то, кто снимает комнаты в его доме и что в нем происходит, пока это не причиняет беспокойства другим постояльцам.

Троттер в своем исследовании жилищных условий бессемейных женщин в Чикаго замечает:

«Вопрос о приеме гостей мужского пола выявил интересные разновидности стандартов... Многие заявляли, что девушке предоставляется привилегия принимать гостей в своей комнате при условии, что дверь будет оставаться открытой. Некоторые говорили: “Да, если гостя принимают две девушки”. Другие устанавливали для визитов ограничение с десяти часов до половины одиннадцатого. Один мужчина, показавший нам дом и дававший привилегию принимать гостей в комнатах, сказал: “Нам нет дела до того, чем они там занимаются, но после 12 часов должно быть тихо”. На вопрос: “Допускаются ли в комнаты гости мужского пола?” – мы чаще всего получали от тех, кто давал эту привилегию, такой ответ: “Да, если девушки милые”. А одна женщина сказала: “Да, но я допускаю у себя только первоклассные любовные связи”. Из 300 посещенных мест почти в половине предоставлялась эта привилегия»².

Женщина, которую один из переписчиков спросил, много ли в ее доме супружеских пар, сказала: «Не знаю, я не спрашиваю. Я просто сдаю комнаты».

¹ Документ 15: история жизни «приютской девушки». С этим «барьером недоверия» столкнулись люди, проводившие перепись доходных домов. Из окон выглядывали лица; двери со скрипом приоткрывались и часто со стуком захлопывались; на вопросы люди реагировали подозрительными взглядами и уклончивыми ответами.

² Trotter E. The housing of non-family women in Chicago. – Chicago (IL): Chicago community trust, 1921. – P. 11.

Доходный дом – место анонимных отношений. Человек никого не знает и его никто не знает. Он приходит и уходит, когда пожелает, делает то, что ему захочется, и до тех пор, пока он не причиняет никому беспокойства, к нему не возникает никаких вопросов. Насколько полна эта анонимность, можно увидеть из следующего документа:

«Как-то мне случилось искать одного человека, жившего в доходном доме. Он снимал там комнату около недели. В этом месте не было ни одного телефона, так что мне пришлось отправиться по его адресу. Я пришел туда в 7:30. После того, как я несколько раз нажал на звонок, дверь открыла женщина около 45 лет. На ней был передник, и она явно была домовладелицей. Я спросил мистера Х. Она ответила: “Кого?” Я еще раз назвал имя. Она покачала головой и сказала, что не знает такого. Я заглянул в записную книжку, дабы проверить, не произошло ли ошибки. Я сказал ей, что он мне дал именно этот адрес, и начал его описывать. Она знала двух мужчин в доме, которые могли бы подойти под это описание. Тогда я сказал ей, что он много работает у себя в комнате на печатной машинке. После этого она поняла, кого я имею в виду. Она сказала мне подняться на третий этаж со стороны фасада и посмотреть, там ли он. Его не было. Я постучался в несколько других комнат, но никто ничего о нем не знал. Когда я спустился по лестнице, хозяйка исчезла, и я не смог оставить записку.

Я вернулся туда через неделю. Дверь открыла та же самая женщина. Я спросил, дома ли мистер Х. Она сказала, что он вчера съехал. Я поинтересовался, не знает ли она, куда он переехал, но она не знала. Она сказала, что неделя истекла, и он уехал. Он оставил ей записку, в которой сообщил, что должен уехать. Я спросил ее, не оставил ли он, возможно, свой будущий адрес для пересылки почты. Она ответила: нет, он никогда не получал никакой почты»¹.

Такую полную анонимность не сыскать нигде, кроме как в сегодняшнем городе, и нигде в городе, кроме как в доходном доме.

Особые социальные связи мира меблированных комнат отражаются в поведении людей, живущих в этом мире. Ничто не смогло бы донести это яснее и выразительнее, чем излагаемая ниже история жизни «приютской девушки».

«До 22 лет моим домом была Эмпория в штате Канзас. У моего отца был там маленький бизнес. Он был правильным, богобоязненным человеком... Учил нас соблюдать Десять заповедей, ходить в церковь по воскресеньям, делать все, что делают в маленьком болтливом местечке “респектабельные”.

¹ Документ 16.

Семья у нас была большая, но отцу удалось скопить достаточно денег, чтобы отправить меня, старшую, в небольшой колледж в нашем штате. И еще с тех пор, как я была маленькой, я брала уроки музыки. Вокруг этих уроков музыки и вращается вся история моей жизни.

На меня в городе всегда смотрели как на что-то вроде чуда. В десять я играла Шопена и Баха. Я исполняла свои маленькие пьесы в церкви, на благотворительных вечерах для пожарных, когда мать принимала гостей из Общества помощи женщинам, и на наших школьных выпускных экзаменах. Мне говорили, что у меня талант, что я как “бальзам для души мастеров”, что мне непременно нужно ехать в Нью-Йорк или за границу, где я могла бы учиться у опытных наставников, что в один прекрасный день я стану концертной звездой.

За четыре года в колледже эти амбиции поутихли, но так и не умерли. В тот день, когда я получила диплом, я написала домой, что не стану возвращаться назад в Эмпорию, чтобы выйти там замуж за “Бэббита” и жить на “Главной улице”, а поеду в Чикаго учиться музыке. Я приехала домой на неделю, и неделя эта была бурной. Отец был озадачен тем, что я собираюсь жить одна в Чикаго, и строго-настрого запретил мне туда ехать, сказав, что если я это сделаю, он не будет присылать мне денег – на самом деле, ему почти и нечего было посылать. Мать говорила мало, но, когда я уже уезжала, сунула мне в руку 50 долларов, которые берегла на новое платье. Все говорили, когда мой билет был куплен, что у меня нет и сотни долларов, чтобы начать карьеру.

Никогда не забуду тот вечер, когда я приехала на Северо-западную станцию. В одной руке я крепко сжимала кошелек, в другой была дорожная сумка. Всюду сновали носильщики, я вертела головой во все стороны, смущенная и ослепленная зрелищем огней – но сердце мое пело, мои амбиции вспыхнули с новой силой; это были ворота в обетованную землю. Я прошла в Бюро помощи приезжающим и узнала, как добраться до YWCA*. Я прогулялась по городу, таская сумку, но была слишком восхищена, чтобы устать. Я до сих пор помню то романтическое впечатление, которое произвела на меня ленивая темнота реки, блестящая в свете огромных электрических вывесок. Насколько же по-иному она выглядела всего два года спустя!

Первые недели я пребывала под влиянием этой магии. Все было так странно и головокружительно для моей провинциальной души. “Y” был достаточно приятным местом для жизни – вовсе не таким заскорузлым местом, какое я ожидала увидеть. Но уже в эти первые недели я начала понимать, что такое одиночество. Большинство своих вечеров я проводила, сидя то в одном, то в другом углу гостиной и наблюдая старых дев, играющих на пианино или развлекающих своих кавалеров. Я познакомилась с несколькими другими новичками – с девушкой из Индианы, которая, как и я, приехала учиться, с девушкой, приехавшей из

* Молодежная женская христианская организация. – *Прим. пер.*

Алабамы искать работу стенографистки, и еще с четырьмя или пятью другими, все из небольших городков в штате Иллинойс. Казалось, у всех кроме меня в Чикаго были какие-то знакомые и какие-то связи. И иногда, когда мое одиночество становилось совсем уж невыносимым, я возвращалась вечером на большую станцию в то время, когда должен был прибыть поезд, на котором я приехала, и смотрела на лица в толпе, ожидая увидеть кого-нибудь из Эмпории.

Именно в “У” я впервые познакомилась с самым жалким персонажем в мире доходных домов – старой, незамужней женщиной, которая работает. Такие бросались в глаза своим одиночеством в любом кафетерии и в любой гостиной – в одиночестве съедающие за столиком свой ужин, сидящие за вязанием, в поношенной, не идущей им одежде, с озабоченными лицами и натруженными руками. Позже я узнала некоторые трагедии, скрытые за их сомкнутыми устами.

После шести недель, проведенных в “У”, я переехала в Ближний Норт-Сайд, чтобы жить поближе к музыкальной школе. В последующие месяцы я жила в десятке доходных домов и пансионатов для девушек. Пансионаты были более комфортабельным и приятным местом, но я целый день работала, а вечерами брала уроки. Я возвращалась домой поздно, а это противоречило их правилам. Вскоре выяснилось, что доходный дом – единственное место, где я могу жить. Но найти такой доходный дом, где мне хотелось бы жить, было нелегко. Комнаты, которые я могла себе позволить, были в унылых старых домах на улице Ла-Саль; они были мрачные, пустые и такие большие, что мне обычно приходилось делить их с еще одной или двумя девушками. Кровати были жесткими и часто кишели клопами. Хозяйки были странного вида и безвкусно одетыми, молчаливыми и подозрительными, невежественными и грубыми. Они редко проявляют к вам какой-либо интерес и лишь следят за тем, чтобы вы заранее платили за неделю. Мужчины и женщины, жившие в доме, были по большей части не подарок. Иногда происходило такое, что в то время меня шокировало, хотя теперь я бы просто не обратила на это внимания.

Оглядываясь на первый год, проведенный здесь, я вижу, что это был кошмар. Чтобы обеспечить себя и платить за уроки, мне приходилось работать по семь дней в неделю. Образование, полученное в колледже, ровным счетом ничего мне не дало. Я пробовала одно за другим: работала продавщицей в “Маршалл Филдс”, помощницей продавца галантерейных товаров, трудилась за простым станком на швейной фабрике, была билетером в кинотеатре и, наконец, официанткой в ресторане. Как-то получалось, что я нигде подолгу не задерживалась.

Дни были длинными и выматывающими: в шесть подъем, душ, подогретая на плите чашка кофе, маленькая уборка в комнате, потом в Петле до половины восьмого или восьми. Затем долгая напряженная работа до пяти вечера, миля пешком до моего доходного дома, незамысловатый ужин в близлежащем ресторане, вечер, посвященный уроку или музыкальной практике, – потом возвраща-

юсь в свою комнату в половине одиннадцатого или в одиннадцать, часто настолько уставшая, что нет сил раздеться, и где-то через час ложусь спать.

Я приехала в город в июне. К Рождеству мое одиночество дошло чуть ли не до отчаяния. Я ни с кем не подружилась; девушке, воспитанной на Десяти заповедях, не очень легко завести друзей в доходном доме или работая в ресторане официанткой. Я говорила на ином языке, чем девушки, с которыми я работала. В театре или ресторане мужчины часто подходили ко мне и говорили такое, отчего я краснела, хотя часто я не имела ни малейшего представления о том, что они имеют в виду; наивная маленькая дурочка – вот кем я была. Мать болела, и письма из дома приходили все реже и реже. Почти сразу после Рождества она умерла, и последняя нить, которая связывала меня с Эмпорией, порвалась. Теперь я была “самостоятельной” и к тому же почти “без гроша в кармане”. Но у меня все еще были мои амбиции, думы о том, что когда-нибудь я стану великой *artiste* и все эти одиночество и невзгоды будут забыты...

Кажется, в феврале я встретила в музыкальной школе девушку из Теннесси, и мы довольно крепко подружились. Через несколько недель мы решили снять на двоих комнату и переехали в дом на Дирборн, чуть севернее Дивижн. Этот дом состоит из нескольких соединенных друг с другом больших старых квартир. В нем, кажется, 40 комнат, и какое-то время в нем жили аж 70 постояльцев. Он чище и спокойнее большинства доходных домов; мужчины и женщины, снимающие в нем комнаты, вполне приличные. Но все же это доходный дом, и вы никогда ни с чем его не спутаете. В какой-то момент вы начинаете ненавидеть эту табличку на окне: “Сдаю комнаты!” И жизнь, и люди здесь не сильно отличались от того, что было на улице Ла-Саль.

В доходном доме знаешь очень немногих, они постоянно въезжают и выезжают, и мало шансов с кем-то познакомиться, если захочется. Но желания и не возникает... Иногда случались маленькие драмы, как, например, когда в переулке нашли младенца, когда женщина “с третьего этажа со стороны двора” после ссоры с мужем приняла яд или когда полиция приехала арестовывать мужчину, который сбежал из Питтсбурга с сестрой жены, а новая троица постояльцев ограбила большинство “гостей” на втором этаже. Время от времени были эти маленькие драмы, и тогда холлы и ваннные комнаты на несколько минут становились сценой для сплетен, торопливых и курьезных. Но уже на следующий день эти же самые люди пронеслись мимо друг друга по лестнице, не проронив ни слова.

Месяцы шли, а мои уроки становились все дороже и дороже; я была вынуждена работать меньше часов, чтобы заниматься практикой; наша комната дорожала; я стала понимать, что все время отстаю с оплатой примерно на неделю. Это было унижительно, быть вынужденной упрашивать хозяйку предоставить мне кредит – унижительно для девушки, которую приучили верить в то, что нехорошо иметь долги. Но я брала кредит и даже смогла придумать предлог для отсрочки его возвращения, такой же бесстыдный, как у “золотоискательницы” из соседней комнаты.

[Так прошел год, пока учитель музыки не сказал ей, что нет никакой надежды на то, что она когда-либо осуществит свои амбиции.] Ошеломленная, я отвернулась от фортепиано... Я почти его не слышала. Я собрала свои ноты и выбросила в мусорную корзину в углу, а потом вышла из комнаты.

Был вечер, я бродила по улицам, ничего не замечая вокруг и ни о чем не думая, пока – уже поздно ночью, – бродя по набережной в Линкольн-парке, не села, вконец обессиленная, на каменное ограждение над озером. В моей голове к этому времени чуть-чуть прояснилось, и я начала подводить итоги собственной жизни...

Амбиции, ради которых я шла на жертвы и которые заставляли меня жить и стремиться, были мертвы. Не было ничего, что привязывало бы меня к дому и семье. Мать умерла. Никто мне не писал. А старший брат, приехавший в Чикаго несколько месяцев назад, рассказал мне, что отец не позволяет упоминать мое имя в собственном доме, разве что как ужасный пример своевольной дочери, скатившейся к дурной жизни. Однажды он назвал меня гулящей. Эти слова отзываются в моем сознании до сих пор: “Гулящая, гулящая!” И такая горечь вспыхнула в моем сердце, испепеляющая всякую любовь, всякую связь, всякий идеал, которые еще удерживали меня дома.

Затем я задумалась о своей жизни в Чикаго. Что в ней, в конце концов, было? Музыка моя умерла. Ни семьи, ни друзей у меня не было. В Эмпории были, по крайней мере, местные клубы или церковь. А здесь ничего. Никого и ничего, к чему я была бы привязана!

Моя товарка по комнате ходила на воскресные вечерние службы в Четвертую пресвитерианскую церковь на Озерной набережной. Там она обо мне рассказывала, и однажды какой-то помощник помощника пастора зашел ко мне с приглашением. Один раз вечером после этого я туда ходила. Меня встретили с нарочитой и равнодушной вежливостью. Все было крайне безлично... Больше я туда не ходила, а никакая другая церковь интереса ко мне не проявляла. Единственной другой группой, с которой я еще имела дело вне работы, было социальное агентство, от которого я пыталась весной получить небольшую помощь. Там ко мне отнеслись с таким безразличием, как будто я тряпичная кукла. Трезвонили телефоны, мне давали бесконечные бланки, которые надо было заполнить, – и во всем этом ни грамма человеческой отзывчивости.

Город такой. В любой работе, за которую я бралась, было все то же отсутствие всякого личного контакта. Во всем этом городе с его тремя миллионами душ я никого не знала, ни за кого не переживала, и никому до меня не было дела. Несколько дней назад в одной научно-популярной статье в вечерней газете я прочла, что мир состоит из миллионов вращающихся звезд. Я взглянула на небо. Ведь и я сама точно такая же – атом, вращающийся сам по себе с тремя миллионами других атомов, день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

Что у меня *было*? У меня не было нарядов, не было отдыха, не было свободного времени – ничего из того, что, как предполагается, любят девушки. Мое здо-

ровые не выдерживало напряжения. Я была в долгах. Ответ был: ничего – абсолютно ничего! И впереди у меня были долгие годы того же ничего, пока я наконец не вышла бы замуж за честного, но бедного клерка или коммивояжера и не пыталась бы прокормить свору голодных ртов, или пока не стала бы одной из тех сломленных, старых работающих женщин, которых я снисходительно жалела в первую неделю пребывания в YWCA.

Разумеется, из всего этого было два выхода. Я могла спрыгнуть с ограждения в озеро и тут же, на месте, со всем этим покончить. Но почему-то я всерьез об этом не думала. Либо я могла поступить, как делали некоторые девушки в моем доме, стать “золотоискательницей”, прожигать жизнь ради того, что в ней есть, и платить за это тем, что есть во мне. Эта идея внушала мне почти отвращение, тем не менее я слегка с ней поиграла, и пока я размышляла, напуганная неведомыми возможностями, которые во мне таились, стало холодно при мысли о том, что никто и ничто меня в этом мире не держит.

В музыкальную школу я больше не возвращалась. Последнее время работала официанткой... так вот и жила. Но теперь дни и ночи были пустыми – и я наконец полностью поняла, каким может быть одиночество. Однажды вечером в ресторан (это был один из самых крупных ресторанов в центре) вошел опрятный молодой человек и сел за мой столик. Он заговорил со мной, как все они обычно делают; он рассказал мне, что сам из небольшого городка в Оклахоме, заработал вот денег и приехал посмотреть большой город. Вел он себя дружелюбно и закончил тем, что пригласил меня на шоу. Я приняла приглашение, и мы отправились в кабаре. В духе беззаботной бравады, дабы показать провинциальному пареньку, что я насквозь городская женщина, я выкурила свою первую сигарету и впервые выпила спиртного.

Нет проку делать из этого историю. У него была обворожительная улыбка, и он искал приключений. Я чувствовала себя невыразимо одинокой – и усталой. Он сказал, что любит меня, и у меня не было желания подробнее его расспрашивать. Я покинула доходный дом, и мы сняли небольшую квартирку неподалеку от Роджерс-парка. Месяц я играла всю из себя respectable, знакомилась с молодыми женами в других квартирах, наслаждалась красивыми нарядами, праздностью, ела в лучших ресторанах, смотрела самые лучшие шоу, делала покупки в шикарных магазинах, водила свою машину. В один прекрасный день Б. пришел домой и сказал мне, что возвращается в Оклахому и что я с ним не еду. Я почти ничего не сказала; я знала, что рано или поздно это случится, хотя надеялась, что не так скоро. У него нашелся благодидный предлог. А я снова вернулась в доходный дом.

Нет, я ни о чем не жалела. Жизнь обвела меня вокруг пальца. Не о ком было заботиться. Зачем ишачить и трудиться, если я могла иметь все, что пожелаю? И не в последнюю очередь интимные прикосновения и взгляды мужчины – пусть даже это наполовину притворство. Кого-то, с кем можно поговорить по душам, кого-то, к кому можно прийти домой, кого-то, кто спросил бы, где ты была, – это тоже вещи, без которых нельзя жить».

Не все люди, живущие в мире меблированных комнат, так откровенны, как эта «приютская девушка». Но большинство их историй, какими бы они ни могли показаться тривиальными, обнаруживают все ту же изоляцию, все то же одиночество и все ту же склонность к личностной дезорганизации¹.

Доходный дом как социальный мир

Условия жизни в мире меблированных комнат прямо противоположны всему тому, что мы привыкли мыслить в обществе как нормальное. Чрезмерная мобильность и поразительная анонимность этого мира имеют важные следствия для жизни этого сообщества. Там, где люди постоянно приезжают и уезжают, где они живут в каком-то одном месте в лучшем случае несколько месяцев, где никто никого не знает в собственном доме, не говоря уже о квартале² (дети являются настоящими соседями, но это бездетный мир), где отсутствуют какие бы то ни было группы, – там, где все это имеет место, разумеется, не может быть никакой общинной традиции или общего определения ситуаций, никакого общественного мнения, никакого неформального социального контроля. Таким образом, мир доходного дома – это мир политического безразличия³, слабости конвенциональных стандартов, личностной и социальной дезорганизации.

Мир доходного дома ни в каком смысле не является социальным миром, т.е. комплексом групповых взаимоотношений, через которые реализуются человеческие желания. В этой ситуации мобильности и анонимности, скорее, устанавливаются социальные дистанции, и человек оказывается в изоляции. Его социальные контакты более или менее полностью обрезаны. Его желания не исполняются; он не находит в доходном доме ни безопасности, ни душевной отзывчивости, ни признания. Его физические импульсы обуздываются. Он не знает покоя, и он одинок.

Приютская девушка в приведенной выше истории восклицает: «Не о ком было заботиться! Зачем мне было ищачить и тру-

¹ Документ 15: биография «приютской девушки».

² Как сказала одна женщина, когда ее спросили, знает ли она своих соседей: «Нет, на улице Ла-Саль незачем знать своих соседей» (Перепись доходных домов).

³ Глава избирательного участка в районе доходных домов сказал, что бесполезно даже пытаться выгнать людей из этих домов на избирательные участки (Документ 17).

диться, если я могла иметь все, что пожелаю? И не в последнюю очередь интимные прикосновения и взгляды мужчины – пусть даже это было бы наполовину притворством: кого-то, с кем можно поговорить по душам, кого-то, к кому можно прийти домой, кого-то, кто спросил бы, где ты была. Это тоже вещи, без которых нельзя жить». Мужчина, живший в доходном доме в Норт-Сайде, писал: «Я оказался совершенно один. Были вечера, когда я против своего обыкновения выходил из дома купить газету или какую-нибудь ерунду в аптекарском магазине – просто для того, чтобы хоть несколько минут с кем-то поговорить». Далее он продолжает:

«Но, возможно, еще хуже одиночества был сексуальный голод. Раньше у меня были регулярные и удовлетворявшие меня сексуальные отношения с женой. Без них во мне стало нарастать беспокойство. Я думал о браке – но единственными девушками, которых я встречал, были стенографистки, жениться на которых я бы никогда не стал. Постоянное возбуждение города начало сказываться на мне, колоссально взвинтив это сексуальное беспокойство: огни, раздетые женщины, реклама всевозможных шоу.

Дошло до того, что рекламные щиты с женщинами в неглиже или женскими ножками в шелках стали нестерпимо меня возбуждать. Много раз я следовал несколько кварталов за какой-нибудь привлекательной женщиной, но не для того, чтобы с ней заговорить, а просто чтобы посмотреть на движения ее тела. Хотя моя работа в офисе заканчивалась в четыре, я часто откладывал возвращение домой до четырех тридцати или пяти, так чтобы можно было втиснуться в переполненный трамвай и почувствовать себя прижатым к теплому телу какой-нибудь женщины. Девушка в соседнем доме обычно раздевалась, не задернув шторы, и я буквально проводил часы, наблюдая за ней. Мои фантазии сводили меня с каждой привлекательной женщиной, которую я встречал на улице»¹.

Эмоциональные напряжения расстроенных желаний заставляют человека как-то действовать в этой ситуации. Его поведение может принять одно из трех направлений. Он может оказаться неспособным справиться с этой ситуацией и попытаться выйти из нее. Этот выход часто принимает форму суицида. В парке Линкольна, в самом сердце района доходных домов Норт-Сайда, был мост через лагуну, прозванный Мостом Самоубийств ввиду большого количества людей, которые бросились с него в воду. Из-за его зловещей репутации власти города в конце концов его демонтировали. Карта

¹ Документ 18.

на вкладыше к стр. 83*, показывающая распределение суицидов в Ближнем Норт-Сайде, позволяет увидеть, сколь часто людям из мира доходных домов это представляется единственным выходом.

Или, опять же, человек может построить идеальный, иллюзорный мир, в котором удовлетворяются желания, не находящие исполнения в более суровой внешней жизни.

«В комнате с другой стороны коридора жили две девушки, которые работали продавщицами в Петле. Они приехали из какого-то города на юге Иллинойса. Они не были красавицами, а кроме того, как и я, были из хороших семей и потому чувствовали себя одиноко. Они часто ходили в кино, иногда на танцы, однако киноплёночные героини больше пришлись по душе этим простым, но изголодавшимся по душевному теплу детям, чем пренебрежение танцевальных “красавцев”. Другие вечера они проводили за чтением “Настоящей романтики”, “Опыта”, “Журнала подлинных историй” и прочих подобных журналов с рассказами о приключениях девушек в городе. Одна из них вела время от времени дневник, куда записывала истории – я уверена, вымышленные – об уличных флиртах и приключениях. Мы часто проводили вечера, сочиняя письма Дорис Блейк, в которых спрашивали, что надо сделать молоденькой девушке, чтобы мужчина, который ей нравится, но которого она не любит, попытался ее поцеловать. Все это была игра, наполнявшая наш скучный мир приключениями и героями.

Выше по лестнице жила старая дева. Она была чьей-то секретаршей, все еще носила тесные корсеты, и на голове у нее сбоку свисал локон. На туалетном столике у нее стояла фотография видного мужчины в большой рамке, перед которой она обычно пудрилась и наряжалась. Каждому в доме, кто ее слушал, она рассказывала разную историю о нем. За все время она была в этом доме единственной болтушкой»¹.

Или, возможно, происходит подмена, и человек находит удовлетворение своих сдерживаемых желаний в символах, репрезентирующих старые связи, или растрчивает свою любовь на собаку или попугая.

«Ее почти полная изоляция довела ее до того, что те немногие, с кем она иногда виделась, боялись, что она сумасшедшая. Потом что-то произошло. Как она говорила позже, это спасло ей жизнь. Однажды к ней подошел элегантно одетый мужчина, державший попугая, сунул птицу ей в руки и серьезным тоном сказал: “Позаботьтесь о нем”. Он исчез прежде, чем она успела что-либо возра-

* Здесь не приводится. – *Прим. пер.*

¹ Документ 15: биография «приютской девушки».

зять. Она немедленно позвонила в полицейский участок, требуя избавить ее от птицы, пока же посадила ее в коробку и попыталась о ней забыть. По истечении какого-то времени послышался голос: “Алло”. Приветствие периодически повторялось. А она занималась своими делами. Тут пришел паренек, чтобы избавить ее от внезапного приобретения. “Пожалуй, – сказала она, – если никто не предъявит на него претензии, пусть он останется у меня”.

Отныне всю свою любовь она обратила на попугая. Она купила ему лучшую клетку, какую смогла найти, ухаживала за ним в соответствии с лучшей литературой о попугаях и возвращалась с работы домой, чтобы накормить и потренировать его. Он ужинал вместе с ней; выпущенный из клетки, он усаживался на ручку корзины, а она кормила его со своей ложки. Утром он подлетал к стенке клетки, чтобы поздороваться с ней, и разговаривал с ней, пока она одевалась. Когда она приходила домой с работы, он был полон радости; если она ложилась отдохнуть и немного стонала от усталости, попугай издавал печальные, сочувственные звуки. Каждого, с кем она его оставляла, она просила здороваться и прощаться с ним утром и вечером. Это был ее ребенок. Она жертвовала собой ради него. “Вы даже не можете представить, – говорила она, – что значит для меня, когда со мной в комнате Полли; в этом-то все и дело...”

У нее на стене тридцать семь вещей. В основном это картинки, среди них: фотография старого каменного дома ее бабушки, изображающая сельскую местность, в которой она жила; дешевая открытка с ребенком в ночной рубашке, поднимающимся по лестнице; цветная открытка с мужчиной и женщиной, сидящими при свете костра; несколько семейных фотографий. Есть вырезанная из газеты картинка с изображением бездомного человека в День благодарения, одиноко сидящего в своей ветхой одежде в дешевом ресторане и смотрящего на счастливую семейную группу, сидящую за щедро накрытым столом. На бюро, двух небольших стойках и мелодисте тридцать девять предметов, включая крошечную куклу и маленькую свечку. Я настойчиво предложила ей выбросить девяносто процентов этих вещей в интересах освобождения ее времени, дабы было проще убираться. “Мне нужны эти вещи, – возразила она, – у вас есть дом, семья, друзья, свободное время и все остальное; вы, наверное, не сможете понять”. Она исполняет на мелодисте гимны и старые деревенские песни – “Милый, я старею”. Попугай пытается ей подпевать¹.

Чаще, однако, человек аккомодируется к жизни мира доходных домов, как это произошло с «приютской девушкой». Старые ассоциации и связи отрезаются. Под давлением изоляции, в отсутствие групповых ассоциаций или общественного мнения, которые могли бы сдерживать человека, живущего в полной анонимности,

¹ Документ 19.

старые стандарты дезинтегрируются, и жизнь сводится почти исключительно к индивидуальной основе. Человек вынужден жить, и он начинает жить способами, чуждыми конвенциональному миру.

«Сейчас дела у меня обстоят неплохо. Я больше не одинок. К удивлению для меня, оказалось, что я могу по-настоящему получать удовольствие от девушек, которых снимаю в танцзалах, ресторанах, на берегу озера или в парке. Теперь я знаю полно девушек: многие из них симпатичные и славные, с ними можно приятно провести ночь. Я больше не пользуюсь проститутками. Довольно быстро выяснилось, что в них нет необходимости. Ведь в городе полным-полно женщин, которые просто так же одиноки, как я, или готовы заплатить своим сексом, как я своими чеками, за какую-то одежду, которую хотят купить, или за какие-то шоу, которые хотят посмотреть. А кроме того есть еще “эмансипированные” женщины, которые не хотят выходить замуж и не “ищут золота”, но чувствуют потребность в мужчине и в нормальной сексуальной жизни»¹.

Таков мир меблированных комнат – мобильный, анонимный, индивидуальный мир, мир несбывшихся надежд, неудовлетворенных желаний, постоянного беспокойства; мир, в котором люди, пытаясь жить, выстраивают корпус идей, освобождающих их от конвенциональной традиции, которая стала фиксированной, жесткой и подавляющей; мир, в котором индивидуация, столь типичная для жизни города, доводится до крайностей личностной и социальной дезорганизации. Люди ведут себя странным образом, их поступки невозможно просчитать; интимные связи возникают быстро и в высшей степени случайно и так же быстро и случайно распадаются. Поведение скорее импульсивно, чем социально. Это мир атомизированных индивидов, кочевников духа.

Глава XI. Город и сообщество

История Совета Нижнего Северного сообщества повторяется снова и снова в истории движения за организацию сообществ. История эта идентична истории любой спланированной социальной реформы. «Разгребатель грязи» выкладывает голые факты и требует немедленной административной реформы. Социальный работник, засучив рукава, берется за дело. Затем группа индивидов с философским складом ума начинает интересоваться проблемой, полагая, что

¹ Документ 18.

стоит лишь ей разработать какую-нибудь программу, как люди тут же получают стимул действовать на ее основе и смогут осуществить идеальный социальный порядок. Такая программа была лейтмотивом Мэдисоновской конференции. Эдуард К. Линдемэн завершает свою недавно изданную книгу о сообществе «Символом веры двадцатого столетия». Мисс Фоллетт организует *The New State* вокруг мистической, идеализированной концепции сообщества.

Однако часто, слишком часто реализация этих программ сталкивается с препятствиями. Некоторое сопротивление ей оказывает человеческая природа; традиции и институты сопротивляются ей еще больше; да и сама физическая конфигурация «сообщества» с трудом поддается изменению. Становится ясно, что жизнь локального ареала имеет естественную организацию, которую нужно принимать во внимание. Поэтому следует разобраться в природе сообщества, выяснить, как сообщество действует, устанавливает стандарты, определяет цели и добивается их достижения, а также проанализировать, какое влияние оказал рост города на жизнь локальных ареалов и какие изменения произошли в сообществе с появлением индустриального города.

Природа сообщества

Слово «сообщество» употребляют по-разному, четко его не определяя. О сельских районах говорят как о сообществах. Местечки и деревни называют сообществами. Локальные ареалы внутри города – «сообщества». Мы слышим о «сообществе Чикаго», «американском сообществе» и «мировом сообществе». Мы читаем об экономических сообществах, политических сообществах и культурных сообществах. Во всех выражениях, кроме выражения «культурное сообщество», под «сообществом», видимо, имеется в виду некоторая общность интереса, существующая между членами группы, мыслимая в соотношении с их пространственным распределением. Понятие «культурное сообщество» имеет иное содержание. Культурное сообщество определяется в первую очередь через общие переживания группы и лишь после этого через ее интересы. Употребляя слово «сообщество», социолог вкладывает в него именно это содержание.

У тех, кто работает в области исследований, проявляется склонность еще больше ограничивать значение этого термина и обозначать им локальный ареал, пространственно обособленный от примыкающих ареалов, такой, например, как деревня или городское «локальное сообщество», в пределах которого расселена группа лиц,

имеющих общий фон опыта. Действительное изучение сообществ, так называемых «сообществ» и попыток организации «сообщества» дало нам более ясное представление о том, что же такое сообщество. Ареал не становится сообществом просто в силу того, что в его пределах распределено некоторое множество людей и институтов, или в силу того, что эти люди имеют какие-то общие интересы. И тем более он им не становится в силу того, что является административной политической единицей. Ареал становится сообществом лишь благодаря общим переживаниям людей, которые в нем живут, ведущим к превращению этих людей в культурную группу с общими для всех традициями, чувствами, установками и воспоминаниями, которые составляют средоточие представления, чувствования и действия. Следовательно, сообщество – это локальный ареал, в пределах которого люди используют один и тот же язык, подчинены одним и тем же нравам, испытывают более или менее одинаковые чувства и действуют исходя из одних и тех же установок. Таково сообщество в механистическом его определении¹.

Примером сообщества *par excellence* служит деревня; и именно сельский тип жизни пытались воссоздать в городе организаторы общин. Деревня – это гомогенная, относительно недифференцированная социальная группа. Ее население относительно едино с точки зрения социального и экономического статуса. Существуют лишь немногочисленные контрасты между принятым и чужестранным (outlandish). Каждая социальная ситуация определена на многие поколения вперед, и человек должен придерживаться традиционных паттернов поведения. Люди отвечают на ситуации общими установками. Когда человек не может справиться с ситуацией сам, сообщество справляется с ней за него. В случае кризиса группа действует как единое целое.

Лучший анализ сообщества и его контролирующей силы дал У.А. Томас в «Польском крестьянине в Европе и Америке» и в «Неустроенной девушке»:

«Ребенок всегда рождается в группе людей, среди которых уже определены все общие типы ситуаций, которые могут возникнуть, и развиты соответствующие правила поведения; среди них он не имеет ни малейшей возможности давать свои определения и беспрепятственно идти на поводу своих желаний.

¹ В противоположность определению в терминах близости или гипотетически общих интересов и потребностей, которое дают организаторы общин, склонные выдавать желаемое за действительное.

Семья является наименьшей социальной единицей и первичным посредником, через которого сообщество определяет поведение. Как только ребенок овладевает свободой движений и начинает откалывать номера, обезьянничать, совать нос в чужие дела, трогать то, что не положено, и вертеться под ногами, родители начинают определять ситуацию через речь и другие знаки и давления: “Веди себя спокойно”, “Сиди прямо”, “Иди высморкайся”, “Умойся”, “Не перечь матери”, “Будь ласковым к сестре” и т.д. Его желания и деятельности начинают сдерживаться, и постепенно через определения внутри семьи, через сверстников в школе, воскресной школе, сообществе, через чтение, формальное наставление и неформальные знаки одобрения и порицания растущий член общества усваивает его кодекс.

Вдобавок к семье, мы имеем сообщество как определяющую инстанцию. Первоначально сообщество составляло для своих членов практически весь мир. Оно состояло из семей, связанных друг с другом кровью и браком, и было не столь велико, чтобы все его члены не могли собраться вместе; это была группа лицом-к-лицу. Я спрашивал польского крестьянина, каковы границы *околицы*, или соседства, насколько далеко они простираются. “Они, – сказал он, – простираются дотолы, доколе доходят вести о человеке, дотолы, доколе о человеке говорят”. По большей части сообщество регулирует поведение своих членов, говоря о них. Сплетни – это способ определения ситуации для данного случая и, соответственно, вынесения похвалы или порицания. Это одно из средств, с помощью которых фиксируется статус индивида и его семьи.

Кроме того, сообщество, особенно в связи со сплетнями, знает, как посрамить людей и поступки, пользуясь эпитетами, которые являются одновременно короткими и эмоциональными определениями ситуации. “Ублюдок”, “шлюха”, “предатель”, “трус”, “подонок”, “дрянь”, “сноб”, “жадина” и т.д. являются такими эпитетами. В “Фаусте” сообщество говорило о Маргарите: “От нее воняет”. Здесь люди применяют механизм, известный в психологии как “условный рефлекс”. Например, если поместить перед ребенком шести месяцев от роду какой-то привлекательный объект, например котенка, и одновременно ребенка ущипнуть, а затем повторить это еще несколько раз, то этот ребенок при виде котенка сразу же будет плакать; или если бы кому-то, накрывая стол, рядом с тарелкой супа всегда клали дохлую крысу, то он в конце концов приобрел бы отвращение к супу, даже если бы рядом с ним больше ничего не клали. Если в людской молве с Маргаритой ассоциируется слово “воняет”, то Маргарита уже никогда не будет благоухать. Перемигивание, пожимание плечами, подталкивание локтем, усмешки, надменность, холодность, “смеривание взглядом” – это тоже язык, определяющий ситуации и болезненно переживаемый как неблагоприятное признание. В связи со всем этим группа использует страх для производства в своих членах желаемых установок. Используется также и похвала, но в умеренных дозах. И вся эта совокупность привычек и эмоций до такой степени является продуктом сообщества, что необоб-

рение или исключение оказываются невыносимыми. Этот набор привычек и реакций, социально развившихся под влиянием семьи, церкви и сообщества, может стать почти таким же непоколебимым, как и те механические приспособления, которые психологи называют инстинктом. По сути дела, “народные обычаи” становятся эквивалентными по своей силе инстинктам и даже вытесняют их¹.

Ни одному сообществу, разумеется, не удастся определить ситуации настолько полно, чтобы желания его членов были абсолютно управляемыми. Бывают случаи, когда непокорный член, противопоставляя свои желания воле группы, временно выходит из-под контроля. Тогда вмешивается все сообщество с целью вернуть его в рамки дисциплины. В европейской крестьянской деревне это действие сообщества предполагает минимум произвола и состоит скорее из взаимодействия первичных установок – непосредственных, конкретных и эмоциональных, – которые выливаются чуть ли не в поведение толпы.

«Перед зданием волостного управления стоит толпа, примерно 150 человек. Это значит, что собран волостной сход, чтобы рассмотреть решение Кузьминской сельской общины “касательно выдачи [государственным] властям крестьянина Григория Седова, схваченного на месте преступления и признанного виновным в конокрадстве”. Седов уже содержался под стражей для проведения расследования; свидетельства против него были неопровержимыми, и он, несомненно, подлежал тюремному заключению. В виду этого я попытался объяснить, что решение об отправлении его в ссылку совершенно излишне и лишь вызовет затруднения, что по завершении срока тюремного заключения Седова к общине наверняка обратятся с вопросом, желает ли она принять его обратно или предпочитает, чтобы он оставался в ссылке. И затем, сказал я, в любом случае необходимо будет сформулировать решение о “непринятии” Седова, тогда как на этом этапе все эти трудности преждевременны и, скорее всего, ни к чему не приведут. Но сход не внял моим словам, не верил суду и хотел решить дело прямо на месте; общая ненависть к конокрадам была слишком острой...

Наступил решающий момент; староста “отводит” всех избранных судей на одну сторону; толпа стоит в угрюмом настроении, пытаясь не смотреть на Седова и его жену, которые стоят на коленях перед миром. “Старики, если кто жалеет Григория, то пусть остается там, где стоит, а если кто не прощает его, пусть переходит направо”, – выкрикивает староста. Толпа всколыхнулась и вздрогнула, но все так и остались стоять на месте; никто не осмелился первым сделать роковой шаг. Григо-

¹ Адаптировано из: *Thomas W.I. The unadjusted girl.* – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923. – P. 42–59.

рий лихорадочно метался глазами по лицам своих судей, пытаясь прочесть в этих лицах жалость к нему. Его жена горько рыдала, склонившись лицом почти до земли; рядом с ней, положив в рот палец и готовый вот-вот захныкать, стоял трехлетний мальчик (в доме у Григория оставалось еще четверо детей)... Вдруг один крестьянин выходит из толпы; кто-то два года назад украл у него лошадь. “Почему мы должны его жалеть? Он нас жалел?” – говорит старик и, сгорбившись, переходит на правую сторону. “Верно, сорняки с поля нужно выдергивать”, – говорит из толпы еще кто-то и идет вслед за стариком. Начало было положено. Сначала поодиночке, а потом целыми группами избранные судьи стали переходить направо. Мужчина, осужденный общественным мнением, уткнулся головой в землю, бил кулаками в грудь, хватал проходящих мимо за полы пальто, крича: “Иван Тимофеевич, дядя Александр, Васенька, дорогие родичи! Погодите, родные, дайте слово сказать... Петрушенька!” Но не останавливаясь, с суровыми лицами, члены мира обходили несчастных, ползающих у их ног... Наконец причитания Григория затихли; на три сажени вокруг него никого не было; не к кому больше было взывать. Все избранные судьи, кроме одного, дяди мужчины, которому грозила ссылка, перешли на правую сторону. Женщина горько плакала, а Григорий недвижно стоял на коленях, со склоненной головой, туло уставившись в землю»¹.

Абсолютное единодушие во мнениях – необходимое условие действия сообщества. Если кто-то из членов группы упорствует в противостоянии общей воле, мобилируются все ресурсы сообщества, чтобы заставить его подчиниться; всякая эмоциональная установка, произрастающая из общего опыта группы, привлекается для достижения этой цели.

«Иногда бывает, что с чем-то согласны все, кроме одного, но действие никогда не осуществляется, если этот один отказывается с ним согласиться. В таком случае все пытаются уговорить и убедить упряма. Часто даже призывают на помощь его жену, детей, родственников, тестя, мать, дабы они на него повлияли и он все же сказал “да”. Тогда все над ним подтрунивают, то и дело приговаривая: “Ну же, Бог тебе в помощь, согласишься и с нами, чтобы было так, как мы хотим, чтобы дом не пришел в разлад, чтобы о нас не судачили, чтобы соседи об этом не слышали, чтобы весь мир над нами не смеялся”. В таких случаях редко бывает, чтобы единодушие не было достигнуто»².

¹ *Астырев Н.М.* В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. – М.: Русская мысль, 1896. – С. 283 («A village secretary»), цит. по: *Thomas W.I.* The unadjusted girl. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923. – P. 47–48.

² *Krauss F.S.* Sitte und Brauch der Südslaven. – Wien: A. Hölder, 1885. – S. 103, цит. по: *Thomas W.I.* The unadjusted girl. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923.

Если сообществом является англосаксонская деревня, направлять на путь истинный мятежника может не сообщество в целом, а старейшины общинной церкви, деревенский совет или сельское собрание. Во всяком случае, результат тот же. Мятежник признает свою неправоту, раскаивается, заявляет о признании кодекса и снова инкорпорируется в сообщество; в противном случае он будет отвергнут. Солидарность сообщества тщательно оберегается. С точки зрения всех намерений и целей деревня не имеет социальных проблем.

Любое общинное действие в деревенских сообществах – этого типа, идет ли речь о поправлении нравов или о заселении новых земель. В американской деревне, как и в польской, оно состоит в «массовом сходе», собирающем всю округу. В американской деревне есть некоторая претензия на парламентскую процедуру. Польская деревня действует в большей степени как толпа.

Сообщества того типа, к которому относятся европейская крестьянская деревня или маленький раннеамериканский город, в современном городе не обнаруживаются. Тем не менее в ареалах, окружающих город, есть локальные группы, соответствующие нашему пониманию культурного сообщества, т.е. локальные группы, имеющие общий корпус опыта и установок и способные к общему действию. Ранее мы видели, как Роджерс-парк приходит в негодование от вторжения в него подпольного порока, как Гайд-парк приходит в возмущение от роста делинквентности, как собираются массовые митинги и принимаются общинные программы. Но такие случаи действия сообщества достаточно редки, чтобы заслуживать целых колонок на первых полосах крупных городских газет. Как наглядно показывает беглый взгляд на жизнь Золотого Берега, Маленького Ада, Тауэртауна или мира меблированных комнат, локальные ареалы города чрезвычайно отличаются от деревни, и в крупных городских ареалах последние признаки сообщества исчезают. Проблема локального действия и сообщества связана с ростом города.

Природа изменений, происходящих в локальной жизни в городе, уже была показана в конкретных материалах о жизни локальных групп Ближнего Норт-Сайда. Между тем обсуждение процессов, включенных в рост города, не может не обнажить эти изменения еще более рельефно.

Рост города

Самый очевидный факт, имеющий отношение к росту городов, – это агрегация населения, которой он сопровождается. Рост города обычно измеряют через его территорию и численность населяющих его людей. Великолепное обсуждение этого аспекта роста города дали Вебер и Бюхер¹. Очевидно, что сама эта агрегация предполагает значимые последствия для жизни сообщества. Однако те, кто пытался заниматься ростом города, и особенно те, кто пытался предсказать природу и направление его развития – риелтор, комиссия по планированию, компания, предоставляющая коммунальные услуги, – вскоре обнаружили, что город – больше чем агрегация. Они обнаружили, что город – это организация, проявляющая в своем росте некоторые типичные процессы.

В то время как общинный организатор игнорировал эти процессы или противодействовал им, риелтор, эксперт по коммунальному обслуживанию, комиссия по городскому планированию, а в последнее время и университетский исследователь общества пытались их понять, с тем чтобы добиться некоторой меры контроля над ростом города.

Самый очевидный из процессов, демонстрируемых ростом города, – это процесс экспансии.

«С точки зрения городского планирования, зонирования и региональных обследований экспансия города рассматривается почти всецело в терминах его физического роста... Изучением экспансии как процесса еще никто не занимался, хотя материалы для такого исследования и обнаружения разных аспектов этого процесса содержатся в городском планировании, зонировании и региональных обследованиях. Типичные процессы экспансии города, наверное, лучше всего изобразить с помощью ряда концентрических кругов, которые можно пронумеровать, дабы обозначить как последовательно идущие зоны городского расширения, так и типы районов, дифференцирующихся в процессе экспансии.

На этом рисунке представлена идеальная конструкция свойственных маленькому или большому городу тенденций к радиальному расширению из центрального делового района (на карте это Большая Петля)². Центральную часть

¹ *Weber A.F. The growth of cities. – N.Y.: Macmillan, 1899; Bücher C. Industrial revolution. – N.Y.: H.N. Holt, 1901.*

² Эта концепция, возможно, скрыто содержится в некоторых книгах «разгребателей грязи», например в книге Линкольна Стеффенса «Позор городов» (*Steffens L. The shame of the cities. – N.Y.: McClure, Philips & co., 1904*). Однако первым заметным приближением к естественной истории города стала книжка

города обычно окружает переходная, или транзитная, зона, в которую проникают бизнес и легкая промышленность (II). Третью зону (III) населяют промышленные рабочие, бежавшие из зоны запустения (II), но желающие жить поближе к месту своей работы. За пределами этой зоны находится “спальная зона” (IV), образуемая комфортабельными многоквартирными домами или закрытыми районами частных домов, принадлежащих отдельным семьям. Еще дальше, за пределами самого города, располагается зона пригородов и городов-спутников, находящихся в получасе-часе езды от центрального делового района.

Рисунок ясно показывает основной факт экспансии, а именно тенденцию каждой внутренней зоны расширять свою территорию путем проникновения в следующую внешнюю зону. Этот аспект экспансии можно назвать *сукцессией*, или *последовательностью*; данный процесс был подробно изучен в экологии растений. Если эту схему применить к Чикаго, то все четыре указанные зоны были некогда заключены в пределах внутренней зоны, ставшей ныне деловым районом. Нынешняя зона запустения много лет назад не была зоной, в границах которой селятся сегодня вольнонаемные рабочие; в памяти тысяч жителей Чикаго еще живы воспоминания о том, как в этом районе находились особняки “лучших семей”...

Помимо расширения и последовательности, общий процесс экспансии в городском росте включает в себе антагонистические, но вместе с тем взаимно дополняющие друг друга процессы концентрации и децентрализации. Во всех городах имеется естественная тенденция к схождению линий внутренних и внешних транспортных перевозок в центральном деловом районе. В центре каждого крупного города мы ожидаем найти большие универмаги, высотные офисные здания, железнодорожные станции, большие гостиницы, театры, музей изобразительных искусств и городской концертный зал. Вполне естественно и почти неизбежно экономическая, культурная и политическая жизнь оказываются сосредоточены именно здесь. Связь централизации с другими процессами городской жизни можно приблизительно измерить тем фактом, что “Большую Петлю” (центральный деловой район Чикаго) ежедневно посещают более полумиллиона людей. В последнее время в лежащих за пределами города зонах выросли подчиненные деловые центры. Эти “центры-спутники”, видимо, представляют собой

специалиста по недвижимости Ричарда М. Хэрда, озаглавленная «Принципы цен на городскую землю» (*Hurd R.M. Principles of city land values.* – N.Y.: Record & Guide, 1903). Попытавшись обобщить флуктуации цен на землю в городе, Хэрд считал нужным описать некоторые процессы, типичные для роста города, истолковать рост города в генерализованных терминах. Обследования, проводимые Телефонной компанией Белла и другими коммунальными службами с целью предсказать рост города и направления расширения будущего обслуживания, План изучения Нью-Йорка и его окрестностей, а также Чикагская региональная ассоциация планирования являются другими попытками проанализировать естественные процессы, заключенные в росте города, и поставить их под контроль.

вовсе не “долгожданное” возрождение прилегающих окрестностей, а скорее вовлечение нескольких локальных сообществ в более широкое экономическое единство. Вчерашний Чикаго, бывший скоплением сельских поселков и иммигрантских колоний, переживает процесс реорганизации и превращения в централизованную децентрализованную систему локальных сообществ, срастающихся в подчиненные деловые районы, над которыми зримо или незримо господствует центральный деловой район»¹.

Структура города

Таково генерализованное описание процессов *экспансии*, *сукцессии* и «*централизованной децентрализации*», проявляющихся в росте каждого города. Более того, это примерное описание анатомии города. Концентрические круги, или зоны, представляют типичную структуру современного коммерческого и индустриального города. Конечно, ни один город не соответствует полностью этой идеальной схеме. Физические барьеры, такие, как реки, озера, подъемы местности и т.п., могут модифицировать рост и структуру города, что ярко демонстрируют примеры Нью-Йорка, Питтсбурга и Сياتла. Железные дороги с их промышленными поясами прорезают эту обобщенную схему, разбивая город на секции. Местные транспортные линии, вдоль самых оживленных из которых вырастают торгово-деловые улицы, далее модифицируют структуру города.

Структура отдельного города, следовательно, всегда проявляя описанные выше обобщенные зоны, строится вокруг этого каркаса транспортных путей, деловой организации и промышленности, системы парков и бульваров, а также топографических особенностей. Всё это обычно разбивает город на множество меньших ареалов, которые можно назвать *естественными ареалами*, поскольку они являются незапланированным, естественным продуктом городского роста. Железные дороги и промышленные пояса, системы парков и бульваров, озера и реки служат границами этих естественных ареалов, а их центры – это обычно пересечения двух или более деловых улиц. В силу близости к промышленности, бизнесу, транспортным линиям или природным преимуществам каждый ареал приобретает

¹ *Burgess E.W.* The growth of the city // *Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D.* The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 50–51. (См. статью Бёрджесса в этом сборнике.)

свою физическую индивидуальность, которая точно отражается в ценах на землю и ставках арендной платы¹.

В пределах этих широких зон и естественных ареалов экономическая и культурная конкуренция сегрегирует население². Ничто так не характерно для городской жизни, в отличие от жизни сельского сообщества или деревни, как сегрегация. Деревня относительно недифференцирована; ее население относится приблизительно к одному и тому же экономическому и социальному классу; деловым ареалом является универсальный магазин; характерные ареалы внутри деревни исчерпываются немногочисленными хижинами вдоль железной дороги или «ночным поселком». Разительные контрасты города, подчеркнутые сегрегацией по указанным ареалам, известны каждому: большой центральный деловой район с его устремленными ввысь зданиями и наполненными людьми улицами; железные дороги, облепленные испускающими дым промышленными предприятиями; трущобы и иностранные колонии; «ареал неоновых вывесок» и «район красных фонарей»; унылые ареалы ветхих жилых строений, мелкого бизнеса и «меблированных комнат»; многоквартирные дома, тянущиеся миля за

¹ Эти естественные ареалы, обычно являющиеся «торговыми ареалами», не следует путать с сообществами. Они – результат скорее экономического, нежели культурного процесса. Сообщества могут совпадать или не совпадать с естественными ареалами, а естественные ареалы могут существовать без соответствующих сообществ, что ясно иллюстрируется Ближним Норт-Сайдом. Более того, естественные ареалы не всегда так хорошо очерчены в своих границах, как может показаться исходя из этой идеальной схемы. В городе вроде Чикаго, где естественных барьеров не так много, естественный ареал может определяться почти всецело через цены на землю, как, например, в случае ареала, занимаемого Золотым Берегом в Ближнем Норт-Сайде.

Законы о зонировании могут создавать естественные ареалы, устанавливая «барьеры» для передвижений населения. Однако изучение связи законов о зонировании с физической структурой города, например в случаях Чикаго и Кливленда, показывает, что законы о зонировании обычно просто добавляют правовое определение к уже существующим естественным ареалам. Недавним чикагским законом о зонировании Золотой Берег был по крайней мере еще на десятилетие вперед защищен от давления со стороны бизнеса и доходного дома.

² Современный город, промышленный или коммерческий, подобно растительному сообществу или сообществу животных, является в значительной мере экологическим продуктом; иначе говоря, темп и направление роста города, распределение городских элементов, сегрегация сообществ внутри города являются побочными продуктами экономического процесса – в котором фиксируются цены на землю, арендная плата и заработная плата – и непреднамеренным результатом конкуренции.

милей; расположенные на окраинах районы особняков и спальные пригороды. И эта сегрегация не случайна. Она – результат конкуренции и экономических процессов, которые фиксируют полезность и стоимость земли, определяют приносимую ею ренту и, следовательно, более или менее строго предписывают, каким образом эта земля будет использоваться.

«Физическая география, естественные преимущества и транспортные средства заранее определяют общие очертания плана города. По мере того как население города растет, распределение населения начинает определяться более мягкими влияниями симпатии, соперничества и экономической необходимости. Бизнес и промышленность ищут выгодное местоположение и собирают вокруг себя некоторые части населения. Вырастают фешенебельные жилые кварталы, из которых в силу возросшей стоимости земли выдавливаются бедные классы. Далее вырастают трущобы, плотно населенные беднейшими классами, не способными защитить себя от ассоциации с отверженными и порочными типами. В каждом крупном городе есть свои расовые колонии, такие как чайнатауны в Сан-Франциско и Нью-Йорке, Маленькая Сицилия в Чикаго и различные другие менее выраженные типы. Вдобавок к ним, в большинстве городов есть свои сегрегированные ареалы порока, наподобие того, какой недавно существовал в Чикаго, и свои места встреч для всевозможного рода преступников. В каждом крупном городе есть свои профессиональные пригороды, вроде скотных дворов в Чикаго, и свои жилые пригороды, вроде Бруклина в Бостоне, каждый из которых имеет размер и характер совершенно отдельного поселка, деревни или города, за исключением того, что живет в нем отобранное население. Несомненно, наиболее примечательным из этих городов в городах, самая интересная особенность которых состоит в том, что их населяют люди одной расы или люди разных рас, но одного социального класса, является Восточный Лондон, населенный двумя миллионами рабочих.

С течением времени каждый сектор и квартал города приобретает нечто от характера и свойств его обитателей. Каждая отдельная часть города неизбежно окрашивается особыми чувствами ее населения»¹.

Через этот процесс сегрегации каждый естественный ареал в городе приобретает окраску, отличающую его от прилегающих ареалов, а сам город становится мозаикой соседств, «сообществ» и маленьких культурных миров. Но эти ареалы распределяются по городу

¹ Адаптировано из: *Park R.E. Suggestions for the study of behavior in the urban environment // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 6, 12.*

не случайным образом. Разительные контрасты и гетерогенность, представляемые этими многочисленными сегрегированными ареалами города, складываются в конечном счете в более генерализованные зоны, которые мы уже обсуждали. Сегрегированные ареалы данного типа, когда их можно локализовать в данном городе относительно других таких ареалов, неизменно попадают в каждом городе в одну из этих более крупных и хорошо очерченных зон. И это вытекает из того факта, что, как бы ни были важны культурные факторы для итоговой сегрегации, общие очертания сегрегации внутри города фиксируются в экономическом процессе. В силу особого характера, который прикрепляется к этим сегрегированным ареалам, дает им определенную идентичность и способствует их отграничению друг от друга, на эти ареалы было принято смотреть как на сообщества. Однако другие процессы, являющиеся частью роста города, противодействуют этим тенденциям и делают многие из этих локальных ареалов внутри города чем угодно, но только не сообществами.

Физическое изменение и социальное изменение

Само развитие города, в ходе которого коммерция и промышленность выдавливаются из его центра, вторгаясь в его жилые соседства и заставляя их население отступать, приводит к физической нестабильности и изменениям, имеющим значимые последствия для местной жизни. Мы уже увидели, как коммерция и промышленность постоянно расширяются вовне, одновременно и создавая, и реорганизуя трущобу, как трущоба прогрызает себе путь в смежные ареалы, превращая прежние жилые помещения в арендное жилье и стирая на своем пути целые сообщества, как ареалы многоквартирных домов проторяют себе дорогу в окраинные жилые районы, которые, в свою очередь, уступая им место, отползают дальше в сельские окраины. История Ближнего Норт-Сайда показала, что ни один ареал и ни одна группа не могут долго сопротивляться давлению этой безжалостной сукцессии, что фешенебельные жилые районы уступают напору так же быстро, как и трущобы¹.

¹ Лишь на протяжении одного поколения ареал был способен сохраняться в качестве фешенебельного жилого ареала. В трущобах как Ближнего Вест-Сайда, так и Ближнего Норт-Сайда ирландцы, шведы, немцы и итальянцы сохраняли свои первоначальные сообщества тоже не больше одного поколения (см.: *Hull House Maps: Hull-House maps and papers: A presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social conditions.* – N.Y.: T.Y. Crowell & co., 1895).

Фешенебельные жилые улицы становятся сердцем района доходных домов; доходные дома превращаются в сдаваемые в аренду многоквартирные дома; многоквартирные дома переоборудуются в студии и магазины. Группа сменяет группу; великосветский мир становится миром меблированных комнат, и в этот мир входят неряшливые жители трущоб. Ирландский Кильгуббин стал шведским Дымным Захолустьем, шведское Дымное Захолустье – Маленькой Сицилией, а Маленькая Сицилия теперь становится негритянским кварталом.

Поскольку физический рост города подхватывает и переносит маленькие культурные миры и локальные группы, составляющие его население, он стирает физические символы их идентичности. В маленьком городке есть своя старая церковь, в которой на протяжении многих поколений каждого крестили, женили и хоронили. На городском кладбище находятся могилы его героев; там городок находит свою историю, запечатленную в камне, а каждая семья – символы, служащие основой эмоциональных уз солидарности. Дома основателей города и видных людей стоят как зримые символы прошлого и показываются каждому последующему поколению. Вокруг них и других символов возникают традиции, ритуалы и чувства, которые составляют историю сообщества и являются ядром его самосознания и солидарности. Это зримые и постоянные символы, которые служат физической основой преемственности сообщества. Но в большом городе локальные группы не имеют таких символов. По мере того как сукцессия города относит группы все дальше и дальше от его центра, эти физические символы теряются и разрушаются. Физическая основа локального культурного единства перестает существовать, а вместе с ней исчезают и многие объединяющие и контролируемые традиции локальной группы¹.

В Ближнем Норт-Сайде в течение двух лет, когда автор там жил, произошли удивительно быстрые физические перемены, которые полностью изменили внешнюю сторону многих соседств и предвещают дальнейшую культурную сукцессию.

¹ Шведская колония, центр которой в прошлом располагался на углу Элм-стрит и Седжвик-стрит, где стояла ее первая церковь, переместилась за 50 лет четыре раза, каждый раз строя новую церковь и предпринимая попытку сохраниться в качестве отдельного сообщества. Но из раза в раз в нее вторгались волны мигрантов из других национальных групп. Последнее ее перемещение вынесло ее за пределы Цицero-авеню на северо-западе города. Но даже здесь она сталкивается с трудностями в сохранении своей идентичности. Нынешнее сообщество не имеет истории. Младшее поколение его покидает; так происходило всякий раз, когда колония перемещалась на новое место (см. документ 72).

Мы уже видели, что тот же состязательный процесс, который превратил город в мозаику культурных единиц и обусловил сукцессию этих культурных единиц в пределах данных локальных ареалов, привел также и к более крупной сегрегации, которая вынесла бизнес и промышленность за пределы сообщества и разместила их в четко определенных поясах или зонах. Теперь практически все население города каждый Божий день выбирается за пределы сообщества, часто на восемь или десять миль за его пределы, дабы предаться разным родам занятий, сосредоточенным в Петле или в промышленных районах за чертой города¹. Нет больше общих экономических деятельностей, осуществляемых сообществом как таковым; люди, живущие бок о бок, больше не тратят многие часы каждодневной работы на выполнение задач, сводящих их вместе. Экономические занятия, служившие в деревне источником значительной части общего опыта сообщества, в городском сообществе служат разобщению людей, появлению у них обособленных интересов и точек зрения.

Так же и досуг перестал быть спонтанной общинной деятельностью и стал коммерциализированным делом, сегрегированным в Петле и в нескольких так называемых ареалах «неоновых огней». В то время как членов деревенского сообщества часы досуга сводили вместе, вовлекая в круг общих деятельностей, теперь эти же часы досуга разбрасывают людей по разным видам деятельности и разным ареалам за пределами сообщества². Тот факт, что работа и досуг были вынесены за пределы сообщества, имеет важные следствия для локальной жизни. Общий круг деятельностей, из которого могут развиваться общий багаж опыта и общий набор традиций и установок, – *sine qua non* общинной жизни и коллективного действия. Без этого общего круга деятельностей общность традиции и установок локальной группы в городе быстро дезинтегрируется³.

¹ В Ближнем Норт-Сайде, например, все население мира мебелированных комнат, часть населения Золотого Берега, которая работает, и практически все население трущоб выбираются на работу за пределы сообщества.

² В Маленькой Сицилии, например, молодое поколение отказывается от деревенской *festa* в пользу бильярдной и кино.

³ Развитие клубов, театров, универмагов, ресторанов, городской прессы шло в ущерб локальной жизни и локальным чувствам. Эти крупные предприятия в Петле подрывали аналогичные предприятия в локальных ареалах; конкуренция с Петлей оказалась для локального бизнеса непосильной. Всевозможного рода деятельности оказались в силу этого перенесены из окрестных локальных ареалов в Петлю. Этот процесс достиг пика в период с 1890 по 1915 г., шагая в ногу с развитием центральной городской прессы и воскресной газеты.

Профессиональные установки и локальная жизнь

Еще один аспект роста города, столь же важный по своим последствиям для локальной жизни, – это все более мелкое разделение труда, которое из него вытекает. Важнейшей экономической особенностью промышленного общества и большого города является это все более детальное и жестко определенное разделение труда. В Чикаго, согласно переписи 1920 г., было примерно 1 млн работающих, сообщавших о 509 родах занятий, а более 1000 мужчин и женщин, включенных в «Who's Who», были заняты в 116 разных профессиях¹.

Это разделение труда, рождающее профессиональную дифференциацию, вкуче с сегрегацией коммерции и промышленности, вынесшей экономические деятельности за пределы сообщества, принесло организацию чувств и интересов скорее на профессиональной, чем на локальной основе. Каждый род занятий в жизни города стремится приобрести характер профессии. Дисциплина, которая требуется для успеха на особых профессиональных поприщах, и ассоциации, рождению которых она способствует, подчеркивают эту тенденцию.

«Профессиональные занятия человека, продолжаясь какой-то период времени, оказывают влияние на его социальные установки и дают ему некую профессиональную установку в отношении жизни. Понаблюдав людей за работой во

Затем в годы войны стало происходить нечто новое. На платформах надземной железной дороги появились знаки, призывавшие людей: «Торгуйте в своем районе». Стали возникать «петли-спутники», такие, например, как на Коттедж-Гроув-авеню и Шестьдесят третьей улице, на Уилсон-авеню, на Шеридан-роуд, на Милуоки-авеню и Эшленд-авеню. Появилось несколько местных газет. Ареалы за чертой города стали конкурировать с Петлей.

Люди, заинтересованные в организации сообществ, немедленно узрели во всем этом возрождение локальной жизни и локальных интересов и предсказывали развитие политической и социальной жизни вокруг этих локальных деловых центров. Однако их предсказаниям не суждено было сбыться. Эти спутниковые петли, хотя и развивались в какой-то мере в ущерб Большой Петле, в еще большей степени развивались в ущерб окружающим их соседствам. Магазин в «соседстве» оказывается сетевым магазином, а местная газета – рекламным вестником крупного синдиката. Спутниковая петля – феномен сугубо экономический, представляющий складывание нескольких сообществ в экономическую единицу, а вовсе не долгожданное и часто возмещаемое возрождение общинной жизни в локальных ареалах.

¹ *Burgess E.W. The growth of the city // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 57.*

многих частях мира, Уайтинг Уильямс делает вывод: “Мы больше склонны вживлять нечто свое в наше мышление, чем вмысливать что-то свое в нашу жизнь”.

Занятие – это стандартизированный, повторяющийся и постоянный тип деятельности. Это привычный способ действия или сложный набор способов делания, в соответствии с которыми люди зарабатывают на жизнь. Любой тип делания сосредоточивает внимание на некоторых объектах и процессах, или ценностях. Поиск этих ценностей создает установки, или тенденции действовать. Каждый род занятий имеет свои особые проблемы, предъявляет свои особые требования к вниманию его представителей и оказывает свое особое влияние на ментальное развитие и социальные установки последних. Делание вещи или некоторого множества вещей в соответствии с некоторыми рутинами каждый день, в сезон и не в сезон, ведет к созданию ментальных и эмоциональных паттернов.

Деловая активность приносит денежные прибыли, которые становятся главной ценностью для бизнесменов, и вместе с тем появляются соответствующие денежные установки, которые характеризуют бизнесменов и часто неосознанно влияют на их мышление. Миссионерская деятельность приносит плоды в виде числа “обращенных”, которые становятся “ценностями”, и вместе с этим развивается жизненная установка охоты за неофитами. В политике главными искомыми “ценностями” являются, видимо, голоса избирателей; они создают установку охоты за голосами.

Профессиональные установки и ценности становятся конвенциональными и более или менее фиксированными. Каждый род занятий имеет свой тип взаимной социальной стимуляции. Люди, работающие над одними и теми же задачами, сходятся вместе, чтобы обменяться идеями. У них есть много общего, и “цеховой разговор” – повседневное явление. Благодаря ежедневным встречам с людьми того же типа, что и он, которые работают среди таких же людей, как и он, которые делают то же самое, что и он, примерно такими же, как и он, способами, тенденция человека к развитию не только профессиональных установок, но и профессионального комплекса усиливается. Каждый род занятий имеет свои организации и институты, через посредство которых кристаллизуются профессиональные установки и ценности. Профессиональные журналы доставляют удовольствие профессиональным умам своих читателей. Каждый восхваляет профессиональные ценности, которые он представляет, до тех пор, пока его читатели не пропитаются насквозь профессиональной традицией. Профессиональные установки и ценности фиксируются в групповых наследиях. Дети воспитываются в этих традиционных рамках мышления с самого раннего младенчества. Разговоры за столом и семейные беседы имеют свои профессиональные стимулы. Каждое занятие обычно развивает свои предания, слоганы, представления и даже предрассудки.

По всей видимости, два человека могут начинать путь с примерно одних и тех же унаследованных предрасположений, с одним и тем же ментальным оснащением, но выбрать разные занятия – например, для одного это может стать

занятие, связанное с деланием денег, а для другого сервисная профессия, скажем, миссионерская работа, – и к двадцати пяти годам достичь “успеха”, но при этом разойтись в профессиональных и социальных установках так далеко, что между ними не будет почти ничего общего.

Профессиональные установки создают классовые расколы и другие социальные разделения. Профессиональные ценности часто начинают ставиться так высоко, что профессиональная группа начинает стремиться к социальной и политической власти. Организации бизнеса пытаются взять под контроль законодательство; организованный труд включается в политику; и даже профессиональные группы лоббируют, иной раз сомнительными способами, желательные им законы»¹.

Следующий документ – интервью со старшим сотрудником одной из крупнейших юридических фирм Чикаго, высокоспециализированным и широко признанным экспертом в своей профессии, чей дом расположен на престижной улице в Ближнем Норт-Сайде, – иллюстрирует этот процесс и его значимость для локальной жизни.

«На самом деле вот так, с ходу, я не смог бы назвать и полудюжины юристов, живущих в Норт-Сайде. Я знаю, конечно, очень многих юристов, но даже из них знаю лишь тех, которые заняты той же работой, что и я, т.е. проводят предварительные переговоры между группами с целью определения проблем политики.

Городская юридическая организация – дело очень специализированное, своего рода юридический “универмаг”. Например, в нашем офисе работают двадцать человек. Каждый является специалистом в каком-то разделе права: в сфере налогообложения, корпораций, делопроизводства, уголовного права, подачи апелляций и т.д., – а другие разделы права знает, возможно, не лучше обывателя. И специализация развивается еще дальше. В праве много разделов, которые требуют очень специализированного знания, но не настолько востребованы, чтобы нам было практично держать специалиста по ним в нашей конторе. Однако в городе есть люди, которые, возможно, занимаются всеми такими делами, возникающими в Чикаго, и мы можем заполучить этих людей сюда, когда нам пона-

¹ Адаптировано из: *Bogardus E.S. The occupational attitude // J. of applied sociology. – N.Y., 1924. – Vol. 8, Jan. – Feb. – P. 170–177.* Дж.М. Уильямс в книге «Принципы социальной психологии» (*Williams J.M. Principles of social psychology as developed in a study of economic and social conflict. – N.Y.: A.A. Knopf, 1922*) обсуждает функционирование профессиональных установок в американской жизни; а в «Теории праздного класса» Торстейна Веблена (*Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984*) содержится классическое обсуждение классовых установок богатых.

добиться, в течение двадцати минут. Например, недавно нас попросили заняться судебным запретом. Такие дела случаются редко, и никто в нашей конторе не знаком с этой процедурой. Но в Чикаго есть человек, который ничем кроме судебных запретов не занимается, и мы наняли его разобраться с этим делом. Результатом этой специализации является то, что круг профессиональных контактов юриста оказывается гораздо уже, чем можно было бы предположить.

Профессионал, особенно юрист, много путешествует. Наша контора ведет дела в двадцати штатах, и в Нью-Йорке, Филадельфии и Вашингтоне я бываю не меньше, чем в Чикаго. Мои профессиональные интересы, таким образом, широко разбросаны. Да и в плане общения к этим городам и пригородам Чикаго, таким как Лейк-Форест, меня приковывает так же много, как и к Нижнему Норт-Сайду. К тому же те, кто живет в Норт-Сайде, не общаются с соседями. Я живу в отеле, где двадцать номеров, и из тех, кто там живет, шапочно знаком от силы с пятью, а по-настоящему знаю лишь одного. Не думаю, что у тех, кто там живет, есть хоть какая-то привязанность к этому месту: естественно, ее и не должно быть. Люди живут на Озерной набережной просто потому, что это самое дорогое место в городе»¹.

Вследствие этого процесса прежняя организация сообщества, основанная на семейных узах и локальных связях, заменяется организацией, основанной на профессиональных интересах и установках. Эта профессиональная организация складывается в противовес локальным ареалам, пространственно определяется как всегородская и захватывает значительную часть жизни, которую человек проводит вне локального сообщества. Из этих профессиональных группировок лишь розничные торговцы и риелторы склонны организовываться на основе локальности. Их организация предназначена только для выполнения некоторых экономических услуг и имеет мало отношения к другим лицам в сообществе. Хотя было бы неточно формулировать контраст между городом и деревней как контраст между вторичными и первичными связями, все же можно сказать, что в жизни города все более возрастает доля вторичных связей и что первичные контакты в городе все более опираются на профессиональный интерес, а не на близость проживания. Чувства человека, как и его экономические деятельности и интересы, все более находят свой объект за пределами сообщества.

¹ Документ 73.

Возрастание социальной дистанции

Сегрегация населения города в локальных ареалах, характеризующихся резко дифференцированными культурными чертами, и рост профессиональных групп сопровождаются еще одним процессом, который можно обозначить как выстраивание социальных дистанций.

«У социологов вошло в обиход пользоваться применительно к человеческим отношениям, в отличие от пространственных, понятием “дистанция”. С его помощью они пытаются свести к более или менее поддающимся измерению категориям те градации и степени понимания и интимности, которые в целом характеризуют личные и социальные отношения.

Во всех наших личных отношениях мы ясно сознаем степень близости. А “ближе” к *B*, чем *C*, – и степени этой близости изменяется то влияние, которое каждый на другого оказывает. Так вот, мы обладаем чувством дистанции не только по отношению к индивидам, с которыми вступаем в контакт, но и имеем почти такое же чувство по отношению к классам и расам. Более того, это чувство дистанции по отношению к целым группам лиц, это “расовое” и “классовое” сознание часто затрудняет, модифицирует и ослабляет личные отношения. Всегда есть некоторый род социального ритуала, который удерживает слуг на “надлежащей дистанции”. Негр или китаец “хорошо чувствуют себя на своем месте”. Важность этих личных, расовых и классовых зон недоступности, которые, столь неизменно и неизбежно вырастая, усложняют и в какой-то мере фиксируют и конвенционализируют наши спонтанные человеческие отношения, состоит в том, что они находят выражение во всех наших формальных социальных и даже политических отношениях»¹.

В деревенском сообществе, где каждый знает каждого, где каждый зовет каждого по имени и знает о нем все, где установки и чувства являются общими, существует мало личных, классовых или расовых различий. В деревенском сообществе социальных дистанций практически нет. Но различные факторы в жизни города обычно их создают.

Прежде всего, в городском населении существуют огромные различия культурных бэкграундов. Значительная часть чикагского населения, с его многочисленными национальностями и языками,

¹ Адаптировано из: *Park R.E. The concept of social distance // J. of applied sociology. – N.Y., 1924. – Vol. 7, July – Aug. – P. 339–344.* (Рус. перевод: *Парк Р.Э. Понятие социальной дистанции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 1998. – № 2. – С. 192–197.*)

стеклась сюда из различных источников вне города: из разных городских, деревенских и сельских культур¹. В зависимости от своего бэкграунда эти люди и группы реагируют на одни и те же социальные ситуации очень по-разному. И реакций друг друга они не понимают. Они смотрят друг на друга как на «простых», «надменных», «чудных», «чужих», «инородцев» или «рыжих». Сегрегация городской жизни подчеркивает эти различия. Люди одного происхождения предрасположены жить локальными группами и иметь как можно меньше контактов с людьми, которые на них не похожи. Внешние проявления культуры, сопровождающие эту сегрегацию, подчеркивают различия в установках, традициях и точках зрения. Город становится мозаикой миров, совершенно непонятных друг другу. Мы увидели, что Золотой Берег и Маленькая Сицилия так далеки друг от друга, словно разделены Атлантическим океаном. В той мере, в какой локальные проблемы проникают в политику, они репрезентируют конфликты между этими разными мирами².

Установки, строящиеся на основе профессионального опыта, особенно если профессиональные группы достигают самосознания и самоопределения в обостренной конкуренции городской жизни, обычно воздвигают аналогичные барьеры для понимания и тоже оказываются мерилем социальных дистанций.

Ментальности сообществ

Более того, мельчайшее разделение труда в городе, соединяясь со столь характерной для городской жизни сегрегацией, оказывает важное воздействие на существование сообщества через дифференциацию менталитетов сообществ. Разделение труда делает групповое действие все более и более делом техники; иначе

¹ В Чикаго всегда спрашивают: «Вы откуда?» Пикник «старых поселенцев» собирает 1200 человек из населения численностью 3 млн человек.

² О том, насколько сегрегированная иностранная колония может быть изолированной от остального города, свидетельствует забавная история, рассказанная Якобом Каном, редактором «Vorwärts». Одна еврейская семья, жившая несколько лет в нью-йоркском Ист-Сайде, написала в «Vorwärts» о молодом человеке, который снимал у них комнату. Однажды у них пропала некоторая сумма денег, и в краже заподозрили его. Они были уверены, что если редактор опубликует их письмо и молодой человек его прочтет, то он непременно вернет деньги. Они не хотели говорить с ним напрямую, опасаясь, что он может от них съехать. А терять его они не хотели, поскольку «он такой приятный молодой человек; он рассказывает нам все об Америке».

говоря, возможность группового действия все более начинает требовать, чтобы внутри группы были «эксперты» и «специалисты», способные направить это действие. Но по мере того как люди становятся экспертами и специалистами и их доходы возрастают, они склонны сегрегироваться в более желательных и фешенебельных жилых районах. Так, люди из справочника «Who's Who», чьи дома находятся в Чикаго, сегрегированы вдоль Золотого Берега, в окрестностях университета и в фешенебельных пригородах города. Результат этой сегрегации состоит в том, что если в прошлом сообщества были более или менее похожими по ментальности и способности к приспособлению, то сегодня в этих аспектах между сообществами существуют заметные различия. Есть сообщества вроде Золотого Берега, которые способны эффективно действовать в любой ситуации, насколько это зависит от ментальности; и есть сообщества в трущобах, которые практически не способны к эффективному групповому действию, поскольку в результате этой сегрегации они слабоумны, в не очень метафорическом смысле.

Мобильность и индивидуация поведения

Рука об руку с индустриализацией города и дифференциацией занятий и интересов, которая ее сопровождала, шло возрастание мобильности городского населения, в противоположность населению небольших местечек. Будучи одной из самых характерных особенностей городской жизни, высокая мобильность неразрывно связана с экономическими отношениями в городе: с одной стороны, с разделением труда и сегрегацией коммерции и промышленности, которые вытягивают человека за пределы локального сообщества, и, с другой стороны, с растущими возможностями транспорта и коммуникации, которые все больше облегчают это передвижение. В мобильность мы включаем как радиус и частоту физических перемещений человека, так и количество контактов и стимуляций, которые человек переживает.

«Элементы, входящие в состав мобильности, можно подразделить на две основные категории: 1) состояние изменчивости человека-персоны и 2) число и тип контактов или стимуляций в его внешней среде. Изменчивость городских популяций изменяется вместе с половозрастным составом, а также со степенью оторванности персоны от семьи и от других групп. Все эти факторы можно выразить количественно. Новые стимуляции, на которые реагирует население, можно измерить через изменение движения или возрастание числа контактов. Статистические данные о движе-

нии городского населения могут измерить лишь рутину, но возрастание его со скоростью, превышающей темп роста населения, является измерением мобильности. В 1860 г. в Нью-Йорке трамваи с конной тягой перевезли около 50 млн пассажиров; в 1890 г. трамваи с электрической тягой (и немногочисленные сохранившиеся трамваи с конной тягой) перевезли около 500 млн пассажиров; в 1921 г. надземные, подземные, наземные, электрические и паровозные пригородные транспортные линии перевезли в общей сумме более 2,5 млрд пассажиров. В Чикаго общее годовое число поездок на душу населения (на наземном и надземном транспорте) составляло: в 1890 г. – 164, в 1900 – 215; в 1910 – 320; в 1921 – 338. Кроме того, среднедушевое число поездок в год на пригородных железнодорожных линиях (на электрической и паровой тяге) за период с 1916 по 1921 г. почти удвоилось, с 23 до 41. Не следует упускать из виду и возросшее пользование автомобилями. Например, число автомобилей в Иллинойсе за период с 1915 по 1923 г. возросло со 131 140 до 833 920.

Мобильность может быть измерена не только этими изменениями движения, но и возрастанием числа контактов. В то время как рост населения в Чикаго в 1912–1922 гг. составил менее 25% (23,6%), рост количества писем, доставляемых жителям Чикаго, был вдвое выше (49,6% – с 639 084 196 до 1 038 007 854). В 1912 г. в Нью-Йорке на 100 жителей приходилось 8,8 телефона, а в 1922 – уже 16,9. В Бостоне в 1912 г. на 100 жителей приходилось 10,1 телефона, а спустя десять лет – уже 19,5. За то же десятилетие для Чикаго эти цифры выросли с 12,3 до 21,6 на 100 человек. Но увеличение пользования телефонами, вероятно, даже важнее, чем рост числа телефонных аппаратов. Количество телефонных звонков в Чикаго возросло с 606 131 928 в 1914 г. до 944 010 586 в 1922 г.; рост составил 55,7%, тогда как население увеличилось только на 13,4%.

Цены на землю, поскольку они отражают движение, дают один из самых чувствительных показателей мобильности. Самые высокие цены на землю в Чикаго находятся в точке наибольшей мобильности в городе – на углу Стейт- и Мэдисон-стрит, в центральном деловом районе Луп (“Большая петля”). Подсчеты транспортников показали, что в период пик через юго-западный угол пересечения этих улиц проходят в час 31 000 человек, или 210 000 человек за 16 с половиной часов. На протяжении более десяти лет цены на землю в “Большой петле” удерживались на постоянном уровне, но за это же время выросли вдвое, вчетверо и даже в шесть раз в стратегических секторах “спутниковых деловых центров”, и это точный показатель происшедших изменений. Проведенные нами исследования показывают, что, по всей видимости, изменения в ценах на землю, особенно там, где они коррелируют с изменениями арендной платы, представляют, пожалуй, лучшую количественную меру мобильности и, стало быть, всех тех изменений, которые происходят в ходе экспансии и роста города»¹.

¹ *Burgess E.W. The growth of the city // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 59–61.*

Ближний Норт-Сайд иллюстрирует, как мобильность затрагивает самые разные ареалы и сообщества, от мира меблированных комнат, Золотого Берега и «Риальто» до труппной Маленькой Сицилии. В любом случае, мобильность имеет следствием разрушение общественного мнения и разложение социальной солидарности. Приведут ли это разрушение мнения и разложение солидарности к конфликту или просто социальной атомизации, зависит от того, вызывается ли мобильность главным образом стимуляцией или физическими передвижениями.

Маленькая Сицилия дает пример первого: здесь разрушение мнения и разложение солидарности ведут к социальному конфликту. Мы увидели, как второе поколение, выбирающееся за пределы колонии на работу и посещающее школы, представляющие иную культуру, начинает жить в двух социальных мирах, определяющих одни и те же социальные ситуации противоречащими друг другу способами. Данное д-ром У.А. Томасом описание этого процесса в польской деревне, где второе поколение через сезонную занятость в немецких городах отходит от нравов первого поколения, применимо в равной степени и к чикагской Маленькой Сицилии.

«Этот тип дезорганизации сообщества, когда процесс начинается с младшего поколения, представляет собой по существу и в первую очередь распад общественного мнения. Сначала сообщество теряет единообразие социальных установок, благодаря которому были возможны общая оценка и общее действие: введение новых ценностей раскалывает его на два или более лагеря с разными средоточиями интереса, разными стандартами оценки и расходящимися тенденциями действия. Если этот процесс продолжается, общественное мнение вырождается в сплетни; общественный интерес сосредоточивается на том, что любопытно, а не на том, что социально важно, и если речь не идет об осуждении самых крайних преступлений, не может быть достигнуто никакого единодушия; наступает более или менее заметное разложение социальной солидарности, как в силу того, что расхождение в оценках и действиях вскармливает враждебность, так и потому, что большинство форм, в которых обычно проявляет себя солидарность, больше не получают адекватной поддержки в общественном мнении и опираются только на индивидуальное моральное чувство или желание признания»¹.

Результатом в Маленькой Сицилии, как и в польской деревне, является активный конфликт между поколениями. Более того, в

¹ *Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – Boston (MA): Badger, 1919. – Vol. 3. – P. 80.*

Маленькой Сицилии второе поколение, не способное участвовать ни в жизни колонии, ни в более широкой американской жизни, которая ее окружает, склонно создавать свой собственный мир, характеризующийся сколачиванием банд, беспорядком и поведением, которое сообщество воспринимает как делинквентное. И этот результат мобильности не ограничивается иностранными колониями в трущобах. В гетто или Маленькой Сицилии он, в силу конфликта культур, заметнее. Но аналогичный контакт с дивергентными стандартами, вызванный возросшей мобильностью городской жизни, воздействует на единодушные мнения и социальную солидарность также и в коренных сообществах¹. В отличие от деревни, локальный ареал в пределах города пространственно не изолирован. Культурные ареалы смешиваются друг с другом. Происходит движение между ними. Изоляция рушится, и взаимная стимуляция, ведущая к изменчивости поведения, становится неизбежной.

В мире меблированных комнат, в свою очередь, чрезмерная физическая мобильность ведет практически к атомизации социальных отношений. Там, где средняя продолжительность проживания в ареале по одному адресу меньше четырех месяцев, как это имеет место в районе доходных домов в Ближнем Норт-Сайде, культурная жизнь ареала буквально распадается на осколки. Люди не знают никого из живущих поблизости. Групповой жизни нет; люди одиноки. Их желания часто оказываются не удовлетворенными. Жизненные организации распадаются. Нет никакого общественного мнения. И даже никаких сплетен. В этой ситуации достигает предела индивидуация персонального поведения.

Физическое движение, однако, не ограничивается населением районов доходных домов. 80 тыс. чикагцев «переезжают» в первый день мая². Семейные ареалы меняются не столь быстро, но постоянно. Следующий текст появился недавно в «Chicago Herald and Examiner»:

ДЕВЯТЬ СЕМЕЙ ЖИВУТ В ОДНОМ КВАРТАЛЕ 257 ЛЕТ

«В сумме вот уже 257 лет девять семей в одном квартале на Норт-Харвей-авеню в Оук-парке заимствуют друг у друга газонокосилки, грабли и зонтики без малейшего намека на спор или соседскую потасовку.

¹ В действительности на Золотом Береге конфликт между поколениями почти так же заметен, как и в Маленьком Аду.

² Chicago tribune. – Chicago (IL), 1925. – May 2.

Водители фургонов, видя это, иногда скрежещут зубами, ведь за все это время никто не выехал из домов, обжитых еще тогда, когда Оук-парк был похож на свалку.

Фрэнк Кунцер из дома 516 по Норт-Харвей-авеню живет здесь тридцать шесть лет. Джеймс Бенсон из дома 532 – немного поменьше, тридцать четыре года...»

Тот факт, что семья на протяжении одного поколения живет в одном сообществе, пусть даже в пригороде за чертой города, является для гонящейся за сенсациями городской прессы новостью!

Именно высокая физическая мобильность города сделала возможными ареалы порока и ареалы неоновых вывесок. В этих ареалах высокой физической мобильности общественное мнение перестало существовать. Люди, живущие на Норт-Кларк-стрит, не выражают никакого протеста против шума, открытых всю ночь кабаре и распутных отелей. Это признак полной дезорганизации локальной жизни, ведь если нет никакого протеста против радикального попрания нравов, последние следы сообщества исчезают. В таких ареалах быстро сегрегируется порок. Транспорт делает их доступными для людей из всех районов города. Люди способны ускользать от ограничивающего влияния нравов собственного сообщества в эти ареалы, где нет ни нравов, ни общественного мнения.

«Это открывает индивидам возможность быстро и легко переходить из одной моральной среды в другую и стимулирует захватывающий, но опасный эксперимент одновременной жизни в нескольких разных мирах, быть может, соприкасающихся, но при этом бесконечно друг от друга далеких. Это все больше придает городской жизни поверхностный и случайный характер; это усложняет и запутывает социальные связи и создает новые и разнородные человеческие типы. Одновременно внедряется элемент шанса и авантюры, который усиливает стимулирующее воздействие городской жизни и придает ей особую привлекательность для юных и свежих нервов. Притягательность больших городов, возможно, является следствием стимуляций, прямо воздействующих на рефлексы. Как тип человеческого поведения ее, подобно притягательности пламени для мотылька, можно объяснить как своего рода тропизм»¹.

Жизнь в этих ареалах, с их ускоренным изменением, их дивергентными поведенческими паттернами и их элементом случайности, напоминает жизнь, которая была поколение тому назад в

¹ *Park R.E. Suggestions for the study of behavior in the urban environment // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 40–41.*

городке на фронтире. И действительно, мобильность сделала ареалы внутреннего города сегодняшними фронтами.

Таким образом, сам рост города разрушает физическую преемственность локальной жизни и физические символы, вокруг которых организуются локальные чувства и традиции. Экономическая дифференциация города вместе с сопутствующей ей сегрегацией коммерции и промышленности изымает из локальных ареалов многие деятельности, которые в прошлом давали развиваться у жителей этих ареалов общему запасу опыта. Все более мелкое разделение труда, с соответствующей дифференциацией занятий и профессий, порождает организацию чувств и интересов скорее на профессиональной основе, чем на основе близости проживания. Мобильность города рушит изоляцию локального сообщества, допуская дивергентные элементы опыта, дивергентные стандарты и ценности, дивергентные определения социальных ситуаций. В то же время она приводит к таким темпам перемещений, которые делают соседей чужаками.

Значительная часть населения города живет почти так же, как обитатели большого отеля, встречаясь, но не зная друг друга¹. Результатом становится распад социальной солидарности и общественного мнения. Близкие отношения лицом-к-лицу в локальных ареалах заменяются случайными, мимолетными, равнодушными контактами. Возникает крайняя индивидуация персонального поведения, которая превращает городской локальный ареал в нечто совершенно отличное от местечкового или деревенского сообщества. В нем нет никакого общего запаса опыта и традиции, никакого единодушия в интересах, чувствах и установках, которое могло бы служить базой для коллективного действия. Локальные группы не действуют. Они не могут действовать. Локальная жизнь рушится.

¹ В рекламе одного нового манхэттенского многоквартирного дома, опубликованной в «New York Times», говорится: «Желающим поселиться не нужно одеваться плохо, когда они обращаются. Наши цены фиксированы и одинаковы для всех». Об удивительной анонимности городской жизни свидетельствует недавнее сообщение из Филадельфии, в котором говорится, что полиция разыскивает молодую женщину, исполнявшую роль неверных жен для филадельфийской «фабрики разводов»!

Пол Гоулби Кресси

ТАКСИДЭНС-ХОЛЛ

Книга П.Г. Кресси «Таксидэнс-холл: Социологическое исследование коммерциализированного отдыха и городской жизни» (1932) – одна из самых известных монографий классической чикагской социологической традиции, до сих пор переиздаваемая, читаемая и считающаяся одним из образцовых исследований иммигрантского опыта и коммерциализации досуга в условиях современного города в американской социологии. П.Г. Кресси (1900–1955) – ученик Р.Э. Парка. До учебы в Чикагском университете он был инспектором и агентом по специальным расследованиям в Чикагской ассоциации защиты подростков. В 1925 г. по заданию ассоциации он приступил к исследованию таксидэнс-холлов, нового быстро распространявшегося типа танцевальных заведений, пользовавшегося дурной славой и характеризовавшегося высокой степенью закрытости. Исследование длилось пять лет. В распоряжении Кресси было несколько ассистентов. Поскольку получить сведения об этих заведениях напрямую было нельзя, исследователям пришлось внедриться в этот мир под видом клиентов; важнейшим источником информации для них стали включенные наблюдения. За годы исследования таксидэнс-холл стал доминирующим типом танцевальных заведений в деловых районах многих крупнейших американских городов (хотя кое-где был запрещен, например в Сан-Франциско). Первоначальный интерес к этому институту был связан с опасениями, что в нем процветают порок и беззаконие. Нельзя сказать, что этот интерес по ходу дела совершенно угас или отступил на второй план; он явно присутствует в книге Кресси и даже проходит через нее сквозной нитью. Но полученные результаты вышли далеко за рамки этого исходного интереса, и в книге мы находим всестороннюю картину дан-

ного необычного института. Мы видим мир таксидэнс-холла глазами хозяев этих заведений, клиентов, танцовщиц, широкой общественности. Кресси дает насыщенное описание атмосферы таксидэнс-холла, его внутренних правил и кодексов, мира и жизненного цикла такси-танцовщиц, его своеобразной клиентуры (в том числе иммигрантской), мотивов, собирающих этих людей в подобных заведениях. Он показывает, как таксидэнс-холл развился в ответ на запросы значительной части современных горожан (особенно молодежи), как этот мир входит в биографии его участников, какие ценностные изменения через него происходят и какие последствия все это имеет для городской жизни. С точки зрения Э.У. Бёрджесса, написавшего предисловие к книге, особенно в ней ценна демонстрация того, как в «культурно гетерогенном и анонимном обществе» современного города рушатся обычные механизмы социального контроля и утверждаются тенденции «беспорядочности» и деморализации.

Здесь приводятся две главы из этой книги. Перевод сделан по изданию: Cressey P.G. *The taxi-dance-hall: A sociological study in commercialized recreation and city life.* – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932. – P. 31–53, 177–195. На русском языке публикуется впервые.

Глава III. Таксидэнс-холл как социальный мир

Для тех, кто ходит в таксидэнс-холл, пусть и нерегулярно, это особый социальный мир со своими способами действия, говорения и мышления. Ему свойственны своя лексика, свои деятельности и интересы, собственное представление о том, что в жизни имеет значение, и – в какой-то степени – свой распорядок жизни. Этот культурный мир проникает во многие стороны привычной жизни, и некоторые его стороны сразу бросаются в глаза даже случайному посетителю.

«Я ожидал найти в этом зале почти все что угодно, но даже и тогда был удивлен. Никогда еще я не видел такого разношерстного сборища: там были филиппинцы, китайцы, мексиканцы, поляки-иммигранты, крепыши-работяги и подростки-старшеклассники. В еще большее смущение приводило то, как недвусмысленно мужчины поглядывали на девушек и как по-свойски они в начале каждого танца их прихватывали. Сами девушки были юными, густо разукрашенными, неразговорчивыми, а когда заговаривали, употребляли странные выраже-

ния, ярко выделявшие их речь. Они говорили о “черных и светлых”, “местечке у Джо”, “пиноях”, “любовниках-ниггерах”, произносили другие неизвестные мне слова. Мои попытки познакомиться с несколькими из девушек наткнулись на безразличие с их стороны, и в то же время каждая из них, казалось, очень живо реагировала на некоторых мужчин и нескольких девушек в этом месте. В отношении всех прочих они выглядели вежливыми, кокетливыми, но совершенно безразличными. Я ушел оттуда с ощущением, что мне позволили быть свидетелем, но не участником окружавшей этот зал реальной жизни»¹.

Жизненный мир танцевального зала настолько плотно окутан покровом конвенционального поведения, что человек может регулярно его посещать, при этом его не воспринимая. Пока он не посвящен в смысл определенных деятельностей, слов и фраз, интересов и стандартов поведения, он может даже не пытаться понять человеческую значимость таксидэнс-холла. Ибо множество факторов способствует тому, чтобы сделать этот мир моральной средой, совершенно оторванной от других, более конвенциональных форм городской жизни.

1. Удовлетворяемые фундаментальные желания человека

Наверное, важнейшей особенностью мира таксидэнс-холла, делающей возможным его моральное обособление, является полнота заключенных в нем интересов и предоставляемых им удовлетворений. В особенности это касается молодых девушек, отрезанных от домашних влияний и живущих с другими танцовщицами; жизнь в танцевальном зале оказывается достаточной для удовлетворения большинства их главенствующих интересов и желаний.

«После того как я начала работать в танцзале, я так радовалась полноте жизни, что не было ни малейшего желания это бросить. Работа была легкая, приносила мне больше денег, чем я могла бы заработать где-то еще, и у меня была возможность встречаться с самыми разными людьми. Скучно никогда не было. Я встречала бутлегеров, контрабандистов, налетчиков, грабителей, путешественников по миру и хобо. Все это были разные люди, непохожие на тех, с кем я встречалась бы, если бы осталась дома со своими родными в Роджерс-парке... Когда девушка попадает в танцзал и делает успехи, можно запросто жить месяцами, ни разу не выходя за пределы влияния танцзала. Взять, например, меня. Я жила с другими танцовщицами, встречалась с друзьями в танцевальном зале, получала все нужное для жизни опять же в танцзале. Не было по сути ничего, чего бы мне хотелось и что

¹ Впечатления исследователя от первого посещения таксидэнс-холла.

я не могла бы получить через него. Это была легкая жизнь, и я просто плыла по течению вместе с остальными. Думаю, если бы не произошло чего-то, что вытолкнуло бы меня оттуда, я так и моталась бы по Вест-Сайду»¹.

Не только экономическую выгоду, но и возможности эмоционального возбуждения, мужских завоеваний, интимных связей и мужской любви – все это обеспечивает таксидэнс-холл. Танцовщицы могут даже настолько полно идентифицироваться с жизнью танцзала, что, вернувшись после временного отсутствия, испытывают радость и удовлетворение от «возвращения домой».

«Вы даже представить не можете, насколько я была счастлива снова вернуться в “школу” после двухнедельного пребывания дома в Висконсине. Конечно, я была рада свидеться с матерью, но, понимаете, нам теперь почти не о чем с ней говорить. Что до моего старого отчима-немца, то чем реже мы видимся, тем лучше. Не думаю, что я когда-нибудь еще вернусь в Висконсин. А вот в “школе” я чувствую себя как дома... Тут я знаю что и как, здесь у меня друзья, они всегда рады моему возвращению и реально готовы тратить на меня свои деньги. Здесь полно людей, которые мало чего стоят, но при всем при том больше настоящих друзей, чем во всем остальном мире вместе взятом»².

Фундаментальное желание признания, или статуса, равно как желание интимности, или отклика, и желание нового опыта и возбуждения, – все они находят в таксидэнс-холле некоторое удовлетворение. В сущности, желание безопасности – единственное из томасовских «четырёх желаний», которое не присутствует в жизни припевающей танцовщицы.

2. Уникальные деятельности и словарь

Вторая основная особенность мира таксидэнс-холла, помогающая поддерживать его моральную обособленность, – это отличительные паттерны поведения и лексика. Для мира танцзала даже мельчайшие характеристики поведения и манер человека могут стать средствами идентификации его как «инсайдера» или «аутсайдера». Так, одна танцовщица называет некоторые признаки, по которым она идентифицировала аутсайдера:

¹ Случай № 11.

² Случай № 10.

«Впервые увидев вас, я сразу поняла, что вы не с Вест-Мэдисон-стрит. Вы вели себя совсем не так, как другие белые парни, заходящие в зал. Другие чужие мужчины, войдя, ведут себя тихо или так, будто не уверены в себе. Они не болтают вовсе. А вы болтали. И даже поднялись наверх поговорить с боссом, но никто другой так не поступил бы, не будучи с ним знакомым.

Потом, когда вы ко мне подкатили, вы первым делом пригласили меня потанцевать – а не сунули просто в руку билет, как это делают другие. Да и танцевали вы иначе, чем они...

Еще я сразу заметила, что вы говорите по-другому, используете другие слова, и хотя, в отличие от большинства других, вы ничем не хвастались, у меня возникло ощущение, что вы кем-то себя мните и при этом не боитесь опозориться, если вас в этом зале застукают. Так я и поняла, что вы какой-то “профессионал”, который здесь по делу»¹.

Особая лексика мира танцевального зала сама по себе есть средство идентификации, также как и коммуникации. Она отражает особые интересы, оценки и деятельности, сосредоточенные вокруг этого учреждения. Лексика эта выстраивается в значительной мере из общего сленга и «вестсайдского диалекта». Однако вдобавок к тому имеются еще и другие красочные слова и выражения, употребляемые главным образом в мире танцевального зала. Многие из этих слов и выражений находят почти всеобщее применение в речи всех клиентов; другие используются исключительно одной группой. Например, у филиппинцев есть свои слова и выражения, у белой молодежи Вест-Сайда – свой особый словарь. Схожим образом и у танцовщицы есть свои слова и выражения, с помощью которых она описывает филиппинца и юношу с Вест-Сайда. Вся эта особая лексика, однако, смешивается, и в ней раскрывается уникальный мир интересов и деятельностей, в центре которого находится чувственный и коммерческий интерес. Хотя полный глоссарий здесь и не представлен, значимость этого словаря в жизни танцевального зала можно увидеть из следующего списка колоритных слов и выражений.

Африка – Черный пояс [район Чикаго], особенно цветные кабаре.

Игра в Африку – скрытая проституция в Черном поясе.

Остаться в Африке – жить в Черном поясе, предположительно с целью занятий проституцией.

¹ Комментарий танцовщицы со стажем, данный исследователю.

Бата – тагальское слово, означающее «малыш»; филиппинцы употребляют его для обозначения белого возлюбленного филиппинки.

Горячее – краденые вещи.

Договориться – договориться о свидании, назначить свидание.

Играть – успешно эксплуатировать человека противоположного пола.

Класс – термин, используемый филиппинцами для обозначения таксидэнс-холла.

У меня класс – я иду в танцевальный зал.

Пойдем в класс – пойдем в танцевальный зал.

Колегуала – испанское слово, означающее «учащаяся»; используется филиппинцами для обозначения танцовщицы таксидэнс-холла.

На черноте – таксидэнс-холл или танцовщица, спокойно относящиеся к социальным контактам с мужчинами иных рас, нежели белая.

Ниггер – вестсайдское слово для обозначения филиппинцев.

Ниггерлюбка – девушка, «встречающаяся» с филиппинцами.

Никчемши – новичок, новенькая; непосвященный юноша или девушка; обычно слово употребляют в отношении неопытной танцовщицы.

Обезьяньи шоу – бурлеск-шоу с девушками-хористками.

Обезьяны – танцующие девушки: хористки или танцовщицы.

«Опера» – бурлеск-шоу.

Оставаться белой – принимать предложения о свидании только от белых мужчин.

Охотник за обезьянами – мужчина, проявляющий интерес к танцовщице или хористке.

Очередь – аморальное действие с участием нескольких мужчин и одной девушки.

Пиной – самоназвание филиппинца. Слово туземного происхождения.

Платить за аренду – жить в тайных интимных отношениях.

Покупать продукты – жить в тайных интимных отношениях.

Профессионал – исследователь. Человек, посещающий танцевальный зал с неясными целями.

Пути – филиппинское слово, обозначающее белого мужчину.

Пятицентровая попрыгушка – танцовщица с поременной оплатой.

Рыба, рыбешка – мужчина, которым девушки могут легко воспользоваться для извлечения личной выгоды.

Рыбачить – успешно эксплуатировать мужчину ради собственной выгоды.

Рэкет – особая активность ради честного или нечестного заработка.

Снимать – договариваться с танцовщицей об ангажементе после танца.

Стряска – насильственное вымогание денег.

Флип – самоназвание филиппинца. Слово американского происхождения.

Фрукт – доверчивый человек, «лох».

Черное и светлое – цветное и белое кабаре.

Эскуэла – испанское слово, означает «школа»; используется филиппинцами для обозначения таксидэнс-холлов.

3. Уникальные смыслы общепринятых действий

В мире таксидэнс-холла не только развились новая лексика и особый тип персонального поведения, но и старые, давно закрепившиеся выражения и обыкновения приобрели новые смыслы и цели. Внешнее соответствие прочно установленным обычаям часто маскирует поведение, идущее вразрез с моральными стандартами общества. Такие всецело приемлемые конвенции, как ухаживание и «свидания», приобретают новые значения. Свидание – общепринятое средство, позволяющее молодым знакомиться, – становится в мире таксидэнс-холла намеком на аморальную связь. Если первое свидание с такси-танцовщицей может дать лишь повод для пересудов относительно его значимости, то несколько свиданий подряд уже воспринимаются многими как доказательство того, что установилась незаконная связь.

«Они вместе уже две недели... Но ты же не думаешь, что он прожигает здесь вечер за вечером, а потом всякий раз забирает ее на ночь к себе домой, если там между ними ничего нет?.. Послушай, ну ты же Большой Мальчик, никакого Санта-Клауса не существует!»¹

В мире таксидэнс-холла новые смыслы обретает не только свидание, но и многие другие формы общепринятого поведения.

«“О да, конечно, они неровно дышат друг к другу”, – заявила Милдред в ответ на мое предположение, что Хэзел и Артур, видимо, хорошо знакомы. “Разве вы не заметили, что она отдает ему все свои свободные танцы и как он ревнует, когда кто-то еще танцует с ней больше чем два танца подряд? Арт теперь не танцует ни с кем кроме нее, вы же заметили. Он просто приходит, садится неподалеку от нее и отдает ей свои билеты... Ну и не могли же вы не заметить, что у нее новая одежда, новое меховое пальто. Вы же понимаете, что на пять центов за танец девушка меха не покупает”, – заключила она сардонически»².

¹ Случай № 12.

² Записи исследователя.

В таксидэнс-холле имеется свой корпус оценок и опытов, с помощью которого интерпретируются деятельности, вращающиеся вокруг учреждения.

4. Доминирование танцовщицы в таксидэнс-холле

Наиболее яркой чертой таксидэнс-холла является видное и престижное положение, занимаемое в нем успешной такситанцовщицей. Танцовщица не чувствует себя коммерчески эксплуатируемой; напротив, она отзывчива к стимулирующему воздействию ситуации и восхищению клиентов и иногда находит в них удовлетворение.

«Конечно, это легкая жизнь – никакой работы, спишь допоздна, денег больше, чем я могла бы заработать дневной работой, и все такое. Но здесь мне нравится не только это. В зале есть что-то такое, что здесь я хорошо себя чувствую. Я могу быть синей как индиго, когда спускаюсь вниз, но в скором времени чувствую прилив сил. Думаю, дело не в музыке. Мне нравится быть с людьми, да и парни в зале, особенно филиппинцы, считают меня настоящей красавицей»¹.

Когда клиенты стремятся снискать благосклонность девушки, надеясь на ночные ангажементы, они особенно вежливы и куртуазны. Коль скоро общества девушки, которого ищут многие клиенты, можно добиться лишь ненавязчивым процессом ухаживания, но не более надежным методом торга, то популярная танцовщица обладает в таксидэнс-холле предпочтительным статусом, и отчасти он, видимо, проистекает из самой неопределенности ее благосклонностей. Даже с теми клиентами, у которых совершенно очевидно нет ни желания, ни ожидания добиться свидания, такситанцовщица обычно поддерживает сносные отношения. Контакты с ними имеют либо безличный, либо дружелюбно-товарищеский характер.

В силу особой организации таксидэнс-холла танцовщица доминирует в этом социальном мире даже полнее, чем в других типах танцевальных учреждений. Клиентура здесь по большей части изменчива и случайна. Девушкам, в свою очередь, свойственна определенная и довольно постоянная экономическая связь с учреждением. В своих контактах друг с другом и с клиентами они задают тон, предоставляют определенную схему жизни и устанавли-

¹ Случай № 12.

ливают непосредственные стандарты поведения как для танцовщиц, так и для клиентов. Внешние стандарты поведения могут поддерживаться менеджментом, но наиболее прямой контроль остается за группой девушек, которые доминируют в жизни учреждения и развили определенные коды и техники контроля. Последние передаются от опытных девушек к новеньким через случайные контакты в танцевальном зале. Вполне естественно, что в перерывах между танцами местом для передачи этого кода служит комната отдыха.

«Никогда не забуду свою первую ночь в зале. Как вы знаете, я не была похожа на девочку из воскресной школы, когда попала в это место, но они, несомненно, заставили меня почувствовать себя таковой. Во время перерыва я вернулась в комнату отдыха. Там были девочки, они пудрились, красились, возились с губной помадой, ругались, курили и выпивали. Одна из них уже наклочкалась, сквернословила и говорила гадости, каких я никогда прежде не слышала. Другие слушали ее и смеялись над каждым словом. Мне от всего этого сделалось дурно, и я ушла.

Я не возвращалась в комнату отдыха почти неделю. Когда я однажды вечером все же туда пришла, одна грубоватого вида полячка крикнула в мою сторону: “Большая Белая Мамочка думает, что она задается, не так ли?” Это меня так разозлило, что я не знала даже что и делать, а потому повернулась и вышла.

Но прошло немного времени, и я к этому привыкла. Постепенно я стала говорить их языком и теперь, входя туда, говорю так же, как и остальные»¹.

5. Мотив эксплуатации

Еще одна базовая характеристика социального мира таксидэнс-холла – уже во многом предполагаемая предшествующим описанием – это наличие в нем уникальных «схем жизни». Типичные для таксидэнс-холла схемы жизни являются в какой-то мере порождениями самого учреждения и типа жизни, необходимого ввиду его социальной структуры и интересов его персонала. Они представляют способы, которыми люди, теснее всего отождествляемые с таксидэнс-холлом, пытаются достичь с его помощью того, что они считают в жизни важным. Их методы в какой-то мере стандартизируются, а достигнув полной зрелости, связываются с некой «философией жизни», или «разумным обоснованием», оправдывающим эти деятельности и применяемые методы. Преобладающая схема жизни для клиентов и такси-танцовщиц вырастает из сочетания

¹ Случай № 13.

коммерческих и романтических интересов и неизбежных случайных близостей танцовщиц со многими клиентами. Она представлена в мотиве эксплуатации лиц иного пола, явно присутствующем у большинства бывалых такси-танцовщиц и у немалого числа клиентов.

Важным аспектом этой схемы жизни является установка, принимаемая танцовщицей и клиентом по отношению друг к другу. Безличные рыночные установки быстро берут верх над развивающимися обычно романтическими импульсами. Под влиянием коммерциализма танцовщица, например, очень скоро начинает смотреть на клиентов, старых и молодых, не столько как на *цели*, сколько как на *средства* для достижения своих целей – изменений к лучшему в ее судьбе. Романтическое поведение, наряду с другими, менее желательными формами стимуляции, становится всего лишь еще одним приемлемым методом коммерческой эксплуатации мужчин.

Точка зрения клиента дополняет точку зрения такси-танцовщицы. Его интерес состоит в том, чтобы получить привлекательную молодую женщину, с которой он мог бы танцевать и беседовать без формальностей знакомства и без тех многочисленных обязанностей, которые возникли бы у него в других социальных сборищах. Часто он жаждет молодой женщины, которая обещала бы ему позже ночью другие контакты. Таким образом, из особых интересов клиентов и коммерческих целей танцовщицы развивается состязательная борьба между мужчиной и женщиной за извлечение выгоды друг из друга. Во многих случаях эта борьба бывает осознанной, и в ней для эксплуатации друг друга используются любые средства, честные и нечестные.

«Все, что этим девушкам нужно, так это деньги, которые они, как им кажется, могут из парня вытянуть. Ежели получится, они его “обчистят как липку”. Но со мной у них этот номер не пройдет. Я ухо остро держу... Но не это меня заботит. О себе я могу позаботиться и сам. Я же не просто стараюсь не дать им что-то навязать мне; я стараюсь кое-что навязать им. Я знаю, чего хочу, и стремлюсь это получить. Таков уж я»¹.

В случае опытной такси-танцовщицы эта философия эксплуатации, усердное практикование своих приемов, мстительные порывы, вырастающие из крушения грез и романтических мечта-

¹ Из разговора клиента с исследователем.

ний, и ее честное, хотя и беспечное отношение к своему неконвенциональному поведению смешиваются воедино и складываются в особый личностный тип, сам по себе интересный. Будучи индивидуализированной и даже несколько эгоцентричной, способной быстро находить характерные слабости у других, пытающихся ею воспользоваться, она явно неспособна распознавать существенные слабости в самой себе. При этом ни такси-танцовщица, ни большинство клиентов не понимают, что самое фундаментальное объяснение этих неудачных связей, этих неприятных переживаний обнаруживается не столько в характерах индивидов, сколько в самой социальной структуре нынешнего таксидэнс-холла.

Неспособная воспринять эти базовые, но незримые социальные силы, формирующие ее жизнь, такси-танцовщица становится чем-то вроде летуньи, которая по возможности черпает удовольствия в преходящих волнениях дня и в искусном практиковании своих инструментов эксплуатации. Следующий отчет талантливой журналистки, работавшей какое-то время танцовщицей, о своем контакте с «Дороти» емко обрисовывает типичные для опытной такси-танцовщицы переживания, установку относительно себя, философию жизни и гордое пользование своими средствами эксплуатации.

«– Как тебя звать? – спросила она.

– Лилиан, – ответила я.

– Собираешься целый день здесь работать?

– Не знаю. Это место выглядит немножко дешевым для меня.

– Да, ты права. Нигде еще не видела такого мерзкого скопища дешевых ключ... А почему бы тебе не сходить со мной? Я каждый день спускаюсь на Шеридан-роуд. Там всегда найдется пара сосунков, только и ждущих, чтобы их подцепили. Развлечемся. Вообще-то у меня был постоянный парень, но он меня бросил, и теперь я свободна. В конце концов, все они одинаковы. С еще одним таким я бы никогда не связалась. Тошнит от них. Днем и ночью одно и то же: распоряжаются, распоряжаются, распоряжаются. Потом забирают твои деньги, и гуляй на все четыре стороны, так что даже задницу прикрыть нечем. После этого все, что я получаю, мое. И все, что есть у них, тоже мое, если мне удастся это выцарапать.

– Пойдем отсюда, – сказала я. – У меня уже около 30 танцев было, но так и не могу похвастаться щедростью парней.

– Да? Ладно, предоставь это малышке Дороти. Я покажу, как раздеть их до носков. Смотри на меня, и через неделю у тебя будет меховое пальто.

Мы вышли; малышка Дороти уперла руки в боки и принялась водить взглядом вокруг.

– Прихвачу-ка вот этого. Смотри на меня, а потом иди вон к тому большому папочке, что стоит в углу. Даю 20 к 1, что попадешь в яблочко.

Малышка Дороти направилась к невысокому темнокожему парнишке, оглядела его с ног до головы и сказала:

– Да ты, сдастся мне, большой туз. Пойдем.

Она обвила его руками, взяла два билета, а затем прислонилась своей щекой к его щеке и стала что-то нашептывать ему на ухо. Стратегии уличной проститутки и такси-танцовщицы слились воедино. Танец закончился, и лишь тогда я смогла отвести взгляд от того, как она пыталась применить свои трюки»¹.

6. Азиаты как «рыба»

Яснее всего мотив к эксплуатации виден в установке по отношению к «свиданиям» и танцам с азиатами. Этих молодых людей – ввиду отсутствия в Соединенных Штатах подходящих молодых женщин их рас и в силу того, что им отказано в свободном общении с белыми американками, – проблема социальных контактов с молодыми женщинами часто заводит в тупик. Нередко это ограничение доходит до того, что предметом всепоглощающего интереса и даже особой гордости становится достижение контактов с белыми американками. В таких условиях многие азиаты готовы платить непомерно много даже за случайные контакты с такси-танцовщицами. Девушки, однако, зачастую относятся к ним как к «рыбе» – т.е. тем, кем можно попользоваться.

«Меня пригласили в гостиную дома Маловиски, где София развлекала довольно странного китайца, назвавшегося официантом ресторана чоп-суэй. Они не разговаривали. Он просто сидел и смотрел. Даже не танцевал... Мы с Софией направилась к двери, но какое-то мгновение она колебалась. “Мы не должны отходить так далеко. Моя ‘рыбка’ может приревновать!” “Твоя рыбка? – спросил я. – Что это значит?” “А, да вон тот китаец”. “А почему ты называешь его своей ‘рыбкой’?” – не унимался я. “О, – ответила она, – он дает мне каждый раз, как попрошу, около 20 долларов, и он единственный, кто проводит здесь два вечера в неделю”»².

¹ Статья Джейн Логан (Jane Logan) в: Chicago daily times. – Chicago (IL), 1930. – Jan. 31.

² Из отчета исследователя.

Азиаты, особенно юноши-филиппинцы, оказываются столь выгодными источниками дохода, что многие молодые женщины, поддавшись соблазну оппортунизма, отбрасывают все расовые предрассудки, какие только могут у них быть, и предаются усердной и систематической их эксплуатации. Они могут даже развить техники эксплуатации.

«Лила... рассказала мне, что филиппинские парни сущие простофили и тратят на девушек уйму денег, если девушки ведут себя ревниво и начинают время от времени за них бороться. “Если бы мне пришлось жить на деньги, которые я в этом месте зарабатываю, я бы с голоду сохла. Но я всегда могу добыть денег у этих филиппинцев.

Моя сестра тоже здесь работает, но сегодня вечером ей плохо. Она попыталась выпить все, что удалось выманить... а потом поцапалась с парой девушек за своего китаезу. Он учится в университете и работает официантом. Он получает немного денег из дома, но моя сестренка не дает ему скучать и может вытрясти из него кучу баксов.

Я тоже держу своего придурка в черном теле. Он интерн в больнице и еще работает в парикмахерской. Он купил мне вот это платье на прошлой неделе после того, как я сказала, что оторву ему голову, если он будет танцевать с кем-то еще. Белые парни, которые сюда заходят, – это все ерунда. Они пяточка лишнего девушке не дадут, даже под угрозой смерти, так что глупо тратить на них время.

Познакомлю тебя с новеньким, который только что вошел. У него есть немного денег от родных, и ты сможешь их у него выманить, если будешь умничкой. Одна девушка, тут работавшая, все ходила с одним филиппинцем. Он был боксер. Так вот она вытрясла из него 1200 долларов, а потом махнула в Калифорнию. Когда добралась туда, написала ему, что так-то и так-то, пошел к черту, что он вшивый сосунок и что она пошла в кино”»¹.

В кругу своих белых друзей такси-танцовщице приходится объяснять свой интерес к азиатам. И здесь опять же обоснование дается в терминах эксплуатации.

«О, эти ниггеры [филиппинцы] и чинки [китайцы] для девушек всего лишь “рыба”. Они говорят нам, своим приятелям: “Не возражаешь, если я немного покручусь возле этих ребят? Они нормальные, дарят нам подарки к тому же. Ничего особого у нас с ними нет”.

Девушки просто высматривают, что с них можно поиметь. Одна из них рассказала, что у нее таких было трое. Она получила от них рождественские

¹ Chicago daily times. – Chicago (IL), 1930. – Jan. 30.

подарки, понимаешь? Эти парни в основном филиппинцы. У них полно бабла [денег]. Думаю, большинство из них учатся в колледже»¹.

Меж тем многие танцовщицы не принимают приглашения свидеться от азиатов и могут иногда даже отказываться быть с ними в одном танцзале. Для этих девушек принципиально важно «оставаться белыми», как это здесь принято называть.

«Флипы [филиппинцы] подойдут любой девушке, если она пожелает. Они гораздо вежливее большинства других посетителей заведения. Но они не белые, и все тут. Конечно, я буду танцевать с ними в зале. Но никуда с ними не пойду. Я белая и намерена оставаться белой»².

7. Ночные клубы и кабаре

Мотив к эксплуатации связан также с посещением ночных клубов и кабаре. Мужчины полезны отчасти потому, что могут быть предрасположены сопровождать девушек в эти места и оплачивать счета. Хожение в кабаре – признак престижа, и оно становится почти обязательным для юной девушки, желающей, чтобы ее считали дамой достаточно значимой для посещения определенных заведений. Меж тем лишь очень немногие кабаре и рестораны считаются достойными того, чтобы в них ходить. Среди них предпочтение отдается «черным и светлым» кабаре цветного пояса. Несомненно, так изначально сложилось из-за того, что спутники – а это часто филиппинцы и китайцы – находят эти места гостеприимными к расово-смешанным парам. Каких-то заведений, наоборот, избегают, так как одежда и манеры поведения в них культурнее и утонченнее, чем привычные для клиента таксидэнс-холла.

«Нас было две пары, и ранним утром мы решили отправиться в кабаре. “Куда пойдём?” – спросила ЛаБелль. “Может, в ‘Рандеву’?” – предложил я. “Нет! – громко возразил Большой Билл Хэнсон, чугушник. – Не хочется идти в такое место для ‘крутых’. Пойдемте-ка лучше в Закуток Келли”. Похоже, девушкам больше понравилось предложение Большого Билла, и мы сказали таксисту, чтобы он отвез нас в ‘Берт Келлис’»³.

¹ Комментарий польского юноши, данный исследователю.

² Случай № 10.

³ Из отчета исследователя.

Вследствие этого ограниченного отбора такси-танцовщица, войдя через таксидэнс-холл в развлекательную жизнь города, вступает в контакт почти исключительно с самыми деморализующими городскими заведениями. Для иллюстрации этого факта можно привести следующий пример:

«Я мало где была в Чикаго. Ходила в “черные и светлые” кабаре. Была однажды в “Красном кафе”... Но никогда не ходила на шоу в даунтаун; была в маленьком кинотеатре неподалеку от места, где мы живем... В больших танцевальных заведениях я ни разу не была. Мне всегда туда хотелось, но из всей нашей шоблы никто туда не ходит»¹.

Ряд пресловутых «черных и светлых» кабаре, ряд заведений в злочном квартале Чикаго и пара печально прославившихся мест в деморализующих районах Нижнего Норт-Сайда составили круг ночных прибежищ, высоко ценимых в мире таксидэнс-холла.

8. Чувственные танцы и эксплуатация

Мотив эксплуатации распространяется и на тип танца, который многие такси-танцовщицы считают прибыльным практиковать и поощрять. Многие девушки, озабоченные тем, как бы повысить свои заработки, принимают стандартизированную форму чувственного танца, обычно практикуемую во многих залах. Индивидуальное решение касательно того, вовлекаться или нет в эту практику, является почти всецело экономическим приспособлением и в меньшей степени моральным выбором, чем обычно считается. Типичная установка выражена в следующей выдержке:

«Здесь можно просто посидеть в углу, если так не танцуешь. Я и стояла в стороне с 30 центами за первые две ночи, потому что не танцевала эти танцы, но теперь мне нравятся худшие из них. Две девушки здесь теперь со мной не разговаривают, но мне плевать. Я пришла сюда за деньгами»².

Перейти от честной аккомодации к экономической ситуации, в которой оказалась девушка, к оправданию собственного поведения соображениями эксплуатации очень легко. В таксидэнс-холле, где эксплуатация мыслится как использование любых средств для

¹ Случай № 19.

² Случай № 20.

получения денег и подарков на грани открытой аморальности, идея эксплуатации легко дает удовлетворительную рационализацию чувственных танцев. Такое поведение предстает как еще одно средство для «ловли рыбы», или эксплуатации мужчин.

9. «Сексуальная игра»

Мотив эксплуатации, характеризующий столь многие стороны жизни таксидэнс-холла, обнаруживается также в личной сексуальной философии и практике такси-танцовщицы. Термин «сексуальная игра» применительно к этой схеме жизни¹ означает соревнование в остроумии, в котором каждый осторожно подкрадывается к противоположному полу и в котором женщина откровенно использует свою сексуальную привлекательность как средство для достижения победы в игре.

Эта игра возникает совершенно естественным образом как случайное приспособление свободной женщины в мире мимолетных контактов. В этих случайных связях утилитарные интересы обычно одерживают верх над всеми другими. Девушке, пытающейся пробиться в подобном мире, перестройка кодекса поведения может казаться обязательной. Естественным результатом этого оказывается философия сексуальной игры.

Сексуальная игра часто мыслится и описывается как «золотодобыча», и эта схема жизни характерна не только для сезонной такси-танцовщицы, но и для многих других групп женщин, пытающихся преуспеть в мире случайных связей. Согласно Фрэнсис Донован², официантка находит в какой-то степени целесообразным для себя прибегать к такой практике. Если бы у нас были сведения, то, вероятно, выяснилось бы, что хористки, танцовщицы кабаре и даже многие продавщицы находят ту или иную форму сексуальной игры непосредственно выгодной.

Хотя, возможно, и нет базового паттерна жизни, в отношении которого среди опытных такси-танцовщиц было бы больше согласия, чем в их половой философии, имеющееся единообразие нельзя назвать целиком результатом их деятельности в танцевальном зале. Скорее это продукт их очень схожих опытов, предшествовавших вхождению в жизнь танцевального зала. Хотя они

¹ См.: *Donovan F. The woman who waits.* – Boston (MA): Badger, 1920. – P. 211–220.

² *Donovan F. The woman who waits.* – Boston (MA): Badger, 1920. – P. 213.

происходят из очень разных культурных бэкграундов, большинство из них, прежде чем попасть в таксидэнс-холл, прошли через во многом схожие переживания и пришли к схожим схемам жизни. По большей части это были молодые девушки, брошенные на произвол судьбы в беспечной, помешанной на деньгах городской жизни, почти лишенные действенного нравственного наставничества, которое бы направило их на путь истинный, не имевшие ни навыков, ни подготовки к зарабатыванию денег и некритично воспринявшие стандарты успеха, представленные в витринах магазинов и на бульварах.

В стремлении к материальному обустройству жизни, имеющему, судя по всему, такую первостепенную важность, девушка становится не только индивидуалисткой, но и откровенной оппортунисткой. Не имея возможности купить многие из стимуляций и страстно желаемых ею материальных благ на деньги, зарабатываемые в общепризнанных занятиях, она находчиво открыла финансовые возможности в собственной личности и своих женских чарах. Это приспособление – всего лишь незатейливая адаптация к требованиям ситуации, в которой нравственные соображения в удивительно большом числе случаев имеют сугубо второстепенное значение. По словам одной такси-танцовщицы, проблема сводится к тому, как «выжать максимум из того, что имеешь».

«Я хожу в зал не для того, чтобы с кем-то там дружить. Я хожу туда делать деньги. Я была там всего месяц, но уже знаю, как нарубить денюжат. Я должна выглядеть этаким горячей и легкомысленной, но девушке не следует танцевать нескромно, чтобы заработать. Я вполне обхожусь без таких танцев, но, может быть, потому что у меня хорошая фигура и правильно подобрана одежда... Вопрос лишь в том, чтобы выжать максимум из того, что у тебя есть. А все, что у меня есть, – это моя “сексапильность”»¹.

10. Формы сексуальных альянсов

Сексуальная игра совершенно естественно ведет к беспорядочности в половых связях. Из этих опытов возникло несколько форм, или паттернов, сексуальных альянсов, которые, хотя и привнесены извне, стали тем не менее неотъемлемой частью мира таксидэнс-холла. В ряде случаев эти привнесения значительно изменились, приспособившись к экономическим требованиям ситуации.

¹ Случай № 15.

Нагляднее всего это видно в случае «множественного альянса» – аномального приспособления, о котором сообщалось лишь в отношении очень немногих кругов за пределами таксидэнс-холла, хотя оно вполне могло бы развиваться и в других обособленных мирах.

Любовница. – Среди этих различных внебрачных союзов выше всего по статусу связь с любовницей. Как и в случае других форм незаконной половой активности, связанных с таксидэнс-холлом, в отношении любовников друг к другу присутствует значительная доля личного интереса и симпатии. Кроме того, есть вполне определенные и хорошо понятные стандарты преданности и верности. Очень часто в подобном союзе мало взаимного торга. Скорее это кооперативная связь, в которой мужчина, в терминологии таксидэнс-холла, либо «платит за аренду», либо «покупает продукты», либо делает то и это. Такие альянсы могут длиться несколько месяцев.

Множественный альянс. – Реже встречается упорядочение, которое можно назвать «множественным альянсом». Вместо того чтобы хранить «верность» одному мужчине, девушка достигает договоренности, по которой соглашается быть верной трем-четырем мужчинам, которые могут быть даже знакомыми друг с другом. Через отдельные связи с каждым из этих мужчин удовлетворяются финансовые требования.

«Энн была не из тех, кого вы назвали бы беспорядочными. У нее была договоренность с четырьмя приятелями, и по этой договоренности она нами четырьмя ограничивалась. Она отобрала нас, а затем обратилась к нам с предложением. Каждый из нас вносил какую-то лепту. Двое оплачивали ей аренду, третий покупал ей продукты, четвертый покупал кое-какую одежду. Между нами никогда не было ревности. Мы часто встречались у нее дома и вместе прожигали там время. Шутили, кому на этот раз оставаться. Когда наступала полночь, она поворачивалась к неудачливым и говорила: “Ну все, ребята, вам пора домой”. Потом, на следующую ночь, она выбирала другого. Никто не ревновал, потому что... ну мы ведь хорошо знали Энн... Насколько всем нам было известно, она была верна нашей компании все время, пока эта компания существовала, – а длилось это больше четырех месяцев»¹.

Свидание на ночь. – Есть, наконец, свидание на ночь, и это довольно частая практика. Вместе с тем следует заметить, что деятельность этого рода быстро принимает характер скрытой проституции.

¹ Случай № 27.

11. Романтический импульс

На предыдущих страницах отмечалось, что схема жизни танцовщицы содержит в своей основе акцент на эксплуатации. Идет ли речь об установке девушки по отношению к клиентам, азиатам, посещению ночных притонов или «сексуальной игре», везде ясно видна установка эксплуатации – иначе говоря, стремление получить как можно больше ни за что. Это не только собственная позиция такси-танцовщицы, но и, в более консервативной ее форме, несомненно, установка, принятия которой желают от девушек хозяева заведения. На практике, однако, мотив к эксплуатации постоянно рушится другой силой – романтическим импульсом. Хотят того люди или не хотят, романтический импульс расцветает в этой обстановке во всю силу – до такой степени, что хозяева заведения принимают его как неизбежный недостаток своего бизнеса.

«В первые годы, пока мы поднимали нашу школу на ноги, мы пытались удерживать девушек от того, чтобы они уходили с клиентами. Ввели даже правило, что любая девушка, которая встречается с мужчиной у подножия лестницы, будет уволена. Но все без толку. Они просто стали встречаться с ними на углу в квартале отсюда. А если мы им говорили, что не надо с ними встречаться на углу, то они встречались с ними в ресторане. Так что мы это дело бросили. Пока парни остаются парнями, а девушки девушками, их так или иначе тянет друг к другу»¹.

Общей установкой танцовщицы по отношению к клиентам может быть установка эксплуатации, но с течением времени она приходит к тому, чтобы делать «исключения». Ей начинают «нравиться» некоторые мужчины, и жесткая коммерческая система танцевального зала обрушивается. Вместо того чтобы требовать от своих любимых поклонников билет, она часто дарит им «бесплатные танцы», добровольно отказываясь от получения дохода с тех, к кому она благоволит. Даже обширной системы «сборщиков билетов», которые крутятся среди танцовщиц во время каждого танцевального номера, требуя от каждой оторвать им часть от каждого билета, недостаточно, чтобы сдержать эту тенденцию. Прибегая к той или иной хитрости, танцовщица находит способ обойти эту систему и успешно отказывается по крайней мере от части дохода, приносимого танцами с особенно близкими друзьями.

¹ Свидетельство хозяина заведения.

Романтический импульс функционирует также в установке девушек по отношению к азиатам, особенно филиппинцам. Относясь первоначально к филиппинцу как к объекту эксплуатации, многие со временем принимают в отношении него совершенно другую установку.

«Филиппинцы славные ребята. Не знаю, в курсе ли вы, но я помолвлена с филиппинцем. И я люблю его. Как раз сейчас я пытаюсь решить, люблю ли я его достаточно сильно, чтобы бросить все ради него. А если я выйду за него замуж, то уже не брошу. Даже если окажется, что я ошиблась, я буду верна ему, пока он будет верен мне. Если уж выходить замуж, то навсегда.

Если мы поженимся, то поедем жить на Острова... Ведь там не должно же быть больших предрассудков, правда?.. Не возражаю, если у меня ребенок будет немного смуглый. Я видела таких детишек. Они не сильно отличаются от наших и кажутся мне очень даже симпатичными»¹.

Преимущества филиппинца перед другими азиатскими группами объясняются такими факторами, как его восточная культура, представленная испанскими влияниями на Филиппинском архипелаге, его учтивые манеры, элегантная одежда и вежливость, возможная для него романтическая роль любовника-испанца. Девушке с ограниченным знанием мира филиппинец кажется особенно привлекательной и романтической фигурой.

«Когда я начала танцевать в холле, я многого не знала. Я даже не знала, кто такие филиппинцы. Я думала, что это киноактеры или что-то вроде того. Они были всегда аккуратно одеты и хорошо ко мне относились; я была ими очарована. Они водили меня в хорошие места, все время катали в такси. Я думала, что они, должно быть, богатые»².

Особенно в случаях, когда девушка не удовлетворена своим прошлым, теми возможностями, которые ей давали другие приятели-мужчины, или тем, как они с ней обращались, вежливость и обходительность филиппинца дает ей лучшее представление о самой себе. В таких условиях такси-танцовщица очень часто начинает проявлять к нему романтический интерес.

В некоторых случаях романтический импульс, реагируя на низменные акцентировки таксидэнс-холла, получает дополнитель-

¹ Случай № 21.

² Случай № 19.

ную силу и может даже перерасти в наивное принятие индивидуалистической философии, наводящей на мысли о доктринах «свободной любви».

«Я верю в любовь, пусть даже у меня никогда ее не было... Да, у меня было много такого, что заставляло в нее не верить, но если бы я и в самом деле не верила, что у меня, возможно, будет настоящая, подлинная любовь, то я бы, наверное, предпочла умереть... Мне было бы все равно, что это за человек, ведь я бы так его любила. Меня бы не интересовало, чем он зарабатывает на жизнь. Не люблю спиртное, но если бы это был бутлегер или даже сборщик мусора, а я любила бы его, то я бы вышла за него замуж. И кому какое дело до того, чем занят мой муж. Это был бы мой муж, и это было бы его дело...

Любовь гораздо важнее женитьбы. Ведь что есть, в конце концов, брак? Священник что-то говорит над твоей головой, но слова эти ничего не значат, если ты не любишь своего мужчину»¹.

Романтические интересы идут вразрез с безличной коммерческой системой таксидэнс-холла, и то тут, то там отрицают ее. Между тем личный романтический интерес одного дня может стать утилитарным интересом следующего. Как только такси-танцовщица замечает в объекте своих нежных чувств попытку ею воспользоваться, ее искренний романтический интерес быстро сменяется разочарованием, цинизмом и обидой.

Из этих конфликтующих импульсов и дезорганизирующих деятельностей у танцовщиц и клиентов формируются их стандарты и практики, их особые схемы жизни. Широкий спектр даваемых таксидэнс-холлом удовлетворений, его особая лексика и особые способы действия, интерпретации действий, кодекс, организация и структура, доминирующие в нем схемы жизни – вот главные факторы социального мира таксидэнс-холла, под влиянием которых формируются деятельности, представления о жизни и философия жизни такси-танцовщицы.

Глава VIII. Происхождение таксидэнс-холла

У таксидэнс-холла, как и у любого другого института, есть своя естественная история. Его взлет и эволюция были продуктом определенных естественных сил, и в своем эволюционном разви-

¹ Случай № 12.

тии он прошел через последовательность шагов, или «стадий», каждая из которых была продуктом предыдущей стадии и в то же время подготавливала почву для следующей. С этой точки зрения на передний план выходят происхождение и эволюция этого института, а стоящие за ним личности становятся менее значимыми. И это согласуется с фактами. Ибо рождение таксидэнс-холла не есть результат тлетворных махинаций небольшой группы целеустремленных людей; скорее это естественная коммерческая реакция на более или менее непроявленный и ясно не выраженный экономический спрос. Многие личности сыграли роль в его истории, но по большей части они участвовали в ней, не зная тенденций самого института, а во многих случаях – даже не понимая, что происходит становление нового института. Незапланированный и неконтролируемый, этот институт следовал определенной линии развития, вероятно, не во всем совпадающей с желаниями любого отдельного человека, участвующего в его росте.

За недолгое время своего существования таксидэнс-холл прошел через три отдельные стадии развития. Первой стадией было начальное движение, явленное в неформальной и по большей части неопознаваемой отзывчивости некоторых танцевальных заведений к новым экономическим требованиям. Второй была стадия институционального осознания, когда многие владельцы стали понимать, что создают новый тип заведения и, стало быть, не просто совершенствуют и стандартизируют свои методы управления, а развивают подходящие паттерны для этого типа. Третья стадия представляет период острой конкуренции и вытекающей отсюда специализации разных заведений.

Примечательно, что зародились таксидэнс-холлы примерно в годы Мировой войны, когда мы как нация были вовлечены в величайший период социальных реформ в нашей истории. Наверное, не просто совпадение, что первые шаги в эволюции к паттерну таксидэнс-холла случились вскоре после того, как развернулось общенациональное движение за искоренение в наших городах сегрегированных ареалов порока, и осуществлялись одновременно с локальными кампаниями против салунов и введением в стране сухого закона. Действительно ли эти реформистские меры, усугубленные разрушительным влиянием Мировой войны, проложили путь к таксидэнс-холлу – этого нельзя доказать. Тем не менее представляется вероятным, что прикрытие салунов и сегрегированных ареалов порока естественным образом благоприятствовало росту новых предприятий, их замещающих. Во всяком случае, таксидэнс-

холл возник как новый институт в послевоенный период – в одном ряду с «ночным клубом» и нынешними домиками у дороги.

Видимо, таксидэнс-холл уходит корнями в аккомодации и адаптации трех совершенно разных типов танцевальных заведений довоенного периода. Это были: во-первых, танцевальный зал «Варварский берег»; во-вторых, постепенное принятие системы танцев по таксе некоторыми танцевальными школами; в-третьих, вырождение в таксидэнс-холлы общественных танцевальных залов.

1. Танцевальный зал «сорокадевятка», или Варварский берег

На Дальнем Западе прямым предшественником таксидэнс-холла был «танцевальный зал Варварского берега», или, как его еще иногда называют, «сорокадевятка [‘49]». В этих заведениях танцы были лишь дополнением к распитию спиртного, и танцовщицы получали официальный доход за счет комиссионных от стоимости тех напитков, которые им удавалось заставить купить клиентов. О приснопамятном Варварском берегу в Сан-Франциско Уилл Ирвин пишет следующее:

«Варварский берег был шумным адским уголком. Никто не знает, кто его так назвал. Место представляло собой попросту три квартала сплошных танцзалов для увеселения моряков со всего света. Прекрасным оживленным вечером из всех дверей звучала громкая танцевальная музыка оркестров, паровых пианино и граммофонов; совокупным эффектом изливавшегося на улицу звучания были хаос и армагеддон. За вращающимися дверями могло происходить почти все что угодно. Несколько ярких и живописных имен и названий, характерных для этого места, иллюстрирует типичная полицейская история трех-четырёхлетней давности. Ад разверзся в танцевальном зале “Подмигивающий глаз”. Бучу затеял матрос, известный как Канака Пит, обитавший в доме “Как настроение?” над женщиной, известной под именем Йодоформная Катя. Канака Пит погнался за неким мужчиной, догнал его у “Маленького серебряного доллара” и изрешетил из пистолета. Побочным продуктом его стрельбы стали дырки у входа в “Подмигивающий глаз”. Их с гордостью берегли потом как память, и вроде бы они так там и оставались, пока заведение не сгорело во время пожара. Это самое дно, ниже не бывает»¹.

¹ *Irwin W.* The city that was // *The New York Sun.* – N.Y., 1906. – Apr. 21. – P. 21–22.

На пике своего развития Варварский берег в Сан-Франциско процветал и был местом, куда часто наведывались моряки, золотоискатели и странники со всего света.

«На протяжении ряда лет Варварский берег, известный от одного конца страны до другого, соперничал в безудержной страсти и вызывающем пороке с самыми печально известными притонами Европы. Танцы были одним из основных развлечений в ста с лишним залах; одно время там работало более 2 тысяч девушек»¹.

В позднейшей истории Варварского берега в его танцевальных залах находили себе место мужчины всех видов и положений, и их поведение было поразительно схоже с поведением клиентов будущих таксидэнс-холлов.

«Рыбаки, мусорщики, мойщики посуды, повара, официанты, моряки – все заявлялись в залы Варварского берега в рабочей одежде, разве что слегка “умывшись”. Они танцевали, не снимая своих шляп, все ели, курили, жевали жвачку. В толпе можно было разглядеть испанцев в ковбойских костюмах и сомбреро, с красными косынками и поясами. В одном из залов часто бывали торговцы. Один контролер вспоминает, как в зале продавали домашнюю птицу, а еще обезьянку.

Девушки были португалки, итальянки, француженки и американки, но больше всего было португалок и итальянок. Оркестры включали импресарио, входившего в число музыкантов, и состояли обычно из аккордеона, трубы, барабана и пианино. Стульев для мужчин не было, поскольку так они больше танцевали; они вставали поодаль и выстраивались плотной стеной. За этой стеной развлекались игрой в кости. Никого из полиции здесь не было, потому что как только кого-то пытались сюда зазвать, его всякий раз избивали»².

В 1913 г., когда «Берег» под непрерывным давлением общественности наконец ликвидировали, его клиентами были в основном обитатели местных трущоб и туристы³. И этот факт был использован как аргумент в пользу его уничтожения.

¹ Report of the Public Dance Hall Committee of San Francisco Center of California Civil League of Women Voters. – San Francisco (CA): The Center, 1923. – P. 7.

² Специальный отчет г-жи М. Элис Барроуз (Alice Barrows), главного инспектора общественных танцевальных залов (Сан-Францисский центр), для Чикагской ассоциации защиты подростков.

³ Report of the Dance Hall Investigation Committee of the Commonwealth Club of California.

В результате закрытия Варварского берега в прилегающих кварталах вырос институт, в котором распитие напитков было отделено от танцев и девушки могли получать от танца свой законный доход.

«В сентябре 1913 г. комиссар полиции запретил танцы во всех кафе, ресторанах и салунах, где продавалось спиртное. Это решение искоренило танцы на “Берегу” и привело к появлению так называемых “закрытых” залов в прилегающих районах. Там девушек нанимали для танцев с мужчинами-клиентами за комиссионные и жалованье. В этих залах танцы продолжались постоянно, практически без отдыха, и приносили большие доходы. Клиенты платили по 10 центов за танец, длившийся менее двух минут. В этих “закрытых” танцевальных залах работало около 600 девушек»¹.

Эти новые учреждения «закрытого» типа, или – как их позднее стали называть – таксидэнс-холлы, были чуть более разборчивы и в отношении клиентуры, и в отношении манер.

«В залах вне Варварского берега музыку исполняли профессиональные оркестры с постоянным составом. Занятые там девушки были итальянками, португалками, француженками и американскими ирландками; преобладали француженки и ирландки. От них ожидалось более внимательное отношение к внешнему виду, чем в залах Варварского берега; в эти залы не так свободно пускали мексиканцев, филиппинцев, китайцев и японцев; допуск слишком темнокожих клиентов регулировался. Кроме того, от клиентов ожидалось меньше вольностей в одежде, чем на Варварском берегу»².

Эти новые залы предназначались для обслуживания по большей части тех же групп, что и обслуживаемые старыми залами Варварского берега; по сути они были прямыми их наследниками. Вместе с тем метод организации и контроля в них был совершенно другим. Укороченные танцевальные номера и система билетов на танец, при которой девушка получала плату за работу исходя из того, сколько билетов ей удалось собрать, были впервые введены в этих заведениях Сан-Франциско³. Со стороны менеджеров этих заведений

¹ Report of the Public Dance Hall Committee of San Francisco Center of California Civil League of Women Voters. – San Francisco (CA): The Center, 1923. – P. 14.

² Из отчета г-жи Барроуз.

³ Report of the Public Dance Hall Committee of San Francisco Center of California Civil League of Women Voters. – San Francisco (CA): The Center, 1923. – P. 15.

не предпринималось почти никаких попыток закамуфлировать их под «танцевальные школы»¹; и в этом откровенном признании особого характера собственных учреждений, а также в вопиющих злоупотреблениях, которые там допускались, их противники находили все больше оправданий для враждебности по отношению к ним. Позже, когда эти заведения были слегка закамуфлированы под танцевальные школы, им было позволено легально существовать до 1921 г., пока комиссары полиции решительно не запретили нанимать женщин в такси-танцовщицы². Таксидэнс-холл, по крайней мере легально, стал для Сан-Франциско достоянием прошлого. Сегодня, благодаря эффективному надзору за танцевальными залами³, над тенденцией «танцевальных академий» к превращению в таксидэнс-холлы установлен постоянный контроль.

В Сिएтле переход от «сорокадевятки», или танцзала в духе Варварского берега, к таксидэнс-холлу не был полностью завершен, и во многих случаях сохраняются учреждения, в которых до сих пор платят комиссионные как за спиртное, так и за прокатные танцы.

«Ветераны полиции утверждают, что на самой заре истории Сिएтла, особенно во времена аляскинской золотой лихорадки, многие танцевальные залы существовали в соединении с барами. Присутствовавшие там девушки работали за комиссионные, получая деньги за проданное спиртное, а не как такси-танцовщицы. Примерно в 1910 г. открылось несколько танцевальных залов, в которых скомбинировались две идеи комиссионных – за танец и за спиртное. В то время в наших газетах их презрительно называли “танцзалы-сорокадевятки”. Они никогда не были совсем закрытыми, но после принятия сухого закона сильно изменились и существуют по сей день с девушками, работающими за комиссионные со спиртного и танцев»⁴.

¹ «Из вышесказанного вы заключите, что закрытый танцевальный зал в Сан-Франциско никогда не пытался притворяться танцевальной школой. Это притворство – позднейший шаг в эволюции. На самом деле в Сан-Франциско сегодня этого обмана практически нет, но он приобрел развитые формы в Нью-Йорке» (из личного письма Марии Уорд Лэмбин (Maria Ward Lambin), бывшего директора исследования сан-францисских танцевальных залов для Сан-Францисского центра).

² См.: Report of the Public Dance Hall Committee of San Francisco Center of California Civil League of Women Voters. – San Francisco (CA): The Center, 1923.

³ «От этих “академий” мы требуем по крайней мере внешних признаков действительного преподавания: отработки движений и танцевальной практики. Это, разумеется, работает как контроль над откровенным отклонением от идеи обучения» (из отчета г-жи Барроуз).

⁴ Об этом сообщает г-жа Э.У. Харрис (Mrs. E.W. Harris), суперинтендант женского отделения департамента полиции Сिएтла, в личном письме автору.

Таксидэнс-холл в его характерной форме можно также найти в Сиэтле и других городах Тихоокеанского побережья.

2. Принятие методов таксидэнс-холла танцевальными школами

В других частях страны таксидэнс-холл локально развивался из двух других танцевальных учреждений – танцевальной школы и общественного танцевального зала. В первом случае организация таксидэнс-холла возникла как побочный продукт интенсивной борьбы за выживание между самими танцевальными школами. Во втором случае конкурентная борьба между общественными танцевальными залами заставила те из них, которые были хуже расположены и оснащены, обратиться к схеме таксидэнс-холла как к средству предотвращения банкротства.

Хроника процесса диффузии с Западного побережья показывает нам силы, благоприятствовавшие и препятствовавшие внедрению во всей красе такого институционального паттерна, как таксидэнс-холл. В Чикаго система «билетов за танец» – неотъемлемая черта таксидэнс-холла – была впервые завезена не с Западного побережья, а из Нью-Йорка. Эту схему «билетов за танец», насколько нам известно, изобрел бывший хозяин одного из танцзалов Сан-Франциско, соединивший в своем нью-йоркском балльном зале систему очереди, обычную для танцевальных школ, с сан-францисской схемой «билетов за танец», с которой он был хорошо знаком¹. Любопытно отметить общественное сопротивление внедрению новой системы. В Нью-Йорке этот человек ввел систему таксидэнс-холла не *in toto*, а отобрал только один существенный элемент и соединил его с элементом, с которым город был хорошо знаком, а именно с системой очередей, принятой в танцевальных школах.

Именно этот гибрид и был импортирован уважаемым мастером танца в Чикаго:

«В моей танцевальной школе здесь, в Чикаго, были проблемы с тем, как удержать учеников после того, как они хоть немного научатся танцевать. При вошедших в моду упрощенных танцевальных движениях можно было, взяв всего несколько уроков, стать “более-менее” пригодным для выхода на танцпол. Летом

¹ Из информации, предоставленной Марией Уорд Лэмбин, директором исследований танцевальных залов Сан-Франциско и Нью-Йорка.

1919 г. я был в Нью-Йорке и посетил там новую студию, открытую г-ном У.У. из Сан-Франциско. Он ввел там схему десятицентовых билетов за танец. По возвращении домой я продолжал думать об этой схеме, рассчитывая с помощью нее побудить своих продвинутых учеников чаще возвращаться и пробовать танцевать с разными инструкторами.

Так я решил ввести систему «десять центов за урок» в большом зале на третьем этаже своей школы. Я нанял хороший оркестр, поставил туда одну опытную пару средних лет и думал, что больше у меня проблем не будет. Но вскоре я заметил, что танцевать приходят вовсе не мои бывшие ученики, а неотесанные хулиганские элементы с Кларк-стрит... Дела пошли даже хуже, чем раньше; самое большее, что я мог сделать, – это удерживать хулиганов под контролем. Но мы все время боялись драк и нарушений общественного порядка, так что в конце концов я от этой схемы отказался»¹.

Меж тем владелец другой уважаемой чикагской танцевальной школы обратил внимание на эту систему и ввел ее в своей танцевальной академии в Петле. При этом сохранилась и схема очереди. Эта первая в Чикаго попытка соединить систему очередности со схемой «билет-за-урок» описывается в документах Ассоциации защиты подростков следующим образом:

«В 9 часов было объявлено, что каждый желающий приобрести билеты на разовые танцы может купить их у конторки, за которой сидели два молодых человека... Эти разовые билеты продавались по 10 центов за штуку. Затем всех молодых людей усадили на стулья в левой части зала, а девушки выстроились в линию и по сигналу барабана двинулись вперед, тем самым образуя пары для танца»².

Новый хозяин, сознавая новые элементы в плане организации, все еще воспринимал свое заведение как «танцевальную школу»:

«Перенимая у Джонсона идею 10 центов за урок, я думал, что это всего лишь новый способ организации танцевальной школы, дающий ученикам возможность танцевать с разными инструкторами. Я думал, что при цене 10 центов за танец люди, вероятно, будут платить вечером больше, чем если бы им нужно было сразу выложить 1–1,5 доллара, как это было раньше. Я всегда заставлял девушек в начале каждого танца выстраиваться в очередь, так чтобы мужчины брали девушку в голове очереди, как это было у Джонсона.

¹ Из интервью с г-ном Годфри Джонсоном (Godfrey Johnson) (студии Мейдер-Джонсон).

² См. документы Ассоциации защиты подростков.

В скором времени я стал замечать, что многие приходившие мужчины были хорошими танцорами. Когда я впервые понял, что эти парни все время возвращаются сюда просто для того, чтобы с кем-то потанцевать, я громко рассмеялся. До этого времени я бы ни в жизнь не поверил, что есть парни, готовые платить так много просто за шанс потанцевать... Иногда я замечал, что некоторые парни всегда хотят танцевать с определенными девушками, но я им этого не позволял, за исключением тех случаев, когда они брали себе инструктора по часовой ставке... Я управлял залом всего год, но все время думал о нем как о танцевальной школе – а не как о месте, где дают напрокат танцевального партнера»¹.

Хотя владельцы залов сознавали изменение клиентуры после введения системы билетов по «десять центов за урок», но все же не без сопротивления, которое нужно было разрушить. Будучи сами мастерами танца со статусом в своей профессии и многолетним опытом за плечами, они либо не улавливали в полной мере экономических возможностей новой клиентуры, либо не были готовы пуститься в рискованное предприятие.

Оставалось лишь какому-нибудь «человеку извне», «чужаку»² с малым социальным статусом в городе, понять все экономические возможности этой новой системы и решиться привести ее в действие. Первым, кто решился это сделать, был некий греческий иммигрант, чужой человек в городе, которого не сдерживали ни сложившиеся здесь обычаи, ни ограниченные взгляды хозяев утвердившихся танцевальных школ. Самый ранний документ об этом начинании, хранящийся в архивных досье Ассоциации защиты подростков и датированный 10 мая 1921 г., гласит:

«Офицер посетил этот танцевальный зал и школу обучения танцам в 10 часов вечера. Пять молодых людей, греки и итальянцы, околачивались около дверей, а сам зал, размером с трамвайный салон, находится на третьем этаже Хеймаркет-Бурлеска на Вест-Мэдисон-стрит. Этим местом заправляет грек. Клиенты платят по 10 центов за танец, им выдают билет, и с каждого билета девушка получает 5 центов. Играло механическое пианино, и присутствовало семь девушек, так называемых инструкторов»³.

¹ Интервью с бывшим владельцем Колониальной танцевальной академии.

² См. обсуждение экономической и социологической значимости «чужака» в: *Sombart W. Quintessence of capitalism.* – L.: Fisher Unwin, 1930. – P. 292–307.

³ Выдержка из документации Ассоциации защиты подростков.

Так скромно и незаметно в Чикаго появился первый таксидэнс-холл¹.

Значительным изменением в системе управления, которое осуществил этот владелец, г-н Николас Филократес², было упразднение старой рутины «очередности», при которой клиент был вынужден принимать партнершу, стоявшую в ряду танцовщиц прямо напротив него, и введение схемы, при которой клиентам позволялось самим выбирать себе партнерш. Так был сделан еще один решающий шаг в направлении таксидэнс-холла. Вот как рассказывает об этом сам г-н Филократес:

«В 1920 г., вернувшись после поездки на Западное побережье в Чикаго, я решил открыть свою школу. Первым делом я побывал в разных школах, и выяснилось, что г-н Свонсон в Колониальной танцевальной академии был единственным, у кого использовалась схема билетов за урок.

При этом оказалось, что г-н Свонсон не разрешал ученикам самим выбирать себе инструкторов. Он использовал старую систему «очереди». Это означало, что успех ученика в получении подходящей партнерши был делом случая. Иногда ему доставалась хорошая танцовщица, соответствующая его росту и вкусу, которая могла танцевать с ним те танцы, которые он хотел; но чаще всего такая удача ему не подворачивалась. По большей части он тратил деньги на девушек, с которыми вообще не хотел танцевать...

Со схемой «очереди» возникало еще одно затруднение. Всегда нужно какое-то время, чтобы выстроить их и разбить на пары. Больше половины времени люди не танцевали, а наши расходы при этом оставались такими же. Было бы лучше, сказал я себе, ввести такую схему, при которой не тратилось бы впустую столько времени.

Я знал о схеме «билет-за-урок», применявшейся на Тихоокеанском побережье – я был там в нескольких залах, – и потому знал, что идея дать ученикам возможность выбирать себе инструкторов будет хорошо работать, когда люди к ней привыкнут. Поэтому я стал потихоньку ее внедрять, и это принесло успех»³.

Руководящий принцип управления, которому следовал г-н Филократес, заключающийся в том, что клиенту надо позволить самому

¹ См. описание небольшого таксидэнс-холла, действовавшего под видом «частного клуба» только для греков и опередившего на несколько месяцев Афинскую танцевальную школу. Танцевальный клуб «Аполлон» прекратил существование 22 февраля 1922 г. (документы Ассоциации защиты подростков).

² Это и все последующие имена владельцев таксидэнс-холлов были изменены.

³ Из интервью с владельцем.

выбирать себе партнера по танцам, пришел напрямую из его наблюдений таксидэнс-холлов Тихоокеанского побережья. Вместе с тем в Чикаго таксидэнс-холлы прочнее соединились в умах владельцев и клиентов с понятием танцевальной школы, чем это было в Сан-Франциско. Это различие было, по крайней мере отчасти, обусловлено тем, что изначально владельцев воодушевляла идея настоящих танцевальных школ и они твердо верили, что схему билетов за танец можно внедрить в организацию законной танцевальной школы.

Однако острая конкурентная борьба за существование с другими, более прочно закрепившимися танцевальными школами делала необходимой почти слепую аккомодацию этого института к новой клиентуре, которая, при всей ее невнятности, делалась ощутимой у кассы. Раскованные греко-американцы, бывшие первыми владельцами чикагских таксидэнс-холлов, хотя и отставали в других отраслях публично-танцевального бизнеса, совмещали в себе самые важные предпосылки для успешного внедрения таксидэнс-холла. Во-первых, они уже находились в повседневном контакте с целой массой потенциальных клиентов такого учреждения: жильцами доходных домов, которые, как и они, были несколько неуместны в обычных общественных танцевальных залах. Во-вторых, в силу свободного передвижения по стране некоторые из этих греко-американцев познакомились с таксидэнс-холлом в других городах, и им было легко представить его внедрение в Чикаго. Наконец, все они были новичками в танцевальном бизнесе и не достигли в нем профессионального статуса. Решая испытать сомнительную форму общественного танцевального зала, они могли получить все, и им почти нечего было терять. У этих предпринимателей было мало личных, профессиональных и культурных уз, связывающих их с Чикаго и с традиционными американскими стандартами благопристойности. Благодаря этому они могли яснее и объективнее видеть некоторые человеческие связи и решительнее развивать тип предприятия, в котором были шансы получить прибыль.

Даже если некоторые из этих первых греко-американских владельцев и были искренне заинтересованы в развитии легитимных танцевальных школ с помощью схемы билетов за урок, сама эта система, делая возможной частую смену партнерш, неизбежно притягивала скорее тех, кто искал партнерш, чем тех, кто желал добросовестного обучения танцам. Так новое предприятие, задуманное изначально как «танцевальная школа», мало-помалу и почти неощутимо приспособлялось к клиентуре, дающей ему непосредственную поддержку. Такие элементы, как студии для частных уро-

ков и занятия по уровням, предполагавшиеся в первоначальных планах, были отброшены как неприбыльные, и этот бизнес утвердился в облегченной форме, продолжая именовать себя «танцевальной академией».

3. Превращение общественного зала для танцев в таксидэнс-холл

Общественные залы для танцев, уступающие в конкуренции с другими танцевальными залами, тоже могут быть началом развития таксидэнс-холла. Когда общественный танцевальный зал оказывается невыгодно расположен для конкуренции с другими, более благоприятно расположенными и лучше оборудованными танцевальными залами, он может быть вынужден либо реорганизоваться в таксидэнс-холл, либо прогореть.

В последнее десятилетие, когда произошло значительное изменение в характере и местоположении лучших общественных танцевальных залов, борьба старых танцевальных залов за выживание особенно обострилась. В Чикаго наблюдался поразительный тренд в сторону крупного и изысканно оборудованного общественного бального зала, посещаемого как мужчинами, так и женщинами и располагающегося в развлекательных центрах в радиусе нескольких миль от Большой Петли. Это значимое изменение можно ясно увидеть на картах III и IV*, где показаны расположения лицензированных танцевальных залов, соответственно в 1910 и 1927 г. Отметим, что за период с 1910 по 1927 г. число маленьких танцевальных залов сильно сократилось, но взамен выросли новые, значительно более крупные бальные залы в новых центрах развлечений на значительном расстоянии от центра города. Именно с этими новыми «на миллион долларов» – или «потрясающими» – залами маленьким, плохо оборудованным залам приходится теперь конкурировать.

С быстрой экспансией города в центре и дальнейшим выдвиганием примыкающих ареалов заустения вовне эти старые залы, расположенные по большей части в центре, часто вынуждены приспособливаться к совершенно новой клиентуре, если хотят выжить. Эти изменения принимают форму либо понижения стандартов надзора и поведения в учреждении, либо изменений в институциональной организации, призванных привлечь других клиентов.

* Здесь карты не приводятся. – *Прим. пер.*

Первую из этих альтернатив мы находим в истории танцзала «Виста», расположенного на Восточной сорок седьмой улице, в переходном ареале сразу к востоку от Черного пояса. Попытки менеджмента ответить на новую конкуренцию снижением стандартов, но без введения иной структуры, такой как таксидэнс-холл, наглядно отражены в документации Ассоциации защиты подростков¹. Самый ранний отчет показывает нам небольшой общественный танцевальный зал с вежливыми посетителями, незначительным формальным надзором, но с консервативными танцами.

«15 мая 1920 г. – В 8.30 в зале присутствовало около 300 человек, но толпа росла и достигла максимума, 500 человек, в 11 часов. Большинство девушек были в возрасте около 18 лет и старше... Танцы были современные: фокстрот, уанстеп и – со стороны отдельных пар – легкое покачивание. По сравнению с другими танцевальными залами, танцы здесь были довольно консервативными. Музыка, хотя и джазовая, не была дико синкопирована. Никакого надзора за танцующими на площадке со стороны менеджмента не осуществлялось».

В последующие шесть месяцев число посетителей значительно упало, хотя отмечался существенный рост числа чувственных танцев. Первой реакцией менеджмента на это изменение была попытка ввести формальный надзор.

«15 января 1921 г. – Похоже, хозяева честно пытались отстоять чистые танцы и отчасти в этом преуспели. У них было двое мужчин, ходивших туда-сюда по залу в течение всего вечера, и всякое аморальное поведение сразу привлекало их внимание. Большинство пришедших принадлежало, по всей видимости, к лучшему классу, и, по-видимому, у них не было ни малейшего желания создавать проблемы».

Лучше, однако, не стало. Стала бросаться в глаза другая клиентура. Сообщалось о еще более непристойных танцах и чувственной музыке. Надзор прекратился. Очевидна попытка обеспечить достаточную женскую клиентуру, выраженная в предложении свободного входа для женщин ночью по некоторым дням недели.

¹ Последующие выдержки взяты напрямую из документа Ассоциации защиты подростков.

«10 апреля 1921 г. – В зале очень тусклое освещение, никаких попыток надзора. Замечено много непристойных танцев. Во время перерывов девушки садились к мужчинам на колени. Оркестр довольно хорош. Было сыграно несколько вальсов и тустепов, но танцы под эту музыку были такими же непристойными, как и когда игрались фокстроты и уанстеппы. Управляющий объявил, что в следующие вторник и среду вход для женщин вечером будет бесплатным».

В последующие три месяца условия в зале ухудшились еще больше. Теперь его посещала лишь небольшая группа молодежи. Они обижались на всякие попытки за ними присматривать. Менеджмент, сознавая теперь свою зависимость от этой небольшой группы клиентов, позволял им почти любое поведение.

«14 июля 1921 г. – В 10:30 вечера 50 человек танцевали под музыку виктролы. У девушек, едва ли не у всех, были чрезвычайно короткие платья и приспущенные чулки. Танцы были такие же непристойные, какие работник видел повсеместно, и явно не делалось никаких попыток их контролировать. Сказал управляющему, что к нам поступило несколько плохих сообщений о зале. Он ответил, что готов навести порядок, если другие залы Саутсайда сделают то же самое. Он сказал, что как они ни пытались заставить людей прекратить танцевать шимми, те говорили ему, что могут пойти в “Кристалл” и танцевать там все, что хотят, грозились увести из зала кучу друзей».

Так изображается тяжелое положение маленького танцевального зала в упадочном ареале, хуже оборудованного и находящегося в конкуренции с «дворцом танцев» в близлежащем центре развлечений. Уже теряя деньги, он при попытке быть respectable мог лишь потерять еще больше денег.

«8 января 1922 г. – Посетил в 10:00 вечера. Присутствовало небольшое скопление людей. Музыка хорошая, танцы только пристойные. Мисс К. сказала, что они теряют деньги каждую ночь работы, что “Полночные сады” [новый богато украшенный “дворец танцев” в тринадцати кварталах отсюда] разрушили их бизнес».

Теперь управляющий признавал танцы неподобающими, но бизнес, по его словам, находился в таком плачевном состоянии, что ему приходилось «немного им попустительствовать». Управление залом перешло в другие руки, и наконец, после череды неудач в качестве танцевального зала, здание переоборудовали в бильярдную.

Здесь виден цикл вырождения танцевального зала с доброй репутацией. При неблагоприятной конкуренции менеджмент пробует разные адаптации, пытаясь сохранить учреждение. Но в итоге танцевальный зал капитулирует перед этими незримыми экологическими силами и идет по пути всех прочих предприятий, неудачно расположенных для обслуживания своей клиентуры.

Изменение в организации, позволяющее привлечь другую клиентуру, – еще одно средство, с помощью которого танцевальный зал может сохранить себя вопреки все более проигрышному местоположению. Таксидэнс-холл есть одна из форм реорганизации, оказавшаяся в Чикаго эффективной для защиты предприятия от неблагоприятных экологических изменений. Этот тип приспособления к новым условиям виден в истории зала «Виктория», неблагоприятно расположенного в Вестсайде на пересечении Вестерн-авеню и Мэдисон-стрит. На протяжении многих лет он был штаб-квартирой г-на Дж. Луиса Гийона, дававшего частные уроки танцев и проводившего в зале общественные балы. Примечательно, что он слыл ярым поборником «чистого танца», даже вопреки характеру прилегающего соседства. Отчет Ассоциации защиты подростков за декабрь 1912 г. показывает нам благопристойность, на которой настаивали в этом общественном танцевальном зале.

«Это отличный, хорошо регулируемый зал. Профессор Гийон, маэстро танца, весь вечер был на площадке. Многие из собравшихся были, видимо, его учениками и танцевали очень хорошо. *Мужчины не приглашали на танец незнакомых женщин*»¹.

Несмотря на быстро разлагающееся соседство, г-н Гийон поддерживал в зале высокие стандарты все время, что в нем был. Сам он рассказывает об этом так:

«В танцевальный бизнес я впервые пришел в 1909 г. в зале “Виктория”. Первую неделю я выгонял за ночь по полторы сотни мужланов, пока не дал им понять, что за место я намерен здесь сделать. Какое-то время я терял деньги, но скоро посетителей у меня прибавилось. Кроме того, я начал давать уроки танцев. Я оставался там до 1914 г., когда собиравшиеся ко мне толпы стали слишком велики для “Виктории”; я стал популярным и взял в аренду бальный зал “Страна грез”. Там мне снова пришлось наводить порядок. В 1916 г. я построил бальный зал “Парадиз”, и с тех пор я там»².

¹ Документация Ассоциации защиты подростков. Курсив автора.

² Из интервью с г-ном Дж. Луисом Гийоном (J. Louis Guyon). Цитируется с его разрешения.

Когда г-н Гийон покинул зал «Виктория» и перебрался впоследствии в свой красивый и просторный бальный зал «Парадиз», он увел за собой много клиентов, которые годами к нему ходили. Менее выгодно расположенной «Виктории» пришлось теперь бороться за клиентов с более свежей, красивой и просторной обстановкой нового заведения г-на Гийона – а также с другими «восхижительными дворцами танцев».

Старый зал «Виктория» после того, как г-н Гийон его покинул, не раз переходил в руки новых владельцев, но никому из них не удалось привлечь постоянную клиентуру. Какое-то время его сдавали для проведения особых танцевальных мероприятий, но в конце концов сдали в долгосрочную аренду с расчетом на то, что он будет вновь открыт как общественный танцевальный зал. Рассказ владельца показывает неспособность нового хозяина, лишенного престижа, выстроить клиентуру общественного танцевального зала, особенно в условиях конкуренции с прежним владельцем, открывшим гораздо более привлекательное танцевальное заведение. Его упорные попытки преодолеть дефицит клиентов из числа молодых женщин наглядно показывают, как могла развиваться организация таксидэнс-холла.

«Раньше я управлял залом “Виктория”, еще до того, как его приобрели греки. Я арендовал зал на три ночи в неделю, рассчитывая, что смогу привлечь в зал кучу людей. Это было после того, как Гийон перешел в свое большое место. У меня было полно парней, приходивших ко мне в зал из-за сравнительно низких цен. Но всем дамам хотелось в новые места.

Поэтому я решил уменьшить плату за вход для девушек, чтобы они ходили ко мне. Но единственными, кто приходили, были дамы, такие на вид, будто они совсем бедные и у них за душой ни гроша. И я сказал себе, что надо бы затаскать сюда сколько-то красивых дамочек для этих парней, не то они перестанут ко мне ходить. Тогда я стал приплачивать дамам со стороны, чтобы они сюда ходили. Но это не очень хорошо работало; со многими из парней, собиравшихся в моем зале, девушки отказывались танцевать. Иногда девушки предпочитали танцевать друг с другом, а не с парнями.

В конце концов я сделал зал “10 центов за танец”, такой, как у греков с северной Кларк-стрит, и платил девушкам по пятаку за танец. Я думал, что это должно сработать, но у меня никогда не собиралось достаточно много людей, чтобы хватало оплатить аренду, девушек и оркестр. Поэтому в конце концов мне пришлось все это бросить и продать грекам. Так вот они здесь и появились»¹.

¹ Из интервью с бывшим владельцем.

Сами требования ситуации вынуждали танцевальное учреждение либо пересмотреть свою систему организации, либо прекратить существование.

Итак, мы видим, что первый период естественной истории таксидэнс-холла включает отзывчивость трех разных типов танцевальных учреждений к потенциальной клиентуре таксидэнс-холла. На западе страны, откликаясь на изменения в общественных настроениях, превращались в таксидэнс-холлы танцевальные залы «сорокадевятки», или «танцзалы Варварского берега». В других частях страны почтенные танцевальные школы, реагируя на падение кассовых сборов, становились постепенно таксидэнс-холлами, заимствуя в какой-то мере у танцевальных школ их претензии на респектабельность. Третьей институциональной адаптацией был переход от конвенционального общественного танцевального зала к таксидэнс-холлу, обусловленный новой конкуренцией и изменившимся характером сообщества.

Так тремя разными способами¹ возник новый институт со своей особой структурой, отвечающей запросам группы кочевых, несемейных, социально изолированных мужчин, не обеспеченных должным образом общественными танцами. Как и в случае других новых институтов, таксидэнс-холл вынужден был приспособляться к возможным реакциям общественного мнения и адаптироваться к различным группам внутри своей клиентуры.

¹ Интересно отметить, что эти три линии развития довольно хорошо согласуются с рядом видных концепций и точек зрения в нынешней социологии и антропологии. Расползание по стране «сорокадевятки» можно рассматривать как диффузию, второй тип развития – как институциональную аккомодацию и адаптацию, третий – как экологический процесс.

Эверетт В. Стоунквист

МАРГИНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Концепция маргинального человека – одна из наиболее оригинальных в наследии Чикагской школы. «Маргинальный человек» (1937) – единственная монография Э.В. Стоунквиста (1901–1979) – содержит наиболее полное и развернутое изложение этой концепции. Обычно обращается внимание на социально-психологический анализ маргинальности, представленный в этой книге. Однако концепция маргинального человека не сводится к психологии. Маргинальный человек рассматривается как специфически современный тип личностной организации, возникающий в специфически современных условиях в ответ на миграции и производимые ими встречи и конфликты ранее разделенных культур. Стоунквист рассматривает несколько маргинальных ситуаций, в которых формируются черты, характерные для маргинальной личности («расовые гибриды», «культурные гибриды», иммигранты первого и второго поколений в больших городах, англо-индийцы в Индии, «капские цветные» в Южной Африке, «индоевропейцы» Явы, мулаты в США, метисы в Бразилии, европеизированные африканцы, вестернизированные азиаты и т.д.). В зависимости от разных ситуаций и частных случаев конфигурации маргинальной личности несколько различаются, и в них преобладают разные роли (националистическая, посредническая, изгоя, агента господствующей группы и т.д.). Все эти различия – разные конфигурации личностных черт, разные роли, разные организации индивидуальных биографий – подробно разбираются Стоунквистом. Ниже приведены три главы из его книги.

Перевод сделан по изданию: Stonequist E.V. The marginal man: A study in personality and culture conflict. – N.Y.: Russell & Russell, 1961. – P. 120–138, 201–222. Перевод публикуется впервые.

Глава V. Жизненный цикл маргинального человека

Введение

До сих пор обсуждение было посвящено в основном анализу особых типов ситуаций, в которых можно наблюдать маргинального человека. Это были ситуации лиц смешанной крови, европеизированных африканцев, вестернизированных азиатов, денационализированных европейцев, эмансипированных, «ассимилированных» евреев, иммигрантов в процессе ассимиляции, второго поколения иммигрантской группы и негров в США. Упор делался на социальные последствия определенных общих процессов, таких как миграция и расовое смешение, диффузия культуры и культурный конфликт, как они проявляются в частных случаях. В ходе обсуждения были прорисованы некоторые параллели и контрасты. В этой и пяти следующих главах нас будет интересовать главным образом личность маргинального человека: как она отражает развивающуюся ситуацию 1) в терминах общего паттерна развития, 2) в типичных психологических особенностях и 3) в ролях, или формах приспособления или неприспособленности.

При сравнении разных конкретных ситуаций становится очевидно, что специфическими расовыми и культурными различиями при анализе можно пренебречь. Сегодня маргинальная личность обнаруживается среди всех рас и во всех культурах, будь то восточные или западные, развитые или примитивные, как среди «лиц смешанной крови», так и среди «чистокровных». Это всемирный тип. Что же тогда составляет суть этой ситуации? Коротко говоря, это контраст, трение или конфликт социальных групп, расходящихся расой или обладающих особыми культурами, при которых члены одной группы стремятся приспособиться к группе, которая, как им представляется, обладает большим престижем и властью. Группы находятся в отношениях неравенства, и неважно, признается это открыто или нет. Индивиды подчиненной группы, или меньшинства, приведенные своими социальными контактами к частичной ассимиляции и психологической идентификации с доминирующей группой без полного принятия в нее, оказываются в маргинальной ситуации. Они оказываются на краю каждого общества, будучи частично внутри него и частично вне. Они ментально переживают контрасты, трения или конфликты двух рас или культур и чаще всего становятся особым типом личности. Это

в особенности характерно для тех случаев, когда столкновение обществ имеет фундаментальный характер и в него вовлечены все, когда оно вытекает из исторических различий рас и национальностей.

Типичный жизненный цикл

Какова типичная жизненная история, или жизненный цикл, маргинального человека? При попытке ответить на этот вопрос должно быть очевидно, что в личных жизнях таких индивидов не больше стереотипного единообразия, чем у людей вообще. Здесь существуют те же индивидуальные различия в наследственности, обучении и возможностях, что и везде. Кроме того, ни в каких двух ареалах расовая или национальная проблема не является совершенно одинаковой. Таким образом, можно утверждать, что ни у каких двух маргинальных лиц не бывает совершенно одинакового опыта.

Приведя эти оговорки, мы можем тем не менее схематично обрисовать паттерн индивидуального развития, типичный для маргинального человека. Сравнительное изучение имеющихся свидетельств наводит на мысль, что в личностном развитии маргинального человека есть по крайней мере три значимые фазы: 1) фаза, когда он не сознает, что расовый или национальный конфликт затрагивает его карьеру; 2) фаза, когда он осознанно переживает этот конфликт; 3) более постоянные приспособления к своей ситуации, которые он вырабатывает или пытается выработать, либо отсутствие таких приспособлений. В общем и целом эти три стадии зачастую соответствуют защищенной среде детства, расширению социальных контактов и идущим отсюда конфликтам в подростковом возрасте и необходимым accommodations зрелости; при этом они значительно варьируют в зависимости от характера индивидуального опыта и особенностей социальной среды.

Первый период – это период, когда у индивида еще нет внутреннего конфликта того рода, который нас интересует. Он нечувствителен к своей расе или национальности, поскольку не является «расово-сознательным». Расовое сознание есть одна из форм самосознания, а именно такая, которая возникает у человека, когда он начинает сознавать, что другие относятся к нему определенным образом по причине того, что он принадлежит к особой расовой группе. Например, когда негр осознает, что он негр и что другие ведут себя по отношению к нему некоторым образом, *потому что он негр*, он становится расово-сознательным. Его собственная группа и другая группа вместе вырастают как объекты в его воображе-

нии. У маргинального человека такое расовое сознание является постоянно повторяющимся опытом. Оно означает не просто сознание расы как таковое, но и связанное с ним сознание неопределенного, обычно низшего статуса; индивид наделен определенной стигмой в глазах доминирующей группы.

Это вторая стадия в развитии маргинального человека, фаза, в которой он становится маргинальным. Она конституирует «кризис» – ситуацию, в которой его обычные привычки и установки в той или иной степени рушатся. Происходит важное изменение в его представлении о себе, хотя тотальная трансформация может прийти лишь после долгого и мучительного процесса, особенно если этот кризис был острым. Тогда индивид должен «найти себя» снова. Он должен реконструировать свое представление о себе, так же, как и свое место, или роль, в обществе. То и другое взаимосвязано; это два аспекта личностно-социального процесса.

Третью стадию составляют способы, которыми индивид реагирует на свою ситуацию, т.е. приспособления, которые он осуществляет или пытается осуществить. Он может достичь успешного приспособления, позволяющего ему опять почувствовать себя удобно: тогда он выходит из маргинального класса. Опять же он может переходить из одной позиции в другую, достигая в какой-то момент удовлетворительного приспособления, а затем вновь отбрасываясь в состояние конфликта. Либо он может принять роль, которая, организуя его жизнь, не освобождает до конца его сознание от его ситуации: он остается частично приспособленным маргинальным человеком¹. Наконец, трудности могут оказаться настолько всепоглощающими в сопоставлении с ресурсами индивида, что он будет не в состоянии приспособиться и станет, таким образом, дезорганизованным.

¹ Несколько иной, но родственной по духу анализ творческих личностей и творческих меньшинств был представлен недавно Арнольдом Дж. Тойнби в монументальном ученом труде «Постижение истории» (*Toynbee A.J. A study of history.* – L.: Oxford univ. press, 1934). Он сводит творческий процесс к процессу «Отхода-и-Возвращения», в котором индивид после участия в практических жизненных делах временно отходит от них. Этот отход конституирует духовный кризис и творческий опыт. Со временем «преображенная» личность возвращается на социальную сцену в новой роли. Многие из индивидуальных случаев, обсуждаемых у Тойнби, подпадают под понятие культурного конфликта, как оно понимается в нашем исследовании. См. в особенности: *Toynbee A.J. A study of history.* – L.: Oxford univ. press, 1934. – Vol. 3. – P. 217 ff. (См. также ниже гл. 11.)

Чтобы сделать этот абстрактный анализ более ясным и наглядным, мы приведем следующий автобиографический нарратив. Первоначальный текст был сокращен в тех местах, которые ничего не дают для понимания данного процесса. Хотя история являет нам человека, способности и выразительность которого явно возвышаются над средним уровнем, она совершенно типична для процесса развития, или жизненного цикла.

Сначала он описывает свои детские годы. Это период неосознанной ассимиляции, когда индивид не осознает расовых затруднений.

«Первые шесть моих школьных лет я провел в небольшой деревенской школе. Там было что-то около 400 учащихся, и 394 из них были гои. Евреев представляли всего-то четверо нас да еще двое братьев из другой еврейской семьи. Не припомню, чтобы за все мое пребывание среди маленьких детей в начальной школе меня кто-то дискриминировал; напротив, поскольку я был силен в чтении и орфографии, я снискал дружбу двух лучших своих друзей. Один из них был янки, другой – швед. Моя детская жизнь в кругу гоев была довольно мирной, ведь в ней не было преследований. Сколь бы странным мне это тогда ни казалось, единственные драки, в которые я ввязывался с настоящим гневом и ненавистью, были у меня с мальчиком-евреем из другой семьи. Тогда он казался мне вредным. В играх я всегда был обычным участником, и у меня никогда не было причин считать, что мною пренебрегают...»

Затем пришел первый опыт расовой дискриминации, хотя в то время его значимость для его будущей карьеры еще не понималась.

«Я не был “расово сознательным” до шестого класса. Тогда мне было лет 11–12. Однажды в воскресенье мы с братом гуляли по главной улице деревни и заметили, что за нами движется большая шайка мальчишек-поляков. Они ходили не в нашу школу, а в свою, которая примыкала к их церкви. Они приходили в городок только по воскресеньям. И вот, пока мы так гуляли, я вдруг услышал крики: “Еврей! ШИНИ! Христоубийца! Жид!” [“еврей” по-польски]. Затем я почувствовал, как рядом просвистел пролетающий камень. Мы, не оборачиваясь, побежали, чтобы где-нибудь спрятаться. Похоже, так с нами обращались только поляки. Вскоре я научился ненавидеть этих буянов с их белыми волосами, белыми нелиняющими галстуками и невежественными ухмылками...»

С наступлением юности и необходимости планировать карьеру к нему пришло личное понимание того, что значит конфликт евреев и неевреев.

«Я не ощущал расовой проблемы и ничто не привлекало к ней мое внимание до тех пор, пока мы не переехали в город. Последние два года начальной школы я завершал среди Фридманов, Голдбергов, Конов и т.д. Фридманы и прочие также проследовали со мной в среднюю школу, где мы всегда были в большинстве. Я посещал дневную среднюю школу в течение года, потом был вынужден пойти работать. Именно тогда я и встретился с утонченной дискриминацией. Они не кричали «еврей, шини!», а очень вежливо давали понять, что у меня нет опыта; другие назначали жалование настолько смехотворно низкое, что оно теряло всю свою привлекательность. Третьи были достаточно прямолинейными и говорили: «Мы не берем на работу евреев!» Однажды я нашел работу в одном из самых крупных банков города, которым владели и управляли в основном евреи. Когда я туда пришел, старший клерк сказал мне, что из 400 сотрудников только трое евреи, что вплоть до последнего года существовала политика найма, ограничивавшая доступ для евреев! «Но ведь в этом месте заправляют евреи, – пробормотал я, – разве не так?» Старший клерк (нееврей) не промолвил больше ни слова. После того, как я проработал там три недели, несколько кассиров и клерков, познакомившись со мной за это время, взяли в привычку подтрунивать надо мной и забавляться над тем, что я еврей и что с моими агрессивными идеями (которые я им, по крайней мере, не раскрывал) быть мне владельцем банка. Мне не приходилось раньше с таким сталкиваться, и я обижался. Я был ранимым, меня это задевало. Я жестоко спорил...

Обычно парни работали на одном месте шесть месяцев или около того, а потом их переводили на более высокую должность. Мне этого не предлагали, да и сам я ничего для такого продвижения не делал. Я вырос до капитана мальчиков на побегушках и стал единственным посыльным одного из высших служащих банка – человека, чье имя носил этот банк, еврея. Два года я работал на него, чувствуя себя при нем в безопасности. То, что он был миллионером, вероятно даже мультимиллионером, известным по всей стране своей благотворительностью и могуществом, а я – скромным и бедствующим студентом, мало или ничего для меня не значило. Я чувствовал все расстояние между нами, но с радостью говорил самому себе: «Разве, в конце концов, мы оба не евреи?» Я мечтал о том, что он вдруг повернется ко мне, возьмет меня в свои руки и умчит меня одним махом в царство успеха, пройдя мимо всех этих незначительных неевреев-«гоев», пока наконец не приземлится за конторкой на основном этаже. После того как я проработал у него это время, у меня появились некоторые сомнения относительно того, применит ли он в конце концов свое влияние для моего долгожданного продвижения. Теперь я намеренно избегал повышений по службе, поскольку чувствовал желание, чтобы эта затянувшаяся остановка сама наполнила себя смыслом. Наконец, в один прекрасный день, когда часы работы банка истекли и еще раньше истекло рабочее время, я оказался наедине с тем человеком, которого идеализировал. Я решил подойти к нему насчет моего продвижения. Он внима-

тельно выслушал мои слова о том, как несправедливо долго я намеренно остаюсь на этой низкой должности и что при моем повышении я мог бы получить что-то лучшее, чем департамент внешних курьеров, ждавший меня дальше при обычной рутине продвижения. “Знаешь ли, – ответил он, – евреи забавные люди. Здесь все молодые сотрудники прошли через обычную рутину, все относится к этому с терпением и не просят чего-то большего”. Потом внезапно развернулся в своем кресле: “Ну почему! Даже мне пришлось начинать с самого дна!” И он наивно продолжал нести вздор, который я мог бы ожидать услышать только от поляка-ротарианца. Несколько дней после этого я пребывал в унынии и начал понимать тщетность работы в банке. В итоге я оттуда ушел».

Сознание «расовой» проблемы ведет к размышлению об этой проблеме и самоанализу. Индивид осознает в какой-то степени свою двойственность, но склонен относиться к ней ограниченно и лично.

«Между культурой моего дома и сообщества было мало разницы. Поскольку почти все время я проводил среди своих друзей, вскоре я приобрел то, что сам называю “нееврейским чувством юмора”, свойственную нееврею манеру обсуждать негритянскую проблему. Нееврей для меня был полон предрассудков и дискриминации.

Я обладаю безошибочно узнаваемыми физическими характеристиками еврея. У меня еврейский нос картошкой, изображение которого можно часто увидеть в комиксах или комедиях. Волнистые темные волосы (не курчавые), сравнительно невысокий рост. В 21 год я выгляжу почти предрасположенным к полноте. Несмотря на то что я родился здесь, в США, и в таком хорошем американском штате, как Айова, невзирая на то, что я никогда не говорил по-еврейски со своими соплеменниками, мне однажды сказали, что у меня гортанный голос, “столь характерный для евреев”. Этот же человек после двух лет дружбы научился восхищаться мной и позже сказал, что благодаря моему нееврейскому окружению мне удалось успешно избавиться от этого “дефекта”».

Критическая фаза в его психической эволюции заставляет его искать солидарности своей группы. Здесь он находит безопасность, самовыражение и социальное признание, которых не может найти в нееврейском мире.

«Когда я ощутил расовую проблему наиболее остро, я присоединился к группе сионистов. Эти националисты призывают к увековечиванию еврейской солидарности и культуры. Мне прививали страх и ужас перед смешанными браками и ассимиляцией. Мне говорили читать еврейскую националистическую

литературу. Так я прочитал Льюисона и Брауна, Зангвилла, Фридмана, Лудвига и многих других. Я слушал красноречивых “реформированных” раввинов, превозносивших “народ Книги” и “богоизбранный народ”, и это меня вдохновляло. Благодаря усердному изучению еврейской литературы и беллетристики я стал лидером моей сионистской группы; в то время я еще чувствовал истину в выражении “Народ Книги”. Я готов был к встрече с любым неевреем, ставящим под вопрос умственное превосходство евреев. У меня была в запасе масса аргументов для того, чтобы их убедить. Я всегда чувствовал себя счастливо, свободно и непринужденно среди своих. Я становился “лучшим” евреем всякий раз, когда слышал рассказы о кровавых погромах и массовых убийствах. Изображение Кишинёвского погрома в книге Зангвилла “Плавильный котел” несколько лет служило источником вдохновения для еврейской солидарности».

Однако более широкие и толерантные горизонты, открываемые учебой в колледже, опять создают движение от сионизма в сторону ассимиляции. Он предпочитает интернационализм и межрасовые браки.

«Когда я поступил в колледж и первый раз в жизни услышал такие слова, как “интернационализм”, “свободный от всех предрассудков”, “быть объективным”, когда я начал изучать психологию, этику, философию и историю, из этих новых точек зрения у меня выросли новые ощущения. Я читал много и вдумчиво, по всем предметам, которые изучал. Изучая физику и астрономию, я забыл о национализме и мелких религиозных различиях; более того, по ходу развития мне пришла мысль, что люди по сути одинаковы и что религия и национализм у человека – “приобретенные черты”, без которых по большому счету можно и обойтись. Я стал сторониться своих друзей-националистов. Потом стало больше предметов и больше чтения. Я участвовал в обсуждениях и спорах. Я писал и думал над философскими рассуждениями. Вскоре я открыл для себя, что среди тех, кто разделял со мной общие интересы, были люди с такими фамилиями, как Брейтенбак, Смит, Джеффри, О’Брайен, Джонсон и даже Ковальский!

Я никогда не испытывал настоящего отвращения к неграм. Иной раз, глядя на кого-то из негров на занятиях, я смотрел на него с тем же жалостливым выражением, с каким много лет назад моя мать смотрела на моего отца. Что касается Лиги наций, то тут, честно говоря, я еще окончательно не определился, я очень плохо знаю политическую науку. Теоретически, я склоняюсь к интернационализму или космополитизму, всему, что могло бы разрушить эти нелепые стандарты различия, которые они называют “моей религией” и “моей страной”.

Если два индивида разных вероисповеданий выше предрассудков и дискриминации и в некотором роде интеллектуалы, то я не вижу никаких возражений против их брака. Хотя я, видимо, радикал с точки зрения экономической дискрими-

нации (а это не расовая проблема) и в таких вопросах, которые подрывают основы демократии, все же я счастлив, что живу по эту сторону океана. Демократия сегодня, несомненно, извращена, но по крайней мере лидеры демократии не хватаются, чуть что, за оружие и не решают убить пару-другую сотен евреев».

Между тем его расовое самосознание не исчезло. Даже будучи лидером среди неевреев, он переживает важную социальную дискриминацию. Так, его будущее кажется ему неопределенным, и его разум остается расколотым.

«Если бы я попытался подвергнуть себя психоанализу, то мог бы, наверное, сказать, что я агрессивен, но не ставлю себя над другими. Я очень тревожен и нетерпелив, но нетерпимым меня не назвать. Моя агрессивность привела меня на высший ученический пост в нееврейской школе, и неевреи оказали мне в этом поддержку. Наверное, я очень чувствителен. Мой еврейский нос всегда со мной не только физически, но и духовно. В любом публичном месте я, порою глупо, избегаю стоять так, чтобы видели мой профиль. Меня считали эгоистичным, поскольку я выражал нетерпение перед группой бывших друзей-националистов. Мое молчание, должно быть, их раздражало.

В заключение я могу сказать, что каким бы “неевреем” я ни стал (а ведь я отверг теперь понятие антропоморфизма, делающее меня безрелигиозным) и хотя я не соблюдаю никаких отличительно еврейских традиций, все же некоторые из моих дорогих друзей из числа неевреев ушли в обособленность кружка, скрытого за греческими буквами, и машут мне оттуда рукой как изнутри вовне. Студенты-евреи подходили ко мне как к лидеру, чтобы я помог им организовать братство. Лично я не одобрил эту идею и посоветовал им следовать своему личному выбору в этом вопросе.

О, думаю, верно говорил Льюисон; мне кажется, что когда я стану юристом, я буду вице-президентом местного отделения Бнай-Брит, секретарем локальной общины Анше Эмес, вторым вице-президентом Чикагского отделения Национального сионистского движения. Моей клиентурой опять будут Фридманы, Коны, Голдберги, Финкельштейны и т.д. Интересно, не потеряю ли я тогда все свои “высоко парящие” и непрактичные мысли о теориях ассимиляции и смешанных браках. Они (еврейские патриоты) говорят мне, что потеряю. Я должен... Может быть».

Этот документ иллюстрирует колеблющийся тип реакции – тип, часто проявляемый евреем. Американская среда приводит еврея в замешательство. Он может завязывать контакты, особенно с молодежью, ведущие его строго в направлении ассимиляции. Но с такой же вероятностью он сталкивается при этом с острым анти-

семитизмом. Такие опыты побуждают его к внутренней тревожности и неуверенности, хотя внешне он может создавать впечатление эгоистичной агрессивности. Его установка меняется вместе с меняющимися контактами и его возрастающей зрелостью. Разнонаправленные течения американской жизни производят свой слепок в его психической жизни. Так, в приведенном примере индивид тайно сомневается в себе даже тогда, когда действует в русле теории ассимиляции.

Домаргинальная фаза неосознанности расы – это период, когда члены подчиненной группы частично ассимилированы в доминирующую культуру. Некоторая степень ассимиляции – необходимая прелюдия к сотворению маргинальной личности. Обычно она протекает во время демократии детства, когда еще в полной мере не пережиты барьеры взрослого мира. Игровая группа и школьный класс часто являются *milieu*, где ассимиляция протекает наиболее естественно. Даже на юге Соединенных Штатов, где основательно институционализована расовая сегрегация, белые и цветные дети могут годами играть вместе, не сознавая разграничений по расе и цвету кожи.

Чем полнее индивид ассимилирует культуру доминирующей группы, тем больше его замешательство и затруднения, когда он обнаруживает себя исключенным. Именно растущее осознание границ и барьеров взрослого мира создает типичные характеристики маргинального человека. Это может быть результат единичного опыта, венчающего собой процесс суммирования, либо может проявляться более постепенно и неосутимо – так что субъект не может потом ясно об этом вспомнить. Точная значимость стычки культур не схватывается непосредственно, и индивиду неясно, как нужно реагировать на ситуацию. Изменчивость реакций (третья фаза жизненного цикла) становится более понятной, если рассмотреть ее в связке с самой ситуацией.

Ситуация и жизненный цикл

Связь между особым типом маргинальной ситуации и реакциями индивида была частично описана в предыдущих главах. В общем и целом, эти ситуации благоприятствуют индивидуальной эволюции в одном из трех основных направлений: 1) к ассимиляции в доминирующую группу, 2) к ассимиляции в подчиненную группу или 3) к какой-то форме аккомодации – возможно, лишь временной и

неполной – между двумя группами. Поскольку сама ситуация динамична, индивид может время от времени изменять свои реакции.

Когда расовые и культурные барьеры между двумя группами не ощущаются как непроходимые, характерной формой реакции оказывается ассимиляция в доминирующую культуру. Это в особенности касается иммигрантских популяций, не сильно отличающихся по расовому типу или культуре. Сам факт того, что они мигрировали в новую страну и в ней поселились, показывает, что они предприняли первый шаг в направлении культурного переприспособления. Попытка ассимилироваться ожидается от них как плата за проживание в стране; и она воспринимается как нечто само собой разумеющееся со стороны их детей. В таких условиях конфликты маргинального человека репрезентируют муки перехода из одной культуры в другую.

Совершенно иначе обстоит дело в случае тех индигенных обществ, которые были подчинены внешнему контролю, или империализму. Первая волна диффузии и доминирования западной культуры привела к подражанию и частичной ассимиляции; однако сама вестернизация дала стимул, понятия и методы для движений протеста, или бунта. Тогда вестернизация отчасти уступает место движению культурной дифференциации и политического национализма. По мере того как это движение развивается, маргинальный человек, прежде балансировавший на великом водоразделе западного и незападного миров, все больше и больше обращается против своих прежних тенденций и становится ярким националистом. Даже человек со смешанной кровью иногда находит в этом свое спасение.

Есть и другие ситуации, не столь ясно очерченные, как две только что описанные. «Ассимилированный» еврей пробуждается в оказавшейся под властью Гитлера Германии и обнаруживает, что он на самом деле не немец; американский негр разочарованно узнает, что Манифест об освобождении рабов и поправки к Конституции не сделали его полноправным гражданином США; американизированный сын азиата озадаченно сталкивается с тем, что к нему продолжают относиться как к азиату; а со стороны «доминирующей» группы мудрый государственный деятель, стоящий у руля власти, считает, что не может рассчитывать на лояльность недовольных национальных меньшинств на корабле государства. Маргинальные люди в таких случаях находятся в более сложной ситуации и должны на нее реагировать.

Реакции американского негра зависят отчасти от цвета его кожи. Если человек со светлой кожей может «сойти» за белого, то темнокожий должен приспособливаться. Родители могут даже определить ситуацию для ребенка заранее и тем самым привести реакции ребенка в форму какой-то из ролей расового приспособления или социальной реформы. Следующий рассказ, написанный негритянской девушкой 18 лет, иллюстрирует этот процесс.

«Сообщество, в котором я жила в детстве, было белым. Белые дети обычно ходили в наш дом играть, но наша мать очень редко разрешала нам ходить играть к ним домой. Я не знала, почему ей хотелось, чтобы мы оставались дома и играли там. Я действительно не знала никакой разницы между белыми и цветными. Мне ни разу не приходило в голову, что эти дети чем-то от нас отличаются. Не думаю, что и белые дети что-либо знали об этом различии.

Когда мне было около семи лет, я осознала эту разницу. Никто мне о ней ничего не рассказывал, но я смогла увидеть, что маленькие дети в нашем сообществе отличаются от нас цветом кожи и телосложением. Я поняла, что они ходят в другую школу и что их компания и люди, заходящие к ним домой, того же цвета, что и они.

С тех пор я все больше и больше замечала, что принадлежу к другой расе. Иногда у меня возникает желание принадлежать к какой-нибудь другой расе, так как мне кажется, что у бедных негров нынче трудные времена. Мать всегда говорила, что счастлива быть негритянкой, что никакой другой пользы для белых людей от нее нет. Я буду или была бы довольна этой расой, если бы могла делать то, что делает белый человек, и иметь те же привилегии, что и он. Мать всегда учила нас уважать белых, и чтобы ладить с ними, мы должны оставаться на своем месте, занимаясь собственным делом.

Я руководствовалась материнскими наставлениями, и, мне кажется, я хорошо лажу с белой расой. С тех пор, как я могла читать и обсуждать негров, я вижу, что белым быть гораздо лучше, ведь белый человек всегда первый. Я вижу, что южный негр в глазах белого человека не более чем “собака”. Когда мы жили в белом сообществе, дом у нас был проходной и мы держали себя как подобает; именно поэтому люди (белые) называли нас “нигтерами” и всегда старались как-нибудь причинить нам беспокойство, но мы никогда не обращали на это внимания. Некоторые негры в городе, где я жила, были чрезвычайно грязными и вели себя так, что белые не могли их уважать. Дома некоторых негров были настолько загаженными, что я всегда говорила, что мне хотелось бы помочь привести их в порядок. Когда я окончила среднюю школу, я сказала, что пойду в колледж, возьму там специальный курс по социологии и уж тогда-то, наверно, смогу что-то исправить. Теперь я учусь в колледже на предпоследнем курсе, и предел моих мечтаний – получить хорошее место, связанное с социальной работой, и поступить в магистратуру».

Пожалуй, труднее всего разрешимы эти дилеммы в случае евреев. Сила их группового духа, контраст интеллектуальной гибкости и подвижности с духовной жесткостью, выросший из двойной необходимости приспособления к чужой среде и сохранения комплекса Избранного Народа, делают всякое построение жизненного паттерна маргинального еврея делом рискованным. Как видно из документа, приведенного выше в этой главе, маргинальный еврей колеблется то вперед, то назад, то в сторону выхода из своей группы, то в сторону возвращения в нее. Если окружающие неевреи дружелюбны, то он забывает о своем еврействе; когда они замыкаются в свой круг, он опять узнает, что он еврей. И неспособность еврея забыть себя находит параллель и взаимность в неспособности нееврея относиться к нему иначе, нежели как к еврею.

По этим причинам маргинальный еврей склонен постоянно оставаться в психологическом центре культурного конфликта. Даже когда он делает все ставки на одну группу, его внимание снова и снова обращается к другой. Жизнь Генриха Гейне и современные сочинения Людвиг Льюисона – всего лишь два ярких примера бесчисленных детей и мечтателей гетто.

Наверное, неслучайно сионистское движение возникло в его нынешней форме *pari passu* с эмансипацией от гетто. Разрушение физических стен гетто и последовавший мощный натиск современной культуры сделали своего рода гавань, в которой можно было бы укрыться, крайне необходимой для многих евреев. Как и в опыте Теодора Герцля, основателя и лидера современного еврейского национализма, полная ассимиляция с нееврейской средой была невозможна. Возвращение к иудаизму стало психологически необходимым. Была ли самодостаточная ментальность европейского национализма наглой или нет, она делала его негостеприимной к новоприбывшим и тем самым стимулировала еврейскую реакцию. Ясную картину этого мы видим в опыте Мориса Самуэля. Он описывает свои юношеские умонастроения такими словами:

«С раннего детства и до наступления зрелости моя жизнь непрерывно протекала в самой сердцевине великой западной нации. Английский язык был первым, на котором я научился читать и писать, и по сей день он остается – и, вероятно, навсегда останется – для меня самым естественным средством выражения; мои первые познания в истории, мое первое восхищение литературой были пробуждены хрониками Англии и произведениями англичан; мое первое понимание географии сосредоточилось на Британских островах, и внутри этого мира у меня выросли первые зачатки самосознания.

Англия была моей няней, моей колыбелью, моим домом. Я принимал все, что меня окружало, как мое естественное право. Английские игры, английские моральные лозунги, английские институты – все это было моим... Я считал литературу Англии величайшей в мире, ведь я был молод и не знал другой литературы. Но, кроме того, у меня было абсолютное ее понимание, и через это средство даже действеннее, чем через английскую историю, я стал англичанином в своих привязанностях, своих идеалах. Вскормленный городом и совершенно чуждый всему кроме городской жизни, я научился “любить” тысячи никогда не виденных мест, называя их английскими, своими...

Когда я был мальчишкой, никто не мог поколебать мою веру в то, что я англичанин, дитя британского народа, частичка его борьбы, устремлений и идеалов. Я знал, конечно, что родился не в Англии, а в Румынии – но что с того? Я знал, что мои родители евреи и что, стало быть, я тоже еврей. Я ходил в синагогу, а не в церковь. Домашние церемонии, соблюдение Шаббата, высокие праздники и постные дни усиливали ощущение особости. Но эти особенности пересиливались более живыми внутренними и внешними переживаниями моей повседневной жизни. Подобно моим рассеивающимся воспоминаниям о румынской деревне, подобно румынским историям и румынскому языку, все еще сохраняющимся в моем доме, они были частным делом, которое не имело большого социального значения. Сегодня я вряд ли смогу реконструировать любопытную связь между этими двумя мирами, но насколько я вижу ее в ретроспективе, иудаизм был чем-то дополнительным и скорее неважным. Он не наполнял собой английские поля и еще меньше принадлежал им. Вне дома, хедера, синагоги я совершенно естественным образом его игнорировал, и мне ни разу не закрадывалась в голову мысль, что он что-то большее, чем причудливая случайность. В те дни для меня было самоочевидным, что не может быть ничего лучше, чем быть англичанином; и не было ничего для меня естественнее, чем это... В один прекрасный день, мечталось мне, я стану лидером среди ее лидеров, одним из имен в ряду ее имен»¹.

На этой стадии у Самуэля была английская душа. Но на задворках его разума крылось еврейское влияние, готовое прорасти в сознание. Произошло это прорастание тогда, когда он постепенно осознал, что он не полноценный англичанин, что он на самом деле не принадлежал к английскому прошлому. Для человека с развитым воображением и тонкой чувствительностью такое осознание может оказаться духовным ударом, а в стране старых традиций барьеров, пусть и не вопиющих, может быть достаточно, чтобы затруднить личностную идентификацию с нацией.

¹ *Samuel M. I, the Jew.* – N.Y.: Harcourt, Brace & co., 1927. – P. 3–8 (адаптировано).

«По мере того как я вырастал из детства, я тесно общался с людьми старше меня, людьми, родившимися в Англии, как раньше и их отцы. В них я начал находить любовь к Англии, отличавшуюся от моей, и благодаря им я начал понимать ее также в тех вещах, которые читал. Это была (и я ничего не могу поделать с этим чувством) другая любовь, не уступающая в силе моей, не более полноводная, а более сокрытая в неподконтрольных им обстоятельствах, – любовь, которая могла бы выстоять, находясь бок о бок с ненавистью и восстанием. Теперь я стал сознавать странное могущество времени и чувствовать, что их любовь не сугубо сегодняшняя и пребывает не в индивидуе. Эти люди любили Англию не как землю, которую они нашли; они любили ее (слово “любить” тут не вполне точное) – сливались с ней, словно плоть от плоти ее, кость от кости ее, – любили ее такой, какой она была в прошлом и станет в грядущем. Для них любовь к стране была верностью, которая не может проистекать только из духовного родства, но вырастает из сознания кровного родства.

В этих новых кругах слепое восхищение моего детства пошатнулось, затрунутое впервые подозрением в неадекватности. Были люди, ссылавшиеся на родословные своих семей и с энергичной и молчаливой гордостью участвовавшие в Англии как своим личным наследии. Другие, которые могли проследить свое происхождение не дальше чем на два или три поколения, все-таки знали, что в прошлом потерянных идентичностей их род был частью того, что они любили. Их любовь к Англии была тем не менее любовью к идеалу, но не абстрактному, а дававшему решающую остроту их эмоциям. Они говорили о “моей Англии” так, как человек говорит о своей семье, с интимной нежностью, на которую не мог бы отважиться никакой чужак.

Цивилизация Англии была цивилизацией их расы. Их гордость ею была гордостью расы.

И вот из этого существенного участия в Англии я почувствовал себя молчаливо исключенным. Это не было актом сознательного отторжения. Я знал лишь, что когда эти люди заговаривали о “своей” Англии – лучшие люди, люди, которыми я восхищался, люди, у которых мотивы были возвышенными, а умы не были испорчены вульгарными предрассудками, – их отношение к предмету разговора было таким, которое я не мог с ними разделить. В те дни я встречал очень мало антисемитизма, а если и встречал, то считал его чем-то слишком тривиальным, чтобы заслуживать серьезного внимания. Ведь эти люди не были антисемитами. Им не было нужды таковыми быть.

На самом деле они с естественной любезностью приветствовали мое участие в цивилизации Англии. Они даже были готовы меня принять, однако их великодушие было бесполезным, ведь они не могли отменить прошлое и были не в состоянии отказаться от гордости сыновей величием отцов. А я не мог разделить с ними их предков.

С обеих сторон имелось некоторое смущение. Должен признаться, что я чувствовал некоторое унижение из-за того, что кому-то приходилось “допускать” меня к жизни, которую я считал естественным образом своей. Уже одно это могло отвлечь меня от принятия приглашения. Ведь разве мог я в таком серьезном деле позволить считать себя объектом благотворительности? Они в свою очередь чувствовали, что всякая попытка с моей стороны давить на их доброе отношение была бы не деликатной и агрессивной. Есть в жизни вещи, которые нельзя дать и взять. Кладбища и былая история – в их числе»¹.

Затем Самуэль описывает свое дальнейшее развитие: свой бунт против этого барьера, сформированного прошлым, свои душевные мучения. «Я был отлучен от высшего духовного блага быть англичанином по причине того, что родился у еврейских родителей и, как предполагалось, унаследовал от них таинственное качество, отличающее меня от остального человечества. Мои первые страдания были сильны. Меня заставили ощутить себя чужаком, непричастным в конечном счете к окружающей жизни»². Он углубляется в биологию, психологию, во все, что та или иная наука могла бы ему сказать о расе и национальности; он ищет выход из своей дилеммы, формулу, которая позволила бы ему обрести внутренний покой. Наука не может ответить на его загадку; социализм и экономический радикализм не могут заполнить эту пустоту. Вначале либеральные и интернациональные склонности заставляют его стыдиться обращения к еврейскому национализму. Но космополитизм – это «мир без настроений»; эсперанто – «идеальная иллюстрация туманных и благодушных мечтаний школьного учителя-идеалиста». Расовые основания еврейского народа могут быть иллюзией, но мир требует рас: «Мы должны их иметь для того, чтобы жизнь могла выразить себя в культуре». И поэтому он возвращается к культуре своих предков и становится ревностным иудеем и сионистом. Здесь он находит дом и безопасность, которые были отняты у него его зарождающимся расовым сознанием.

Третья фаза может представлять собой продление трений и конфликтов второй. Приспособиться оказывается невозможным ни к какому обществу. Индивид слишком идентифицировался с каждой культурой, а сами группы упорно остаются в состоянии взаимного напряжения. Положение еврея, особенно в центральноевропейских странах, часто рождает это хроническое неприспособление.

¹ *Samuel M. I, the Jew.* – N.Y.: Harcourt, Brace & co., 1927. – P. 9–12.

² *Ibid.* – P. 23.

Оно становится важной темой биографий и источником литературы. Его отображает с меланхолической красноречивостью название автобиографии Якоба Вассермана – «Мой путь как немца и еврея»¹.

Рожденный и воспитанный в одном из старейших еврейских сообществ в Германии, он, живя и общаясь с христианами, глубоко впитал немецкую культуру. Его самоидентификации с Германией способствовала его светлая нееврейская внешность, так что юношей он, сталкиваясь с антисемитизмом, интерпретировал его как направленный не против него лично, а против еврейского сообщества². Но постепенно проблема одновременного бытия немцем и евреем становилась все более осознанно центральной в его жизни, мотивируя и окрашивая его творчество. В отличие от Самуэля, он не смог принять сионизм, так как чувствовал себя слишком немцем по духу. И все же он был мучим немецкой установкой, которая считала его и его произведения чуждыми – не немецкими. «Я нашел себя отвергнутым и изолированным, в тройко затруднительном положении: как литератора, немца без социального положения и еврея, отчужденного от собственной группы»³. Тем не менее он до самой старости удерживает свое представление о себе как одновременно немце и еврее и заявляет звенящими словами: «Я отказываюсь отречься от самого себя, я отказываюсь предать самого себя»⁴.

Глава X. Неприспособленность и приспособление

Некоторая степень личной неприспособленности внутренне присуща маргинальной ситуации, но она варьирует от индивида к индивиду и от ситуации к ситуации. Как минимум она состоит из внутреннего напряжения и *malaise*, чувства изоляции или неполной принадлежности. Она может быть по качеству едва заметной и исчезающей – приходящей и уходящей с теми или иными переживаниями и меняющимися настроениями. Внешне индивид выглядит социально приспособленным: у него есть семья и друзья, воз-

¹ *Wassermann J. My life as German and Jew.* – N.Y.: Coward-McCann, 1933.

² *Ibid.* – P. 11.

³ *Ibid.* – P. 125.

⁴ *Ibid.* – P. 263.

можно хорошее положение и некоторая мера успеха. Но его разум не находится в полной гармонии с его социальным миром. Он не обязательно несчастен; на самом деле он может даже смеяться над своим положением; но смех может быть компенсаторным и не раскрывать должным образом его действительное состояние духа. Некоторые могут «забыть» и «перерасти» проблемы. Это будет зависеть от успеха индивида, или его достижений, в соотношении с его ожиданиями и философией ценностей. Наверное, труднее всего втиснуть свою духовную жизнь в узкие рамки социально чувствительному, но интровертированному человеку, идеалистически идентифицировавшему себя с культурой или схемой жизни, впоследствии оказавшейся неосуществимой. Он не может избавиться от своих ранних чувств и устремлений; и даже когда он принимает роль посредника или становится пламенным националистом, ментальное напряжение сохраняется как подспудный мотив, окрашивающий его настроения и управляющий его мыслями. Такие личности, превосходя других в интеллекте и воле, могут стать выдающимися лидерами.

С другой стороны, ментальный конфликт становится дезорганизующей силой. Неспособность диагностировать источник конфликта, убежденность в столкновении с неприступной стеной и личные неудачи всецело овладевают индивидом. Ментальный конфликт ведет к подавленности и даже, возможно, отчаянию. У взрослого это означает крушение индивидуальной «жизненной организации»¹ – той структуры установок и ценностей, в которой индивид находит свое бытие и через которую он осуществляет свои цели. В крайней своей форме это увенчивается ментальным расстройством и самоубийством. Следующий отчет иллюстрирует опыт некоторых лиц смешанного расового происхождения, подвергшихся социальному остракизму.

«Был мальчишка, которого я знал в Кантоне. Он был на семь лет младше меня, школьный друг моего брата и сын британского вице-консула. Его отец позже женился на европейке. Этот мальчишка легко встал во главе своего класса. Он был силен в атлетике, очень привлекателен и полон уверенности. Я знал его, так как он часто приезжал к нам домой на каникулы с моим братом.

Когда он окончил школу, его отец устроил его в доковую компанию в Кантоне. Он был очень рад оказаться там и быстро продвинулся по службе. По-

¹ *Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – N.Y.: A.A. Knopf, 1927. – Vol. 2. – P. 1843.*

том прибыли какие-то английские парни. Этих английских парней глава фирмы приглашал к себе на обеды, его – нет. Он не мог найти себе общества. Он не смешивался с купеческим и моряцким классом белых, которые были грубой и вульгарной толпой. Он думал, что его образование дает ему право на иное положение. В конце концов он увлекся азартными играми и начал курить.

Но прежде чем это случилось, он выдал замуж свою сестру, жившую в итальянском монастыре. Он всегда чувствовал себя ответственным за нее.

Глава школы послал меня повидаться с ним, когда я был в Кантоне. Я сказал: “Не следует тебе этого делать, ты наносишь ущерб доброму имени всей евразийской колонии; ты должен сопротивляться”.

“Клайв, – сказал он, – это нечестно; у тебя есть отцовский дом, куда можно прийти. Тебя везде принимают благодаря отцу. Я же вообще не могу найти себе общества. Ради чего я должен сопротивляться?” Он принял сырой опиум и покончил с собой»¹.

В иммигрантских популяциях уровень суицидов является отражением дезорганизации, типичной для таких культурных трансплантаций. В США в некоторых городах уровень суицидов у иммигрантов выше, чем у коренных жителей. Например, в 1930 г. у жителей Чикаго, родившихся за пределами США, этот уровень составлял 38,8 на 100 000 человек, тогда как у уроженцев США – 12,4². В Соединенных Штатах в целом этот показатель для каждой иммигрантской группы вдвое-втрое выше, чем для той же национальности в Европе³. Уровни самоубийств у выходцев из Азии в США тоже выше, чем в соответствующих азиатских странах. На Гавайях, однако, самоубийства у выходцев из Азии происходили реже, чем в Калифорнии, – что говорит о разнице в легкости приспособления⁴.

Помимо особой проблемы суицида, предметом многих исследований в последнее время была общая дезорганизация иммигранта⁵. Культурные традиции старого мира разрушаются посред-

¹ Основной документ обследования № 31. Цит. в: *Wu C.C. Chinatowns: Unpublished Ph.D. thesis / Univ. of Chicago. – Chicago (IL), 1928. – P. 338–339.*

² *Elliott M.A., Merrill F.E. Social disorganization. – N.Y.: Harper & bros, 1934. – P. 401.*

³ *Cavan R.S. Suicide. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928. – P. 33.*

⁴ *Ibid. – P. 36.*

⁵ См. в особенности: *Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America: In 2 vol. – N.Y.: A.A. Knopf, 1927. – Vol. 2, pt. 3; Park R.E., Miller H.A. Old world traits transplanted. – N.Y.: Harper & bros, 1921. – Ch. 4; Thomas W.I. The unadjusted girl. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923.*

ством миграции и могут быть восстановлены в новой ситуации лишь частично. Опять же индивид теряет свои прежние роль и статус и должен вначале опуститься в роде занятий и социальном положении. Социальное давление, в старом мире державшее его «в черном теле», больше не функционирует так эффективно. Обычаи нового мира не понимаются, и он толкует различия как знак вседозволенности либо попадает в затруднения из чистого неведения.

«Дома иммигрант почти полностью контролировался сообществом; в Америке этот пожизненный контроль ослабевает. Здесь сообщество его народа в лучшем случае далеко не полное и, более того, локализовано внутри американского сообщества, живущего по иным, более индивидуалистическим стандартам, и выказывающего, как мы уже видели, презрение ко всем особенностям новоприбывших. Все старые привычки иммигранта, следовательно, тяготеют к разрушению. Новая ситуация имеет характер кризиса, а в кризисе индивид стремится либо позитивно реорганизовать свою личность, принять новые привычки и стандарты ради соответствия новой ситуации, либо отвергнуть старые привычки и задаваемые ими ограничения без реорганизации своей жизни – а это есть деморализация»¹.

Культурный конфликт, происходящий в иммигрантской семье между американизированными детьми и неассимилированными родителями, оказался важным фактором делинквентности, преступности и других форм личностной дезорганизации². Обычно иммигрант несет в себе зрелый характер, который помогает ему правильно приспособиться, если он живет в иммигрантском сообществе. Однако правила поведения, присущие старому миру, плохо адаптированы к подлинно американским условиям, и дети иммигранта часто относятся к ним с презрением. Следовательно, второе поколение неспособно получить обычные выгоды ориентации и контроля от старшего поколения, но недостаточно впитывает американские стандарты и не обладает зрелостью, чтобы благоразумно контролировать свое поведение. Поэтому не приходится удивляться тому, что статистические данные будут показывать во втором поколении более высокий уровень преступности, чем свойственный иммигрантам³.

¹ *Park R.E., Miller H.A.* Old world traits transplanted. – N.Y.: Harper & bros, 1921. – P. 61.

² См.: *Wirth L.* Culture conflict and delinquency // *Social forces*. – Chapel Hill (NC), 1931. – Vol. 9, N 4. – P. 484 ff.

³ Эти уровни варьируют для разных групп и соответственно ситуации. Так, у китайцев и японцев на Гавайях уровни делинквентности и преступности до сих пор были очень низкими.

«В общем и целом, “второе поколение” иммигрантов входит в контакт с судами по причине правонарушений чаще, чем первое поколение. Переписью 1910 г., показывающей противоположное, можно пренебречь ввиду отсутствия гомогенности в представленных в ней группах. Исследование заключенных, проведенное в 1921–1922 гг. Лафлином, показало следующие уровни преступности: коренные белые, оба родителя уроженцы США, – 81,84; уроженцы США, оба родителя родились за рубежом, – 91,14; уроженцы США, один из родителей родился в США, другой за рубежом, – 115,58. В 1920 г. в Массачусетсе на 100 000 человек населения в возрасте от 15 лет и старше следующие количества людей были направлены в пенитенциарные и исправительные учреждения для взрослых: 120 коренных американцев, рожденных в семьях коренных американцев, 226 уроженцев США из смешанных семей и 143 выходца из других стран. Таковы в целом рейтинги трех групп: на коренных белых американцев из семей коренных американцев приходится наименьшее число тюремных заключений, белые иностранного происхождения занимают второе место по числу заключений, а уроженцы США из иностранных или смешанных семей (второе поколение) занимают верхнее место в рейтинге тюремных заключений»¹.

У евреев бросается в глаза преобладание расстройств нервной системы. Ортодоксальный еврей живет хорошо организованной групповой жизнью, сосредоточенной вокруг еврейского религиозного и социального кода, под руководством раввина, который является как предводителем сообщества, так и ученым человеком. Но положение и роль евреев в Европе подвергали их интенсивному нервному напряжению. Враждебная среда и преследования, их сосредоточенность на коммерции, банковском деле, спекуляциях и других «предсудительных» занятиях и их социальная изоляция в городах являются ключевыми факторами. С упадком ортодоксии и гетто меняется и характер дезорганизации: самоубийство, больше не рассматриваемое как грех, растет в частоте; вместе с тем в случае западных евреев ослабление гонений приводит к падению частоты истерии и неврастений².

Из этого краткого обзора патологических аспектов, должно быть, ясно, что ситуационный подход дает ключ к пониманию как степени, так и рода той дезорганизации, которую влечет расовый и культурный конфликт. По мере того как напряжение спадает бла-

¹ *Sutherland E.H.* Criminology. – Philadelphia (PA): J.B. Lippincott co., 1924. – P. 100–101. Делинквентность второго поколения не обязательно включает ментальный конфликт; это может быть сугубо вопрос поведения в шайках.

² См. детальное обсуждение этого: *Fishberg M.* The Jews: A study of race and environment. – L.; N.Y.: Walter Scott publishing co., 1911. – Ch. 15.

годаря работающим приспособлениям и постепенной ассимиляции, ослабевает также и личностная дезорганизация. Таково общее направление, которое стремятся принять расовые отношения: от первоначальной фазы, когда устанавливаются контакты, к последующим фазам конкуренции и конфликта, каждая из которых увенчивается краткими или долгими периодами аккомодации, – и все это сопровождается процессом культурного взаимопроникновения и биологической амальгамации, который понемногу уменьшает дистанцию и различия, так что на месте конфликтов возникает более широкое общее понимание. Когда это происходит, правилом становится приспособление, а не неприспособленность.

Приспособление

Каково «наилучшее» приспособление для маргинального человека? Следует ли ему стремиться к ассимиляции, обратиться к национализму или бороться за какую-нибудь посредническую роль? Никакого категорического ответа на этот вопрос дать нельзя. Следует учитывать природу ситуации, а также индивидуальные особенности.

Ситуации, допускающие социальное принятие на основе уважения к Я, самые простые. Здесь естественная тенденция к ассимиляции автоматически производит некоторую степень приспособления. На самом деле, возникает даже опасность от слишком быстрой ассимиляции. В Соединенных Штатах многие иммигранты, и особенно дети иммигрантов, проявляют чрезмерную готовность отбросить свои традиционные ценности. Как и бесчисленные исполненные благих намерений поборники американизации, они путают хорошее гражданство со 100%-ной культурной конформностью. Пожалуй, лучшими гражданами иностранного происхождения являются те, кто смог сохранить лучшее из наследия своих предков, стремясь добиться лучшего, что могла предложить Америка. Им удалось создать баланс преемственности и изменения и, тем самым, сохранить весьма стабильные характеры.

Там, где уважительного к Я принятия трудно или невозможно достичь, цель приспособления должна быть другой. Националистическая установка нормальна в тех регионах, где доминирующая группа является всего лишь вторгшимся меньшинством: нельзя ожидать, что Восток будет продолжать кланяться Западу. Но и здесь будет необходимо творческое приспособление. Восток не может просто отвергнуть Запад, во всяком случае не больше,

чем стать имитацией Запада, но *может* приспособиться к некоторым западным идеям и методам. В процессе этого западный мир со своей стороны будет развивать новую установку уважения и понимания незападных культур и незападных рас. Далее для народов Запада и Востока откроется возможность сотрудничать на равных в продвижении некоторых общих целей, таких как мир и экономическое благосостояние. Например, если удастся успешно найти место Индии внутри Британского Содружества наций, то мир получит практическую иллюстрацию такого сотрудничества. Кроме того, если Лигу наций удастся превратить в эффективный инструмент международного сотрудничества, то вся проблема национализма и расовых отношений будет значительно упрощена.

Самые трудные ситуации те, в которых невозможны ни ассимиляция, ни национализм. Но даже в этих случаях *принципы* приспособления, видимо, ясны: равенство общественных прав и лояльность государству в сочетании с культурной свободой, если их реально осуществить, сделают возможными политическое единство и экономическое сотрудничество, при этом оставляя каждой группе свободу вести свою особую культурную жизнь. Уже не одна нация доказала практическую осуществимость примирения значительной степени культурного разнообразия с прочным политическим единством. Швейцария – лучший пример такого примирения в небольшом масштабе; Британская империя, или Британское Содружество наций, – несмотря на некоторые серьезные отклонения и колебания, – лучшая иллюстрация такого примирения в крупных масштабах.

В конечном счете всемирное приспособление рас и национальностей – дело медленной эволюции. Оно будет обусловлено прогрессом диффузии культуры, стабилизацией популяций, овладением экономическими силами и ростом демократическо-гуманитарных чувств. Такие изменения могут смещать фокусировку групповых конфликтов в новых направлениях, так что расовые и национальные чувства будут автоматически слабеть. Классовые и экономические конфликты могут набрать силу и отвлечь внимание в свою сторону, тем самым переупорядочив внутригрупповой и внешнегрупповой паттерн лояльности.

До сих пор мы рассматривали проблему в терминах внешней ситуации. Обратимся теперь очень кратко к самому индивиду.

С точки зрения индивида, проблема приспособления – это проблема психологической интеграции. Принимает ли он установку на ассимиляцию, на национализм или на посредническую роль,

он в каждом случае должен столкнуться со своими внутренними конфликтами. И должен сделать это в запутанном и недружелюбном к нему мире.

Психологической интеграции содействуют реалистическое толкование социальной ситуации и понимание ее влияния на личность. Такое прояснение не всегда улаживает проблему, но является необходимым первым шагом. Дальнейшая интеграция достигается приспособлением в других важных сегментах жизни, таких как брачные и семейные отношения, род занятий и религия. Если индивид может идентифицироваться с движением или задачей, поглощающими его силы и интересы, то расовая и национальная проблема может сделаться вторичной. Творческие умы могут найти выход, используя конфликт как тему для художественного выражения¹ и научных изысканий. У некоторых индивидов есть возможность переехать в местности, где не так остро стоят расовые проблемы. Дружеские связи также играют свою роль в приспособлении, ибо конгениальная личностная связь обеспечивает защиту от ударов из внешнего мира, а также разрядку сдерживаемых эмоций.

Что представляется существенно важным, так это то, что индивид, если он обладает проницательностью и желает сохранить свое самоуважение, не станет уходить от проблем, обманывать себя или играть роль, не находящую максимально полной поддержки в его сокровенных мыслях и чувствах. Если он смешанной крови² – зачем это отрицать? Если он расово принадлежит к одной группе, а культурно к другой, то эту дилемму нельзя просто обойти стороной. Если его национальность ни во что не ставят, то он не решит своих проблем денационализацией или бегством в ложную форму космополитизма, ведь развитие «интернационального духа» предполагает существование интегрированного национального духа. Если, с другой стороны, он обретает прибежище в суровом,

¹ Это заметно в произведениях Людвиг Льюисона. Интересный анализ взаимосвязей между личностью Льюисона и его произведениями см. в статье: *Bates E.S. Lewisohn into Crump // American Mercury*. – N.Y., 1934. – Vol. 31, Apr. – P. 441–450. Вернувшись после 10-летнего пребывания в Европе в Соединенные Штаты, Льюисон выражает более вдумчивое мнение об американской культуре. См.: *Lewisohn L. An American comes home // Harper's monthly*. – N.Y., 1934. – Oct. – P. 513–520.

² В статье Джорджа Сокольски (*Sokolsky G.E. My mixed marriage // Atlantic monthly*. – Boston (MA), 1933. – Aug. – P. 137–146) заинтересованный читатель найдет откровенное обсуждение проблем смешанных браков, а также ряд уместных предложений относительно воспитания детей смешанной крови.

фанатичном национализме, то он не может достичь подлинной гармонии внутренней установки и чувства, а просто выплескивает свои ненависти на они-группу, а свою любовь – на мы-группу.

Мужественная встреча с проблемами не будет непременно разрешать весь этот конфликт, ибо действие одного человека не может отменить – хотя и может значительно модифицировать – объективную социальную ситуацию: так, Якоб Вассерман, хотя твердо настаивал на своем двойном статусе немца и еврея, не изменил ощутимо немецко-еврейское размежевание. Но те, кто удерживают свою личностную цельность – установку «я это я», – упрочивают права личности перед лицом внешних давлений и тем самым становятся пионерами и креативными агентами нового социального порядка, который, видимо, развивается по мере того как более узкие групповые лояльности постепенно уступают место более широким человеческим ценностям.

Глава XI. Социологическая значимость маргинального человека

Понятие

Личностную проблему, составляющую тему этого исследования, часто отмечали и обсуждали в отдельных конкретных ее аспектах. Много внимания привлекали аномальное положение и ментальные напряжения расового гибрида. Как евреев, так и неевреев интересовал характер еврея. Иммигранты и дети иммигрантов, естественно, получали много внимания со стороны тех, кого волнует ассимиляция. А конфликты *этносов* Востока и Запада проникли в поэзию и пророчество, и не у одного только Кипплинга.

Из обыденных наблюдений и повседневных отношений приходят идентифицирующие имена и эпитеты. При этом даже уважаемые слова приобретают сомнительные коннотации, поскольку окрашены установками предвзятости и ассоциируются с низким статусом. Вследствие этого термин «евразиец» заменяется на «англоиндиец», негр предпочитает называться «африканцем» или «цветным», а иммигрант иногда колеблется относительно обозначения себя в качестве такового. В особых ситуациях возникли также специальные термины, прямо указывающие на двойственный, маргинальный характер: «европеизированный африканец», «англизированный индиец», «полукаста» (half-caste), «метис», «*déraciné*», «парвеню»,

«олрайтник», «денационализированный», «очужеземленный», «дефисный гражданин» и т.д. Иногда автор проводит сравнения между какими-то двумя из них.

Благодаря подведению таких разрозненных терминов под одно всех их охватывающее понятие – «маргинальный человек» – сравнение и анализ идут дальше. Можно абстрагировать общие всем случаям элементы и определить основные очертания ситуации и личности. Существенное и универсальное становятся отдельными от случайного и уникального; при этом отклонения или подтипы точнее понимаются в терминах особых условий. Таким образом может сложиться научная концепция. Уместно привести утверждение Дьюи касательно роли научных концепций: «Научные концепции – не откровение некоей предшествующей и независимой реальности. Это система гипотез, разрабатываемых в условиях определенной проверки, с помощью которой наша интеллектуальная и практическая связь с природой делается более свободной, более надежной и более значимой»¹.

Биологический фактор

В этом исследовании мы исходили из того, что маргинальная личность есть функция социальных условий. Обращение к фактам, как нам видится, поддерживает эту посылку. Таким образом, маргинальный тип проявляется в каждой из основных рас, как среди расовых гибридов, так и в несмешанных группах, и почти в каждой культуре. Общий фактор здесь не биологический, а некоторая социальная ситуация. Основным путем, которым в дело входит физическая раса, является ее идентификационная метка. Она способствует фокусировке расового предрассудка, сокращает социальный контакт и тем самым препятствует естественному процессу ассимиляции. Самыми ясными и наиболее очевидными маргинальными типами часто являются те, которые культурно принадлежат к доминирующей группе, а в расовом отношении являются членами подчиненной группы.

Даже в рамках особого типа проблемы, например проблемы людей смешанной крови, маргинальная личность меняется с природой ситуации. Этот факт, взятый вместе с общим сходством расово-

¹ *Dewey J.* The quest for certainty. – N.Y.: Minton, Balch & co., 1929. – P. 165. Была предпринята попытка сохранить понятие эмпирически валидным, а не конструировать «идеальный тип», как в социологии Макса Вебера. См.: *Abel T.* Systematic sociology in Germany. – N.Y.: Columbia univ. press, 1929.

го гибрида с культурным гибридом, предполагает, если не полностью устанавливает, что расовое смешение как таковое не создает нестабильных генетических конституций или дисгармоничных личностей. Более полное доказательство этого должно ждать дальнейших исследований в области генетики, а также детальных исследований людей смешанной крови в разных социальных средах.

Иногда задается вопрос, не является ли маргинальный человек отражением индивидуальных вариаций в унаследованном темпераменте и восприимчивости. Не становятся ли восприимчивые от природы люди наиболее чувствительными маргинальными людьми? Вероятно, есть какая-то истина в этом утверждении, но ее легко преувеличить. Интервью и истории жизни во многих случаях показывают, что восприимчивость развивается в значительной мере с кризисной фазой. Кроме того, она флуктуирует вместе с ситуацией, в которой живет индивид, нарастая и падая в рамках его опыта. В конце концов, вариации между разными группами вряд ли можно объяснить в терминах индивидуальных предрасположений. Для черт индивида, видимо, важнее другие факторы — особенно степень, в которой он психологически идентифицировался с доминирующей культурой перед тем, как оказаться ею отвергнутым.

Маргинальный культурный ареал

О далеких и пограничных культурах, таких как культуры аборигенной Австралии, социальные антропологи иногда говорят как о «маргинальных культурах»¹. Очевидно, что такие культуры имеют мало общего с предметом нашего исследования; по существу, будучи изолированными, они тяготеют к культурной стабильности, если не стагнации, а не к культурному конфликту.

Понятие «маргинального ареала» относится к региону, в котором две культуры накладываются друг на друга и занимающая его группа сочетает в себе черты обеих культур. Это, по словам Голденвейзера, чисто объективное понятие: «В психологическом отношении маргинальный ареал — всего лишь тип культурного ареала, ведь его культурное содержание обладает в такой же степени единством и имеет такую же ценность для носящих его лю-

¹ *Wissler C. Man and culture. — N.Y.: T.Y. Crowell, 1923. — P. 38, 147.*

дей, как и содержание полноценного культурного ареала»¹. Такие маргинальные ареалы могут как заключать, так и не заключать в себе культурный конфликт. Когда он есть, мы можем ожидать найти там и маргинальных людей.

Экспансия западной цивилизации по всему земному шару принесла с собой маргинальные ареалы конфликта и произвела людей, живущих в обеих культурах. Такой культурный конфликт особенно очевиден в городских центрах. Это точки максимального культурного взаимопроникновения. Из таких центров новые влияния расходятся вокруг по путям коммуникации и транспортным путям.

Сельское индигенное население, как и иностранные иммигранты, стекается в города и отсортировывается в ареалы, населенные такими же людьми, как они. Таким образом, современный большой город – это мозаика мелких культурных единиц, меняющих свои места обитания по мере роста города и постепенно теряющих в процессе ассимиляции свои идентичности. Эти центры – настоящие плавильные котлы культуры. Следовательно, место проживания в городе становится значимым индексом культурного статуса². Конкуренция и мобильность между тем настолько активны, что концепция маргинального ареала, как она используется антропологом, не показывает в полной мере динамическую сложность культурного процесса.

Культурное содержание и культурный конфликт

Ядро черт, характеризующих маргинальную личность, проистекает из конфликта культур, а не из особого содержания той или иной культуры. У каждого общества есть своя отличительная культура, создающая свой тип личности: английский, итальянский, японский, гавайский. Для целей нашего исследования такие на-

¹ *Goldenweiser A.* Cultural anthropology // History and prospects of the social sciences / Ed. by H.E. Barnes. – N.Y.: A.A. Knopf, 1925. – P. 245.

² Есть множество специальных исследований этого типа. См.: *Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D.* The city. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925; *The urban community* / Ed. by E.W. Burgess. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1926; *Thrasher F.* The gang. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927; *Mowrer E.W.* Family disorganization. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927; *Wirth L.* The ghetto. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1928; *Zorbaugh H.* The Gold Coast and the slum. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1929; *Redfield R.* Tepoztlan. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1930; *Frazier E.F.* The Negro family in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1932.

циональные различия – как и различия, вытекающие из индивидуальной наследственности и из разного опыта внутри культуры, – выведены из рассмотрения. Именно конфликт групп, обладающих разными культурами, оказывает определяющее влияние на создание маргинального человека, и типичные его черты являются социально-психологическими, а не культурными по своей природе.

Членство в социальной группе жизненно важнее для индивида, чем причастность к какой-то особой культуре; первое есть предпосылка второго. Соответственно, когда что-то угрожает его социальному статусу, это вызывает глубочайшие психологические последствия. Именно в силу того, что маргинальный индивид имеет неопределенный статус в двух или более группах, он и становится особым типом личности независимо от конкретного содержания культур.

Культурный конфликт – всего лишь форма группового конфликта, в которой источником конфликта служит культурное различие. Это различие интерпретируется в моральных терминах. Две системы *нравов* оказываются в борьбе, и каждая из них располагает лояльностью своих членов. В сущности это борьба за существование, за то, какая из групп поставит под контроль ситуацию. Каждая группа – особенно обладающая контролем – стремится защитить себя, удержав другую на ее месте. Это вопрос сохранения социальной дистанции; когда позиции контролирующей группы угрожает продвижение подчиненной группы, она реагирует страхом и антипатией – т.е. расовым предрассудком¹.

Расовый предрассудок – это коллективная установка, направленная на другую расовую группу в целом. Отдельные члены последней трактуются с точки зрения установки по отношению к группе – а не в соответствии с их собственными личностными особенностями. Образованный негр помещается в тот же класс, что и необразованный негр; ассимилированный еврей или азиат рассматривается так же, как и неассимилированный еврей или азиат. Лишь немногие члены доминирующей группы, знающие ассимилированного индивида лично, могут относиться к нему исходя из его индивидуальных черт. Таким образом, базовыми факторами создания маргинального человека являются культурный конфликт и неравномерная ассимиляция.

¹ Park R.E. The bases of racial prejudice // Annals of the American academy of political and social sciences. – Philadelphia (PA), 1928. – Vol. 140, N 1. – P. 11–20.

Маргинальный человек и социальная теория личности

Научное изучение личности все еще остается на ранних стадиях. Подходы с позиций физиологии, индивидуальной психологии, психиатрии и психоанализа, со всеми их школами и персональными интерпретациями, до сих пор не пришли к общей точке зрения. В этом конфликте интерпретаций и методов ученые-социологи настаивали на необходимости рассматривать личность как формируемую социальным процессом и формирующую его. Можно вернуться к психологу Уильяму Джеймсу и его анализу Я, особенно «социального Я». У индивида, пишет Джеймс, «столько разных социальных Я, сколько есть разных *групп* людей, мнение которых его заботит. Обычно он показывает каждой из этих разных групп разные стороны самого себя»¹. У социолога Чарльза Х. Кули анализ Я проведен даже реалистичнее и тоньше, чем у Джеймса. В Я всегда заключена «социальная референция», но в «очень большом и интересном классе случаев» она принимает форму «отраженного, или зеркального Я», которое состоит из «воображения того, как мы выглядим в глазах другого человека, воображения его суждения об этой видимости и некоторого рода самоощущения, такого как гордость или огорчение»².

«Социальной референцией» Я является социальная группа. Личность можно, соответственно, определить как «сумму и организацию тех черт, которые определяют роль индивида в группе»³. Понятие роли в группе дает рамку соотнесения, в которой различные черты выполняют свои функции как причины и последствия этой роли. Так, интеллект может помочь превратить индивида в лидера, а лидерская роль в свою очередь производит некоторые личностные черты, такие как уверенность в себе. Но поскольку индивид обычно принадлежит к нескольким группам, в каждой из которых он имеет роль, то у личности имеется множество граней. Отсюда возникает проблема гармонизации и интеграции его различных Я, чтобы могли быть достигнуты стабильный характер и осмысленная внутренняя жизнь. Поскольку индивид живет в обществе, где происходят быстрые изменения и

¹ *James W.* Psychology (Briefer course). – N.Y.: H.H. Holt & co., 1920. – Ch. 12. – P. 179.

² *Cooley C.H.* Human nature and the social order. – Rev. ed. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1922. – P. 184.

³ *Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the science of sociology. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 70.

существуют разные кодексы поведения, стоящая перед ним проблема достижения гармоничной личности и стабильного характера соответственно усложняется.

Здесь мы должны провести различие между социальным изменением, происходящим от постепенного внедрения новых идей изнутри и извне данного общества, и тем типом социального изменения, который проистекает из внезапного контакта двух или более обществ с разными культурами. Во втором случае столкновение кодексов и философий имеет глубокое значение. Воздействие на подчиненную группу, на которую ложится основная часть усилий по приспособлению, оказывается особенно суровым. Для индивида контраст между его групповыми ролями и воображенными Я часто бывает острым. Этот контраст – не просто конфликт социальных групп в пределах культурной системы: это конфликт между двумя культурными системами, в каждой из которых есть свои подчиненные группы. В результате индивид может быть вынужден переприспосабливать свою жизнь в целом множестве пунктов: это и язык, на котором он общается, и религия, которую он исповедует, и моральный кодекс, которому он следует, и способ, каким он зарабатывает себе на жизнь, и правительство, которому он предан, и более тонкие аспекты личности. Двойственность культур производит двойственность личности – разделенное Я.

Именно факт культурной двойственности является определяющим в жизни маргинального человека. У него нет столкновения между врожденным темпераментом и социальным ожиданием, между конгениальной личностной тенденцией и паттерном данной культуры¹. Перед ним стоит не проблема приспособления одного зеркального Я; у него таких Я два или больше. И его паттерн приспособления редко дает ему полную культурную ориентацию и поддержку, ибо его проблема возникает из подвижного социального порядка как такового.

Сегодня социальный порядок зиждется на национальностях и расах, реальных или вымышленных. Политическое государство – это реальность, которой во времена испытаний все другие лояльности должны уступать дорогу. В прошлом высшей лояльностью часто была религиозная лояльность. Конфликты религиозной идентификации рвали пополам человеческие души; как это было – живо изображено и проанализировано Уильямом Джеймсом в «Многооб-

¹Превосходную постановку этой проблемы см. в: *Benedict R. Patterns of culture.* – Boston (MA): Houghton, Mifflin & co., 1934. – Ч. 8 (особенно).

разии религиозного опыта». Религиозный конфликт есть в основе своей конфликт внутренней нравственной или духовной жизни, с Богом и Я, идеальным и актуальным как объектами внимания. Такие конфликты имеют также и свою социальную референцию, хотя не настолько осознанную, как в случае маргинального человека, озабоченного прежде всего объективной социальной ситуацией. Разделенное Я последнего не похоже на религиозные «больные души, коим следует дважды родиться, чтобы быть счастливыми»; нет у него и основы в темпераменте¹. Градации двойственности, стало быть, лучше соотносятся с социальной ситуацией.

Маргинальный человек и культурный процесс²

Культура не только аккумулируется и передается из поколения в поколение: она также распространяется путем диффузии из группы в группу. Каждый процесс воздействует на другой. Сегодня стоит появиться новой идее или методу в одном месте, как они почти тут же появляются в другом – либо благодаря одновременному изобретению, либо благодаря копированию и диффузии. Диффузия в свой черед стимулирует дальнейшие изобретения. Современные формы коммуникации и транспорта стали магистралями культурного изменения.

В настоящем, так же, как и в прошлом, миграция выполняет жизненно важную роль в культурном изменении. Благодаря ей «лепешка обычая» в достаточной мере потрепана и разорвана, чтобы высвободить индивидов для творческого мышления. Относительно обособленные социальные группы не меняют внезапно свой образ жизни, разве что прямо или косвенно реагируя на изменения в физической среде. Но там, где они живут в тесном контакте с другими народами, они подчинены человеческой конкуренции и конфликту и

¹ *James W.* The varieties of religious experience. – N.Y.: Modern library, 1902. – P. 167. Джеймс относился к врожденной темпераментной основе скептически. См.: *James W.* The varieties of religious experience. – N.Y.: Modern library, 1902. – P. 169.

² В этом параграфе я особенно в долгу перед Робертом Э. Парком за те предложения, которые он сформулировал в своей статье «Миграция и маргинальный человек» (*Park R.E.* Human migration and the marginal man // *American j. of sociology.* – Chicago (IL), 1928. – Vol. 33, N 6. – P. 881–893). Конечно, важно проводить различие между культурным изменением, проистекающим из аккумуляции отдельных изобретений внутри народа, и культурным изменением, вытекающим из столкновений народов. Хотя эти два процесса друг с другом взаимодействуют, этот параграф посвящен только второму.

должны – если хотят выжить или сохранить самостоятельность – постоянно переприспосабливаться. Следовательно, популяционное вторжение приводит в движение процесс культурного изменения, рушащий старые культурные формы, освобождающий индивидов от их господства и вызывающий, тем самым, периоды творческой активности и развития. Эта теория была развита Фредериком Дж. Теггартом. Он обращает также внимание на ее импликация для изучения великих людей:

«Итак, хотя исторически развитие зависело от столкновения групп, возникающая в итоге реакция происходила в умах индивидов, и так мы приходим к пониманию того, что все переходные эпохи схожи в том, что это периоды индивидуального умственного пробуждения и высвобождения, или эмансипации индивидуальной инициативы в мысли и действии. Это одинаково применимо независимо от того, рассматриваем ли мы прошлое или настоящее, и, следовательно, поскольку antecedенты развития осознаются лишь в исключительных случаях, мы вынуждены полагаться в верификации, которую мы сейчас обсуждаем, на свидетельства исключительных индивидов. То, что исторический процесс индивидуализации мышления есть также и форма, через которую сегодня происходит развитие, лучше всего было бы показать путем расширенного исследования биографий выдающихся людей, но на данный момент можно принять свидетельства, приводимые психологами и другими исследователями, которые уже привлекли внимание к фактам»¹.

Недавно опубликованное исследование Арнольда Дж. Тойнби² можно рассматривать как частичный ответ на последнее предложение Теггарта. В третьем томе этого исследования он дает краткий анализ жизни таких гениев, как св. Павел, Гаутама Будда, Давид, Цезарь, Мухаммед, Петр Великий, Ленин, Конфуций, Кант и т.д., чтобы раскрыть «взаимодействие между индивидами в растущих цивилизациях». Оно, как он обнаруживает, состоит из «движения ухода-и-возвращения», в котором индивид проходит через «внутренний психический опыт».

«С точки зрения его внешних связей с другими индивидами в социальной жизни, являющейся общей основой его и их полей действия, мы опишем то же

¹ *Teggart F.J. Processes of history.* – New Haven (CT): Yale univ. press, 1918. – P. 155–156. См. также: *Teggart F.J. Theory of history.* – New Haven (CT): Yale univ. press, 1925.

² *Toynbee A.J. A study of history.* – L.: Oxford univ. press, 1934. На данный момент вышли в свет три части, представленные в трех томах. Общий план исследования включает 13 частей.

движение, если назовем его высвобождением и временным уходом творческой личности из социальной среды и ее последующим возвращением в ту же среду, но уже преобразенной – с новыми способностями и новыми силами. Высвобождение и уход дают личности возможность реализовать свой индивидуальный потенциал, который мог бы остаться невыраженным, если бы индивиды, коим он свойствен, не были избавлены на какое-то время от своих социальных трудов и препятствий»¹.

Этот анализ имеет много общего с анализом маргинального человека, представленным выше². Здесь «кризисный опыт» – это событие, которое отбрасывает индивида к самому себе и производит «высвобождение и временный уход». Те индивиды, у которых есть способности к перестройке своих личностей и «возвращению» в качестве творческих агентов, не только приспособляются сами, но и вносят вклад в разрешение конфликта рас и культур. Так, например, карьера св. Павла³ была творческим ответом на влияние греческой культуры на сирийское общество.

Но творческая роль индивида варьирует вместе с ситуацией. Обычно расовые отношения развиваются в рамках цикла⁴ или последовательности процессов. Вначале отношения двух или более рас или национальностей, живущих на общей территории при одной политической и экономической системе, принимают преимущественно симбиотический или экономический характер. С течением времени и по достижении знакомства друг с другом развиваются более близкие социальные отношения. Сюда входят смешение кровей и передача культуры. Из этого процесса рождаются маргинальные люди – как расовые гибриды либо как культурные гибриды. По истечении достаточного времени из этого контакта и взаимодействия возникает новая расовая ветвь или новая культура, и конкретный цикл расовых отношений приходит к своему завершению.

Европеизация земного шара формирует условия для последнего акта в контактах народов. Она заключала в себе двоякую диффузию европейской крови и европейской культуры. Эта диффузия преобразила мир из собрания обособленных или медленно взаимодействующих рас, политических единиц и особых культур в состоя-

¹ *Toynbee A.J.* A study of history. – L.: Oxford univ. press, 1934. – Vol. 3. – P. 248.

² Особенно: *Ibid.* – Ch. 5–10.

³ См.: *Ibid.* – P. 263–264.

⁴ Это «цикл расовых отношений», определенный Робертом Э. Парком. См.: *Park R.E.* Behind our masks // Survey graphic. – Exton (PA), 1926. – May. – P. 192.

ние, при котором в каждой части господствует динамичный взаимообмен и обоюдная экономическая, если не политическая и культурная, взаимозависимость. Первая фаза этого процесса подразумевала расширение западного политического и экономического контроля – т.е. «империализм», быстрое смешение рас, дезорганизацию незападных культур и постепенное усвоение европейских идей. В наше время развивается вторая фаза – фаза, в которой националистические и расовые движения пытаются устранить западное доминирование и заменить его реорганизованными, самоопределившимися обществами и государствами. Но, как демонстрирует подъем Японии, такие движения добиваются успеха лишь в той степени, в какой могут воспользоваться западными инструментами экономического, политического и военного могущества.

Маргинальный человек – ключевая личность в контактах культур. Именно в его разуме культуры сходятся, конфликтуют и вырабатывают в итоге некоторый род взаимного приспособления и взаимопроникновения. Он горнило, в котором сплавляются культуры. Его жизненная история повторяет в чем-то процессы, описанные в цикле расовых отношений: первоначально он не сознает протекающего культурного конфликта; затем, благодаря тому или иному кризисному опыту или серии опытов, он начинает его сознать, и внешний конфликт находит отзвук в его душе; и, наконец, он пытается – и иногда ему это удается – приспособиться к своей ситуации.

Таким образом, практические попытки маргинального человека решить собственную проблему ведут его – осознанно или нет – к изменению самой ситуации. Его интерес может переключаться с самого себя на объективные социальные условия и направлять его на карьеру националиста, миротворца, переводчика, реформатора или учителя. В этих ролях он неизбежно помогает аккультурации либо на основе более широкого политического и культурного единства, либо в терминах модифицированной политической и культурной дифференциации – нового государства. Следовательно, жизненные истории маргинальных людей предлагают наиболее значимый материал для анализа культурного процесса, проистекающего из контактов социальных групп. И именно в уме маргинального человека ярче всего раскрываются внутренняя значимость и движущие мотивы такого культурного изменения.

Фредерик Милтон Трэшер

ШАЙКИ

Криминологические исследования занимают важное место в наследии Чикагской школы. В книге «Шайка» (1927), написанной Ф.М. Трэшером (1892–1962) и являющейся одной из жемчужин в чикагской криминологии, речь идет, однако, не только о преступности и делинквентности. Тема ее гораздо шире. В книге представлено всестороннее исследование шайки как особого типа социальной группы, имеющего «промежуточный» характер и особым образом организующего коллективные деятельности людей, прежде всего детей и подростков, особенно в разного рода промежуточных ареалах. Шайка рассматривается в контексте «коллективного поведения», которое в исследовательской программе Чикагской школы составляет собственно предмет социологии. Термин «шайка» трактуется в книге широко, включая разного рода группы – от простых детских дворовых компаний до детских и взрослых банд. Трэшер анализирует природу шайки, ее «экологию», процесс ее образования, типовые траектории ее развития, внутреннюю структуру и мораль шайки, лидерство в шайке, ее связь с преступным миром и разного рода формальными организациями, социализацию в ней как первичной группе, возможности перенаправления деятельности шайек в позитивное русло. Все это сопровождается многочисленными документами и фотографиями, собранными автором в ходе его годичного полевого исследования. Ниже приводятся три главы из этой книги.

Перевод сделан по источнику: Thrasher F.M. The gang: A study of 1313 gangs in Chicago. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927. – P. 27–57, 277–308. Публикуется впервые.

Глава II. Образование шаяк

Зарождение шайки лучше всего изучать в городских трущобах, где в ограниченном ареале скапливается необычайно много детей. Теплым летним вечером дети буквально наводняют проходы между зданиями и тротуары, пустыри и мусорные свалки, улицы и аллеи. Гулкой болтовней и постоянным движением они напоминают роящихся насекомых, непрерывно снующих то туда, то сюда одушевленной массой. Даже на случайного посетителя района эта нескончаемая активность оказывает чарующее воздействие, и было бы поистине удивительно, если бы обычный здоровый мальчишка мог остаться к ней равнодушным.

В этом вездесущем столпотворении детей повсеместно образуются спонтанные игровые группы – шайки *in embryo*. Такая людная среда полна возможностей конфликта с каким-нибудь противником – лицом или группой внутри социального окружения шайки или вне его¹. Конфликт возникает, с одной стороны, с группами своего класса в спорах за ценимые в мире шаяк prerogatives – территорию, добычу, игровые пространства, покровительство в противозаконном бизнесе, привилегии эксплуатации и т.д.; с другой стороны, он возникает через противостояние неподнадзорным деятелям шайки со стороны конвенционального социального порядка. Таким образом, шайка сталкивается с настоящей борьбой за существование с другими шайками и с антагонистическими силами в ее более широкой социальной среде.

Игровые группы легко встречаются с этими враждебными силами, и те дают их членам чувство «мы» и запускают процесс образования шаяк, столь характерный для жизни этих неорганизованных ареалов.

СУМЕРЕЧНАЯ ЖИЗНЬ В АРЕАЛЕ БАНДООБРАЗОВАНИЯ

3. «В один оживленный день в мае мы посетили район Халл-Хауса. Улицы и открытые пространства были переполнены снующими туда-сюда мальчишками. Они вовсю предавались разного рода активным играм, почти без всякого руководства.

С одной стороны гудрических школьных площадок “Теории” мерялись силой в игре в мяч со “сборной” командой, ядром какой-нибудь будущей шайки. “Теорийские чужаки”, младшие спутники этой группы, следили за игрой.

¹ Ср.: Hoyt F.C. Quicksands of youth. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1921. – P. 113–114.

В прилегающей части двора “Таннеры” играли с “Форкерами” за “пул”, собранный противостоящими командами и составивший 3,75 доллара. Едва удалось избежать драки, когда судья принял “неправильное” решение и мальчишки угрожающе столпились вокруг него. На другом конце участка играли еще две команды.

Небольшие группы тут и там предавались разговорам и флирту. Неподалеку некий мужчина играл с четырьмя мальчишками в “пьяницу”, даже не пытаясь прятать деньги. Потасовка в аллее вызвала всеобщее движение; все “поле” стремглав бросилось к забору посмотреть, что там происходит.

На углу Блю-Айленда и Форкера мы увидели оживленную игру в футбол между “Реверскими” и “придурками” (второй командой) “Красных дубов”. Первая команда с пылом болела за своих подопечных. Шайка мальчишек, собравшись вокруг разожженного в аллее костра, играла в индейцев. Их фантастические движения позволили нам увидеть воображаемый мир приключений, в котором часто живут мальчишки из шаяк.

Переходя Холстед или Форкер, мы встретили “Ориолей”, играющих в гандбол со стеной здания. Хотя они и поднаторели в искусстве маневрирования, им очень мешали транспортные средства и пешеходы. В дорском школьном дворе “Шайка с аллеи ангела-хранителя” играла в мяч с подобной же группой. Пробравшись через дыру в заборе, мы нашли “Арабские ночи”, “Тейлоров” и “Кометы”. По завершении игры они спели свои победные песни, похожие на “бодрящие” песни студентов колледжей.

Возвращаясь назад, мы повстречали “Черных кругов”, играющих на углу Поук и Холстед-стрит. Наша конечная остановка была у комнаты-клуба “Красных дубов”, только что созданного общественно-атлетического клуба, выкупившего хартию и оборудование у прежде занимавшей это помещение организации. Члены клуба тихо сидели около клуба, играя в карты и разговаривая¹.

Шайка и игровая группа

Имеется определенная географическая основа для игровой группы и шайки в этих ареалах.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ ШАЕК

4. В более густонаселенных частях города географической основой шайки служат обе стороны улицы на два квартала в глубину. Их членами являются мальчишки, которые играли вместе, пока их матери и отцы, как обычно бывает в этих районах, сидели перед своими домами и сплетничали долгими летними вечерами. Они знают друг друга так, как знают братьев и сестер, и, становясь старше, продолжают играть

¹ Наблюдения автора.

вместе. Исследование показало, что группы, играющие в школьном дворе после занятий, состоят из живущих по соседству мальчиков, многие из которых не ходят в эту школу на весь день. Школа не является основой этого типа шайки.

В менее многолюдных частях города, где есть парки, игровые группы, часто в них приходящие, обычно живут в радиусе не более нескольких кварталов. Вся группа просто переносится в парк. То же касается групп, играющих на пустырях: все они с близлежащих улиц. Можно увидеть группу из одного района, играющую против группы из другого ареала, но никогда части двух групп из разных районов не оказываются в одной команде. Члены этих игровых групп и шаяк с детства были вместе; они оказались бы в неестественной атмосфере, если бы играли в любой другой группе¹.

Большинство шаяк развиваются из спонтанной игровой группы. Когда мальчики или подростки из одного квартала или соседства сходятся вместе ради общего дела или праздного времяпрепровождения, образуется толпа, в смысле простого собрания лиц.

ТОЛПА ИЗ БИЛЬЯРДНОЙ

5. Появившаяся в соседстве новая бильярдная очень привлекала мальчишек. Шайка зародилась тогда, когда у группы развились враждебные чувства по отношению к двум грекам, владевшим фруктовой лавкой на противоположном углу. Мальчики начали красть фрукты, сперва понемногу. В конце концов, они попытались стащить большое количество апельсинов и бананов, выложенных на тротуаре, но греки погнались за ними. Это стало сигналом для общего нападения, и фрукты были использованы как боеприпасы. Этот эпизод положил начало шайке².

На этом базисе интересов и склонностей возникает игровая группа, деятельности которой варьируют от игры в «прятки» до стрельбания денег.

КОМПАНИЯ ТЕТИ САРЫ

6. Это была группа из примерно девяти мальчиков в возрасте от шести до 12 лет. В ней были как протестанты, так и католики; некоторые ходили в школу, другие работали. Их пристанище располагалось в гостиной дома одного из членов, мать которого, известная как «тетя Сара», позволяла мальчикам свободно

¹ Неопубликованное исследование опытного специалиста по работе с подростками в преступном мире.

² Документ Ассоциации защиты подростков.

встречаться в своем доме. Двое среди них были пианистами. Мальчики пели, танцевали джигу, играли в карты и просто болтали. У них не было формальной организации, никто не считался лидером, но слово одного или двух из них имело больше веса, чем слово других. Имелось групповое сознание, и большинство желаний членов удовлетворялось в компании; при этом не было антагонизма с аутсайдерами; те никогда сюда не вторгались. Все годы, пока длилось существование этой компании, новых членов в нее не принимали. Она распалась, когда ее члены выросли и уехали или женились¹.

Такая игровая группа может обрести реальную организацию. В ней возникают естественные лидеры, ее членам приписывается относительное положение, развиваются традиции. Но шайкой она становится только тогда, когда начинает вызывать неодобрение и противодействие и приобретает тем самым более определенное групповое сознание. Она открывает соперника или врага в шайке из соседнего квартала; ее бейсбольная или футбольная команда выставяется против какой-то другой команды; родители или соседи смотрят на нее с подозрением или враждебностью; «окрестные стариканы», лавочники или «копы»² начинают ее «гонять» (охотиться за ней); или кто-то из представителей сообщества вмешивается и пытается ее разогнать. Это реальное начало шайки, ибо теперь она начинает спланиваться теснее. Она становится конфликтной группой.

Было бы тем не менее ошибкой предполагать, что шайка возникает непосредственно из обычной уличной толпы³, подобно Минерве, вышедшей в готовом виде из головы Юпитера. Шайка берет начало в знакомстве и близких отношениях, уже развившихся на основе какого-то общего интереса. Эти предварительные узы среди мальчиков могут служить объединению скорее пар или трио, нежели группы в целом. Так называемая «шайка из двух мальчишек» часто бывает центром, к которому тянутся другие мальчики и вокруг которого они образуют своего рода констелляцию. Таким образом, шайка может вырасти как из единичных индивидов, так и путем сложения двоек или троек. Знаменитые Глорианны были первоначально шайкой из двух мальчишек⁴.

¹ Неопубликованная рукопись опытного специалиста по работе с подростками в преступном мире.

² Полицейский обычно естественный враг шайки, и он не знает никаких других способов поступить с ней, кроме как ее разогнать.

³ Образование шайки из толпы на углу улицы иллюстрируется в документе 13.

⁴ См. документ 215.

КОРНЕЛЛСКИЙ АТЛЕТИЧЕСКИЙ КЛУБ

7. «Наша шайка возникла из игровой группы, образованной девятью мальчиками, живущими в одном квартале. Мы познакомились через обычные уличные игры. Потом мы стали встречаться на чердаке у Томми. Для большей секретности мы построили на аллее шалаш, в котором можно было временно уединиться и покурить, так чтобы родители нам не мешали. Когда моих родителей не было дома, мы использовали для встреч наш полуподвал, но старались входить в него через окно, чтобы не привлечь к себе внимание хозяина дома.

Это желание ускользнуть от семейного надзора положило начало нашему чувству солидарности. Наши первые привязанности заключались в защите друг друга от наших родителей. Иногда шайка относилась к последним с большой неприязнью. Мать одного из мальчиков, относившаяся к нему очень сурово, смотрела на нас так же враждебно и один раз, когда мы свистели, вызывая своего приятеля, выплеснула на нас кастрюлю помоев.

Сначала это была шайка в противовес членам наших семей, потом стала шайкой против соседей. Однажды субботним утром, когда мы играли в “траншею”, миссис Эппл вызвала полицию и сказала, что мы покушаемся на ее собственность. Оказалось, что мы просто перебежали через ее газон; полицейский посмеялся и сказал, что она слишком раздражительна и ему странно, что она до сих пор жива.

Наши коллективные деяния скоро принесли нам имя “Корнеллской ватаги”, но мы предпочитали называть себя “Корнеллским атлетическим клубом”, или “КАК”. За все шестилетнее существование мы приняли в свои ряды только двух новых членов, но для них мы придумали особую инициацию, скопировав некоторые наши штучки из историй Таркинтонна про Пенрода и Сэма.

Нашу солидарность очень укрепляли наши столкновения с другими шайками, будь то во время набегов или футбольных матчей. Однажды, когда мы победили на футболе шайку Харпера, игра закончилась всеобщей дракой. Мы их поколотили, но после этого они стали к нам намного дружелюбнее, хотя мы продолжали совершать набеги на логова друг друга. Мы заключили союз с Дорчестерской шайкой против “Кенвудов”, называвших нас “слабаками” и “богатенькими сынками”, и когда те украли печку из Дорчестерской лачуги, мы объединили силы и вторглись на 55-ю улицу, чтобы ее вернуть.

Опасность со стороны других шаяк всегда была достаточно велика, чтобы снять всякие внутренние трения и объединить нас против общего врага. Однажды в Хэллоуин двое из наших членов сцепились в драке, и никакие доводы и растаскивание не помогали их разнять. Как раз в это время мимо проходила еще одна шайка, они стукнули Томми грязной сумкой, после чего дерущиеся сразу забыли о своей ссоре и помогли нам догнать и побить агрессоров»¹.

¹ Рукопись, подготовленная бывшим членом шайки.

Шайка и формальная группа

Довольно любопытно, что шайка иногда развивается внутри группы, совершенно отличной от нее во всех отношениях. Какое-то заинтересованное агентство собирает вместе нескольких мальчиков – возможно, совершенно чужих друг другу, – и образуется клуб. Им навязывается конвенциональная форма организации, деятельности направляются и контролируются. Внутри группы начинают развиваться дружеские связи на основе общих интересов, и это ведет к образованию фракций и клик, которые противостоят друг другу или навлекают на себя враждебность руководителей. В любом случае клика может служить основой для образования шайки, и ее члены могут начать неподнадзорно встречаться в неурочное время.

8. На занятия по танцам и драматическому искусству в сэттльменте набрали группу ирландских, еврейских и итальянских мальчиков. В результате возникших при этом новых дружеских связей и деятельностей итальянские мальчики вскоре образовали шайку. Хотя у нее не было лидера, они держались вместе и совершили много подвигов за пределами сэттльмента, включая гражданскую войну с соперничающими шайками. Возник сильный групповой дух, и верность членов шайки друг другу стала совершенно явной, особенно во времена безделья. Сэттльмент ясно понимал свои возможности и принял новую группу, направив ее активность в русло походов и разбития палаточных лагерей¹.

Часто бывает, что мальчики, исключенные индивидуально или группой из какой-то формальной организации, сближаются и образуют шайку. Они становятся изгоями, и это старая история Робин Гуда, выступившего против государства.

ИЗГОИ

9. Группе из восьми мальчиков, индивидуально связанных с клубом от двух до пяти лет, приостановили членство, так как они нарушили соглашение не играть с другими бейсбольными командами на деньги. Тогда 12 болельщиков покинули клуб и присоединились к изгоям. Теперь их вместе с приспешниками насчитывается около сотни. Сначала они встречались в кондитерской, потом сняли коттедж. Они играют в бейсбол по ставке 100 долларов за игру. Они планируют создать баскетбольную команду, оснащение для которой собираются купить на доходы от лотереи и танцев.

¹ Исследование работника сэттльмента (рукопись).

Их задача – пробиться в гимнастический зал; игровые площадки заполнены»¹.

10. «Около двадцати польских подростков, которых “вытурили” из сэттльмента, образовали шайку и назвали ее “Корпорацией”. Общей целью группы было расквитаться с сэттльментом, который был об этом уведомлен. Их пристанище находилось в греческом фруктовом магазине. Только половина из них одновременно работала. Они скидывались из своих карманных денег на общие нужды, но заработками не делились. Все они тяготели к тому, чтобы работать в одном месте, и увольнялись всей группой. Они крали мячи из сэттльмента, били окна в гимнастическом зале и вывешивали фальшивые объявления на доске объявлений, но серьезных проблем не доставляли. Другими их деятельностью были кражи фруктов с витрин, мелкие ограбления, азартные игры и бейсбол. Некоторые из них познали военную службу, что, видимо, их угомонило. Многие из них в настоящее время работают водителями такси и автобусов в Норт-Сайде, но до сих пор собираются вместе на улице»².

Во всех случаях этого типа функция общего врага в сплоченности шаяк видна самым ясным образом³.

Нестабильность и дезинтеграция

Процесс образования шаяк – это непрерывный поток и движение, и в большинстве таких групп мало постоянства. Все время образуются новые ядра, всюду в густонаселенных ареалах непрерывно происходят их слияния и перегруппирования. И конфликт, и конкуренция грозят зачаточным шайкам дезинтеграцией. Внимание индивида часто отвлекается на какого-то нового друга или на какую-то другую шайку, превосходящую в привлекательности. Когда замечается делинквентность, полиция разгоняет группу и по крайней мере на какое-то время прерывает ее карьеру. Какое-нибудь новое начинание в сэттльменте, на игровой площадке или в клубе нередко обескровливает ее членский состав.

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

11. «Было несколько факторов разрушения нашей шайки. Двое из ее членов, а позже и другие стали проявлять интерес к подростковому клубу. Отсюда возникли разногласия, поскольку ребята из клуба не ругались и не играли в кости.

¹ Интервью с директором клуба.

² Интервью с сотрудником сэттльмента.

³ Обсуждение шайки как конфликтной группы представлено в гл. 11.

Из этого раскола в интересах выросла взаимная неприязнь. Еще одним фактором было здание YMCA на участке, где у нашей шайки была игровая площадка»¹.

Чаще семьи мальчиков переезжают в другие районы, и если связи непрочные, то старая шайка вскоре забывается при присоединении к новой. Один мальчик присоединился к вражеской шайке, когда его семья переехала на враждебную территорию, поскольку ему «не нравилось ходить так далеко».

СМЕНА ПРИВЕРЖЕННОСТИ

12. «Когда мы жили на Девятнадцатой и на Паулине, я вступил в “Девятнадцатых уличных”, шайку, состоящую из 12–13 польских мальчишек. Мы вместе собирали дрова, купались или грабили евреев на Двенадцатой улице. Когда мы переехали на Двадцать первую и Паулину, я присоединился к “Вудстритским”. Это произошло примерно так. Я повстречал одного малого и повздорил с ним. Он привел еще двоих, и они попытались меня поколотить. Пару дней спустя на пути в школу ко мне подошел тот самый малый и сказал: “Табачку не найдется?” “Конечно!” “Дай пять!” “Разумеется! Ты мне нравишься, парень”. Так мы подружились, и я вошел в шайку. Потом мы переехали на Двадцать третью и Вуд-стрит, потом на Хойн, потом в пригород и, наконец, назад на Двадцать третью и Вуд. В каждом из этих мест я обычно ходил с новой шайкой»².

Иногда шайку раскалывает ссора, и от нее отделяется недовольная фракция.

Интересно отметить, что брак – одна из самых могущественных причин дезинтеграции прежних групп. Шайка – это по большей части подростковый феномен, и там, где условия благоприятствуют ее развитию, она занимает в жизни мальчика период между детством, когда он обычно инкорпорирован в семейную структуру, и браком, когда он реинкорпорируется в семью и иные упорядоченные отношения, связанные с работой, религией и развлечениями. Поэтому взрослая шайка, если она не конвенционализована, встречается сравнительно редко и является результатом особого отбора³. С этой точки зрения, стало быть, шайка тоже

¹ Рассказ мальчика из шайки.

² Рассказ мальчика из шайки.

³ Это положение, похоже, подтверждается данными о возрасте для 1213 шаек (с. 74).

оказывается промежуточной группой, манифестацией периода переприспособления между детством и зрелостью.

Большинство шаяк находятся в состоянии нестабильного равновесия. Те, которые сохраняются несколько лет, относительно редки по сравнению с многочисленными рудиментарными формами. Важно отметить, однако, что общий объем шаячной жизни и общая сумма шаяк не меняются ощутимо при меняющемся личном составе. За редкими исключениями, старые шайки заменяются новыми.

Корни шайки

Шайки представляют собой спонтанную попытку мальчиков создать себе общество там, где не существует ничего адекватного их потребностям. Тем, что они получают от такой ассоциации и что они иначе не получили бы в условиях, навязанных взрослым обществом, являются нервное возбуждение и радость от участия в общих интересах, особенно в корпоративном действии: охоте, захвате, конфликте, отходе и бегстве. Конфликт с другими шайками и окружающим миром дает повод для множества возбуждающих групповых деятельностей.

Сбой эффективного функционирования обычаев и институтов, обычно направляющих и контролирующих мальчишеский опыт, проявляет себя в дезинтеграции семейной жизни, неэффективности школ, формализме и поверхностности религии, коррупции и равнодушии в локальной политике, в низких зарплатах и монотонности профессиональной деятельности, безработице и отсутствии возможностей полноценного отдыха¹. Все эти факторы входят в картину морального и экономического фронта и вкупе с деградацией жилищных, санитарных и прочих условий в трущобе создают впечатление общей дезорганизации и упадка.

Шайка в соотнесении с этими условиями функционирует двояко: она дает замену того, чего не может дать общество, и обеспечивает избавление от подавления и неприятного поведения. Она заполняет вакуум и предоставляет возможность бегства. Здесь опять же можно мыслить ее как промежуточную группу, обеспечивающую ее членам промежуточные деятельности². Таким обра-

¹ См.: *Thrasher F.M.* The gang as a symptom of community disorganization // *J. of applied psychology.* – Wash., 1926. – Vol. 11, N 1. – P. 3–21.

² Недостаток места не позволяет разобрать эти принципы в полном объеме. Однако они будут проиллюстрированы в дальнейшем исследовании.

зом, шайка, будучи сама по себе естественным и спонтанным типом организации, возникающим через конфликт, служит симптомом дезорганизации в более широком социальном устройстве.

Эти выводы, к которым подводит настоящее исследование, похоже, обильно подтверждаются данными из других городов. Мир подростковых шак Нью-Йорка хорошо иллюстрируется там, где условия жизни в высокой степени дезорганизованы¹; шайки типичны для некоторых частей Нижнего Ист-Сайда и Вест-Сайда и других промежуточных ареалов².

История старых шак, составляющая одну из ярких страниц в истории Нью-Йорка, подчеркивает то же самое:

«Старый район Файв-Пойнтс, описанный Чарльзом Диккенсом в “Американских заметках” как содержащий до крайности порочные трущобы и “все, что есть гнусного, опустившегося и разлагающегося”, был местом размножения большинства старых банд и сцен, на которой развевались многие знаменитые бандитские войны»³.

Много шак в ареалах арендного жилья в бостонском Саут-Энде⁴. В Миннеаполисе лучшие жилые районы и лучшие районы среднего класса свободны от таких групп, но в районах Севера, Востока и Южного городка и в промышленных ареалах, похоже, довольно много деструктивных банд⁵. В Кливленде деловой район даунтауна, берег озера на востоке города, районы Вест-Сайда близ реки, средний Ист-Сайд и район Гарвард-Бродвея, образующие дезорганизованные промежуточные ареалы, оказались особенно благоприятными для развития шак⁶. Шайки Лос-Анджелеса мы находим в про-

¹ *Chenery W.L.* How the greatest city neglects its children // *New York Times*. – N.Y., 1919. – Sept. 14.

² См.: *Ford C.* New York's junior gangland // *New York Times* book rev. a. magazine. – N.Y., 1922. – Jan. 1. – P. 16; *True R.S.* Boyhood and lawlessness. – N.Y.: Survey associates, 1914. – (West-Side studies / Dir. by P.D. Goldmark). См. также работы Джейкоба Рииса (Jacob A. Riis).

³ *Asbury H.* The passing of the gangster // *American Mercury*. – N.Y., 1925. – Vol. 4, N 15.

⁴ *Woods R.A.* The city wilderness: A settlement study. – Boston (MA); N.Y.: Houghton, Mifflin & co., 1899. – P. 114 ff; *Woods R.A.* Americans in process: A settlement study. – Boston (MA); N.Y.: Houghton, Mifflin & co., 1903. – P. 154–155, 184.

⁵ Письмо социального работника, работающего с детьми и подростками в Миннеаполисе.

⁶ *Thurston H.W.* Delinquency and spare time: Cleveland recreation survey. – Cleveland (OH): Cleveland Foundation survey committee, 1918.

мышленных и истсайдских районах, где условия жизни подобны тем, которые мы видим в чикагских местообитаниях шаек¹. В Сент-Луисе именно в дезорганизованных речных районах юношеские шайки достигли расцвета. Эти условия повторяются – с вариациями, обязанными местным условиям, – в Новом Орлеане, Денвере, Сан-Франциско и других американских городах, где очевиден экономический, моральный и культурный фронтир.

Образование шаек соотносится с дезорганизованными условиями и в зарубежных городах. Сирил Берт отмечает, что ареалы бедности в Лондоне демонстрируют более высокий уровень подростковой делинквентности, чем другие районы, и характеризуются образованием делинквентных шаек². Один из этих ареалов, Хокстон, был назван «ведущим преступным кварталом Лондона и даже всей Англии»³. Чарлз Бут описывает эти «молодежные банды, некогда терроризировавшие улицы Хокстона – части города, все еще примечательной своими подростковыми шайками»⁴.

Рассказывают, что в России 100 тыс. беспризорников ходят шайками, добывая сомнительные средства к существованию воровством и ютясь в заброшенных зданиях, а в Москве и в других городах – в коллекторах и катакомбах⁵. В Москве шайка 12–13-летних подростков организовала налет на Лубянский рождественский базар, переросший в такие беспорядки, что была вызвана конная полиция. Группа из 18 подростков и девочек в возрасте от 10 до

¹ *Bogardus E.S.* The city boy and his problems: A survey of boy life in Los Angeles. – Los Angeles (CA): House of Ralston, 1926. – Ch. 6: The boy and the gang. Летом 1925 г. под началом проф. Богардуса и факультета социологии университета Южной Калифорнии было проведено обширное и доскональное исследование подростков Лос-Анджелеса. Интересно отметить, что данные о шайках, полученные в этом исследовании, показывают, что феномены шаек в Лос-Анджелесе почти повторяют ситуацию в Чикаго, но в меньшем масштабе. Самое значительное отличие состоит, видимо, в том, что благодаря новизне и мобильности населения в западном городе шайки там не столь многочисленны и не столь постоянны, как в Чикаго. При этом обнаруживается общее подтверждение принципов, установленных чикагским исследованием.

² *Burt C.* The young delinquent. – L.: Univ. of London press, 1925. – P. 67–76, 445–449.

³ *Booth Ch.* Life and labour of the people in London. – L.: Macmillan, 1902. – Vol. 2. – P. 111.

⁴ *Ibid.* – P. 114–115.

⁵ По словам Уолтера Дуранти (Walter Duranty), корреспондента «New York Times», которые приводятся в: *Literary digest.* – N.Y., 1926. – Feb.

16 лет жила в замороженном коллекторе, выходявшем на Москву-реку, и промышляла разбоем. Банда из 10 детей младше 15 лет повадилась похищать лучше одетых детей ради их одежды. В Одессе шайка из восьми бездомных детей – всем меньше 14 лет – подстерегла 10-летнего мальчика, заставила его раздеться, после чего ему перерезали горло и нанесли двенадцать ножевых ударов¹.

Шайка и фронтир

То, что концепция шайки как симптома экономического, морального и культурного фронта – не просто фантазия и фигура речи, демонстрирует функционирование схожих групп на других фронтах, нежели городские. Продвижение цивилизации в дикую местность знаменуется грабительскими бандами, возникающими как из ослабления социального контроля, так и из попыток бегства от авторитета. Непроходимые Эверглейды Флориды долго были прибежищем страшной банды Эшли-Мобли. История Джесси Джеймса и его банды изгоев – краткое резюме типа жизни, довольно-таки обычного во времена освоения Дикого Запада². Наиболее мерзкой среди банд фронта была банда под предводительством Хоакина Мурьеты, мексиканца, который незадолго до конца своей яркой карьеры планировал пройти с пятью сотнями людей по всему штату Калифорния и опустошить его³. Заселение Австралии было отмечено деятельностью многочисленных банд беглых каторжников, самой примечательной среди которых была, вероятно, банда Келли, поимка которой обошлась правительству в 120 тыс. долл.⁴ История фронта в Иллинойсе насквозь пропитана деятельностью банд⁵.

Политические границы многих наций демонстрируют те же феномены. Незаконные банды на наших границах включают контрабандистов, гонцов с ромом и пограничных бандитов мексиканской

¹ Chicago Tribune press service. – Chicago (IL), 1925. – Dec. 28; Chicago Tribune press service. – Chicago (IL), 1926. – Mar. 15.

² См.: *Love R.* The rise and fall of Jesse James. – N.Y.: G.P. Putnam's sons, 1926.

³ *Henderson G.C.* Keys to Crookdom. – N.Y.: D. Appleton, 1924. – P. 108 ff.

⁴ Краткое описание этой банды см.: *Stevens C.L.M.* Famous crimes and criminals. – L.: S. Paul, 1924. – Ch. 15: The last of the bushrangers.

⁵ См.: *Quaife M.M.* Chicago's highways old and new: From Indian trail to motor road. – Chicago (IL): D.F. Keller & co., 1923. – P. 188–189.

границы¹. Канадские и мексиканские пограничные группы, среди которых лучше всего, вероятно, известна банда Имперской долины, специализировались на похищении автомобилей². Там, где социальная организация внутри нации неразвита или разрушена, этим типом жизни могут характеризоваться целые регионы. Это хорошо иллюстрируют Мексика с ее многочисленными бандами герильясов, выдающимся примером которых является банда Франсиско Вилья, Китай, где конные банды из региона Чанбайшань, закрытого для общественности правительством, охотятся на местных и иностранцев³, и Италия, где главарь бандитов собирает налог с окружающих населений. Тхаги – тайное общество душителей-разбойников в Индии – «несомненно, появились в то время, когда правительство в Дели было настолько дезорганизованным, что предоставило бандам грабителей необычайные возможности для разбоя»⁴. Время накануне и после Гражданской войны было названо «эпохой бандитизма», настолько многочисленными и отчаянными были преступные банды. И кто такие пираты как не «морские банды», представляющие с их пустынными или незаконными побережьями промежуточные области, выпадающие из сферы контроля организованной власти и гражданского общества?⁵

Есть ли инстинкт образования шайек?

Традиционное объяснение шайки, поддерживаемое индивидуальной психологией прежнего типа, состояло в вердикте, что поведение в шайках обусловлено инстинктом. «...Инстинкт шайек... есть природная особенность нашего социального порядка, и искоренить или разрушить его было бы невозможно...»⁶ «Инстинкт шайки... узнается в образовании небольших групповых

¹ Интересное описание некоторых контрабандистских банд прошлого и настоящего см. в: *Verrill A.H. Smugglers and smuggling.* – L.: Allen & Unwin, 1900.

² *Henderson G.C. Keys to Crookdom.* – N.Y.: D. Appleton, 1924. – P. 36–37.

³ *Nakazawa K. Horse bandits and opium* // Forum. – N.Y., 1926. – Apr. – P. 578.

⁴ *Farquhar J.N. Modern religious movements in India.* – N.Y.: Macmillan, 1915. – P. 424.

⁵ Первое известное употребление термина «шайка» (gang) в английском языке в общем пренебрежительном смысле относилось именно к пиратам (1623). См.: *A new English dictionary on historic principles* / Ed. by J.A.H. Murray. – Oxford: Clarendon press, 1884–1933.

⁶ *Hoyt F.C. Quicksands of youth.* – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1921. – P. 120.

клубов...»¹ «Где-то в возрасте десяти лет мальчик... начинает развивать инстинкт бандообразования»². Таковы типичные формулировки в объяснении «инстинкта шаек». Другие авторы считают образование шаек особой формой «социального инстинкта»; отличие – лишь в фразировке³.

Теоретическая психология больше не поддерживает инстинкты как основания человеческого поведения. У человека инстинктов меньше, чем у других животных. Его природа пластична, и он отличается способностью адаптироваться к множеству ситуаций, к которым инстинкт не мог бы его приспособить. Он прежде всего творение привычки, а паттерн его привычек может бесконечно варьировать в разных обстоятельствах⁴.

То, что авторы, пишущие о шайке, приписывали инстинкту, является результатом всепроникающих социальных привычек⁵, рождающихся из человеческой борьбы за существование и социальный подъем. Ясно также, что выражения «инстинкт шайки» или «социальный инстинкт» используются в приведенных выдержках без сколько-нибудь серьезной попытки детального анализа сложных условий, лежащих в основе образования и поведения шайки.

¹ Annual report / Chicago commons. – Chicago (IL), 1919. – P. 19.

² Puffer J.A. The boy and his gang. – Boston (MA): Houghton Mifflin co., 1912. – P. 72.

³ Richardson N.E., Loomis O.E. The boy scout movement: Applied by the church. – N.Y.: Ch. Ch. Scribner's sons, 1915. – P. 206–207.

⁴ Реакция против использования «инстинкта» как объяснительного понятия в социальных науках демонстрируется отчасти следующими книгами: Kantor J.R. Principles of psychology. – N.Y.: A. Knopf, 1924; Bernard L.L. Instinct. – N.Y.: H.N. Holt & co., 1924; Dewey J. Human nature and conduct. – N.Y.: H.N. Holt & co., 1922; Cooley C.H. Human nature and the social order. – Rev. ed. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1922; Watson J.B. Behaviorism. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & co., 1930; Allport F.H. Social psychology. – Boston (MA): Houghton Mifflin co., 1924; Thomas W.I. The unadjusted girl. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923. Сравнительные формулировки нынешних школ психологии см.: The psychologies in 1925 / Ed. by C.A. Murchison. – Worcester (MA): Clark univ. press, 1926. – (Powell lectures in psychological theory). Ч.К. Огден в «Значении психологии» (Ogden C.K. The meaning of psychology. – N.Y.; L.: Harper & bros, 1926) представляет самое простое и краткое описание различных психологических точек зрения.

⁵ Ср.: Cason H. Gregariousness considered as a common habit // J. of abnormal a. social psychology. – Albany (NY), 1924. – Vol. 19, N 1. – P. 96–105. См. также: Allport F.H. Social psychology. – Boston (MA): Houghton Mifflin co., 1924 – P. 77–78.

Шайка, как уже было показано, есть функция особых условий и в отсутствие этих условий обычно не появляется. При иных обстоятельствах мальчик становится «одиночкой», входит в приятельские или близкие связи с одним или более мальчиками в отдельных парах либо инкорпорируется в игровые группы иного рода или более конвенциональные или старые группы. То, в каких связях он будет находиться с другими, определяется комплексом обуславливающих факторов, направляющих его интересы и его привычки. Не инстинкт, а опыт – т.е. способ его обуславливания – фиксирует его социальные отношения.

Глава III. Что такое шайка?

Что такое шайка? Какими она обладает свойствами, отличающими ее от других форм коллективного поведения, таких как игровая группа, толпа, клуб, круг или тайное общество? Это вопрос, на который ни словарь, ни скудная литература о шайках не дают ответа. Ответ должен быть получен из тщательного исследования действительных случаев и сравнения их с близкими по свойствам социальными группами.

Индивидуальность шаяк

Никакие две шайки не бывают совершенно похожими. Исследованные случаи представляют бесконечное разнообразие форм, и каждая из них в каком-то смысле уникальна. В этом плане шайка демонстрирует всеобщий принцип природного мира, состоящий в том, что хотя подобное тянется к подобному, каждый единичный случай изменчив.

Широкие расхождения в характере ее личного состава, сочетаясь с различиями физической и социальной среды, опыта и традиции, придают каждой шайке особый, неповторимый характер. Шайка может быть разной с точки зрения членства, типа лидеров, способа организации, интересов и деятельности и, наконец, с точки зрения ее статуса в сообществе. Этот факт индивидуальности должен быть признан как исследователем, пытающимся классифицировать ее как форму коллективного поведения, так и социальным работником, работающим с ней как с практической проблемой.

Описательное определение шайки

Но наука предлагает открывать скорее типичное, чем уникальное, и делает это, прежде всего, с помощью классификаций. Интерес, стало быть, сосредоточивается не столько на индивидуальной шайке самой по себе, сколько на характеристиках, отличающих ее от других типов коллективного поведения и обнаружимых через ее *естественную* историю.

«Грязную дюжину» можно считать вполне типичной группой¹.

ГРЯЗНАЯ ДЮЖИНА

13. «Грязная Дюжина зародилась просто как результат случайных встреч дюжины или более приятелей (от 16 до 22 лет) на углу улицы у входа в один из чикагских парков, а позже в бильярдной “У Майка” неподалеку от него. Большинство парней были тунеядцы, проводившие время плавая, играя в бейсбол и футбол, стреляя деньги или сидя кружком и разговаривая. Им нравились перебранки и драки, и шайка помогала удовлетворить эти желания с меньшим личным дискомфортом, чем мог бы возникнуть, если бы кто-то из них проявил враждебность или попытался что-то украсть в одиночку. Среди их разнообразных деятельностей конфликт в той или иной форме был, по всей видимости, главной.

Была война между шайкой и полицией; даже если последняя не всегда рассматривала каким-либо конкретным правонарушением, за которое парни разыскивались, она пыталась разогнать группу всякий раз, когда та собиралась на углу.

Шайка в целом часто вступала в прямой конфликт с другими шайками. Однажды вечером в старом Имперском театре Грязной Дюжине достались места напротив шайки “Чи”, с которой она соперничала в футболе и бейсболе. Во время представления – а это был дурной водевиль – парни принялись обмениваться хлесткими репликами. Словесный конфликт перерос едва ли не в беспорядки, продолжавшиеся до прихода полиции.

Грязная Дюжина между тем была способна к коллективному действию и против других врагов, нежели соперничающие шайки. Однажды ночью во время

¹ Отобразить такой случай трудно. Проблема здесь аналогична проблеме антрополога, ищущего образец чистого расового типа в смеси современных европейских родов; имело место столь широкое перемешивание расовых групп, что типы растворились в мириадах гибридных форм (*Ripley W.Z. The races of Europe: A sociological study. – N.Y.: D. Appleton & co., 1899. – P. 107, 108*). Схожим образом и шайка так часто гибридизируется, что в ней представлены отчетливые признаки других видов социальных групп. Более того, имеется так много близких и пограничных форм, что часто очень трудно ясно отнести конкретный случай к той или иной категории.

пика расовых бунтов 1919 г. эта шайка, вооруженная револьверами, дубинками и ножами, выдвинулась искать “ниггеров”.

На 35-й и Стейт-стрит, в пяти милях или чуть больше от собственной территории, после небольших предварительных перестрелок “Волосатый” Мартин остановил трамвай, наполненный цветными. Остальная банда, выросшая к тому времени примерно до 20 человек, изображала жалость. “Волосатый”, оставшийся один сзади удерживать за веревку троллей, стоял там, держа в одной руке ее, а в другой – дубинку, когда цветная женщина полоснула его лезвием в области сердца. Потом кто-то ее избил, а другой парень “отплатил” ее мужу.

“Волосатый” умер в патрульной машине по пути в больницу. “Швед” Карлсон – единственный, кого полиции удалось тогда задержать, – сказал, что последние его слова были такие: “Что скажет мама?” Члены шайки скинулись на цветы, но прямым итогом этого эпизода была жажда мести. После смерти Волосатого они убили двух негров и еще пятерых зверски “избили”.

Положение каждого члена в банде определялось конкуренцией и конфликтом в самой группе. Каждый пытался превзойти других в футболе или чем-то еще. Всегда шла борьба за лидерство, и обычно оно оказывалось в руках лучших бойцов.

“Макинтош” Чарли и Элман находились почему-то “в натянутых отношениях”, и была назначена драка, чтобы выяснить, кто лучший. Встреча состоялась в парке. У каждого был секундант, и была оговорена продолжительность раундов, как если бы это был настоящий призовой бой. Элман, вышедший победителем, жестоко избил Чарли, и последний впал в немилость, по крайней мере, как ему самому казалось.

Это чувство собственной униженности вызвало у Чарли серьезную тайную обиду на победителя и привело к еще одному бою, в котором Чарли ударил Элмана свинцовой трубой. Из большой глубокой раны в голове хлынула кровь. После того как его принесли в больницу для оказания неотложной помощи, явился полицейский и спросил, как это случилось, но Элман ничего не сказал, кроме того, что упал и стукнулся головой о камень. Кодекс шайки состоял в том, что честь не допускает доноса. С этим инцидентом внутренние раздоры пришли к концу.

Случай конфликта игрового типа, приведшего к трагическому исходу, произошел однажды в парке. Примерно восемь человек из шайки отправились в лагуну и набились в две небольшие гребные лодки. Был теплый летний вечер, компания чувствовала себя раскрепасно, и решили устроить бой. Вскоре взаимное обрызгивание переросло в драку веслами. Битва была в разгаре, когда одна из лодок перевернулась. Там был парень по прозвищу “Пар”, не умевший плавать. Другие выплыли на берег, а он ушел под воду. Как только выяснилось, что его нет, ребята поплыли обратно и ныряли за ним, пока одному из них не удалось выловить тело. Прибыла пожарная команда, пробовали воспользоваться аппара-

том искусственного дыхания, но безуспешно. Перед похоронами собрали деньги и купили на них дорогой букет. На один день вся шайка обратилась к добру, все пошло в церковь. С тех пор о Паре не говорили; каждый чувствовал себя немного виноватым в его гибели.

Члены шайки часто ввязывались в темные дела по отдельности или парами. Эллман и “Даго” всегда ухитрялись так или иначе раздобыть деньги. Один раз Эллман сказал мне о “спиртяжной” банде, для которой они с Даго осуществляли доставку. Где они добывали спиртягу, я так и не выяснил, но они делали по 25–30 долларов каждый за ночную работу и сразу проигрывали их в одном местечке, сущем Монте-Карло, со столами для игр и фишками, покупавшимися у кассира.

Эта же пара была замешана в ограблении гольф-клуба. Эллмана по беспечности его поймали и арестовали. Он был осужден за мелкую кражу, получил испытательный срок, но полиция так и не смогла заставить его выдать имя сообщника. Храня молчание, он спас Даго от кучи проблем.

Еще одним примером лояльности был случай, произошедший, когда шайка ездила в Детройт. Даго дал деньги, отложенные для оплаты проезда домой, младшему товарищу. Хотя была зима, сам он поехал зайцем в товарном отсеке. Поскольку поезд брал оттуда воду на ходу, он примерз к вагону, когда поезд прибыл на место.

У шайки было также много спокойных вечеров. Члены шайки придерживались правила встречаться зимними вечерами у Майка, чтобы поиграть в бильярд и поговорить. Летом место сбора находилось на углу у входа в парк. Как и в других видах деятельности, в играх они всегда были склонны держаться вместе. Они часто ходили купаться. Все эти годы они играли в футбол, для чего старались тренироваться, и у них сложилась хорошая команда. Старшие члены были лидерами в их атлетической деятельности.

Одним из деяний шайки была миграция из Чикаго в Детройт, когда работникам автомобильной промышленности платили высокие зарплаты. Они сняли там дом и жили вместе всей шайкой. Хотя они получали сказочные зарплаты, они не накопили ни цента и в конце концов вернулись в Чикаго – все бросили. Именно это детройтское приключение сделало большинство из них бродягами. Почти каждую ночь они устраивали дома пьяные оргии, а азартные игры оставили их без денег.

Шайка контролировала своих индивидуальных членов, особенно когда группа была вместе. Как индивиды и в других групповых связях они были не столь уж и плохими, но в шайке старались вести себя как можно грубее. Мужчина, который танцевал, встречался с девушками или вел себя прилично, подвергался остракизму. Чарли старался вести себя как крутой, даже кепку носил так, чтобы выглядеть буйном. Эллман, которому нравилось создавать впечатление, что он головорез, встречался с девушкой тайком. В кругу членов шайки он был одним из самых вульгарных, но когда встречался со своей девушкой, был сама куртуазность: голос становился тихим, всю его дерзость как рукой снимало.

В последние годы шайка распалась. Ее члены все больше включались в более конвенциональные деятельности общества. Большинство из них, судя по всему, стали более степенными в образе жизни. Некоторые уехали из города. Но даже те из них, кто изменился, так и остаются подонками под отполированным внешним видом. Привычки и влияние шайки все еще сохраняются»¹.

Первым фактом, который мы замечаем в случае Грязной Дюжины, – и эту характеристику можно считать типичной для всех шаяк – является ее самопроизвольное и незапланированное возникновение. В отличие от университетского клуба или профсоюза, ее начала были нерелексивными: она была естественным детищем собрания мальчишек, встречавшихся на углу улицы².

Еще один значимый признак шайки – это свойственные ей близкие отношения лицом-к-лицу. Иногда ее члены по-настоящему живут сообща в месте общего обитания. Хотя многие ее предприятия могут осуществляться более мелкими группами, большинство добросовестных членов настоящей шайки должны периодически собираться *вместе*, чтобы она продолжала существовать как единое тело.

Оргиастическое (экспрессивное) поведение

Самая элементарная форма коллективного поведения в шайке – это взаимная стимуляция и реакция между ее членами: моторная активность игрового типа, «болтовня», репетиция авантур или «грязные анекдоты». Это может быть и просто совместное праздное времяпрепровождение. Оно может принимать характер общего веселья: азартных игр, распития алкогольных напитков, курения или секса. Именно в этом типе поведения шайка с самого начала проявляет и развивает свой энтузиазм, свой дух, свой *esprit de corps*. Но если она ведет себя только так, она остается просто оргиастической, или праздничной группой. Таковы, например, «Стрелки».

СТРЕЛКИ

14. «Стрелков составляли товарищи по колледжу вместе с несколькими, под стать им, друзьями и несколько женщин. Они держались вместе два-три года. Их связывали узы искренней дружбы и общие стандарты поведения. Некоторые из них были

¹ Рукопись, подготовленная бывшим участником шайки.

² Случаи, представленные в предыдущей главе, иллюстрируют то же самое.

членами братства, но не решались дать “братьям” знать об этой связи. Это были запойные пьяницы и бездельники, желавшие полной свободы от традиционной морали.

Основные деятельности и интересы группы были праздничного типа. Первый год они часто устраивали вечеринки на южной набережной в доме одного из членов, родители которого уезжали на лето из города. Одну осень они дватри раза в неделю собирались у Смитов перед тем, как отправиться в своих автомобилях по кабаре. Считаю, паре средних лет, нравилось, что много людей собираются у них дома попеть и потанцевать и приносят с собой что-нибудь выпить. Обилие спиртного было абсолютной необходимостью; иначе вечеринка не проходила бы в должном духе.

В кругу мужчин существовал неписанный закон не приставать к женщинам друг друга, и его тщательно соблюдали, ведь, подумавшись, в конце концов, девушкой больше, девушкой меньше. Девушки были по большей части состоятельными и вхожими в лучшее общество. Женщины из колледжа были табуированы, поскольку там подросткам нечего было искать. Они ходили с девушками, которые курили, пили и были в нравственном отношении такими же испорченными, как и они. Чем вульгарнее были женщины, тем легче они уживались со Стрелками.

Чтобы уберечь репутации своих женщин и самих себя, они стали искать квартиру, где могли бы продолжать устраивать свои вечеринки без контроля со стороны общества и его конвенций. Рандеву должны быть локализованы в нечувствительных соседствах, где люди привыкли к необузданным пьяным оргиям. Наконец им удалось найти шестикомнатную меблированную квартиру в доме, где жильцы двух-трех других квартир имели привычку устраивать такие же вечеринки.

В шайке было два класса членов: жившие в притоне и те, кто просто помогали его финансировать. Один из членов выполнял функции бухгалтера и отвечал за сбор средств. Другой был знаком с патрульным полицейским, которого приглашали несколько раз в дом пропустить стаканчик. С сержантом этой территории отношения были такие же; так что они находились под почти полной защитой. Еще один член был знаком со многими политиками в городе. Следовательно, у них не было причин тревожиться насчет полиции и детективного агентства.

Они могли привлекать на свои вечеринки собственных музыкантов и эстрадных артистов. Эти пиршества обходились гораздо дешевле экскурсий по кабаре, не уступая им в привлекательности. Подростки в основном готовили себе еду сами, устраивая по случаю званые обеды. Если кто-то из группы был слишком пьян, чтобы идти домой, всегда была комната для ночлега. Идея была настолько успешной, что первые три недели вечеринки продолжались каждый день или вечер. За это время они одного только вина потребовали более 30 галлонов. Позже, однако, они сошлись на паре вечеринок в неделю. У них были свое посвящение, свои рычаги

контроля и прочие подобные премудрости. Кроме того, они сочиняли собственные песни и стихи. Когда они не пели, они устраивали танцевальные конкурсы или еще что-нибудь. Эти занятия длились до поздней ночи»¹.

Хотя группа эта сложилась спонтанно, была неконвенциональной в своем поведении и обладала традицией и естественной структурой, главной ее деятельностью была эксплуатация чувств, а не прямолинейное действие и конфликт. Это была группа прежде всего чувства, а не действия. Она стремилась избегать враждебных сил, тогда как шайка обычно приветствует драки. Это совершенно обычный тип социальной группы, и много примеров подобного рода попало в поле внимания исследователя².

Шайка и толпа

Когда шайку охватывает воодушевление, она может вести себя как воодушевленная толпа (*mob*). Более того, она может стать настоящим ядром толпы, как показывает вторжение Грязной Дюжины в Черный пояс. Превосходная организация, солидарность и боевой дух шайки придают толпе необычайную стабильность и направляют ее возбужденные деятельности на большее разрушение. В свою очередь менее активные элементы толпы и даже просто зрители оказывают более активному ядру – шайке – моральную поддержку и обеспечивают благодарную аудиторию. Хороший пример дают чикагские расовые волнения 1919 г., во время которых шайки часто служили ядрами разъяренных толп.

РАСОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ 1919 г.

15. «Целиком толпа обычно активно не участвовала. Она была “единой” духом, но разделенной в действии на небольшое активное ядро и значительную долю зрителей. Ядро состояло из молодых людей в возрасте от 16 до 21–22 лет. Иногда лишь четверо активно действовали, тогда как 50–150 человек просто смотрели;

¹ Рукопись, подготовленная членом этой группы.

² Происхождение секты приписывается определенному типу оргиастической группы. «В точности как шайку можно считать закреплением и постоянной формой “действующей толпы”, так и секта, религиозная и политическая, может рассматриваться как закрепление и постоянная форма оргиастической (экстатической), или экспрессивной толпы» (*Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 872*).

временами доля действующих достигала 25 на 200 или 50 на 300. Пятьдесят – самая большая численность ядра толпы, о которой сообщалось...

То, что частью толп нередко были дети, – один из тех фактов чикагских волнений, которые заставляют задуматься...

Хотя зрители не совершали преступлений, на них должна лежать часть моральной ответственности. Без зрителей насилие толп во многих случаях, вероятно, остановилось бы сразу после убийства. Пример поведения активного ядра, когда оно оказывалось вне поля зрения зрителей, ясно это показывает. Джорджа Карра, негра, преследовали люди из трамвая. Он оторвался от всех кроме передних рядов толпы, перемахнув через забор и укрывшись в заднем дворе. Это спрятало его от остальной толпы, преследовавшей в это время других негров. Молодые люди, бежавшие за Карром, оставили его, не ударив ни разу, когда он просто попросил пощады. По поводу многочисленных неактивных элементов толпы коронер во время следствия сказал следующее: «Именно разбухание подобных толп побуждает их продолжать, так как они естественным образом чувствуют за спиной массу; ее там может и не быть, но они так чувствуют»...»¹

Действие и конфликт в шайке

Чтобы стать настоящей шайкой, вся группа должна перемещаться через пространство (линейное движение) и в конце концов, как было показано в предыдущей главе, встречать какой-то враждебный элемент, форсирующий конфликт². Согласованное и кооперативное движение через пространство может включать игру, совершение преступления – такого как грабеж или контрабандная транспортировка спиртного – и миграцию из одного места в другое с изменением пристанища или притона (примером служит миграция Грязной Дюжины в Детройт или «Крысоловов» из Толидо в Чикаго).

Конфликт, как было показано, приходит в стычках с другими шайками или с такими общими врагами, как полиция, парковые служащие и т.д. Он происходит при множестве обстоятельств и прини-

¹ The Negro in Chicago / Chicago Commission on race relations. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1922. – P. 22–25.

² См. гл. 11. Уильям МакКормик считает шайку конфликтной группой. Он говорит в книге «Мальчик и его клубы» (*McCormick W. The boy and his clubs.* – N.Y.; Chicago (IL): F.H. Revell co., 1912): «Это день шайки в делах мальчишки. Шайка никогда не может расцвести без другой шайки, с которой она могла бы вступить в бой». Дж. Адамс Пуффер тоже определяет шайку как множество мальчиков, которые ходят вместе и «будут стоять друг за друга», предполагая тем самым испытание конфликтом. См.: *Puffer J.A. Boy's gangs // Pedagogical seminary.* – Worcester (MA), 1905. – Vol. 12. – P. 175.

мает самые разные формы, самыми обычными среди которых являются открытое нападение или защита. Независимо от того, всегда шайка сражается открыто как единое целое или нет, войну со своими врагами она, видимо, обычно ведет сообща. Именно в результате коллективного действия и особенно конфликта шайка, особенно в ее устоявшейся форме, развивает моральный дух¹.

Многие шайки, по-видимому, способны к рефлексивному поведению – обсуждению и планированию, ведущему к кооперативному действию. Как и в случае индивида, это коллективное мышление шайки, видимо, возникает в ответ на кризисную ситуацию и имеет целью попытку приспособления группы.

Развитие традиции и групповое сознание

Если у шайки имеется в какой-то степени непрерывность опыта, то коллективное поведение и общие цели ведут к развитию общей традиции – наследия воспоминаний, принадлежащего более или менее всем ее членам. Она отличает шайку от более эфемерных типов групп, таких как сборище и толпа.

Реакции членов шайки, показывающие чувство отдельности от других групп, возникают отчасти благодаря обладанию этой общей традицией, но еще больше являются результатом интегрирующих эффектов конфликта². В случае Грязной Дюжины враждебными силами были «внешние группы», такие как соперничающие атлетические команды, враждебные шайки, презираемые «ниггеры» и полиция, назойливое вмешательство которой представляло моральные и правовые стандарты широкого сообщества.

¹ Под моральным духом понимается свойство – будь то индивида или группы – упорно преследовать цель перед лицом как победы, так и поражения. Шайки широко варьируют в обладании моральным духом. В шайках более нестабильного типа он может быть легко поколеблен. Но в шайках с долгой историей, включающей победы над общими врагами и обретение более эффективной организации и солидарности, моральный дух может стать очень прочным. В качестве тактического маневра шайка может рассыпаться перед своими врагами, но это не обязательно означает, что она утратила свой моральный дух; это может просто означать, что она достигает своей цели каким-то другим способом, нежели прямое боевое столкновение.

² См.: Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 51. «Групповое самосознание», производимое в процессе конфликта, можно поведенчески описать как позитивные реакции группы или ее членов на обозначающие эту группу символы (коллективные репрезентации), такие как название группы, флаг, девиз, пароль и особое рукопожатие, или на какую-то традицию, репрезентирующую прошлый общий опыт.

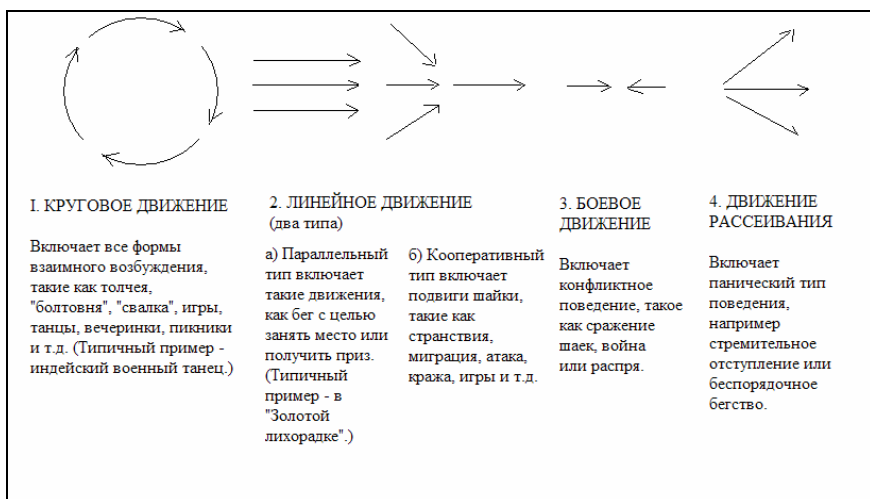

Рис. 2. Типы коллективного поведения в шайке

В шайке, как и в других социальных группах, есть круговой тип движения. Но особенно характеризует шайку линейное движение кооперативного типа (которое предполагает некоторую меру единства, или солидарности). (В англосаксонском gang = going.) Во многих случаях круговое движение можно рассматривать как подготовку к действию (линейному типу), что иллюстрируется танцем, предшествующим у дописьменных людей отправлению в военный поход. Линейное движение часто увенчивается битвой с двумя или более врагами; таким образом, бой становится завершением группового акта. Бой служит задаче дальнейшей интеграции шайки и укрепления ее солидарности. Движение рассеивания представляет крушение морального духа шайки и временное исчезновение ее сплоченности. Рассеивающее поведение часто следует за безуспешным боем, тогда как успех в бою может вести к типу кругового поведения, заключенному в праздновании победы. Таким образом, для этих различных типов коллективного поведения можно выстроить своего рода последовательность. Надо, однако, заметить, что эта формулировка предварительна и выносится просто как предложение для дальнейшего исследования.

Другие характеристики

Организация шайки неконвенциональна и нерелексивна, как и ее зарождение. Роли и статус членов определяются не формальными стандартами, резонными выборами или голосованием в обычном смысле, а через механизмы взаимодействия в социальных ситуациях. Таким образом, шайка представляет социальный порядок скорее естественный и растущий, нежели искусственно установленный.

Грязная Дюжина, как и другие шайки, – это промежуточная группа, обособленная и свободная от тех социальных укоренений, или закреплений, которые удерживают более конвенциональные типы групп под социальным контролем.

Последняя характеристика, которой Грязная Дюжина обладает вместе с большинством других шаек, – это ее привязанность к локальной территории, на которой находится ее обычное пристанище. Шайки любят странствовать по округе, и иногда их подвиги уводят их далеко за ее пределы – в данном случае экскурсии в Черный пояс и поездка в Детройт, – но обычно у них есть своя домашняя территория, каждый уголок и закуток которой им хорошо знаком, которую они считают в особенности своей и которую они готовы защищать от посягательств со стороны чужих.

Определение шайки, базирующееся на этом исследовании 1313 шаек, можно, стало быть, сформулировать следующим образом.

Шайка – это промежуточная группа, первоначально образовавшаяся спонтанно, а затем интегрированная через конфликт. Ее характеризуют следующие типы поведения: встречи лицом-к-лицу, кучкование, движение через пространство в качестве единого целого, конфликт и планирование. Результатом этого коллективного поведения является развитие традиции, нерелексивной внутренней структуры, *esprit de corps*, солидарности, морального духа, группового сознания и привязанности к локальной территории.

Глава XV. Групповой контроль в шайке

Хотя деятельности и мораль шайки являются, по крайней мере отчасти, отражением ее дезорганизованного социального мира, дополнительное объяснение они находят в концепции шайки как элементарного общества, которое, не будучи сдерживаемо конвенциональным контролем, стремится независимо и спонтанно развить свою организацию и собственные кодексы. Кодексы шай-

ки навязываются ее членам множеством способов – отчасти явно целенаправленно, отчасти почти совершенно неререфлексивно. Таким образом, шайка определяет ситуацию для своих членов (примеры этого мы видим в инициации новичков и «клятвах» тех, кто взят на испытательный срок) и обеспечивает более или менее гармоничное групповое действие.

Единство шайки

Осуществление коллективных предприятий и деятельностей делает необходимыми гармонию и взаимопомощь в шайке. Ниже приводятся типы корпоративного поведения, требующие единства и взаимодействия.

Сражения шаек	Спортивные состязания	Уборка в помещении клуба
Обман врагов	Танцы	Планирование
Налеты	Пикники	Дискуссии
Грабежи	Разбитие лагеря	Сбор вторсырья
Защита притона	Прогулки и странствия	Постройка чего-нибудь
Преследование, погоня	Игры	Вандализм
Поимка	Захваты	Преступные планы
Нападения	Розыгрыши	Благотворительность

Эффективное коллективное действие и непрерывное корпоративное существование требуют, чтобы шайка контролировала своих членов. Поэтому группа, пользуясь как продуманными, так и неререфлексивными методами, пытается поглотить их, подчинить каждого требованиям целого и дисциплинировать неуправляемых. Хотя внутри шайка не всегда едина и гармонична¹, раздоры обычно устроятся условиями, которые навязывает коллективное действие.

Это единство шайки держится на некотором консенсусе, или общности привычек, чувств и установок, которая позволяет членам шайки чувствовать себя единым целым, подчинять себя и свои личные желания целям шайки и принимать общие цели, мнения и символы шайки как свои собственные. *Esprit de corps* шайки, характерный даже для диффузного ее типа, очевиден во многих ее коллективных предприятиях – в энтузиазме пустой болтовни, в ее коллективной игре, ее танцах, ее пьяных дебошах.

¹ Ср.: Cooley C.H. Social organization. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1909. – P. 24–25. Кули предлагает в этом утверждении всецело идеалистическую точку зрения на поведение средней шайки.

Моральный дух и солидарность

В диффузном типе шайки стабильное единство, однако, не развивается, пока она не солидаризуется через конфликт. В конце концов она учится формулировать политику и следовать более или менее устойчивому курсу действия вопреки сдерживающим обстоятельствам. Затем можно сказать, что она обретает моральный дух, поддерживающий товарищеские отношения и энтузиазм во время кризиса.

ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

161. «Одной из причин, по которой такая группа могла годами держаться вместе и выигрывать игру за игрой год за годом, было развитие “воли к победе”, которая как ничто другое могла требовать и требовала от каждого индивида усилий ради группы. Конечно, поражение часто было возможным, иногда почти неизбежным, но последним словом было слово “трус”. Это острейшее желание выиграть, выкладываться по полной каждую минуту независимо от того, насколько ты впереди или отстаешь, было единственной настоящей религией большинства группы. Этот моральный дух был настолько осязаемым, насколько только можно представить. Редко упоминаемый, он всегда присутствовал – мощный фактор, не внушенный тренером или энтузиазмом возбужденной толпы; последний мало на нас воздействовал. Аплодисменты (когда мы их слышали) доходили до нас как будто из другого мира. Стимул побеждать шел от сильнейшего внутреннего желания, и оно поддерживало физические усилия, когда каждый шаг давался через силу и каждый вдох, казалось, был последним. Особенно агрессивная, смелая или умелая индивидуальная игра действовала как толчок к приложению еще больших усилий со стороны всех»¹.

ШАЙКА ФЛАННИГАНА

162. «У шайки Фланнигана, состоящей из подростков в возрасте от 14 до 16 лет, был естественный лидер, Эдвард Фланниган, лучший атлет и боец в шайке. Когда районный центр досуга и отдыха разместил объявление для мальчиков, приглашавшее играть в его бейсбольной команде, откликнулась вся шайка, наряду с другими подростками. Решено было выбрать капитана, так чтобы он дальше сам собрал команду. Выбрали Фланнигана, и он подобрал себе всех игроков из собственной шайки. В ответ на возмущение он сказал, что другие подростки состоят в других шайках, а если социальный центр недоволен его игроками, то вся его шайка уйдет...

¹ Из рукописи бывшего члена группы. См. документ 107 (с. 186).

Зимой Железнодорожная шайка попыталась воспользоваться своим местом сбора, расположенным в старом доме около путей. Это спровоцировало битву с использованием обломков кирпичей, камней и т.д., закончившуюся для Фланниганов победой. Подростки были предельно лояльны, стоя друг за друга в драках и прикрывая своих товарищей, когда те попадали в затруднительное положение. На своих встречах в центре никто из шайки не выражал своего мнения, пока не представлялась возможность высказаться лидеру; тогда шайка принимала его мнение и голосовала соответственно»¹.

Эта высшая солидарность создает серьезную проблему для церкви, сеттльмента, игровой площадки или иных подобных агентств, пытающихся использовать шайку, инкорпорировать ее в общество или установить над ней контроль. Она иногда настолько развита, что разрушает более широкую конвенционализированную организацию, в которой становится элементом.

ВЫСШАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

163. «Когда был организован наш скаутский отряд, мы включили в его состав шайку “Угол бюро” из 16–18 мальчишек, обычно ошивавшихся зимой перед бакалейной лавкой, а летом часто строивших хижину вниз по реке. Нашей первой проблемой с этой шайкой стало то, что все они хотели быть в одном патруле. (В скаутском отряде, численность которого не может превышать 40 человек, может быть четыре патруля, и в каждом – не больше 10 человек.) Это затруднение было преодолено тем, что клики добрых товарищей по шайке отрядили каждую в отдельный патруль.

За два года существования отряда от шайки не было ничего кроме проблем. Члены шайки все делали по-своему, несмотря на все усилия начальника отряда. Другие дети их боялись и всегда старались угодить шайке, а не скаутскому начальству. На сборах скаутов вся шайка в полном составе отсутствовала. Если затевалось какое-то дело, то вся шайка либо с энтузиазмом в него включалась, либо полностью от него уклонялась. Со временем, когда некоторые из членов шайки перестали подчиняться приказам в летнем лагере, вся шайка удрала, а оставшаяся часть отряда, казалось, была совершенно к этому равнодушна. Под конец стало очевидно, что либо этой группе должен быть предоставлен полный контроль, либо ее просто нужно выгнать»².

¹ Рукопись, подготовленная специалистом по работе с подростками.

² Рукопись начальника скаутского отряда.

Дополнительная опасность развития шайки внутри формальной группы создает еще одну трудность для специалиста по работе с подростками¹.

ЦЕРКОВНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

164. «В одной церкви работниками был создан спортивный клуб, чтобы дать детям возможность здоровой активности. Из этой группы развилась шайка, которая вскоре стала собираться во внеурочные часы. В конце концов, она превратилась в группу похитителей автомобилей»².

Планирование и кооперация

Единству группы дополнительно способствуют особые девизы, слова, традиции и т.д., развиваемые шайкой и символизирующие в общих терминах ее цели. Планирование в шайке должно осуществляться в рамках общих значений, возможных благодаря этим символам. Название шайки³ имеет особую значимость как средство социального контроля. Оно обеспечивает общий стимул, или ценность, на которую все члены шайки могут реагировать общими чувствами. Это объединяющий и сплачивающий стимул в ситуации конфликта. Поскольку каждый член группы более или менее отождествляет себя с названием группы, защита и превознесение его становятся делом общей чести.

Степень, в которой шайка может достичь единства цели и организации для осуществления совместных предприятий, видна в следующем документе.

СОВМЕСТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ПОГРАНИЧНОЙ БАНДЕ

165. «Пограничная банда действовала в 1919 г. на Двенадцатой улице поблизости от железнодорожных путей. Состоя из польских, чешских и греческих подростков от 14 до 16 лет, в сумме 60, она была хорошо организованной и такой же грубой, как и любая в городе. Под предводительством знаменитого “Даффки” она обрела широкую известность как бойцовская организация и беда для любого

¹ См.: р. 32–34. Специалист по работе с подростками почувствовал эту проблему. См.: *Fiske G.W. Boy life and self-government.* – N.Y.: Associated press, 1911. – P. 110.

² Интервью.

³ См. в книге (р. 275–276) обсуждение названий шаек.

мальчика из какого-нибудь вражеского района, пересекающего Двенадцатую улицу и оказывающегося на ее территории.

Пограничная банда услышала сообщения о самоуправляемых городах Республики Мальчишеского Братства и решила внедрить это новшество в своем городе. Республика сняла для них небольшой коттедж за 15 долларов в месяц. Это было расценено как временное средство для сбора банды. Это был клубный дом, но в нем не было мебели, и подросткам очень хотелось этот дом обустроить.

Банда предложила устроить розыгрыш лотереи, чтобы собрать необходимые для этого деньги, но этот метод был запрещен конституцией РМБ. Тогда подростки взяли дело в свои руки.

Пятеро подростков, отобранных бандой, были выбраны на особые роли в кражах. В группе были собраны деньги, чтобы снабдить эту пятерку новой одеждой: один подросток купил галстук, другой – пару носков и т.д., пока не были собраны пять полных гардеробов одобренных фасонов. Подростки помылись, причесались и, одевшись во все новое, вышли из клуба как образцовые приличные люди. Двое из них получили работу в гараже, двое – в большом универмаге на Двенадцатой и Холстед, а пятый нашел работу в магазине спорттоваров, расположенном в то время в Петле.

План состоял в том, чтобы выкрасть из универмага материалы, необходимые для обустройства дома, а из магазина спорттоваров – необходимое спортивное оборудование. Сделать это нужно было с помощью грузовика и “Форда”, “позаимствованных” с этой целью из гаража. Планы мероприятия были с большой точностью и искусством расписаны на бумаге; каждая деталь была прорисована почти как чертеж; позднее план был оценен экспертом как лучший в своем роде среди всего, что ему приходилось видеть за многие годы работы с преступниками.

Парень, работавший в магазине спорттоваров, хитро припрятал в большом ящике на цокольном этаже под слоем мусора всевозможные спортивные товары – боксерские перчатки, оснащение для бейсбола и даже тяжелую железную плиту для установки вместо боксерской груши. Все это было постепенно вынесено со склада и спрятано в ящике. Подростки, работавшие в универмаге, действовали не менее активно. Они собрали шторы, рейки, коврики и всевозможное внутреннее оснащение для своего клубного дома, и все это было готово к погрузке по первому сигналу.

В тот вечер, который был выбран для осуществления кражи, подростки должны были спрятаться в каждом из мест так, чтобы хозяева их там закрыли. Тайно был сделан ключ от дверного замка, чтобы открыть изнутри заднюю дверь магазина на Двенадцатой улице и позволить подросткам поднять тяжелый железный шлагбаум. В назначенный час в двух кварталах от универмага на Двенадцатой улице должна была начаться драка двух подростков; должна была начаться стрельба; тем самым предполагалось отвлечь сторожа с его поста. Затем подростки, расположившиеся по улице через каждые 80 ярдов, должны были подать

тщательно отработанные сигналы; в ответ подростки, работавшие в гараже, должны были выдвинуться один на грузовике в сторону универмага, другой – на “Форде”, чтобы забрать спортивное оснащение в даунтауне. Все было призвано работать как часы. Были предприняты все меры предосторожности, чтобы быстро проверить дело. Наготове стояли две бригады подростков для погрузки. На грузовике были тросы, провода и прочие принадлежности, чтобы погрузить вещи как можно быстрее. Большое окно с боковой стороны клуба было выбито, и к нему были прокинуты доски, чтобы вещи можно было затащить внутрь, не привлекая внимание соседей.

К счастью или к несчастью, смотря с какой стороны на это смотреть, помогавшие присматривать за шайкой в ее новом жилище двое представителей РМБ прознали об этом и сообщили в совет Главного города. Тщательно проработанный план был конфискован, вещи распакованы, и от замысла пришлось отказаться. В конце концов, однако, средства для оснащения их клуба были собраны, и шайка стала Центральным городом Республики Мальчишеского Братства»¹.

Этот документ показывает, что шайка способна к обдумыванию, планированию и сотрудничеству в очень сложных предприятиях. В этом отношении она заметно отличается от толпы, или «психологической толпы», как ее описал Лебон². Шайка часто действует как психологическая толпа, но способна также и к рефлексивному поведению.

Кодекс шайки

Каждая шайка стремится развить свой кодекс поведения, который ее члены более или менее признают и который может более или менее жестко им навязываться. В какой-то мере кодекс шайки является отражением паттернов поведения в ее социальном мире, в какой-то мере – результатом развития первично-групповых чувств, а отчасти – продуктом индивидуальной группы, находящейся в своей особой среде. Следующие примеры иллюстрируют эти три фактора, а также другие моменты, относящиеся к групповому контролю.

¹ Интервью с Джеком Роббинсом (Jack Robbins), генеральным инспектором Республики Мальчишеского Братства.

² *Le Bon G.* The crowd. – N.Y.: Macmillan, 1896. – P. 39–67.

КОДЕКС ОДНОЙ ШАЙКИ

166. «Основной целью моей шайки, в которой было около десятка членов, была кража мороженого с вечеринок, которые посещали наши знакомые девчонки. Лидер у нас был крепкий малый.

Первым принципом и важнейшим правилом группы было не стучать на товарища.

Шайка крала мороженое не потому, что ее члены не могли позволить себе купить эту роскошь, а потому что нам нравилось эмоциональное возбуждение. Однажды вечером нам удалось утащить целый галлон. Поскольку нам не чем было его съесть, мы решили воспользоваться серебряными долларами и стеклами для часов. За эту проделку на одного из членов нашей компании, схваченного и отведенного в полицейский суд, был наложен штраф 25 долларов. Он не выдал наших имен, а мы пришли ему на помощь и оплатили штраф.

Другое правило шайки состояло в том, что каждый ее член должен был носить в кармане рубашки упаковку табака “Смесь Дюка” со свисающей наружу бирочкой. То, что я не курил, ничего не значило; у меня должно было быть все “наготове”, если кому-то из шайки это понадобится.

У нас было строгое правило не связываться с девчонками.

Еще одно правило требовало охранять имущество одной вдовы и одной слепой пары на Хэллоуин. Мы не только соблюдали его сами, но и следили за тем, чтобы другие шайки его придерживались.

Шайка была полностью разогнана, когда всех физически выгнали из школы. Один из подростков облил стул учителя труда клеем. Его наказали. В отместку члены шайки “штабелировали” школу, т.е. сгребли все, что можно было сдвинуть, в одну огромную кучу»¹.

КОДЕКС КЛУК-КЛАНА

167. «В Клук-Клане, шайке примерно из 15 подростков от 12 до 17 лет, при приеме новых членов не проявлялось никакой дискриминации, только евреев и негров не брали. Шайка собиралась в хижине, выстроенной из бревен, украденных с железнодорожных складов и из вагонов. Наши дела носили нас по всему городу.

Когда принимали новичка, ему давали двухнедельный испытательный срок. Он думал, что он полноправный член шайки, а мы тайком его проверяли. Если он стучал, мы его выкидывали, а если показывал, что предан шайке, – принимали окончательно. У нас были взносы – 25 центов в неделю. Когда принимался новенький, мы, если он был парнем что надо, устраивали мальчишник, чтобы у

¹ Из рукописи, подготовленной бывшим членом шайки.

него было правильное начало. Мы курили сигареты и пили содовую. У некоторых ребят были губные гармошки и банджо, на которых они по этому случаю играли.

У нас была особая система ограблений. У всех нас были прозвища, по которым мы могли обращаться друг к другу, когда нас преследовали. Для введения в заблуждение полиции использовались противоположные имена. Например, грека называли “поляком”, а поляка – наоборот, “греком”. У некоторых ребят хорошо получалось гнуть решетки на окнах. Один парень шел вперед и утаскивал шелковые рубашки. Хозяин бросался за ним в погоню, а он бросал их на землю. Тем временем заходили другие ребята и очищали кассу.

Мы никогда не брали в шайку ребят, живущих около нашей хижины. Мы набирали их во время наших блужданий: сначала все о них разузнавали, потом дружились. Из шайки мне каждую неделю пишут: “Мы все хотим, чтобы ты вернулся”.

Офицеры у нас – это капитан, лейтенант и сержант. Шайка отдает власть капитану, и он может всем приказывать.

Никаких клик в шайке нет. Выбираясь куда-то, мы всегда ходим вместе в разных комбинациях; иначе на нас косятся копы.

У нас 15–20 писаных правил. Вот некоторые из них: 1) нельзя драться друг с другом и подтрунивать друг над другом; 2) когда выходишь куда-то, делай то, что тебе говорят; 3) если тебя поймали, не стучи на товарищей; 4) будь верен офицерам; 5) всегда защищай женщин и девушек в трудных ситуациях; 6) если что-то добыл, всегда неси к своим и подумай, как это может пригодиться; 7) не лгать друг другу.

Чтобы в шайке что-то решить, требуется от восьми до 15 голосов.

Если проступок кого-то из членов не был достаточно серьезен, чтобы требовать исключения, мы проявляли к нему снисхождение или отнимали у него часть привилегий, которыми он обладал в хижине.

Мы много играли в бейсбол и футбол, а вечерами играли в карты и шашки. Мы никогда не играли на деньги друг с другом, только с чужими. Нам нравилось воровать, стрелять деньги, читать друг другу занятные истории и заниматься боксом в хижине.

Нашими главным врагами на стороне были банды Марианны и Райтвуда.

Все парни выходят из шак в 17 лет, если только это не славные парни, а последних мы оставляем в шайке.

Когда парень входит ночью в хижину, он стучит пять раз, сначала четыре коротких удара, потом – после паузы – пятый»¹.

¹ Рассказ подростка из шайки.

Первично-групповые добродетели

Шайка – это первичная группа.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРВИЧНОЙ ГРУППЫ

«Под первичными группами я имею в виду группы, характеризующиеся тесными связями лицом-к-лицу и кооперацией. Они первичны в нескольких смыслах, но главным образом в том, что являются основополагающими для формирования социальной природы и идеалов индивида. Результатом тесной связи с психологической точки зрения является некоторое сплавление индивидуальностей в общем целом, так что самим Я человека, по крайней мере во многих отношениях, становятся общая жизнь и задача группы. Наверное, проще всего описать эту целостность, сказав, что это “мы”; она включает в себе своего рода симпатию и взаимную идентификацию, для которых “мы” есть естественное выражение. Человек живет в ощущении целого и находит главные цели своей воли в этом чувстве»¹.

Притом что характер кодекса шайки варьирует в разных группах в зависимости от различий в социальной среде и прежнем опыте, он, как правило, в каждом случае включает некоторую форму выражения первично-групповых добродетелей², или моральных установок, сфокусированных на группе, а не на благополучии ее индивидуальных членов.

Лояльность – универсальное требование в шайке, а доносительство на товарищей – видимо, наихудшее нарушение кодекса. Этому представлению о чести сопротивляются в школах, но большинство мальчиков предпочитают скорее быть битыми, чем «настучать» на товарищей. Сбор денег для уплаты штрафов за своих членов – обычная для шайки практика. В одной из групп было правило, что если кто-то из членов арестован, то все должны быть «сцапаны» и отправлены по возможности в то же учреждение. Когда кто-то из членов шайки оказывается в трудном положении, нередко используется забастовка в знак поддержки.

Хотя драки внутри шайки для разрешения разногласий не редкость, бой между членами должен соответствовать установленным в группе правилам.

¹ *Cooley C.H. Social organization. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1909. – P. 23.*

² См.: *Cooley C.H. Social organization. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1909. – P. 28–39.*

ПРАВИЛА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ДРАКИ

168. «Еще одним обычаем, выросшим в ассоциации шайки, было своего рода рыцарство – кодекс правил, регулирующих драки. Спор между членами обычно разрешался на кулаках, и судья следил за тем, чтобы бились по правилам. Иногда мальчик надевал на один из пальцев кольцо, сделанное из согнутого гвоздя от конской подковы, но эта практика считалась нечестной. Более того, мальчики не позволяли ничему вмешиваться в их институты. Если кто-то пытался разнять двух дерущихся мальчиков, то оба объединялись против него или, если он оказывался слишком грозным врагом, уходили в более уединенные места и там разрешали свои разногласия по-своему»¹.

169. «Когда мы с Г.П. однажды субботним утром подрались, остальные члены шайки заставили нас надеть перчатки и решить дело. После пяти трехминутных схваток мы оба успокоились и были готовы восстановить дружеские отношения. Правило “решить дело” было законом шайки, но группа определяла условия и следила за поединками»².

Нарушение кодекса кем-нибудь в шайке влечет быстрое и решительное наказание. Оно может быть физическим или принять форму ostracism, что имеет для провинившегося очень трагические последствия³.

Иногда шайка развивает специальные механизмы для осуществления правосудия. Иногда лидер выступает в роли арбитра, и его слово обычно принимается как окончательное. В некоторых группах роль судьи принимает серьезный и справедливый подросток. В одной из саутсайдских шашек годами было принято отдавать споры на суд одному сапожнику.

Еще одна первично-групповая добродетель, развивающаяся в шайке, – своего рода братство, или взаимная доброта. Она проявляется в различных формах жертвенности. Если член группы окажется в серьезной опасности, то остальные будут не жалеть сил, чтобы спасти его жизнь. Один мальчик будет иногда претерпевать суровые тяготы, чтобы помочь другому⁴.

¹ Рукопись бывшего члена шайки.

² Рукопись бывшего члена шайки.

³ См.: Ford C. New York's junior gangland // New York Times book rev. a. magazine. – N.Y., 1922. – Jan. 1. – P. 16.

⁴ См. документ 13 (с. 46).

БРАТСКАЯ ДОБРОТА

170. «Шайка С. выиграла приз 30 долларов, выставленный за игру с ребятами из В. Ребята из С. не знали, что делать с деньгами. Директор парка предложил взять их с собой в даунтаун на настоящее шоу, но они сказали, что у них нет одежды. В конце концов, они решили отдать деньги только что женившемуся члену шайки на медовый месяц»¹.

171. «Верность членов шайки Х. друг другу была особенно заметна в этот период безработицы. Каждый из подростков, имеющих работу, считает своим долгом подыскать работу тем, у кого ее нет. В нескольких случаях эти попытки были успешными; сильный групповой дух очевиден»².

Особые кодексы в шайке могут развиваться для содействия особым интересам, специфичным для этой группы. Примером является случай бойцовской футбольной банды (описанной в документе 107), принявшей специализированную организацию со своими особыми правилами и табу. Шайки, развивающие специализированные структуры и кодексы в помощь какому-то своему интересу, можно считать функциональными типами. Так, группы могут складываться вокруг таких доминирующих интересов, как сбор вторсырья, секс, карманничество, хищения, атлетика, азартные игры или особый тип преступления. В каждом случае они развивают свою особую технику.

Механизмы контроля в шайке

Индивидуальный член шайки почти полностью контролируется силой группового мнения. То, как каждый в шайке делает или думает, обычно служит для подростка в ней достаточным оправданием или доводом против. В таких случаях он реально ощущает давление общественного мнения в той части своего социального мира, которая наиболее для него важна и в которой он желает удержать статус³. Этот вид санкции будет делать почти каждый род поведения в группе правильным или неправильным. И он же

¹ Интервью с директором парка.

² Рукопись социального работника.

³ См.: *Thomas W.I. The unadjusted girl.* – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923. – P. 32. Одна из причин, почему индивид реагирует на социальный контроль, состоит в том, что у него есть фундаментальное желание статуса и только общество способно ему его предоставить.

будет делать подростка одним человеком, когда на него оказывает давление группа, и совершенно другим, когда он от нее отрезан.

Мнение в шайке манифестирует свое давление во множестве разных механизмов, через которые осуществляется групповой контроль, таких как аплодисменты, повышение в статусе и почитание героя, а также насмешки, презрение и остракизм. Не редкость и физическое наказание. Лидер имеет немалую власть над подчиненными до тех пор, пока ей не злоупотребляет. Между тем многие из влияний, определяющих поведение шайки и ее членов, являются незапланированными и нерелексивными и, как и в случае толпы, возникают из самой природы коллективного действия.

Наказание

Одним из главных механизмов контроля в шайке является страх перед насилием, или физическим наказанием. В братстве это приобретает форму «задирания», окунания в холодную воду и порки битой, особенно новичков. В шайке член, нарушивший кодекс, может быть подвергнут избиению или, в крайних случаях, приговорен к смерти.

ФИЗИЧЕСКОЕ НАКАЗАНИЕ

172. «У нас в нашей шайке было правило, запрещающее сквернословить. Каждый, кто его нарушал, получал по пендалю от каждого члена группы. Это правило блюлось так строго, что первые четыре недели после его введения у многих болели задницы»¹.

173. «Никто не должен ябедничать на своего товарища [доносить на него]. Каждый наябедничавший получал шестьдесят ударов от каждого члена шайки. Мы крепко его били. Моему брату однажды так досталось»².

174. «Однажды Г. рассказал своей сестре о наших встречах в гараже. На следующий день Роджер затеял с ним драку и как следует отпесочил за его вероломство»³.

175. «Как только член шайки выказывал малейшее желание спутаться с девочками, провожая кого-то до дома после школы или посещая их вечеринки, его автоматически исключали. Но если он отпадал от добродетели всего лишь раз, то иногда его могли взять назад после проветривания мозгов дубинкой»⁴.

¹ Рукопись бывшего члена шайки. См. документ 210 (с. 359).

² Рассказ мальчика из шайки.

³ Рассказ мальчика из шайки.

⁴ Рукопись бывшего члена шайки.

В шайке более порочного или преступного типа измена часто карается смертью. Говорят, что знаменитая банда «Крысы» из Сент-Луиса зверски расправилась с несколькими своими членами, заподозренными в измене или создавшими банде другие проблемы¹. В таких случаях, когда человек был приговорен к смерти, его казнила «пожарная команда» банды. Страх перед насилием в отношении семьи тоже действует как средство предупреждения неверности банде, особенно в группах преступного типа².

УГРОЗЫ В АДРЕС СЕМЬИ

176. «Виана, “соловушка тюрьмы”, 16-летний член знаменитой банды Кардинелли, стал жертвой кодекса банды. Он мог бы уберечь свою шею от петли, если бы проявил готовность раскрыть тайны группы, к которой принадлежал. Удивительную власть банды показывает его страх перед угрозами в адрес его семьи. Жесткая социальная организация банды требовала от него поступать так же, как они»³.

Насмешки и похвалы

Еще один важный механизм социального контроля в шайке – это насмешки, обычно известные мальчикам как «подкалывание». Сюда входят «подтрунивание» над сделавшим что-то неправильно, «поднятие на смех», поддразнивание, передразнивание, смех над ним и называние его обидными словами. Оно варьирует во всем диапазоне от тонких намеков в разговоре, хитрых перемигиваний и тихого хихиканья до грубого передразнивания, неприкрытого гогота и едчайшего сарказма. Только тот, кому довелось стать мишенью всего этого в какой-нибудь тесной группе, в которой он был вынужден жить, сможет понять ее постоянное и безжалостное давление в сторону насаждения конформности. Это одно из основных оружий в руках американского братства, немецкой «корпорации» и шайки любой национальности при ассимиляции новых членов⁴.

¹ См. признания Рея Ренарда, бывшего члена банды, опубликованные в «Сент-Луис стар»: Confession of Ray Renard // St. Louis Star. – St. Louis (MO), 1925. – Feb. 24 – Mar. 31.

² См. также документ 20 (с. 66).

³ См. документ 230 (с. 431).

⁴ «Страх перед насмешками – главнейшее из наших чувств, то, которое контролирует нас в большинстве вещей и с наибольшей силой. В силу этого страха человек делает “то, что он не сделал бы во имя справедливости, шепетиль-

Использование насмешливых эпитетов – один из обязательных элементов подкалывания. Наиболее эффективными для контроля являются так называемые «уничжительные» эпитеты¹. У мальчика из шайки есть собственные эпитеты для тех, кто недотягивает до его стандартов. Трусу достается ненавистное прозвище «желтый» или «желтопузый». Предатель – «ябеда» или «стукач». Мальчик, который робеет и не проявляет отваги, – «малышка». Мальчик, играющий с девочками или проявляющий изящество в одежде или поведении, – «маменькин сынок». «Реальный пацан» предпочел бы принять почти любое наказание, только бы его не назвали одним из этих имен; ведь получить такое обозначение – знак того, что он утратил свое привилегированное положение в группе, а оно всего важнее для его счастья. Эти коллективные репрезентации шайки черпают свой смысл из реальных жизненных ситуаций; как и социальные добродетели в шайке, они определяются во взаимодействии.

Насмешки определяют, что мальчику нельзя делать, если он желает сохранить свой статус. Есть, однако, и позитивный метод контроля, который вносит лепту в удовлетворение его желания признания; это разные похвалы и почитание героев. Чтобы заслужить похвалу и лесть со стороны товарищей, а также такие награды, как призы, повышение в статусе, почести и лидерство, мальчик из шайки придерживается типов поведения, созвучных идеалам и политике группы².

ГРУППОВОЕ ОДОБРЕНИЕ

177. «Есть тут у нас один итальянский мальчик, Р., на которого в шайке всегда можно рассчитывать в том, что он отзовется на призыв наилучшим для себя и для шайки образом. Вне шайки у него все не так хорошо. В шайке его стимулирует групповое одобрение, вне шайки у него таких стимулов нет»³.

ности, чести и доброй воли»; в силу него человек подписывается под бесконечным множеством обязательств, которые мораль не решила бы ему предписать и которые не вписаны в законы». – Цитата из книги: *Dugas L. Psychologie du fire.* – P.: F. Alcan, 1902, цит. по: *Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology.* – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 373–374.

¹ См.: *Lumley F.E. Means of social control.* – N.Y.; L.: The Century co., 1925. – P. 292–297.

² Интересное обсуждение вознаграждений, похвалы и лести как средств социального контроля см.: *Lumley F.E. Means of social control.* – N.Y.; L.: The Century co., 1925. – Ch. 2–4.

³ Наблюдения социального работника относительно мальчика из шайки.

Удерживая одобрение шайки, мальчик видит себя глазами шайки. Для него очень важно, как шайка истолкует его поведение, и он пытается себя оценивать, принимая роль шайки или кого-то из ее лидеров¹. Этот процесс можно точно выразить в таких терминах: «Что скажет Рокки (лидер)?» «Что скажут ребята?» «Как поступят остальные в шайке?» «Не хочу носить это или делать это; надо мной целый месяц будут смеяться». «Если шайка собирается ограбить магазин, а я не пойду, то они разозлятся на меня».

Контроль толпы в шайке

Шайка была определена как «воспроизведение и постоянная форма “действующей толпы”»². Одна из присущих ей форм поведения включает в себе то особое «ментальное единство», которое описывалось у Лебона как характерное для «психологической толпы»³. Когда шайка входит в состояние возбуждения, она не мыслит рационально и, вероятно, начинает реагировать сугубо на текущие обстоятельства либо действовать на основе почти любого внушения, исходящего от ее естественных лидеров.

Шайка особенно склонна к типу импульсивного поведения, присущему толпе, поскольку это естественная и спонтанная группа. Обычно ей недостает защиты парламентской процедуры для поддержания в ней порядка. Даже конвенционализированная шайка часто испытывает затруднения с порядком: ее члены действуют в личном режиме, не обращаются к председателю и, как правило, не улаживают сами собственных споров. Легкость, с которой шайка переходит в мобильное состояние толпы, мы уже иллюстрировали.

Еще один элемент контроля шайки над своими членами, роднящий ее с толпой, – это безопасность, предоставляемая инди-

¹ Ч.Х. Кули в книге «Человеческая природа и социальный порядок» описывает механизм, который называет «зеркальным Я»: *Cooley C.H. Human nature and the social order.* – Rev. ed. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1922. – P. 152–153.

² *Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology.* – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 872. Шайка демонстрирует практически все типы корпоративного поведения, вплоть до холодного обдумывания и планирования. Кроме того, она может развивать богатую традицию, едва ли не собственную культуру, и в этом смысле она больше похожа на общество в миниатюре, чем на «психологическую толпу».

³ См.: *Le Bon G. The crowd.* – N.Y.: Macmillan, 1896. – P. 25–26.

виду силой численности¹, обычно устраняющая беспокойство, которое вполне могло бы возникнуть у индивида при совершении чего-то рискованного в одиночку. Таким образом, ощущения могущества, даруемого простой силой численности, часто бывает достаточно для серьезного нарушения моральной перспективы индивида. Это обычно и имеют в виду под «духом шайки». Это выражение подразумевает контролируемое группой действие импульсивного и безответственного типа.

Более мягкие формы контроля

Как важный способ контроля со стороны толпы можно рассматривать интерпретации членами шайки более тонких и незаметных изменений в поведении других ее членов. Именно прочитывая эти менее ощутимые знаки, человек способен реагировать на чувство и установку другого. В группе лицом-к-лицу изменения в выражении лица, мельчайших жестах и т.п., хотя и находятся в основном в области невербализируемых реакций, позволяют индивиду мгновенно воспринимать ситуацию. Тем самым они определяют ситуацию и обеспечивают раппорт².

Шайка как тесная первичная группа развивает превосходную основу для контроля через раппорт. Совместная жизнь на протяжении более или менее долгого времени порождает общее социальное наследие, разделяемое каждым членом группы. Общий опыт сокровенного и иногда интенсивного характера открывает путь для глубокой симпатии – взаимной интерпретации неуловимых знаков, указывающих на перемены в чувствах и установках. Коллективные репрезентации, воплощенные в знаках, символах (таких, как значок в братстве), тайных словах и сигналах, а также в арго группы, – все способствует взаимной отзывчивости в более тонких формах коммуникации. Той же цели служат специфические особенности одежды и внешнего облика, например особый род прически, идентифицирующий членов определенной шайки, или ношение определенных типов рубашек или галстуков.

¹ По У.А. Томасу, желание безопасности заложено в основаниях человеческой природы. См.: *Thomas W.I. The unadjusted girl.* – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923. – P. 12 ff.

² См.: *Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The city.* – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. – P. 29–30; *Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology.* – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1921. – P. 893.

Этот раппорт в шайке (как и в университетском братстве) оказывается иногда настолько полным, что возникает впечатление взаимопроникновения личностей, если будет позволительно употребить такое мистическое понятие. Консенсус привычек, чувств и установок становится в ряде случаев до такой степени единым, что индивидуальные различия словно растворяются в нем.

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ЛИЧНОСТЕЙ

178. «Находясь многие годы в тесной связи друг с другом в этой группе, мы узнали друг друга лучше, чем нас знали наши родители. Над многими особенностями мы обычно смеялись, хотя никто другой не осмелился бы это сделать без риска нарваться на тумачи. Страсть Куки к “ветчине с чем-нибудь” была традиционным объектом шуток. Настолько, что он говорил, что хочет ветчины с яичницей, просто чтобы посмотреть, какие новые шуточки в ответ на это последуют»¹.

179. «Когда мы видели что-то, гуляя по улице, от каждого из нас шли практически одни и те же комментарии, настолько тесна была симпатия между нами. Эти отношения были достаточно близкими; к матери любого из нас мы относились практически так же, как и к матери любого другого»².

Эти сферы близости оказывают самое глубокое влияние на развитие личности.

ЛИЧНОСТЬ И СФЕРЫ БЛИЗОСТИ

«Область индивидуальной ориентации может определяться как географически, так и эмоционально. У мальчика из шайки есть ограниченный географический ареал, включающий дом и знакомую территорию, за пределами которого находятся враждебная территория и внешний мир.

Вдобавок к этому, есть ареал близости, в котором он поддерживает отношения тесной эмоциональной зависимости. Он зависит от этого ареала в том, что Томас называет “откликом”. Член шайки или тесно спаянного братства вовлекается в эти эмоциональные контакты. Устанавливается раппорт, основанный на симпатии. Это порождает близкие товарищеские связи, часто заключающие в себе чувство бесконечной безопасности и даже нежности (чувствительности). Свою роль здесь играет физический контакт. Это область наиболее знакомого и максимальной фамильярности.

¹ Рукопись бывшего члена шайки.

² Рассказ мальчика из шайки.

Член шайки (или братства) часто очаровывается этой новой интимностью, которая становится наиболее жизненно важным элементом его мира и часто заменяет ему семью и все прочие связи, по крайней мере на какое-то время. Вхождение в такую группу нередко сродни открытию нового мира. Первичная личность развивается в этих контактах; а по мере того как эта область расширяется, личность соответствующим образом изменяется. В какой-то части это растворение индивидуальности в группе может быть обусловлено героическим культом какого-то ее индивидуального члена. Степень ассимиляции персоны указывает на степень группового контроля над ней»¹.

В подобных обстоятельствах формальные различия и категориальные классификации обычно теряют свой вес. Расовые и религиозные различия тоже забываются.

180. «Один в нашей шайке был католиком, один иудеем, а трое протестантами. Религия для нас ничего не значила. Между нами существовали самые пылкие и горячие дружеские отношения»².

Взаимное возбуждение

Взаимное возбуждение в шайке делает возможными формы поведения, не активизирующиеся индивидуально или в парах. Наверное, самой простой формой взаимной стимуляции в шайке является *esprit de corps*, или некоторый вид товарищеской активности. В общем и целом, это соответствует процессам «гуртования» в животной группе и часто служит подготовкой к какой-то более определенной линии действия.

Как результат «болтовни» – простого обсуждения или рассказывания историй, во время которого каждый мальчик косвенно проходит через определенные переживания и сильные ощущения, – может возникнуть и развиваться делинквентность. Так было, например, с бандой Олафа (описанной в документе 17, с. 60).

В каких-то случаях, видимо, может быть и так, что уже одно взаимное возбуждение – без предшествующих опытов, вкусов или желаний подобной направленности – развивает моментальный энтузиазм, достаточный для того, чтобы задать паттерн поведения, принимаемый группой.

¹ Неопубликованная рукопись автора.

² Рукопись бывшего члена шайки.

ОГРАБЛЕНИЕ ПОЧТЫ

181. «Мы, трое студентов – Мак, Арт и Том, – квартировались вместе, когда учились в В-ском университете, одном из старейших колледжей юга. В день нашего преступления мы все трое провели больше трех часов в библиотеке – хорошо поработали. Это было в воскресенье, а наше преступление было совершено в 1:30 этой ночью (или скорее утром в понедельник).

В этот воскресный вечер мы разбрелись кто куда. Том пошел повидаться со своей любимой, Арт один отправился в кино, а я гулял с девушкой. В университетском женском клубе мне было необычайно весело, и, уходя, я договорился с этой девушкой о еще одном свидании. Ушел я оттуда примерно в 10:45.

После кино Арт зашел в аптекарский магазин и купил пачку сигарет. Ему дали слишком много сдачи, но он заметил это, только когда уже почти вышел из магазина. Он вернулся и вернул деньги продавцу, тоже не заметившему этой ошибки. Этот небольшой инцидент приобрел особую значимость на следующий день в свете наших позднейших действий.

“Больше никаких свиданий до первого”, – неудачно сказал я, войдя в комнату. В тот день было 27 декабря. Я буркнул это после того, как бросил доллар на туалетный столик. Обсуждения, которые далее последовали, никак не вытекали из предыдущих разговоров. Насколько я помню, раньше мы никогда подобных вещей не обсуждали. Живя вместе несколько лет, мы участвовали в самых разных случавшихся в колледже выходках и авантюрах – иных, но в том же духе.

Разговор начался с замечания о случившихся в последнее время многочисленных крахах банков в штате; видимо, к этому подтолкнуло то, что кто-то из нас бросил взгляд на карту штата. Затем разговор перешел на обсуждение одного местного банка, который днем раньше закрылся. Том, подрабатывавший иногда на почте специальным курьером, случайно упомянул, что накануне вечером на почту поступил мешок с большой суммой денег, предназначенных для местного банка, боявшегося обвала.

Затем разговор переключился на то, с какой беспечностью деньги хранят на почте: простой холщовый мешок брошен буквально на виду у всех в открытом хранении. Мы обсудили, как легко вор может проникнуть в здание и похитить деньги. Том нарисовал план, показывающий стол, за которым работал всего один клерк, и место, где хранится единственное на почте ружье. Сначала разговор полностью ограничивался тем, как легко смогли бы утащить деньги преступники. Потом он каким-то образом перешел на нас: как легко мы могли бы сами украсть эти деньги. Этот переход произошел так естественно, что уже следующим утром мы не могли вспомнить, когда и кем была впервые высказана эта судьбоносная мысль.

Мы обсудили возможный план похищения этого мешка. Том мог пойти на почту и войти туда под предлогом, что ищет некое важное письмо. Затем Арт и я, в масках и с оружием, могли ворваться внутрь, связать Тома и клерка и уйти

с мешком. Мы упустили из виду, что в мешке были деньги. Мы просто обсуждали возможность разыграть дерзкую шутку, не помышляя о том, чтобы действительно это сделать. Мы разыгрывали много таких безвредных шуток и обсуждали их раньше именно так; но знание того, что эта вещь не заключает в себе никакой опасности, подтолкнуло нас пойти дальше.

После полутора часов разговоров я начал снимать туфли. Развязывая шнурки, я подумал, что выгляжу человеком, который своими руками губит наш интересный план. Я по глупости что-то сказал в том духе, что если Том идет в даунтаун, то, думаю, допишу письмо, которое и так уже сильно задержал. Том с тревогой ждал письма, которое должно было прийти этой ночью. Он предложил мне пойти с ним, тем более что на улице такая достойная ночь. Я согласился, и Арт решил к нам присоединиться. Я присел и написал письмо – в то время как у нас все еще продолжался разговор о денежном мешке.

Когда письмо было написано, что-то словно изменилось. Мы нашли дальнейшее бездействие невозможным: нужно было либо идти грабить почту, либо идти спать. Том вынес два своих пистолета; я разыскал пару больших носовых платков, Арт добавил в этот ассортимент моток веревки. В это время мы все еще индивидуально и коллективно играли в игру между собой. Каждый из нас ждал, что кто-то другой расхохочется надо всем этим и предложит пойти поспать и подождать до утра. Но мы как будто все забыли – наше положение в школе, свои семьи и друзей, грозящую нам и нашим родным опасность. Нашей единственной мыслью было осуществить эту выходку. Мы довольно механически завершили наши приготовления. На нас нашло какое-то помрачение.

Одевшись и нахлобучив шляпы, мы вышли на улицу. По пути в даунтаун мы, не выказав сколько-нибудь серьезного беспокойства, прошли мимо ночного патрульного. Том вошел в помещение почты так, как он обычно это делал во время подработок, а мы с Артом затаились у черного хода. В окне появился Том в своей шляпе, это был сигнал о том, что нет никаких причин сомневаться в успехе нашего предприятия. У двери, в полном освещении, мы повязали на лица платки и вынули из карманов пистолеты. Мы были наготове.

– Хватит ли тебе духу пройти через это? – спросил я, повернувшись к Арту, стоявшему у меня за спиной.

– Это смотря хватит ли тебе, – ответил он.

Честно говоря, я чувствовал, что зашел слишком далеко, но по какой-то неведомой причине так и не сказал ничего, что прямо на месте положило бы конец всему этому. Не сделал этого и Арт. Позже он сказал, что был слишком испуган, чтобы что-то предложить. Видимо, мы оба были не в себе.

Том открыл дверь, и мы последовали нашему плану до конца. Ночной сторож не оказал никакого активного сопротивления.

Даже после того, как мы покинули почту с тысячами долларов в руках, мы толком не понимали, что все это означает. Наши первые слова были не о захвачен-

ных деньгах. Они были о том, что наша шутка (а для нас это все еще оставалось шуткой) удалась. Когда мы вернулись в свои комнаты, спрятав деньги в брошенной драге, серьезность содеянного начала до нас доходить. Час или около того мы молча лежали и, наконец, придумали план, как, на наш взгляд, можно безопасно вернуть деньги без того, чтобы нас узнали. И только после этого я заснул»¹.

В этом случае мы имеем постепенную выработку возбуждения и подготовку к действию посредством обсуждения. Это продолжается до тех пор, пока не становится невозможным продолжение бездействия, и в группе трое подростков осуществляют деяние, на которое ни один из них не был бы способен индивидуально². Конвенциональное определение этой ситуации полностью игнорируется в возбуждении текущего момента. То, что молодые люди определили в то время как «возбуждающую шутку», общество позже определило как «ограбление». Если этот механизм работает среди студентов колледжа с добрым характером и стабильными привычками, то легко понять, насколько эффективнее он может действовать в подростковых группах из дезорганизованных ареалов города.

Еще одну форму, принимаемую взаимным возбуждением, ведущим к действию (суммации), которую легко разглядеть в поведении шайки, можно назвать «механизмом отваги». В этом случае мы имеем ряд состязательных актов, каждый из которых требует еще большего мужества, или бравады, и каждый провоцирует другой до тех пор, пока не осуществится какой-нибудь финальный акт отваги, или безрассудной храбрости.

ПОДЗАДОРИВАНИЕ

182. «Во время наших вылазок мы всегда не просто гуляли по улице, но и делали что-то еще. Обычно каждый член шайки брал с собой шест, с помощью которого можно было перепрыгивать через ручьи и заборы. Когда шайка набрела на очень высокий забор, ее члены могли на выбор либо пролезть через него,

¹ Из рассказанного автору двумя участниками ограбления. Добрый характер этих ребят никогда не ставился под сомнение ни их семьями, ни сообществом колледжа.

² Это можно считать одной из форм суммации – процесса, заключающего в себе серию реакций, каждая из которых все отчетливее ведет в заданном направлении вплоть до осуществления итогового акта, придающего значимость всей последовательности.

либо перепрыгнуть. Но обычно кто-то желал подзадорить остальных, и если он это делал, то остальные неизменно считали своим долгом по меньшей мере попытаться перепрыгнуть, хотя в этом не было никакой необходимости»¹.

ОХОТА НА КОРОВ

183. «Шайка из восьми приятелей, хижина которой находилась у подножия большой горы в Аппалачских лесах, возникла из перегона мальчиками скота туда-сюда по утрам и вечерам. У каждой семьи было по большому пастбищу примерно в миле от города.

В этот день мы вышли с ружьем, чтобы поохотиться на лягушек. Позже мы пришли в загон для скота, и мальчики прошли с коровами в гору примерно полдороги, когда вдруг решили пострелять из ружья.

“Держу пари, вы не собьете одну из тех коров с горы”, – отважился сказать кто-то.

Другой принял вызов и начал стрелять по коровам. Сначала еще были некоторые колебания, но вскоре в этом участвовали уже пять из одиннадцати мальчиков. Каждый стрелял по возможности в корову кого-то другого. Одной корове попали в шею. Другая корова была убита. Мальчик, корова которого пала, сказал друзьям, что ей плохо и надо пойти посмотреть, что с ней. Четырем ребятам из шайки пришлось заплатить за нее; она обошлась им по 20 долларов с носа»².

Ограниченность морали шайки

Некоторые авторы относились к воспитательной ценности шайки для мальчика излишне идеалистически³, подчеркивая, что шайка учит своих членов великим человеческим добродетелям⁴. Некоторые даже намекали на то, что шайка – желательный институт для мальчика, оставшегося вообще без присмотра.

ЦЕННОСТИ В ОТСУТСТВИЕ НАДЗОРА

184. «У меня есть теория, что шайка развивает мальчика со многих важных сторон. Этот вид спонтанного роста настолько ценен для его личности, что я не уверен, нужен ли здесь вообще какой-нибудь надзор. Мальчики учатся спра-

¹ Рукопись бывшего члена группы.

² Интервью с бывшим членом шайки. См. документ 148 (с. 257).

³ См.: *Addams J.* Newer ideals of peace. – N.Y.: Macmillan, 1907. – P. 177; *Cooley C.H.* Social organization. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1909. – P. 24–25.

⁴ См.: *Buck W.* Boys' self-governing clubs. – L.: Macmillan, 1912.

ведливо разрешать свои споры. Так группа развивает из мальчика настоящую личность. Думаю, каждому мальчику нужна своя шайка»¹.

Другие специалисты, работающие с подростками, заключали, что эти так называемые «партизанские добродетели» – важное достояние для любого социального агентства, помогающее вернуть энергии шайки в полезное русло².

С точки зрения приготовления к жизни в более широком мире, однако, шайки как таковой вряд ли достаточно. Добродетели шайки, высоко превозносившиеся как идеальные образцы для человечества, действуют только в отношении членов мы-группы, остальной же мир может совершенно обычным образом рассматриваться как законная добыча. Чувство справедливости, обычно управляющее отношениями мальчиков друг с другом, не распространяется на посторонних³.

Этноцентризм, которым отмечены малые группы в примитивной жизни и племенном обществе⁴, характерен и для шайки. Студенческое братство, которое во многих отношениях сродни шайке, дает нам хороший пример того же самого. Установка, преобладающая среди членов подобных обществ, выражается такими словами: «Мы принадлежим; мы греки; мы культурны. Вы не принадлежите; вы варвары; вы грубы и бескультурны».

Более того, в другом смысле шайка делает слишком много; ведь кроме добродетелей она вкладывает в своих членов и первично-групповые пороки. Месть, характерная для многих отчужденных первичных групп⁵, является в шайке законом. Дружба, преобладающая среди членов одной группы, часто сопровождается антитетическим чувством ненависти к чужакам. В крайних случаях это проявляет себя в самых необузданных типах возмездия, и дело часто доходит до убийства. В более порочных шайках развивается страсть к кровной мести.

¹ Интервью с ведущим чикагским специалистом по работе с детьми и подростками.

² *Geer A. Gangmen tell of plan that saved them // New York Times. – N.Y., 1924. – Mar. 30.* Д-р Лютер Х. Глик соглашается с этой позицией.

³ См.: p. 181–182, 287.

⁴ *Sumner W.G. Folkways. – N.Y.: Dover, 1906. – P. 12–13.*

⁵ См. описание сирийского клана: *Park R.E., Miller H.A. Old World traits transplanted. – N.Y.: H.N. Holt, 1921. – P. 35–36.*

СТРАСТЬ К КРОВНОЙ МЕСТИ

185. «Тонисы были бандой итальянских громил. Их было около 30, возраст – от 18 до 25 лет. У них развилась неприязнь к одному цветному, выигравшему у них в салуне некоторую сумму денег на азартных играх. Позже этот цветной был занят игрой в кости с группой ирландцев на окраине парка. Когда ирландцы заметили итальянскую шайку, спускавшуюся по улице, они быстро рассовали деньги по карманам, кто сколько смог, и убежали. Итальянцы подошли к цветному, свалили его ногами на землю и стали топтать ему голову, пока не размозжили череп. За это убийство их так и не арестовали»¹.

Слепая ярость, заключенная в этой страсти, которую так трудно понять цивилизованному человеку, объясняет многие из кровавых войн и фатальных распрей между враждебными бандами². Полицейский, навлекший на себя вражду порочной банды, несомненно, становится постоянной мишенью для пуль наемных убийц.

Да и на первичные добродетели, которые предположительно развивает шайка, не всегда можно положиться; они не всегда будут иметь силу для ее членов. Во многих случаях наблюдается вероломство, и в преступной банде человек никогда не уверен в своих друзьях³.

ИНВЕРТИРОВАННОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

186. «Банда Берни организовалась примерно в 1908 г., а ее логово располагалось в салуне Джо Берни недалеко от места, где Кили- и Лайман-стрит прилегали к территории, на которой ныне находится игровая площадка Бозли. Ядро банды составляла семья Берни; также она включала их кузенов и соседей. В ней было с дюжину членов в возрасте от 25 до 35 лет.

Большинство членов – а это были вооруженные бандиты – обычно предавались ссорам между собой. Здесь мы имеем случай инвертированного физического насилия. Им нравилось использовать огнестрельное оружие, и хотя они убили двух человек, не состоявших в их банде, обычно они обращали оружие друг против друга во время пьяных дебошей. В итоге к 1913–1915 гг. они все друг друга перестреляли, за исключением одного, умершего от падения, и еще одного, единственного выжившего, который работает теперь ночным сторожем»⁴.

¹ Интервью с директором парка.

² См. описание войны между Крысами и Рулетами (с. 176–178).

³ См. рассказ Рея Ренарда о Крысах в «Сент-Луис стар»: Confession of Ray Renard // St. Louis Star. – St. Louis (MO), 1925. – Feb. 24 – Mar. 31.

⁴ Интервью с м-ром Х., чикагским политиком.

Трудно понять, как выучка, которую может дать неподнадзорная банда, может адекватно подготовить подростка к полезному гражданству. Хороший гражданин наших дней должен обладать чем-то большим, нежели мораль шайки. Он должен жить в обществе, где для социального порядка и общего процветания существенны терпимость к другим группам, чуткость к ним и сотрудничество с ними. Для этой цели нужна межгрупповая мораль. Одним из наших больших недостатков является, несомненно, именно это непризнание обязательств перед другими группами. Человек может быть полностью лояльным своей группе, но при этом чувствовать, что он может безнаказанно обижать и грабить внешние группы. Таким образом, политик, мошенник, расист, религиозный фанатик, шовинист, империалист и т.д. – все это более высокопоставленные защитники морали шайки: они все «греки», а «варвары» должны страдать.

Элсуорт Фэрис

СЕКТА И СЕКТАНТ

В социологии Чикагской школы присутствует двойственный интерес к такому феномену, как религия. С одной стороны, фокусировка на городе и урбанизме постоянно выводит как важные фоновые черты современного общества распад традиционных форм социальной организации, секуляризм, падение контроля и влияния церкви как первичной группы. С другой стороны, фокусировка на коллективном поведении порождает интерес к разного рода социальным движениям, в том числе религиозным, и развивающимся из них социальным объединениям. К числу последних относится секта. Из всех религиозных образований секта интересовала чикагских социологов прежде всего. Обращение к этой тематике можно найти, например, у Р.Э. Парка и Э.Ч. Хьюза. Вместе с тем специальных работ на эту тему у чикагцев нет. Статья Э. Фэриса, впервые опубликованная в 22-м томе «Publications of the American sociological society» (1927), является одним из немногих текстов, в которых эта сторона чикагской социологии представлена наиболее полно.

Перевод сделан по источнику: Faris E. The sect and the sectarian // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1955. – Vol. 60, N 6, Supplement: The early and the contemporary study of religion. – P. 75–89. Впервые опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2009. – № 3. – С. 161–176. Здесь он воспроизводится с незначительными поправками.

До сих пор знание социальных истоков основывалось главным образом на этнологии. Предполагалось, что примитивные народы представляют нам ранние стадии той жизни, которой живем

мы, и со времен Конта и Спенсера люди пытались ответить на фундаментальные вопросы, касающиеся нашей религии, морали, искусства и экономики, собирая сведения о дикарях. Результаты, однако, были удручающе ничтожными. Первоисточки любой из наших базовых деятельностей теряются в тайне. Ответ на вопрос об истоках, который, как поначалу казалось, обещала дать этнография, искали на самом деле путем обращения к психологии, а так как психология первобытного человека – вещь умозаключаемая, то почти сто лет писанины оставили нам в сухом остатке лишь коллекцию теорий происхождения институтов, ни одну из которых нельзя опровергнуть, притом что каждая остается недоказанной и, в сущности, недоказуемой. Занавес поднимается посреди представления – порою даже к концу последнего акта, – и процесс, с помощью которого реконструировалось прошлое, не отличается ни в одном из существенных аспектов от самой примитивной мифологии.

В наше время существует обделенный вниманием феномен, сулящий нам лучшие перспективы. У религиозных сект, особенно современной обособленной секты, есть масса преимуществ, которых лишена этнография. Во многих случаях доступна вся их история, ибо можно установить дату, когда секты не было даже в помыслах, и проследить далее всю ее эволюцию. Если бы социологи озаботились тем, чтобы изучить омовение ног у данкеров, или «окунанцев», или танцы у трясунов так же тщательно и подробно, как они изучают тотемические танцы у австралийских аборигенов или табу у банту, то они нашли бы материал, не только не менее интересный, но и, по всей вероятности, более плодотворный.

Религиозная секта – это ценная область для изучения социологии, в отличие от социальной психологии, ибо она дает корпус фактов, касающихся роста институтов. Нынешние идеи об истоках институтов включают теорию, согласно которой они развились из фиксированного набора инстинктов, теорию, согласно которой они детерминированы географической средой, и теорию, согласно которой сей феномен вырастает всецело из обусловливания младенческих рефлексов. Несомненно, психология очень важна, и есть много проблем, являющихся по существу психологическими, однако социологию институтов можно изучать, не подводя под нее психологические основания; более того, в опоре на психологию она нуждается не больше, чем в опоре на астрономию или геологию. Есть вопросы, на которые нужно ответить, факты, которые можно собрать, гипотезы, которые можно проверить, и выводы, к

которым можно прийти, при изучении институтов в сущностной абстракции, которой требует всякое научное исследование.

Тем не менее религиозная секта является ценной областью и для исследований по социальной психологии. Секта состоит из сектантов, а сектант – это личность. Более того, его личность производна от жизни секты и может быть понята, только если принять во внимание социальную матрицу, в которой она сформировалась. Связь индивида с группой и институтов с инстинктивным оснащением, проблема связи наследуемого темперамента с институциональной организацией – эти и другие психологические вопросы можно с пользой для дела изучить, рассмотрев сектанта и его секту. Если исходить из того, что человеческая природа – не фиксированная, постоянная или наследуемая вещь, а, напротив, производна от присутствия других людей и контакта с ними, то секта открывает простор для изучения личности в ее развитии, предоставляя в случае относительно полного отсечения группы от внешних влияний ситуацию, аналогичную лабораторной среде, в которой контролируются условия и изучаются переменные.

Связь индивидуальных личностей с институтами явно двусторонняя. Члены религиозной секты формируются в соответствии с традициями и мировоззрением, преобладающими внутри этой группы. Вопрос о том, почему человек, живший с младенческих лет в мормонском сообществе, смотрит на жизнь с точки зрения мормонства, – очень простой вопрос. Его жизнь была определена внутри данного социального целого. Но если мы из любопытства начинаем интересоваться тем, как конституировался институт мормонства, то вот этот вопрос сложнее. Ведь эта секта уходит корнями в далекое прошлое и, кроме того, имеет *differentia*, отличающие ее от любого другого института. Если сектанта и в самом деле очень часто изучали в обособлении от секты, то еще очевиднее то, что при изучении секты очень мало внимания уделяли другим группам, с которыми она контрастировала и пребывала в конфликте. Телескопы имели слишком узкое поле обзора. Конвенциональные отчеты включают некоторое описание эпох и условий, но обычно секта слишком жестко отсекается от противостоящей группы. Секта может даже представляться в виде некоторого образа. Возникая в то время, когда закреплённый порядок рушится или готов вот-вот рухнуть, секта является попыткой всего сообщества интегрироваться заново. Это порядок, возникающий из социального хаоса, хотя, возможно, этот порядок не очень прочен, а хаос – не состояние крайнего распада. Если изучить организацию большого числа сект, таких как квакеры, трясуны, меннониты,

данкеры, перфекционисты и Общество Амана, то при ближайшем рассмотрении выясняется, что в некий решающий момент в истории общества возникает ситуация, в буквальном смысле слова уникальная, никогда не встречавшаяся ранее – ни в одной группе людей, нигде в мире и ни в один период времени. А коль скоро ситуация уникальна и, стало быть, личности членов образуют уникальный ансамбль сил, интересов и идеалов, то и в решении проблемы присутствует некоторая уникальность.

Изучая литературу по этой теме, ученый знакомится с априорными допущениями и объяснением общих принципов, однако они не выдерживают проверки в сравнительном исследовании. Один автор отмечает, что Энн Ли стала основательницей безбрачной общины совершенно естественно, если учесть полный крах ее жизни в браке. Но многие женщины, семейная жизнь которых была не менее катастрофичной, не создавали безбрачных общин, а многие безбрачные общины создавались людьми, у которых не было никаких катастроф в семейной жизни. В действительности секта Энн Ли началась не с целибата. Эта черта стала позднейшим добавлением. Другой автор объяснял колонию коммунистических безбрачников как реакцию на их среду. Они жили в дикой местности в Пенсильвании, отрезанные от ассоциаций и на лоне природы, во многом подобно древней египетской секте, безбрачной и коммунистической. Это каузальное утверждение доказывается тем, что после покорения дикой местности цивилизацией их отличительные доктрины были отброшены; но здесь напрашивается замечание, что в изолированных диких местностях очень многие поселения не являются ни коммунистическими, ни безбрачными; более того, некоторые коммунистические секты сохранялись и по сей день сохраняются еще долго после того, как окружающее сообщество полностью покоряется цивилизацией.

Итак, ни об одном регионе нельзя сказать, что он будет порождать определенный тип религии. Установленные формы конституции секты столь изменчивы, что детали нужно рассматривать как случайные. Проблема здесь очень схожа с проблемой изобретения; отличие же состоит в том, что секта – дело коллективное, а изобретение – индивидуальное. Конечно, разные члены группы неравны по влиянию, и судьба всего религиозного движения обычно будет модифицироваться биографическими деталями жизни какого-нибудь значительного раннего лидера. Как хорошо известно, полигамия не была изначально программой мормонов, но вошла в нее в ответ на попытку справиться с конкретным чрезвычай-

чайным обстоятельством. Общество Амана почти столетие практиковало коммунизм, но прежде чем коммунизм вошел в нравы этой секты, за спиной у нее уже были многие годы непрерывного существования. Все случилось, когда после очередной миграции оказалось, что бедные ее члены, задолжавшие состоятельным большие суммы денег за свои земли, похоже, безнадежно увязли в долгах. После неких вдохновений свыше и бурных обсуждений и споров было, в конце концов, решено, что отныне всем имуществом надлежит владеть сообща. И с тех пор, как такое решение было принято, эта черта стала неотъемлемой частью их общества и оставалась само собой разумеющейся в череде поколений.

Есть много случаев, когда традиции группы надолго подпадали под воздействие опыта и влияния одного человека. Ученики Христа, или кэмпбеллиты, образующие одну из крупнейших деноминаций, не вполне последовательны в своем отношении к нечленам. Крещение путем окунания в воду – *sine qua non* членства, но некрещеные свободно допускаются к таинствам причастия. Эта проблема целиком объясняется опытом их лидера, Кэмпбелла: сначала он был пресвитерианином и практиковал открытое причастие, потом присоединился к баптистам и, в конце концов, организовал самостоятельную секту. Это своеобразие религиозного опыта побудило его отстаивать названное противоречие, которое, будучи принятым небольшой группой и сохранившись, когда она начала расти, удерживалось в течение столетия и послужило поводом для серьезных трений и как минимум одного раскола.

Секта изначально конституируется не нерелигиозными лицами, а теми, кто откололся от существующих организаций. Христианская наука растет в основном за счет притока бывших приверженцев старейших организаций, и этот случай типичен. Состояние беспокойства и смуты ослабляет узы союза, и иногда несколько родственных душ находят друг друга, образуя ядро. Отделение очень редко бывает исходным мотивом, но когда обособившееся ядро вызывает противодействие и обретает групповое сознание, создается сцена для появления новой секты. Итак, первой стадией обычно является стадия конфликта, хотя методы войны меняются соответственно стандартам эпохи. Многие организации недолговечны, и, будь в нашем распоряжении исчерпывающее исследование не выживших мелких сект, оно было бы для нас весьма поучительным. Когда первоначальную компанию, или *кадровый состав*, секты характеризуют групповое сознание и высокий моральный дух, часто начинается более или менее быстрый ее

рост за счет присовокупления, или привлечения, новых членов. Чем именно она их притягивает – очень интересный вопрос. Часто предполагается, что в основном секта привлекает людей схожего темперамента. Наверное, именно это имеет в виду Гиддингс под сознанием рода (*conscience of kind.* – *Ред.*); люди извне присоединяются к секте, так как чувствуют в ней родственное сознание, т.е. схожи по темпераменту и считают себя единомышленниками. Вопрос явно непростой, но есть факты, делающие это объяснение сомнительным. Томас Эдвардс, писавший в 1646 г. как раз об этом, приводит длинный перечень мотивов, которые, по его мнению, ведут людей к вступлению в ненавистные ему секты¹. В их числе фигурируют следующие: одни были нищими, сломленными, разложившимися людьми и надеялись получить от новой секты что-то вроде денежной помощи; другие были виновными, подозреваемыми и осужденными, находившимися в бегах и боявшимся ареста или заключения, для них секта была убежищем; третьи, утверждал Эдвардс, были втянуты в судебные процессы и рассчитывали найти друзей, которые помогли бы им в тяжбе; некоторые, по его мнению, были амбициозными, тщеславными, алчными людьми, только и мечтавшими о том, чтобы занять какую-нибудь должность; другие были вольнодумцами и морально слабыми личностями, искавшими меньших ограничений, чем те, которые навязывались им прежними общинами; еще один класс он называет распутными, нестойкими личностями, которые лишь притворяются истово верующими, других зовет склочниками, которые любят создавать проблемы; в число прочих включаются люди, поссорившиеся со своими священниками или имевшие проблемы с выполнением долга перед церковью и ушедшими из нее в знак недовольства.

Даже если сделать скидку на жесткость дискуссий XVII в., видимо, необходимо заключить, что новообращенные были людьми многих типов. Чтобы присоединиться к группе людей, вам нет нужды считать себя схожими с ними; наверное, правильнее сказать, что вы стремитесь стать похожими на них и, стало быть, желаете измениться. В историях большинства сект можно описать период относительно острого конфликта, и здесь не обойтись без сравнительного исследования. Ибо конфликт модифицируется оппонентами. Люди учатся искусству войны у своих врагов; вступая в борьбу, они редко проявляют те крайности, до которых доходят в разгар сраже-

¹ *Edwards Th. Gangraena.* – L.: R. Smith, 1646. – *Прим. ред.*

ния. Общество Амана винило духовенство в безнравственности и распущенности; его члены отказывались от военной службы и не отправляли детей в государственные школы; в ответ их били, третировали и заточали в тюрьмы. Уильям Пенн призывал к свободе вероисповедания, основываясь на Священном Писании; он называл ее естественной, разумной и христианской и находил в Библии оправдание любви к врагам и отказа от применения силы. Веротерпимость он считал разумной, так как, согласно Священному Писанию, «всякое царство, разделившееся в самом себе, опустеет». Но нужно принять во внимание и оппонентов Пенна, если мы хотим понять позицию, которую он занимает, по тем временам новую и революционную. В «Гангрене» Эдвардса выражен взгляд группы, преобладавшей в XVII в.; и веротерпимость, согласно этому взгляду, плоха, поскольку – опять-таки – «всякое царство, разделившееся в самом себе, опустеет». Эдвардс считал веротерпимость колоссальным злом, о чем свидетельствует следующая цитата:

«Веротерпимость – высший умысел Дьявола, его Шедевр и наиважнейшее Орудие, коим он действует в наши дни, дабы утвердить свое ветхое Царство; она есть самый короткий, верный и надежный способ разрушить всякую Религию, посеять всюду опустошение и все напитать злом; это самое запредельное, всеобъемлющее и фундаментальное зло для нашего Королевства из всех, какие только можно представить. Как первородный грех есть основополагающий грех, всеобщий грех, таящий в себе семена и источник всех грехов, так и в Терпимости заключены все прегрешения и несчастья; она противна всему потоку и течению Писания как в Ветхом, так и в Новом Завете, как в вопросах Веры, так и в вопросах манер, как в общих, так и в частных заповедях; она ниспровергает все связи – Политические, Церковные и Экономические; и в то время как прочие грехи, будь то в суждении или в практике, идут лишь против какого-то одного или нескольких мест Писания или связей, этот грех идет против всех, это Аваддон, Аполлион, разрушитель всей религии, Мерзость Запустения и Поражения, Свобода Вечных Мук (как зовет ее Августин); поэтому-то Дьявол и взыскует ее днем и ночью, неустанно трудясь во многих над написанием книг в ее защиту и иными способами; все Черты в Аду и их Инструменты втянуты в работу по внедрению Веротерпимости»¹.

Конфликт объединяет секту, создает *esprit de corps* и поднимает моральный дух. Обычно, хотя не всегда, при слишком остром конфликте, вызывающем падение доверия, могут происходить расколы и появляться фракции. Конфликт на четыре года объединил

¹ Edwards Th. Gangraena. – L.: R. Smith, 1646. – P. 121–122.

немецкий народ, но когда немцы почувствовали, что проиграли войну, конфликт разрушил единство нации. У секты, однако, конфликт может быть с «миром», но последний есть субъективный образ, и секта может выжить в великих катаклизмах, если ее члены уверены в конечном успехе. Следовательно, секта всегда обладает какой-то степенью изоляции и более способна к высокому моральному духу, когда ей удастся сохранить местоположение, отрезанное от остального мира. Кроме того, существуют средства культурной изоляции, компенсирующие отсутствие физического обособления; примером служит нынешнее состояние церкви Христианской науки. В этом случае изоляция поддерживается особой лексикой и в первую очередь наказом не вступать в споры и дискуссии с посторонними. Масоны и, в какой-то степени, мормоны достигают изоляции с помощью секретности.

В конфликтный период жизни секты тенденция к исключительности проявляется везде, где только можно. Какие-то экономические связи с «миром» необходимы, но культурная жизнь ограждается от него. Всегда есть склонность быть эндогенным племенем. Иногда за брак с посторонними приходится платить членством в группе. Но всегда наступает время, когда навязать это оказывается трудно, ибо испокон веков сыны Божьи смотрели на дочерей человеческих и находили их красивыми и желанными. Браки с посторонними никогда не становятся обычным делом, пока не начался распад группы, и для нее они всегда разрушительны, ибо красавицы делают чужаков-миссионеров послушными, и ни один ребенок не может с легким сердцем презреть религию матери.

Очень интересный аспект развития секты обнаруживается в тенденции к расколу на две секты, обычно относящиеся друг к другу даже суровее, чем к «миру», в противостоянии которому они прежде были едины. Очевидны два типа расколов. Иногда это просто стадия в процессе реабсорбции секты в широкое общество, из которого она вышла. В этом случае прогрессисты, или инноваторы, хотят изменить старые обычаи и приспособить их к тому, что делается вовне. Ученики Христа раскололись в вопросе о том, должен ли использоваться в церкви орган: партия органа хотела подражать внешнему миру, а оппоненты хотели сохранить старые традиции. Другому типу раскола это не свойственно. Здесь очевидна разная интерпретация какого-нибудь двусмысленного конституционального выражения. У данкеров был спорный вопрос, касавшийся множественного омовения ног: одна партия настаивала, что каждый человек должен мыть ноги лишь одному

другому человеку, а оппоненты утверждали, что каждый должен мыть ноги нескольким. Есть и другие примеры двусмысленностей в исходной формулировке, или доктрине, и если не находится адекватного механизма, или высшего суда, который мог бы разрешить разногласие, то результатом могут стать расколы.

Независимо от того, расколется группа или нет, приходит время, когда изоляция начинает исчезать и обычаи внешнего мира с его верованиями и практиками – и даже его идеалами и доктринами – начинают постепенно проникать в группу. Когда два народа живут бок о бок, они всегда влияют друг на друга. Буры в Анголе натирают полы в домах свежим коровьим навозом; этот живописный обычай они переняли у окружающих дикарей. Тенденции такого рода проявляются медленно и часто встречают упорное сопротивление. В 1905 г. на ежегодном собрании Братьев Старого Ордена было торжественно принято решение, что пользование их членов телефонами не соответствует Священному Писанию. Руководство данкеров принимало официальные постановления о заблудших братьях, которые ходят на шоу с цирковыми зверями, корчат из себя творцов, покупают окружные облигации, исполняют обязанности присяжных, приобретают пианино, пользуются колокольчиками, носят галстуки, играют на струнных инструментах, носят пальто со стоячими воротниками, возводят надгробные памятники, вступают в YMCA. Все это было много лет тому назад; начавшийся тогда процесс продолжался, и многие прогрессивные данкеры теперь смеются над тем, что они называют старомодными запрещениями.

Если обратиться теперь к вопросу о личности и взглянуть, какой свет изучение сект может пролить для нас на эту проблему, то ясно, что секта в своей коллективной жизни производит сектанта. Следовательно, сектант – тип, а типы личности оказываются конечными продуктами, производными от деятельностей группы. Типы могут изучаться в соотношении с морфологией человеческого тела. Так, людей могут делить на тучных и круглых, худых и стройных и любые другие обнаружимые группировки. Их можно делить на интровертов и экстравертов, хотя почти все люди, которых вы встречаете, не являются ни теми, ни другими, а скорее смешанными. Эти и многие другие классификации полезны, и их надо приветствовать; но они не удовлетворяют всех нужд, и становится очевидным, что социальная жизнь, которую ведут люди, имеет больше значения, чем наследуемая физическая конституция. Есть типичный мормон, и его личность можно описать.

Он предпочитает в высокой степени централизованную институциональную организацию, руководствуется особой системой теологии, верит в частную собственность, контролируемую в какой-то степени теократией. Точно так же есть типичный трясун; но трясун считает частную собственность нежелательной и даже противной воле Господа. Более того, для трясун аморально всякое половое сношение; и есть еще длинный список определенных утверждений, которые мы могли бы приложить к этому типичному индивиду. Есть также типичный данкер: в отличие от трясун, он не коммунист, а в отличие от мормона – не подчинен централизованной иерархии. Как и большинство сектантов, он принадлежит к единственной истинной церкви, однако каждый сектант принадлежит к иной единственной истинной церкви, нежели другие. Данкер считает обязательным троекратно окунаться в воду, каждый раз глядя вперед. Он должен церемониально омыwać ноги своему брату и одарять его святым поцелуем любви, сохраняя себя не запятнанным соприкосновением с миром.

Каждая из этих сект и все плотно организованные секты обладают особой лексикой, фиксированной традицией и своеобразным видением Бога и человека, этого мира и мира грядущего. Следовательно, секта аналогична примитивному племени, последнее же давно признано производящим особые типы личности. Между трясун и данкером больше разницы, чем между экваториальными банту и южноафриканскими зулусами. Эта разница существует вопреки существенным сходствам в расе, языке и географической среде.

Эти типы являются продуктами социального наследия и социально выводятся, в прямом смысле слова, в течение долгого времени. Их нельзя объяснить географической средой, ведь данкеры, члены Общества Амана и многие другие живут в среде одного типа, возделывают одну и ту же землю и окружены соседями, являющимися для них чужаками. Нельзя их объяснить и физической наследственностью, ведь секты постоянно приобретают членов извне своей линии происхождения. Мормонские миссионеры обошли вдоль и поперек Америку и Европу, ища и находя новых рекрутов для сообщества в Юте. Культурная жизнь создает нравы, а нравы становятся неотразимыми, когда умело внедряются в молодежь и в новообращенных.

Более того, со временем возникают новые, часто важные вариации в нравах. Ни для группы, ни для индивида все моменты не являются одинаково важными. Жизнь не состоит из неакцентированных ритмов; скорее, периоды единообразия в ней прерываются

моментами принятия важных решений, и из этих последних вытекают изменения, которые могут определить курс развития группы на многие поколения.

В связи с этим необходимо еще раз вернуться к часто принимаемому допущению, что есть единообразие темперамента, объясняющее группу. Все члены группы берутся как единомышленники; новообращенные входят в группу в силу сознания рода. Предполагается, что группа отбирает людей с определенным темпераментом. Эта интерпретация не выдерживает критики. Исследование членского состава секты и феномена разделения и раскола заставляет исходить из того, что в членском составе секты обнаруживается много разных темпераментов. Гипотеза, выдвигаемая мною, состоит в том, что новообращенный входит в секту не потому, что он имел схожее сознание, а потому, что он изменяет свое сознание. Он присоединяется к ней иначе. Секта привлекает его, поскольку он хочет стать другим, и она увлекает его и превращает в иной тип, по мере того как он включается в ее культурную жизнь.

В пользу этого понимания говорят, видимо, несколько типов фактов. Во-первых, секта возникает во времена дезорганизации, всегда являющиеся периодом беспокойства и тревоги. Таким образом, люди готовы к новому стабильному или организующему влиянию. Они присоединяются не потому, что на кого-то похожи, а потому, что предлагается какое-то решение для их беспокойства. Во-вторых, можно предположить, что потомки членов секты будут людьми разных темпераментов, и это предположение подтверждается исследованиями. Типичного сектанта, несмотря на разницу темпераментов, можно в каждом случае точно описать; от него требуется лояльное членство, пока секта не начнет распадаться.

Третья группа фактов – более важная и убедительная. Было показано, что история секты демонстрирует типичную прогрессию. Период крайней изоляции, конфликта и высокого морального духа сменяется более мирным периодом, когда все большее одобрение получает конформность к внешнему миру. Конечным результатом является исчезновение секты как обособленной конфликтной группы и ослабевание значимости ее отличий с точки зрения их влияния на личность сектанта. Следовательно, типичный сектант – это разная личность на разных стадиях жизни группы. Предположение единообразия темперамента трудно удержать в свете указанных прогрессивных изменений, которые могут быть продемонстрированы. Воинственный, исключительный нонконформист, одевающийся иначе, нежели члены общества, в котором он живет, – это личность,

очень отличающаяся от того же человека, который присоединяется к другим в их ассоциациях и предприятиях и становится патриотичным и регулярным членом американской политической единицы. Поскольку сектант – индивидуальный аспект своей секты, он меняется, когда меняется его группа, а его группа меняется с изменением сети отношений. Изменения в секте не зависят от темперамента членов; изменения в сектанте, в свою очередь, отражают коллективную жизнь. Следовательно, темперамент сектанта является изменчивым элементом, и теория отбора по темпераменту кажется неадекватно обоснованной.

Те, кто апеллирует к темпераменту как причинному фактору, не всегда помнят о том, что темперамент – умозаключение, а не факт. Качества темперамента – это абстракции. Определение темперамента включило бы те факторы в личности, которые детерминируют способ поведения и являются врожденными. Но поскольку темперамент не обретает важность до тех пор, пока не сформировалась личность, он всегда есть абстракция, полученная путем умозаключения. Можно показать, что темперамент меняется, и доводы насчет наследственного темперамента надлежит использовать с величайшей осторожностью.

Опыт, к тому же, является творческим. Секта – не надежное убежище, где темперамент и желания аутсайдера могут удобным для него способом выразиться и реализоваться; скорее, это формирующая сила или множество сил; и мотивы, приводящие человека к вступлению в секту, могут быть очень отличными от тех, которые обеспечивают его продолжающееся членство в ней. Никто со стороны не может полностью знать, каков опыт внутри. Бытие сектантом может принести больше или меньше удовлетворения, чем вначале вообразалось; так или иначе, это никогда не превосхищается с точностью. Мотивы, приводящие женщину к брачному алтарю, могут быть совершенно отличными от мотивов, заставляющих ее принять решение терпеть до конца. Причина, по которой мужчина начинает курить, редко совпадает с мотивом, побуждающим его следовать этой привычке. Следовательно, сектант – это в каком-то смысле новое существо. Он может считать себя, и притом весьма точно, полностью переделанным. О своем новом существовании он зачастую говорит как о новом рождении.

Если пытаться анализировать личность секты в терминах установок, то у нас есть теоретические разработки У.А. Томаса и Ф. Знанецкого. Установка формулируется как процесс индивидуального сознания, ориентированный на соответствующую ценность.

Р.Э. Парк, обсуждая установки, интересуется их связью с желаниями и мнениями. Говорится, что установка есть мобилизация воли. Психологи, среди которых можно упомянуть Олпорта и Терстоуна, попытались исследовать установки с помощью вопросников; они выясняли вербальные согласия и несогласия. Они исходят из допущения, что установка соответствует ее вербальному выражению.

В работе В. Парето выделяются три элемента, которые можно, в общем и целом, привести в некоторую связь с вышеприведенными точками зрения¹. Есть **С** – обычаи, убеждения и принципы, разделяемые членами; он называет их *dérivées*. Второй элемент, **В**, – это вербальное выражение, возникающее тогда, когда первый ставится под вопрос или оказывается под угрозой; в нем представлена потребность быть логичным, или желание казаться разумным. Такие элементы Парето называет *dérivations*. Есть еще третий элемент, **А**, относительно неизменный, возникающий из чувств и интересов, которые можно допустить, но которые часто скрыты. Их Парето называет *résidues*.

Социальная установка, видимо, соответствует *résidues*, однако есть еще установка более общая, соответствующая *dérivées*. *Résidues*, или установки, никогда не являются объектом прямого восприятия. Их приходится выводить путем умозаключения, но такое умозаключение – необходимость. Так, полигамия у мормонов была некогда общепринятой практикой; она была *dérivée*, относилась к классу **С**. Причины, приписываемые этой практике в дебатах, аргументациях и пропаганде, принадлежат к классу **В**. Они крайне разнообразны, ведь находчивость и оригинальность в неизбежных судебных процессах вознаграждается. Однако внутренние мотивы и глубоко лежащие установки, возникающие из их инстинктивных стремлений и чувств (класс **А**), могут сильно отличаться от того, что было бы признано. Не вдаваясь в детали, мы ясно видим, что степень вовлечения сексуальности в объяснения определяется любыми методами, которые окажутся под рукой.

Итак, происхождение социальных форм, сотворение новых нравов в данной группе нуждается в единообразии только в классе **С**. В элементах **В** обычно больше единообразия, но они все-таки весьма изменчивы; элемент **С** допускает гораздо более широкое разнообразие. Некоторые люди вступают в секту данкеров ради экономической безопасности; другие – чтобы избежать военной

¹ См.: Pareto V. The mind and society. – N.Y.: Harcourt, Brace & co., 1935. – Прим. ред.

службы; третьи – из отвращения к государственной религии; и так далее, вариантов здесь много. *Dérivations*, или класс **B**, в кругу религиозных сект часто берутся из библейских текстов, и иногда оказывается, что одна и та же *dérivation* используется противоборствующими сектами для оправдания противоречащих друг другу практик. Высказывание «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» приводится баптистами с целью показать, что младенцев не нужно крестить; и оно же цитируется педобаптистами в оправдание крещения детей.

Еще пример: «Всякое царство, разделившееся в самом себе, опустеет». Эта *dérivation* приводится квакерами в доказательство того, что к секте надо относиться терпимо, а Эдвардсом – в доказательство того, что секты нужно давить.

И еще пример: «Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах». Для трясун это любимое место в Писании, доказывающее, что не должно быть половых сношений, и его же перфекционисты чаще всего цитируют как оправдание той формы свободной любви, которую они называют сложным браком (*complex marriage*).

Установок, или *résidues*, много, и их число и природа значимы для вопроса о сходстве мышления и темперамента. Как уже отмечалось, может быть много разных мотивов, вовлекающих людей в общую организацию.

И вот пришел черед самого важного соображения. Установки класса **A**, *résidues*, непрерывно трансформируются. Они создаются по мере умножения эмоциональных переживаний и вытекают из позднейших *dérivations* и новых объектов и новых лояльностей. Общий опыт в секте обычно делает очень изменчивые *résidues* более общими и идентичными.

Парето указывает на необходимость быть осторожными в допущении – как у Олпорта и Терстоуна – соответствия *dérivation* и *résidue*. В литературе трясун полным-полно аскетических сентенций и постоянных утверждений о том, что секс – ненужное зло, но иногда трясун целый день работали и всю ночь танцевали, причем на раннем этапе существования секты мужчины и женщины танцевали вместе обнаженными. Видимо, необходимо допустить у них гораздо больший интерес к полу, нежели выраженный в их мнениях и принципах. Нельзя понять секту, просто изучив ее кредо.

Изучение выживших сект нужно дополнить знанием не выживших. В некоторые периоды дезорганизации было множество маленьких аберрантных попыток организовать, имевших корот-

кую жизнь, и много доктрин, так и не привлечших сторонников. У Эдвардса говорится, что некий Джон Боггис, ставший видным проповедником в Англии XVII в., отказывался произносить молитву перед едой, когда подавали жареную телячью лопатку, презрительно спрашивая: «И кого же мне благодарить – мясника, быка или корову?» Такая крайность не нашла приверженцев.

Во времена дезорганизации всегда возникает некоторая неразбериха в сексуальных нравах. Это имеет место и в периоды революций, и во времена религиозного брожения. Новые секты очень часто обвиняются в сексуальных практиках, противоречащих нравам. Какие-то из этих обвинений, вероятно, преувеличены, поскольку враги редко сдерживаются в своих высказываниях; между тем легко указать на наличие во многих сектах некоторой тенденции к сексуальной свободе. Эдвардс приводит хрестоматийный пример. Одна секта настаивала, что поскольку смерть разрывает узы брака, а Писание учит, что сон есть нечто вроде временной смерти, то нет никакого греха в том, чтобы предаваться половому сношению в тот момент, когда муж или жена спит. В этом случае обнаруживаются явные признаки сильной установки и пример изобретательной *dérivation*, а точнее – рационализации.

Итак, мы приходим к выводу, что секта – это продукт окружающих ее коллективных сил, реакцией на которые отчасти является ее жизнь. Секта создает тип личности, который принимает определенные установки, предан определенным объектам и ценностям и определяет жизнь и мир одобренным ею способом. Наиболее плодотворным полем для исследования является, по всей видимости, сбор полных и адекватных жизненных историй сектантов, в том числе новообращенных членов секты, членов, уже пребывающих в ней, а также диссидентов и раскольников, вышедших из нее. Ведь сокровенные жизненные истории прольют свет на действительный продукт, порождаемый сектой, и дадут материал для точного ответа на некоторые из не решенных на сегодняшний день вопросов.

Задачей этой статьи было привлечь внимание к области исследования, которой не сказать чтобы совсем пренебрегали, но которая не дала пока тех результатов, которые могла бы дать, если бы материал изучался с усердием. Наверное, не будет лишним сказать, что секта и сектант, будучи адекватно исследованными, щедрым потоком пролили бы свет на одни из старейших и наиболее вечных наших проблем: связь общества с индивидом, лидера с его группой, связь институтов с инстинктами. И это та самая проблема, которая интересовала Платона, когда он обсуждал связь одного и многих.

Норман Сильвестр Хейнер

ГОСТИНИЧНАЯ ЖИЗНЬ И ЛИЧНОСТЬ

Книга Н.С. Хейнера «Гостиничная жизнь» (1936) – последняя в ряду эмпирических монографий, изданных в 1920–1930-е годы в «Социологической серии» Чикагского университета. Книга не раз переиздавалась, последний раз в 2013 г. Для Хейнера гостиницы как социальный феномен были одним из важнейших исследовательских интересов на протяжении всей его карьеры; его можно считать основоположником социологии гостиниц. В его книге (в основе которой лежит его докторская диссертация, подготовленная под руководством Р.Э. Парка и Э.У. Бёрджесса) гостиница рассматривается как «город в городе», как своего рода «социальная лаборатория», в которой наиболее ярко и в чем-то даже гипертрофированно отражаются ключевые характеристики городской жизни. Если для современного большого города характерны высокая мобильность, текучесть, безличность, анонимность, мимолетность и непрочность социальных связей, то в отелях, по Хейнеру, эти характеристики можно увидеть и изучить в наиболее чистом виде. В своем исследовании он продолжает традицию изучения городской жизни, у истоков которой стояли Г. Зиммель и Р.Э. Парк. В соответствии с общей исследовательской моделью Чикагской школы гостиница рассматривается как социальный институт, имеющий свою естественную историю, и как особый социальный мир, одновременно с экологическо-демографической и социально-психологической точки зрения. Особое место в книге Хейнера занимает анализ влияния гостиничной среды на человеческую личность и человеческое поведение. Эмпирическим материалом, на который опирается автор, являются как разного рода документы (статистические сборники, справочники и т.п.), так и собранные им интервью с постояльцами отелей, горничными, коридорными, офици-

антами. В статье «Гостиничная жизнь и личность» (1928) в сжатом виде представлены некоторые основные идеи и результаты этого исследования.

Перевод сделан по источнику: *Hayner N.S. Hotel life and personality // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1928. – Vol. 33, N 5. – P. 784–795. Публикуется впервые.*

I. Статистика отелей и население отелей

Отели. – Бюро переписи населения не собирает статистику отелей или населения отелей¹. Бюро трудовой статистики публикует число новых отелей на основе полученных разрешений на строительство в основных городах США, но в его отчетах не указывается, что имеется в виду под «отелем» и определяется ли он одинаково во всех этих городах². Справочники отелей дают нам неофициальный источник статистических данных, но в каждом из этих справочников его предмет определяется по-разному. Ассоциации отелей не включают всех отелей в качестве своих членов.

Неофициальная и явно неполная статистика, обнаруженная в августе 1922 г. Ассоциацией отелей в Нью-Йорке, дает в сумме всего 22 760 отелей на все США, но в чикагском тематическом телефонном справочнике 1921 г. указано 478 отелей, не считая дублей, по сравнению со 112 отелями по списку Ассоциации. Многие из мест, приводимых как отели в телефонном справочнике, так называемый «легитимный» отельщик, вероятно, вычеркнул бы из списка как просто доходные дома или дома с дурной репутацией. В случае Сан-Франциско эта неполнота выражена еще заметнее: 149 отелей со-

¹ Автор основывается на письме, полученном от У.М. Стюарта, директора Бюро переписи населения (Вашингтон, округ Колумбия).

² Отчеты Бюро трудовой статистики включают также таблицы, показывающие число и процент семей, обеспеченных жильем в новых многоквартирных домах, в соотношении с долей новых домов для одной или двух семей в тех же городах. Хотя эти цифры относятся к квартирным домам, а не к отелям, они показывают выраженную тенденцию перехода к многоквартирным зданиям и оптовому содержанию домов. Процент семей, обеспеченных жильем в новых многоквартирных домах, в первом полугодии 1927 г. упал до 32,6% по сравнению с 43,4% на тот же период 1922 г. Процент живущих в новых многоквартирных домах вырос за это же время с 34,6% до 53,8% (*Monthly labor rev. – Wash., 1927. – Vol. 25, Oct. – P. 90*). См. статью: *Hayner N.S. Hotel homes // Sociology a. social research. – Los Angeles (CA), 1927. – Vol. 12, Nov. – Dec. – P. 124–131*, – где обсуждается дрейф от домовладения к гостинице и его значимость для семьи.

гласно списку нью-йоркских отельщиков и 1330 лицензированных отелей и ночлежных домов (1924) на официальном учете.

Неопубликованное исследование «Американской гостиничной книги и справочника предложения гостиничных номеров» 1925 г., дополненное и проверенное по «Официальной красной книге и справочнику отелей» 1925 г.¹, показывает, что Сан-Франциско занимает первое место среди 20 крупнейших городов США по числу гостиничных номеров на душу населения. Сиэтл и Лос-Анджелес занимают соответственно второе и третье места. В этих трех городах Тихоокеанского побережья на душу населения приходится примерно втрое больше гостиничных номеров, чем в Нью-Йорке или Чикаго². Это предполагает более высокую мобильность населения на Дальнем Западе по сравнению со Средним Западом или Востоком.

Население отелей. – Точной обобщенной информации о населении отелей нет. Чтобы быть адекватной, статистика такого рода не только должна давать срез этой мобильной группы на данный момент времени, но и должна измерять недельные и сезонные флуктуации и те внезапные наплывы людей, которые сопутствуют большим съездам. В течение года можно ожидать примерно 3500 «международных, национальных, штатских и межштатских съездов, выставок и ярмарок»³.

Чтобы получить точную статистику населения отелей для этой статьи, автор провел студенческое исследование всех отелей в Сиэтле, взяв этот город в качестве образца. Сиэтл представляет ситуацию, благоприятную для сбора такой статистики. Штат Ва-

¹ The official hotel red book and directory / American hotel association. – N.Y.: Official hotel red book & directory co., 1925.

² Точное число постояльцев на один гостиничный номер в 20 крупнейших городах США (1920), определенное в этом исследовании, следующее:

Город	Число постояльцев на один гостиничный номер	Город	Число постояльцев на один гостиничный номер
Сан-Франциско	25,2	Чикаго	96,1
Сиэтл	30,8	Кливленд	102,8
Лос-Анджелес	32,3	Буффало	120,9
Вашингтон	40,7	Милуоки	121,4
Канзас-Сити	43,7	Питтсбург	136,9
Индианаполис	56,7	Новый Орлеан	147,4
Бостон	70,1	Филадельфия	223,3
Детройт	78,6	Балтимор	238,0
Цинциннати	79,4	Сент-Луис	329,9
Нью-Йорк	89,1	Ньюарк	363,9

³ World-convention dates (Aug. 1922).

шингтон требует ежегодной инспекции отелей, поскольку взимаемые с них пошлины зависят от числа спальных комнат. Отель в этом штате законодательно определяется как любое здание или строение, содержащее пять спальных комнат, сдаваемых внаем поодиночке или по понедельно временным постояльцам. Хотя это определение включает какое-то число многоквартирных домов, пансионов и доходных домов, не являющихся в строгом смысле слова отелями, оно социологически значимо, поскольку подчеркивает мобильность популяции. В сравнении с ареалом, в котором располагается отель, его население всегда оказывается относительно непостоянным¹.

Сиэтлское обследование проводилось в течение месяца в ноябре 1927 г. Этот месяц не представляет ни мертвого, ни горячего сезона в гостиничном бизнесе, и в это время в Сиэтле не было никаких больших съездов. Таким образом, полученные результаты можно считать типичными. Общее число мест, квалифицированных как отели в инспекторских досье и обнаруженных в ходе исследования действительно работающими, составило 437². Всего в этих отелях было 27 012 номеров; иначе говоря, один гостиничный номер приходился на 11,7 индивида, при общем населении отелей 315 652 человека на 1920 г. В 247 из этих отелей – с совокупным числом номеров 15 462 – в домовых книгах на день, предшествующий исследованию, состояли на учете³ 13 030 постояльцев, т.е. наполняемость отелей составляла 84,3%.

Расставленные в убывающем порядке, общие количества состоящих на учете постояльцев по дням недели для 58 отелей Сиэтла были следующими: 1) суббота – 4139; 2) воскресенье – 3827; 3) пятница – 3570; 4) понедельник – 3314; 5) четверг – 3304; 6) среда – 3303; 7) вторник – 3259. В 59 других отелях сообщили, что лучше всего бизнес идет по выходным, не уточняя деталей. Видимо, некото-

¹Постояльцу отеля нужно оставаться в нем всего месяц, чтобы получить обозначение «постоянный».

²Нью-Йоркская ассоциация отелей начисляет Сиэтлу всего 74 отеля. Интересно еще то, что 125 из этих 437 отелей – с общим числом номеров, составляющим 8957, – являются членами Японской гостиничной ассоциации. Есть также 40 отелей меньшего размера с управляющими-японцами, не состоящих в этой ассоциации. В 68 из отелей, входящих в Японскую ассоциацию, все постояльцы белые; в 51 – постояльцы разных рас, в том числе в 31 преобладают белые, в 11 – японцы, в шести – филиппинцы, в двух – китайцы и в одном – негры; в двух все постояльцы чернокожие; и только в четырех все японцы.

³Домовой учет означает общее число лиц, ночующих в данный день в отеле.

рым индивидам, живущим в окрестностях Сиэтла, нравится проводить уикенд в метрополисе¹.

Сиэтл переживает наплыв туристов летом, и этот же период популярен как сезон для всякого рода съездов. Эти вторжения ведут к увеличению числа зарегистрированных постояльцев и росту процента текучести в отелях более высокого класса. Зимой эти отели могут иметь такое же число жильцов, но процент постоянных среди них выше. Дешевые отели являют нам обратные пропорции в сезонных флуктуациях. Кроме короткого периода оживления бизнеса до и после 4 июля, горячим сезоном в них является зима. В это время в ареал «притонов и ночлежек» метрополиса возвращаются мигранты. Изучение ежедневных записей в домовых книгах типичного рабочего отеля за один год (1926) показывает, что декабрь и январь – пиковые месяцы, а во время Рождественской недели отель заселен под завязку. В остальное время года этот отель, согласно домовым книгам, заселен лишь на три пятых своей вместимости.

Таблица показывает состав населения отелей в Сиэтле, определенный через анализ 220 реестров, данные которых выглядят полными и точными.

Таблица

Состав населения отелей в Сиэтле

Класс	Число постояльцев	В %
Всего зарегистрированных постояльцев, <i>в том числе:</i>	10 961	100
Мужчин	7854	71,8
Женщин	3107	28,3
Пар с детьми	226
Пар без детей	594 (1188 индивидов)	10,8
Одиноких* мужчин	7000	63,9
Одиноких* женщин	2156	19,7
Постояльцев старше 60 лет	784	7,2
Постояльцев младше 12 лет	203	1,9

* Означает проживание в одиночку. В большинстве случаев эти постояльцы действительно одиночки, т.е. неженаты (не замужем).

¹ «Нельсон Хаус» (с 365 номерами) в Рокфорде, шт. Иллинойс, в 86 милях от Чикаго, обычно заселяется полностью по вторникам, средам, четвергам и пятницам, тогда как в выходные дни число постояльцев падает иногда до 50. Такой располагающийся на Дальнем Западе город, как Дубук, шт. Айова, ощущает по выходным притягательную силу Чикаго. Путешественники не хотят проводить воскресенье в меньшем по размеру центре. Фактически продолжительность пребывания временного гостя в данном месте, видимо, прямо зависит от величины города.

Интересно и значимо то, что в этих 220 отелях пар без детей было в 2,5 раза больше, чем пар с детьми. Только в 12 отелях число семей, т.е. пар с детьми, превосходит число бездетных пар, и 10 из них – японские¹. Это предполагает, что отель – естественная среда обитания для «компаньонского союза», который определен М.М. Найтом как «состояние законного брака, в которое входят исключительно ради компании, а не ради рождения детей для общества». Между тем ничто в списках постояльцев не указывает на то, являются эти бездетные пары супружескими или нет.

Тот факт, что одна пятая от общего числа постояльцев в этой таблице приведена как «одинокие женщины», служит показателем растущей свободы и независимости женщины². В Сиэтле в целом, по переписи 1920 г., был 47 951 ребенок в возрасте до 10 лет и 68 498 детей в возрасте от 11 до 15 лет, или, соответственно, 15,2% и 21,7% от населения, для которого был известен возраст (315 312 человек). Иными словами, процент детей в общем населении Сиэтла в девять раз выше, чем в его гостиничном населении.

II. Характеристики гостиничной жизни

Безличность и безучастность. – В отеле большого города постоялец всего лишь номер. Его идентификационный признак служит ему ключом, и его связь с хозяином полностью деперсонализирована. Его статус, насколько он у него вообще есть, – почти всецело вопрос внешнего вида и «фронта». Коридорный и официант судят о посетителе в основном по сумме чаевых, которых от него можно ждать. Даже парикмахеры смотрят на него холодным, голодным, калькулирующим взглядом. Личное отношение гостеприимства между хозяином и гостем в постоянных дворах и тавернах прошлого было заменено безличностью и стандартизированной корректностью. В огромных гостиницах наших больших городов имеются все удобства и роскошества, которые только может изобрести наука; но, как и многие другие институты, они утратили дружественную индивидуальность прежних дней.

¹ 67 – или около половины – ассоциированных японских отелей управляются «мужем и женой инкорпорейтед». В таких случаях дети хозяев обычно живут в отеле.

² Этот момент подробнее обсуждается дальше в статье.

Жилец современного отеля характерным образом отстранен в своих интересах от места, в котором он спит. Хотя физически он близок к другим постояльцам, социально он от них далек. Он, возможно, и встречает своих соседей, но он их не знает. «Человек может заболеть и умереть, не вызвав даже ряби на поверхности общей жизни. Он теряет свою идентичность, словно он нумерованный пациент в госпитале или преступник в тюрьме»¹.

Но человек в чем-то сродни виноградной лозе. Он сотворен иметь привязанности и прирастать к вещам. Если у него оторвать усики, то это большая потеря. Обитатели отеля в значительной степени разорвали эти привязанности – не только к вещам и местам, но и к другим людям. Они свободны, это правда; но они часто беспокойны и несчастны. «Дома я бы чувствовала себя раскованной и счастливой; здесь я всегда беспокойна, а то и совершенно измотана»².

«Я много путешествовал, но так и не научился наслаждаться жизнью в отеле. Я вспоминаю, как еще мальчиком сидел на балконе гостиницы “Купеческая” в Сент-Поле и наслаждался приятным чувством полного одиночества, наблюдая, как толпа проходит мимо по тротуару, и размышляя о том, насколько всем этим людям безразличны все мои радости и печали. Мне стало от этого так плохо, что я рыдался.

Всякий раз, когда мне суждено было жить более или менее долго в отеле, меня не покидало это чувство полного одиночества. Я всегда неуверен и застенчив, когда вхожу в отель. Я чувствую, что меня оценивают, навешивают ярлычок и закидывают в одну из его роскошных клеток»³.

¹ Из неопубликованного гостиничного опыта женщины, временно жившей примерно в 300 отелях и остановившейся на короткое время еще почти в 200. Примечательно в связи с этим, что исследование Кельвина Шмида «Самоубийства в Сиэтле» (вскоре будет опубликовано) показывает, что более 50% суицидов в ареале даунтауна происходило в отелях или доходных домах. (См.: *Schmid C.F. Suicides in Seattle, 1914 to 1925: An ecological and behavioristic study.* – Seattle: Univ. of Washington press, 1928. – *Прим. ред.*)

² Из длинной рукописи, написанной молодой женщиной, которая со своей матерью была «вынуждена» провести четыре месяца в гостинице для постоянных жильцов. Гостиница не понравилась ей, когда она впервые туда пришла, но по прошествии четырех месяцев, вопреки протестующей совести, она ей понравилась – праздностью, теплом, комфортом, «легкой» жизнью.

³ Выдержка из неопубликованного гостиничного опыта.

Комфорт и свобода. – Так вот, именно эта анонимность и безличность, делающая отель «самым одиноким местом в мире», делает его также и свободным. До тех пор, пока постоялец соблюдает принятые условности, он может делать все что захочет, и никто не будет возражать. Такой свободой наслаждаются, наверное, школьные учителя. Это особенно верно на Западе, где на гостиничную жизнь для молодых женщин не наложено клеймо, все еще сохраняющееся на Востоке. В отеле всегда включен свет на случай, если они придут домой поздно, и никто не задает им вопросов; они могут спать по субботам допоздна, им не помешают дети, колотящие по клавишам пианино; всегда есть горячая вода; имеются горы белья; в комнате всегда тепло; жизнь роскошна и удобна. «Основной недостаток в том, что у тебя мало шансов проявить хоть какую-то оригинальность в выборе своей обстановки. Один гостиничный номер очень похож на другой; еда поразительно однообразна, даже если выбирать из меню *à la carte*; нет дружеского, сердечного способа развлечь своих друзей; и человек слишком уж на виду у других»¹.

Среди множества других типов людей, наслаждающихся роскошным комфортом и свободой гостиничной жизни, автора особенно впечатлило сравнительно большое число евреев. В «Гетто» Луис Вирт пишет:

«Последний путь бегства из гетто представлен стремительным притоком евреев в многоквартирные дома с гостиничным обслуживанием и жилые отели Чикаго, особенно в Гайд-парке и на Северном берегу. Эти отели стали настолько популярны у еврейского населения, что быстро вырастает “Ряд еврейских отелей”. Бизнесмены среднего класса из числа евреев ринулись первоначально в эти отели не просто потому, что их жены хотели освободиться от домашних обязанностей, и не просто потому что они достигли такого положения в жизни, что могли себе позволить излишества гостиничной жизни, но скорее потому что они хотели восприниматься как успешные бизнесмены и профессионалы – а не просто как успешные евреи. Отели предлагали анонимность; они предлагали свободу от ритуала и пристального надзора со стороны ближнего сообщества. Здесь человек мог быть самим собой, а если он иногда тратился на вечеринки, ужины и развлечения или “американизировал” свое имя и выстраивал хорошую фронтальную видимость, играя в гольф и выглядя славным парнем, то он мог познакомиться с лучшими людьми и войти в нееврейское общество»².

¹ Из неопубликованной рукописи странствующего библиотекаря, который, помимо всего прочего, восклицает: «Я не знаю ни одного места в мире, где человек чувствовал бы себя более независимым».

² *Wirth L. The ghetto: Ph.D. thesis / Univ. of Chicago. – Chicago (IL), 1926. – Ch. 12.*

III. Личностные паттерны в гостиничной среде

Избавление от ограничений. – Многие из гостей в нью-йоркском крупном гостиничном центре приезжают в метрополис за хорошим досугом – чем-то более будоражающим и возбуждающим, нежели скучная монотонность небольшого города. Кроме того, в этих отелях временно останавливаются путешественники со всех концов света и с разными бэкграундами. «В районе Таймс-сквер, состоящем из сотни городских кварталов, ограниченных 28-й и 48-й улицами, Парк-авеню и Восьмой авеню, сосредоточено 90 отелей, принимающих 26 824 постояльца в день. Каждую неделю в этих отелях регистрируется поток, превышающий 30 000 человек»¹.

Упадок традиции – существенная сторона свободы и отстраненности, приходящая с визитом в метрополис. Хотя в отелях лучшего класса обычно развивается некоторый формальный этикет – своего рода механическая корректность, – «нравы», т.е. та часть нашей традиции, которая считается предполагающей общее благосостояние, стремятся в гостиничной среде к разрушению. «Мы зависимы в своем нравственном здоровье от тесной связи с какой-нибудь группой, обычно состоящей из семьи, соседей и других друзей, – пишет профессор Кули. – Именно взаимообмен идеями и чувствами с этой группой и постоянное чувствование ее мнений заставляют стандарты правильного и неправильного казаться нам реальными»². Освобожденный от сдерживающих уз, действующих в меньших и более тесных кругах, индивид склонен действовать в

¹ World survey / Interchurch World Movement of North America. – Revised preliminary statement and budget. – N.Y.: Interchurch press, 1920. – Vol. 1: American volume. – P. 53.

Существует тесная и значимая связь между театрами Великого белого пути и этим большим флуктуирующим гостиничным населением. Вербовка платящей аудитории из этой агрегации и в то же время сохранение клиентуры в рядах усталых бизнесменов и жителей пригородов требует апелляции к фундаментальным страстям. Проблема, стоящая перед театральным менеджером, схожа с той, которая стоит перед редакторами столичных газет, пытающимися повысить тираж, и ответ на нее в обоих случаях одинаков, а именно: сделать притягательность достаточно элементарной, чтобы интерес возбуждался даже у самых тупых. Одним из значимых результатов этой ситуации оказывается то, что тип представления, пользующийся успехом на Великом белом пути, переносится в меньшие центры. «В театральных кругах страны доминирует Бродвей» (см.: *Collier J. Before the footlights // Survey.* – East Stroudsburg (PA), 1915. – July 3; *The theatre of tomorrow // Survey.* – East Stroudsburg (PA), 1916. – Jan. 1).

² *Cooley C.H. Social process.* – N.Y.: Ch. Scribner' sons, 1918. – P. 180.

соответствии со своими порывами, а не в согласии с паттерном идеалов и стандартов своей группы. Среди тяжких нарушителей, ворующих гостиничную собственность, называются «мужчины и женщины, которые в собственных сообществах пользуются уважением, но, прибывая в гостиницу, устраивают себе “моральный выходной”»¹: «Видимо, есть люди, которые оставляют свои манеры и даже мораль дома, когда отправляются в путешествие. Другие, видимо, забывают прихватить с собой благоразумие. Но есть и такие люди, чье хорошее воспитание настолько составляет часть их самих, что даже горничная, “прибирающаяся” в их номерах, издает вздох сожаления, обнаруживая, что они уехали»².

Анкета, разосланная журналом «Гостиничный менеджмент» в «пятьсот репрезентативных отелей всех классов во всех уголках страны», показывает, что самыми популярными «сувенирами» являются полотенца и кофейные ложечки³. Однако с социологической точки зрения важнее тот факт, что чем крупнее отель и чем кратковременнее пребывание в нем постояльцев, тем острее обычно стоит «сувенирная проблема». В жилом отеле постояльцы остаются дольше и обычно менеджеры их знают, но в огромной столичной гостинице вроде отеля «Пенсильвания» в Нью-Йорке социальная ситуация более безлична, транзитна и анонимна⁴.

Работники гостиниц «определенно входят в контакт с жизнью в самых неприглядных ее проявлениях», и некоторые из них, подобно газетчикам, становятся циничными и лишенными всяких иллюзий. Они заставляли борцов за сухой закон пьяными, а реформаторов – с женщинами. Ответственные граждане и хорошие клиенты отеля проводят в своих номерах «вечеринки» и приносят туда алкоголь. Итогом нередко бывают драки и поломка мебели, порча ковров и сантехники. «Один отель хранит фотографии внутреннего вида гостиничного номера после того, как некий прин-

¹ *Denniston A.G.* Curbing the souvenir-taker // *Hotel management*. – N.Y., 1922. – May. – P. 149–150. М-р Деннистон служил в отеле «МакАльпин» в Нью-Йорке, когда писал эту статью, и был «в игре» уже 35 лет. Он описывает «сувенирную привычку» как «все от прихватывания гвоздики из букета в вестибюле до кражи серебра и белья на сотни долларов за раз».

² *Allison G.* The queer things guests leave – and take // *American magazine*. – N.Y., 1924. – Jan.

³ How to thwart hotel thieves // *Hotel management*. – N.Y., 1922. – Nov.; N.Y., 1923. – Jan. Полотенца названы самым популярным сувениром в 147 отелях Сिएтла.

⁴ Сообщается, что отель «Пенсильвания» ежемесячно теряет около 2000 полотенец для лица и около 300 банных полотенец.

стонский студент, сын богатого человека, провел в нем вечеринку. Все, что можно было разгромить, было разгромлено. Даже кафельные плитки в ванной комнате все до одной были выломаны, унитаз был вырван с корнем»¹.

Гиперстимуляция и городская любезность. – Индивид, постоянно живущий в отелях, становится обычно либо *blasé*, либо вежливым. «Мне не нравится быть злым или снобом, – пишет временный постоялец большого и фешенебельного жилого отеля, – но я никогда не видел таких людей, как большинство увиденных здесь, настолько дешевых и показушных на вид, лица – сама пустота». Но, с другой стороны, если количество и разнообразие стимуляций, на которые реагирует индивид, не слишком велики, то он будет развивать иммунитет к ним и вместо того, чтобы становиться блазирванным или гиперстимулированным, будет становиться учтивым, уравновешенным, искушенным, зрелым. Так индивид может постепенно аккомодироваться к «жизни на публике, питанию на публике и всему кроме сна на публике».

В то время как мужчины, живущие в жилых отелях лучшего класса, обычно очень занятые люди, женщины по большей части обнаруживают, что время принадлежит им и они могут распоряжаться им как заблагорассудится. Некоторые женщины в отелях, как уже отмечалось, работают по найму; кто-то из них интересуется благотворительностью и социальными реформами; очень немногие имеют детей; но многие сродни хобо, у них нет профессии. Они тоже получили свою свободу, но при этом потеряли ориентиры².

Следующий разговор произошел между официантом и постоялицей в эксклюзивном чикагском «гостиничном доме» на Северном берегу.

- Не хотите ли хлеба на ночь, мадам?
- Ни хлеба, ни картошки. От этого я толстею.
- Ха-ха. Леди всегда боятся потолстеть.
- А мужчины! Разве они этого не боятся?

¹ *Corey H.* What the hotel men think of us // *Colliers*. – Orange (NJ), 1925. – Vol. 75, Feb. 14. – P. 15. Отвечая на вопрос о том, какие виды собственности отеля постояльцы чаще всего ломают и приводят в негодность, гостиничные работники Сизтла подчеркивали урон, наносимый кроватям, мебели и коврам горящим табаком, особенно сигаретами. Буйное поведение моряков во время высадки на берег также было предметом особых жалоб.

² См.: *Clark R.E.* The mind of the rover // *World tomorrow*. – N.Y., 1923. – Sept.

– О, нет. Мужчины – те упорно трудятся. Они не толстеют. Но леди! Они сидят и играют в карты, сидят и болтают. Все время только это и делают, оттого и толстеют.

Мужчины, пользующиеся отелями лучшего класса, – в значительной степени деловые люди. Обычно они рассматривают отель как удобство, как вещь для использования. Это одна из больших машин, служащих человеку в наш железный век. Характер и личность у таких мужчин сформированы в большей степени особой профессией или делом, которым они занимаются, чем местом во временном обиталище. Постоянные путешествия, несомненно, делают мужчин более искушенными, но обычно это аспект их занятия. Они обычно где-то путешествуют. Они склонны извлекать пользу из своего опыта и не являются ментальными бродягами.

Влияние гостиничной жизни на развитие личности замечательно проиллюстрировано в «Подлинной истории гостиничного ребенка»¹. Хотя автор этой любопытной статьи называет себя ребенком, ей на самом деле 27 лет; «и даже в 27 лет у меня есть те зрелость и выдержка, которые дает как мужчинам, так и женщинам жизнь на публике». «Кто я, так это гостиничный ребенок, – продолжает она. – Я продукт отеля с такой же определенностью, с какой говорят о южанине или уроженце Новой Англии или с какой девушка носит на себе отпечаток определенной школы или колледжа».

Еще ребенком она поняла «некоторую отчужденность и социальные различия между женщинами в отеле – некоторые внезапные отъезды и понимающие взгляды», которыми обменивались ее мать и другие женщины. «На самом деле я страдала, как должен страдать чувствительный ребенок, преждевременно узнавая о чем-то. Думаю, на каждого ребенка это действует по-разному. У некоторых от слишком раннего узнавания разницы между добром и злом пробуждается нездоровое любопытство. Других оно глубоко ранит и заставляет уйти в себя; последнее и произошло со мной».

Насколько этот гостиничный ребенок и ее мать аккомодировались к гостиничной среде, видно из следующего утверждения:

«Всего три раза у нас было то, что можно было назвать собственным домом. Три раза мы арендовали мебелишки в доходных домах; и я скажу, что пользование чужой мебелью, проблема обслуживания и вопрос питания, а также

¹ The true story of a hotel child: Autobiography // The designer. – N.Y., 1922. – Apr.

общий дискомфорт, который проистекал от моей матери и меня самой, не знающей, как справиться с этой ситуацией, – и, полагаю, даже не стремившейся это узнать, поскольку нам было понятно, что в конце концов мы вернемся в наш настоящий дом, отель, – делают ведение домашнего хозяйства гораздо менее похожим на домашнее, если я понимаю, что означает это слово, чем когда мы возвращаемся в какую-нибудь гостиницу, где нас хорошо знают, где у нас есть все тот же маленький номер, к которому мы привыкли, и где нас обслуживают доброжелательные коридорные и улыбочивые горничные, чьи приходы и уходы не нарушают распорядок жизни нашей семьи».

На основе предшествующего анализа можно, видимо, выделить четыре личностных паттерна. В каких-то случаях результатом становится тревожное, одинокое, несчастное состояние духа. Такому человеку оказывается трудно приспособиться и удовлетворить свои желания в анонимной, безличной атмосфере отеля, и он может так никогда и не суметь это сделать. Второй тип, наверное, лучше всего описывается термином «индивидуация», который означает свободную игру импульсов, избавленных от ограничений. Итоговое поведение варьирует по природе от просто «легкого времяпрепровождения» до взрывных «выбросов». Третий паттерн представляет собой реакцию на стимуляции и возбуждения, обычно сопрягающиеся с жизнью в гостиницах. Личности в этой группе обычно *blasé* и гиперстимулированные. Для них характерны тоска и «пустые лица». Вместе с тем есть, видимо, тенденция к развитию иммунитета к влияниям гостиничной среды, и эта аккомодация лучше всего описывается как искушенность, или учтивость. Таким образом, после долгого опыта жизни в отелях индивид может настолько привыкнуть к этой среде, что может, как в приведенном только что случае, чувствовать, что гостиница – его «настоящий дом».

Норман Сильвестр Хейнер

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРЕМНЫХ СООБЩЕСТВ

В 1930-е годы впервые были предприняты попытки социологического изучения тюремных сообществ. Одним из пионеров этих исследований был Н.С. Хейнер. К тюремным сообществам были применены методы изучения социальных миров, опробованные ранее на городских районах (прежде всего этнографическое наблюдение и интервью). Этнографические исследования тюрьмы, проведенные совместно Н.С. Хейнером и Э. Эшем в конце 1930-х годов, можно рассматривать как один из первых опытов изучения того, что позже было названо «тотальными институтами». Ниже представлены две статьи, в которых отражены результаты этих исследований.

Переводы сделаны по источникам: Hayner N.S., Ash E. *The prison as a community* // *American sociological rev.* – Wash., 1940. – Vol. 5, N 4. – P. 577–583; Hayner N.S., Ash E. *The prisoner community as a social group* // *American sociological rev.* – Wash., 1939. – Vol. 4, N 3. – P. 362–369. Впервые опубликованы в журнале: *Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология.* – М., 2009. – № 3. – С. 177–189; № 4. – С. 173–184. Здесь воспроизводятся с небольшими редакторскими изменениями.

Норман Сильвестр Хейнер, Эллис Эш ТЮРЬМА КАК СООБЩЕСТВО*

Объяснение преступности через ситуацию требует ситуационного подхода к ее профилактике и лечению. Как социологи мы не следуем логическим импликациям нашей науки, когда рекомендуем индивидуальное лечение как единственное решение проблемы преступных болезней. Если функция тюрьмы состоит в том, чтобы оберегать общество, то осужденный должен за время заключения научиться тому, как надлежит жить в обществе. Задача этой статьи – показать некоторые из главных препятствий, мешающих нынешней американской тюремной системе выполнять эту функцию, и указать, какие изменения в административной политике необходимы для их преодоления. Руководящим принципом нашего анализа служит понимание тюрьмы как сообщества.

Заклученный поступает в тюрьму из сообщества и, проведя там в среднем 2,3 года, возвращается в сообщество. Чтобы по возвращении из тюрьмы быть принятым в качестве законопослушной личности, он должен за это время научиться играть роль гражданина. Он не сможет научиться тому, что позволяло бы ему участвовать в качестве приемлемого члена во внешнем сообществе, если вовлекается в деятельности, чуждые людям внеюремного мира. Если заключенный обучается внутри тюрьмы, то чтобы встроиться в ее институциональную рутину, он должен ходить вдоль стеночки, но это не поможет ему во внешнем мире и даже, напротив, может промаркировать его как необычного.

Мы сознаем реальные трудности, стоящие на пути фундаментальных реформ. Пока не случается драматичных побегов, кровавых бунтов и «массовых избиений» вроде тех, о которых сообщалось недавно в отношении тюрьмы в Сан-Квентине, пресса и общественность безмолвствуют. Боевитые выступления Дж. Эдгара Гувера в защиту «автоматной школы криминологии» с ее ненавистью к «гносным преступникам» и верой в длительные сроки тюремного заключения как единственный инструмент наказания и его резкие нападки на «бесхребетную школу» с ее «телячьими нежностями» и верой в реабилитацию качнули маятник общественного

* Статья представлена в качестве доклада на собрании Американского социологического общества в Филадельфии 28 декабря 1939 г. Эта статья была также опубликована в *News Bulletin* Осборновской ассоциации (февраль 1940 г.).

мнения в нашей стране от установки вопрошания и исследования в сторону враждебного отношения к преступнику. Между тем мы убеждены, что пунитивная установка была должным образом проверена и показала свою несостоятельность. Самый многообещающий путь к прогрессу в этой области – экспериментирование. Почему бы, скажем, не попытаться честно сэкономить деньги для повышения жалований и улучшения качества персонала, помещая больше тщательно отобранных заключенных в менее дорогостоящие учреждения с минимальной охраной? Почему бы вообще не сделать принцип «тюрьма как сообщество» руководящим принципом администрирования?

Как бы там ни было, сегодняшнее обращение с людьми в американских тюрьмах смахивает на отношения между львами и дрессировщиком. Задача дрессировщика состоит в том, чтобы заставить зверей реагировать на щелчок кнута. Хотя лев проходит через свой набор трюков ежедневно, дрессировщик понимает, что всегда должен быть настороже. Он никогда не уверен в полном дружелюбии зверя настолько, чтобы не держать в руке стул или в кармане пистолет. Примерно так же в тюрьме: когда с заключенными обращаются как с животными, они либо впадают в апатию, либо поднимают восстание.

В сегодняшних тюремных институтах постоянная вражда между охранниками и узниками является одной из главных помех для исправления заключенных¹. Деление на «зэков» и «вертухаев» (охранников) в тюремном обществе является даже более базовым, чем дихотомическое деление Мидлтауна на рабочих и бизнесменов. Эта конфликтная ситуация помогает объяснить широко распространенное отсутствие отношений симпатии и понимания между охранниками и осужденными. Низкая оплата труда и многочасовая работа не привлекают на должности охранников высшие типы офицерского персонала. Таким образом, важнейшее звено, связывающее заключенных с внешним миром, а именно контакт с охранниками, приносит им мало социальной пользы.

Как южная хлопковая плантация во времена рабства демонстрировала жесткое разделение на две основные группы – белых хозяев и надсмотрщиков, с одной стороны, и черных и смуглых

¹ Метод, использованный в нашем исследовании Реформатория штата Вашингтон, а также данные об установках и сообщничестве заключенных уже изложены нами в статье: *Hayner N.S., Ash E. The prisoner community as a social group // American sociological rev. – Wash., 1939. – Vol. 4, N 3. – P. 362–369.*

рабов – с другой, так же проявляет его и американская тюрьма. Процесс социализации, например, раздвоен. Этот двойственный процесс мы рассмотрим ниже как конкретную иллюстрацию двух социальных миров тюремного общества. Одно дело – достижение статуса и роли в мире охранников, другое дело – в группе заключенных. Танненбаум описывает, как охранник, проявляя вначале все признаки страха и стеснения, становится, однако, по прошествии двух месяцев самым бескомпромиссным офицером в учреждении. Нельсон сообщает, что для заключенного будет социальной ошибкой, если его увидят беседующим с охранником. И для штатных сотрудников, и для осужденных роли, исполнение которых от них ожидается, определены, соответственно, их группами, и значительных отклонений от этих ожиданий ни тут, ни там не терпят.

Политически назначенный начальник тюрьмы может дать новому служащему свод правил и произнести спич о правильном поведении. После этого заместитель начальника тюрьмы, несущий, подобно мастеру на заводе, ответственность за управление институтом, в разговоре с ним, вероятно, подчеркнет важность поддержания дисциплины и избежания беспорядков. Для достижения этой цели он призывает новичка «всякий раз ставить их на место». Когда охранник после первого дня работы возвращается к себе в общежитие, его сослуживцы дают ему дополнительные советы, часто выраженные простым, доступным языком. Как и во внешнем сообществе, эти определения часто противоречат друг другу. В отсутствие специального учебного заведения, где бы этому обучали, новичок-охранник должен выработать собственную линию поведения методом проб и ошибок.

«Рыбешка», или заключенный-новичок, проходит через опыт, аналогичный опыту новичка-охранника. Он тоже встречается с заместителем начальника тюрьмы и получает от него совет: «Не суйся во всякие темные дела, и проблем у тебя не будет». В ходе его бесед с другими служащими классификационной комиссии идеалу исправления может быть нанесен непоправимый урон. Но заключенный живет не с ними, а с сокамерниками. И они говорят ему вполне определенно, какие действия от него ожидаются как от зэка. Поскольку это люди, с которыми он ест, работает, спит и разговаривает, он, естественно, будет пытаться к ним приспособиться, «поступая как надо». Ример отмечает: «Если узник желает добиться положительного статуса в глазах своих товарищей, он должен привести паттерны

поведения в соответствие с их культурой»¹. Пример, заключенный-доброволец, оскорбив охранника нецензурной бранью и будучи в наказание за это отправленным в одиночную камеру, заслужил искреннее одобрение узников. Возможно, ни в каком другом социальном мире люди «не следят друг за другом и не приглядываются к каждому жесту и действию» так пристально, как в тюрьме. Новичка проверяют и оценивают множеством способов. Если ему доведется сойтись с сокамерником, о котором известно, что он «крыса» (осведомитель), то это не поможет его репутации. Только поступив, он, вероятно, еще ничего не знает о сообщничестве, но вскоре он о нем узнает. Полуотгиск наставлял Стэнли в «Обирающем пьяных»: «Не настраивай охранников против себя; ненавидь их, сколько влезет, но работай с ними ради собственного блага».

Заключенные-«политики» играют в тюрьме роль, схожую с ролью их прототипов в коррумпированном городском правительстве. Как и во внешнем сообществе, они должны давать покровительство, чтобы сохранять свои позиции; тем не менее их частенько ненавидят за их эгоистическую установку. «Правильным парням», напротив, всегда можно довериться в том, что они будут верны товарищам по заключению. Клеммер обнаружил, что «быть правильным» – существенная и наиболее ценяемая черта тюремных лидеров. Ример говорит, что некоторую роль в определении нравов для новичка играет тюремная мифология. В ней фигурируют знаменитые побег, великие забастовки и бунты, рассказы о необыкновенных людях.

В нормальном сообществе конфликты обычно улаживаются «аккомодацией». Со временем сплавление противостоящих культур приводит к «ассимиляции». В тюремном сообществе хроническая вражда между зэками и вертухаями, являющаяся в какой-то мере продолжением незатухающего конфликта между преступниками и полицией во внешнем мире, может приводить к поверхностным и временным формам аккомодации, но редко к ассимиляции. Решая «извлечь лучшее из того, что есть», новичок обычно предпринимает некоторую форму самосовершенствования. Однако по мере его приспособления к тупой монотонности тюремной жизни обычно

¹ *Riener H.* Socialization in the prison community // Proceedings of the Sixty-seventh Annual congress of the American prison association. – N.Y., 1937. – P. 151–155. См. также: *Clemmer D.* Leadership phenomena in a prison community // J. of criminal law a. criminology. – Baltimore (MD), 1938. – Vol. 28, N 6. – P. 869–872; *Nelson V.F.* Prison days and nights. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1933.

происходит «упадок полезной рефлексии», и его попытки самоулучшения ослабевают. Учащаются дневные грезы. Обычными конечными результатами этого являются «тюремный ступор» или превращение в «просто тюремный элемент». Однако по мере того как заключенный становится «искушенным в тюремной жизни», он узнает, что вещи, в которых ему отказывает тюремная администрация, можно добыть через сообщничество. Эти *подпольные* деятельности дают разнообразие, помогают разрушить мертвящую монотонность и конституируют еще один тип аккомодации.

Насколько важны эти характеристики тюремного сообщества для последующих карьер? Оправданно ли расхожее представление о тюрьмах как о школах преступности? В общем и целом, мы приходим к выводу, что конвенциональная тюремная ситуация антитетична нормальному сообществу и не готовит людей к возвращению в него. Монотонная рутина, половой голод, отсутствие самоуправления и изоляция от паттернов законопослушной культуры не реабилитируют. Они деморализуют.

Более ста лет тому назад английские авторы признали, что тюрьмы не в состоянии эффективно помочь правонарушителям стать законопослушными гражданами. Новейшие исследования, судя по всему, это подтверждают. Любые изменения во взглядах, деятельности и этике условно-досрочно освобожденных, по сравнению с «рыбешками», похоже, способствуют скорее рецидивизму, чем исправлению. Тюрьма может научить их быть более осторожными – держаться подальше от тонкого льда. «Не очень-то мудри со схемами “уличного шулерства”, если пользуешься почтой». На самом деле представление о том, что реформатории являются «средними школами», а тюрьмы – «университетами» преступного мира, несколько ошибочно. Оно создает ложное впечатление, что обучение преступному делу, обеспечиваемое тюрьмами, является формальным. В действительности это обучение очень неформальное. Подобно тому как в разговорах с друзьями в разных профессиях внешнего мира мы часто улавливаем кусочки информации, которые позднее используем, так и в тюрьме заключенные естественным образом рассказывают о том, чем они раньше занимались. При нынешнем типе администрирования обсуждать кроме этого почти что и нечего. В итоге статуса в группе заключенных можно добиться рассказами о подвигах на ниве преступности или секса. После «выхода на волю» условно-досрочно освобожденный может искренне желать встать на праведный путь, однако в критической ситуации –

при отсутствии работы, денег, еды – неосознанно приобретенные преступные умения исподволь навевают много соблазнов.

Институциональные услуги, обеспечиваемые персоналом, вообще говоря, слишком формальны, ригидны и начальственны, чтобы готовить к жизни в сообществе. Реальная цель администрации – содержание заключенных. Обеспечение их помещениями для проживания, питанием, одеждой и работой обычно становится уже не средством для подготовки их к возвращению во внешние сообщества, а самоцелью. Трудовая программа может называться «обучением профессиям», но навыки, которые там приобретаются, редко могут быть использованы во внешнем мире. Нынешние тюремные образовательные программы – по большей части стереотипные копии обычной организации образования. Они не адаптированы к ситуации тюрьмы и не предназначены для адекватной подготовки узника к роли законопослушного гражданина в несколько дезорганизованном внешнем сообществе.

Следующая критика тюремного образования на редкость ясно мыслящим узником описывает, несомненно, типичный опыт. Здесь принятие желаемого за действительное со стороны заключенного сталкивается с чувством разочарования после условно-досрочного освобождения. Здесь показывается необходимость здоровой общинной жизни в тюрьме, которая поощряла бы участие узников и развивала, а не подавляла в них инициативу. Занятия накануне условно-досрочного освобождения, которые поощряли бы честное и реалистичное обсуждение таких социально-научных тем, как причины неудач в общении и бизнесе, способы нахождения и сохранения рабочих мест, конкурентный характер современного промышленного общества¹, стали бы ценным первым шагом в правильном направлении.

«Большинство из нас понимает безрассудность своих привычек и желает от них избавиться. Вообще-то среднестатистический заключенный нацелен даже на большее; он хочет начать новую жизнь, добиться успеха, стать человеком.

¹ См.: *Roucek J.S.* Experiment in adult education at Rock View Farm Prison, Bellefonte, Pennsylvania // *School a. society.* – Chicago (IL), 1936. – Vol. 42. – P. 199–200. См. также программу социального образования Департамента коррекции штата Нью-Йорк, описанную в книге: *Wallack W.M., Kendall G.M., Briggs H.L.* Education within prison wall. – N.Y.: Columbia univ. Teachers college press, 1939. – P. 22–27; или подробнее у Кендалла: *Kendall G.M.* The organization and teaching of social and economic studies in correctional institution. – N.Y.: Columbia univ. Teachers college press, 1939.

Сидя в камере, он мечтает об этом, видит себя в воображении взбирающимся наверх; он пользуется предлагаемыми средствами – школами и профессиональной работой, – чтобы подготовиться. Тюремные служащие приободряют его; будущее рисуется ему в радужных красках. Он проникается духом, какой охватывает человека при окончании школы. И, может быть, даже в большей степени, учитывая огромный контраст между его настоящим и будущим.

И что же происходит, когда его освобождают? По окончании школы большинство из нас ощущает разочарование от осознания того, что мир принадлежит не нам. Увы, та же история, которая преследует нас по окончании школы, зачастую повторяется, когда человека выпускают из тюрьмы; только на этот раз дело обстоит в десять раз хуже. Если удача улыбнется ему и он переживет период ожидания, он идет работать. Шансы таковы, что к работе он не подготовлен. Его товарищи по работе и работодатель знают его как бывшего зэка, и каких бы широких взглядов люди во внешнем мире ни придерживались, его всюду окружает барьер, всюду преследует стигма, незримая, но заметная. Это первый шок для человека, освободившегося из тюрьмы. И если природа не наградила его стойким и непробиваемым характером или необычайной силой воли, то рано или поздно ситуация выходит из тех пределов, которые он может стерпеть. Результат: он удаляется в странные области. И с той личной инициативой, которая была приглушена годами, проведенными в заточении в качестве “номера такого-то”, он отправляется состязаться с теми, кто шел в ногу со временем. Исход здесь один. Но чувство самосохранения у человека работает как никогда хорошо. На ум ему приходят разные способы преступных заработков, усвоенные в тюрьме. На этот раз, однако, он собирается быть более осторожным.

Дайте заключенному сохранить свою индивидуальность; удерживайте его в том состязательном потоке, который ждет его за стенами тюрьмы; дайте ему больше свободы в выборе работы. Создайте систему, задача которой – выпустить на волю человека не просто исправленного, но и полностью очищенного от тюрьмы. Исправляя, не ломайте его через колено. Усиленный этим, человек сможет смело вступить в конкуренцию».

Если принять принцип «тюрьма как сообщество» как руководящий принцип в управлении системой исполнения наказаний, то что из этого вытекает на практике?

1. Если заключенный не принадлежит к небольшой группе тех, кто невосприимчив ни к одному из известных методов социализации, то его необходимо готовить к выполнению роли законопослушного гражданина в его домашнем сообществе.

2. Для достижения этой цели он должен активно участвовать в тюремном обществе и постепенно развивать чувство социальной ответственности.

3. Показано все большее применение плана, по которому отобранные заключенные переводятся последовательно из учреждений строго режима в учреждения с минимальной охраной.

4. Образование – профессиональное и социальное – должно быть как можно лучше приспособлено к действительным проблемам, ждущим узников за стенами тюрьмы.

5. Для смягчения нынешней враждебности между заключенными и охранниками персоналу надлежит культивировать более неформальные и сотрудинческие отношения с заключенными.

6. Персонал – от начальника тюрьмы до рядовых сотрудников – явно необходимо набирать на основе человеческих качеств и без спешки, а не в качестве вознаграждения за политические услуги.

7. Классификация и индивидуализация работы с заключенными могут стать более эффективными при изменении в социальной ситуации. С другой стороны, участие узника в управлении с большей вероятностью будет успешным при передаче умственно отсталых и психотических индивидов в специализированные учреждения. Психиатрический и социологический подходы взаимно дополняют, а не исключают друг друга.

Успех в подобном начинании неизбежно предполагает готовность к эксперименту. Хотя мы живем в эпоху, характеризующуюся масштабными экспериментами, экспериментальная установка – редкость в американских тюрьмах. Тюремная колония в Норфолке, шт. Массачусетс, руководимая Говардом Б. Гиллом, – интересное исключение. Ее первоочередной целью было искоренение преступности в конкретном человеке. С этой целью Гилл создал «поднадзорное сообщество в пределах ограды». Его основной вклад состоял в уменьшении враждебности между заключенными и персоналом. Понимая, что трудно быть одновременно охранником и воспитателем, Гилл провел четкое различие между внутренними служащими (house officers) и служащими охраны (watch officers). Первые были резидентами, которые проводили индивидуальную работу с заключенными; последние отвечали за предотвращение побегов. Высокая стена с «ничейной землей» на 50 футов от нее помогали обеспечить надежную охрану тюрьмы. В границах этой стены внутренние служащие пытались построить сообщество. Штатные сотрудники сидели на всех собраниях совета заключенных, а члены совета сидели на всех собраниях персонала. Летом студенты-выпускники проходили социальную интернатуру в качестве ассистентов внутренних слу-

жащих. Они свободно общались с заключенными и обеспечивали естественный, здоровый контакт с внешним миром¹.

Вообще говоря, страна имеет такую тюрьму, какую заслуживает. До тех пор, пока американская жизнь насквозь пропитана обманом, коррупцией и дезорганизацией, нельзя ждать, что тюрьмы будут намного лучше. Тюрьма является частью наличной социальной структуры и, как правило, отражает эту культуру. Россия бросила вызов миру, создав исправительно-трудовые колонии, где практикуется самоуправление, выплачивается профсоюзная зарплата, поощряется нормальная семейная жизнь, и из них на свободу выходят люди, добровольно возвращающиеся к «родным пенатам». Несомненно, отражая нарастающие консервативные акценты в Советском Союзе, Джон Н. Хазард сообщает о новейшей «тенденции судов назначать наказания, меньше связанные с реабилитацией, чем это обычно делалось в первое десятилетие после революции»². Но что бы ни получило в далекой перспективе наибольшее внимание, воспитание или наказание, перенос наказательных практик в Соединенные Штаты был бы весьма затруднительным в силу фундаментальных различий между русскими и американскими нравами. У Англии с ее традициями, больше похожими на наши, есть свои Лаудхем-Грандж и Североморский лагерь, где влияния, оказываемые на тщательно отобранных молодых заключенных, видимо, нацелены на реабилитацию. В ноябре 1933 г. К.Т. Кейп, самоотверженный и понимающий свое дело комендант Лаудхем-Гранджа, продиктовал старшему автору настоящей статьи заявление о своей философии и своих методах. Оно удивительно точно иллюстрирует практические импликации этой статьи:

«В Лаудхем-Грандже мы всячески пытаемся создать условия, приближенные к тем, с которыми парням придется столкнуться на воле. Мы пытаемся устранить контроль со стороны центрального управляющего органа и заменить его самоконтролем посредством самоуправления. Ответственность ложится на плечи самого парня. Мы упразднили всякие парады. Парнишка больше не марширует на работу. Его вообще никто туда не забирает; он должен прийти туда сам.

¹ Наблюдения, собранные во время месячного пребывания в Норфолке летом 1933 г., см.: *Haynes F.E. The American prison system.* – N.Y.; L.: McGraw-Hill book co., 1939. – Ch. 4: A community prison.

² *Hazard J.N. Trends in the Soviet treatment of crime // American sociological rev.* – Wash., 1940. – Vol. 5, N 4. – P. 566–576.

Плата за труд дает стимул и разумный повод работать. Без оплаты парень работал как заключенный, из страха перед наказанием. Он работал, чтобы “голова оставалась над водой” – чтобы избежать проблем. Теперь установка полностью переменялась. Человек гордится своей работой. С клеймом тюремного труда покончено. Он желает отличиться своим мастерством.

Плата за труд производится наличными деньгами королевства, а не жетонами. Она, конечно, гораздо ниже, чем вне тюрьмы, но напрямую зависит от выработки и мастерства.

Около двух третей из недельных заработков удерживаются на нужды управления и технического обслуживания. Есть также небольшой “подходящий налог”. Все остальное выплачивается наличными. Все кружки и спортивные занятия, в том числе по крикету и плаванию, факультативны; туда можно ходить за отдельную плату, запись еженедельно. Концерты и кинофильмы оплачиваются у входа, они тоже факультативны.

Система оплаты труда принесла ответственность за имущество. Если парнишка не следит за одеждой, она ремонтируется за его счет. Если кто-то разобьет окно, случайно или намеренно, оно заменяется за его счет. Если парня нет на работе в 7:30, его штрафуют на два пенса; при повторном опоздании штраф удваивается. Серьезное нарушение влечет за собой беседу с комендантом. В качестве последнего средства возможен перевод парня в другое борстальское учреждение. Это происходит менее чем в 3% случаев»¹.

То, что Королевская комиссия по исследованию исправительной системы Канады рекомендовала недавно принципы, воплощенные в английской исправительной системе, повышает значимость борстальских учреждений для Америки. Новое исправительное учреждение в Нью-Хейвене (Британская Колумбия), рассчитанное не более чем на 50 отобранных молодых людей из Оукалла-Призон-Фарм, – многообещающий американский эксперимент по применению борстальских идей. Кроме того, Американский институт права советует использовать борстальские методы в предлагаемой им программе работы с несовершеннолетними преступниками в исправительных учреждениях.

Тюремное сообщество описывалось в настоящей статье и как действительность, и как идеал. В существующих условиях имеется постоянная вражда между охранниками и заключенными; социали-

¹ Подробнее о борстальских учреждениях в Англии см.: *Hayner N.S. English schools for young offenders // J. of criminal law a. criminology. – Baltimore (MD), 1937. – Vol. 27, N 5. – P. 696–705.* См. также: *Tounroe B.S. Borstal experiments // Contemporary rev. – L.; N.Y., 1937. – Vol. 152. – P. 469–473.*

зация означает для охранников одно, а для заключенных другое; формальное образование обычно неадекватно и неэффективно; «обучение» преступным техникам, хотя и неформально, очень эффективно. Когда идея используется как система координат для тюремной администрации, ясно, что заключенные должны научиться жить в сообществе, возможно, сначала путем перевода в такие тюрьмы с минимальной охраной, как, например, в Уоллбилле (Нью-Йорк). То, что вражда между узниками и внутренними тюремными служащими может быть существенно уменьшена, было продемонстрировано в Норфолкской колонии. Выстраивание чувства социальной ответственности прекрасно иллюстрируется английским экспериментом в Лаудхем-Грандже. То, что мы предложили здесь в качестве практического плана для тюремного администрирования, представляется нам логическим следствием из социологического анализа. Ясное понимание разлагающего влияния нашей нынешней тюремной системы должно побудить к проведению большего числа экспериментов, нацеленных на изобретение для преступников такого сообщества, которое бы действительно их реабилитировало.

Норман Сильвестр Хейнер, Эллис Эш

СООБЩЕСТВО ЗАКЛЮЧЕННЫХ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Следует провести четкое различие между тюремным сообществом и сообществом заключенных. Для случайного посетителя единственным сообществом в тюрьме является то, которое поддерживается администрацией. Более близкое знакомство с любой американской тюрьмой обнаруживает скрытую организацию, состоящую исключительно из узников. Преобладающий общий интерес в этой группе заключенных – выход на волю; вместе с тем в ней, как и в нормальном сообществе, есть свои особые нравы, установки, деятельности и статусные градации. Именно к сообществу заключенных приковано наше внимание в этой статье.

Чаще всего осужденные идентифицируют исследователя с администрацией и ведут себя с ним неискренне, считая его «вертухаем» (тюремщиком). Обычные статистические методы или методы изучения частных случаев явно непригодны для выявления обычаев сообщества заключенных. Для этого, по всей видимости, требуется более неформальная техника включенного наблюдения.

Основным методом, использованным для сбора данных в этом исследовании, была регистрация при первой возможности значимых социальных ситуаций в повседневной жизни узников, проводившаяся в течение четырехмесячного проживания в Реформатории штата Вашингтон в Монро. Частые кратковременные визиты в течение одного года стали дополнением к этим первоначальным наблюдениям. Существенное внешнее поведение, случайные разговоры, способствовавшие углублению понимания, и последующий контакт с людьми, выпущенными из данного учреждения на свободу, тоже внесли свой вклад в фонд накопленной информации. Это исследование никоим образом не является разоблачением состояния дел в Монро. На самом деле администрация в этом учреждении прогрессивная, и в объективном рейтинге это учреждение, вероятно, заняло бы место среди сравнительно лучших исправительных учреждений Соединенных Штатов. Мы подчеркиваем типичные характеристики сообщества заключенных, а не уникальные или особенные для Монро.

Для получения точной информации младшему автору нужно было, чтобы его приняли как заключенные, так и сотрудники учреждения. Сначала обе группы относились к исследователю с недоверием, и обеим не нравилось его присутствие. Чтобы получить от заключенных желаемую информацию, необходимо было убедить их в его честных намерениях. Ему пришлось пройти через «процесс проверки» со стороны группы узников. Заключалось это в том, что его ставили в подстроенные ситуации с целью взглянуть на его реакции. Его подвергали освистанию и шиканью; он увертывался от камней и палок, бросаемых в него неведомыми и невидимыми экспериментаторами; он присутствовал при явных нарушениях сравнительно незначительных правил учреждения, совершаемых с целью заставить его «настучать» (сообщить об этом руководству тюрьмы).

После приблизительно двухнедельного пребывания в учреждении прояснились лидеры корпуса заключенных, и были приняты упорные попытки познакомиться с ними поближе. Принятие ими означало принятие всеми заключенными. Эти ключевые люди были частично посвящены в цели работы исследователя в Реформатории. Нужно было показать заключенным, что хотя он им друг и готов оказать им, не нарушая принятых в учреждении правил, небольшие услуги, все же нельзя удерживать нейтральную позицию в учреждении, вступив с ними одновременно в вопиющий сговор. Вначале не предпринималось попыток объяснить, какого рода информация собирается. Интервью не были постано-

вочными и не провоцировались искусственно. После того как исследователь был принят корпусом заключенных через их лидеров, у него появилась возможность бывать в гуще людей, не создавая неестественных ситуаций. Без особого стеснения обсуждались многие темы. В сообществе заключенных, как и в любом другом, людям нравится разговаривать. В ходе этих разговоров становятся очевидными их мысли о тех или иных чертах тюремной жизни – как позитивные, так и негативные.

Между тем тот факт, что полевой исследователь был принят администрацией, был отдельным достижением. У офицеров как группы не было лидеров, слово которых было бы достаточным свидетельством того, что человека приняли. Доверия каждого штатного офицера приходилось добиваться отдельно. Помогая в организации классификационной клиники, исследователь смог войти в контакт с тюремной администрацией. Оказывая в случае необходимости психологическую помощь тюремным служащим, находившимся при исполнении служебных обязанностей, он смог добиться признания своей возможной полезности. Ему было разрешено ходить по всему Реформаторию в любое время суток и видеть все, что там происходит. Каждый офицер предоставил ему некоторое количество личной информации.

Каждый контакт с человеком, был ли это заключенный или тюремный охранник, означал установление более тесного раппорта и большей раскрепощенности в общении. Прошло, однако, несколько месяцев, прежде чем стал прорисовываться паттерн жизни сообщества заключенных. Хотя этот паттерн так до конца и не ясен, некоторые его контуры здесь представлены.

В нормальном сообществе контакты определяются в значительной мере типом занятия и жилым соседством. Верно это и в случае тюрьмы. В Монро, например, работа распределяется на бригадной основе; каждая бригада отвечает за какие-то конкретные направления. Например: наряды в прачечную, на силовую станцию, в пошивочный цех, конторская, образовательная, фермерская бригады. Место проживания заключенного, или камера, обычно определяется бригадой, в которой он работает. Камеры распределены по двум большим блокам, которые подразделяются на стороны и ярусы. В «старом блоке» люди находятся под строгим надзором. Сразу после ужина их запирают на ночь в их «клетку» (камеру). В «новом блоке» находится большинство «надежных» заключенных; их направляют на лучшие работы. Поскольку работа многих «надежных» требует свободы передвижения между

обоими блоками, этим избранным заключенным позволено покидать вечером свои камеры. Каждый ярус в блоке становится улицей с характерными для нее профессиональными типами. Староста яруса (*tierman*), являющийся посредником между тюремным персоналом и заключенными собственного яруса, становится бегуном по своей улице. Если человек поселяется на сколько-нибудь продолжительное время в конкретной камере, у него обычно развиваются теснейшие связи с его соседями.

Мужчин, имеющих социальные болезни, сегрегируют на одном ярусе; «рыбешку» (новоприбывших) помещают в карантин на другой ярус; еще на одном ярусе находится городская тюрьма, больше известная как «мертвая зона», и там помещены неисправимые. «Берлога», или «одиночка», располагается вне корпуса, так сказать, на пустынном месте; ее обитатели отрезаются от всякого общения со своими товарищами по заключению. В этом сообществе, однако, заключенные, оказавшись в «мертвой зоне» или в «одиночке», не теряют уважения группы узников в целом; их изоляция является скорее физической, чем социальной.

«Сообщничество» (*conniving*) – основополагающий процесс во взаимодействии между заключенными. Оно воплощает в себе особый кодекс поведения, некоторый набор правил и регуляций и руководящий принцип поддержания статуса внутри сообщества заключенных. Оно ответственно за развитие подпольных институциональных форм, являющихся существенной частью организации этого сообщества. Это реакция на оупляющую рутину жизни исправительного учреждения. Это способ приспособления к ситуации, «извлечения лучшего из сложившихся обстоятельств». Такое можно найти не только в жизни заключенных, но и вообще в любой группе, функционирующей в условиях принуждения.

Каждый узник принуждается к пассивному участию в сообществе самой своей ролью осужденного. Даже если как индивид он желает строго придерживаться правил и распорядка, установленных администрацией, он должен в то же время придерживаться и правила «зэков» (заключенных): «Не стучи». Это один из ключевых элементов в нравах сообщества заключенных. «Стучачу» (осведомителю), работающему на администрацию, постоянно грозит опасность быть избитым и искалеченным товарищами, если они об этом узнают. В большинстве случаев доносчик – это опустившийся человек в сообществе узников, человек, не обладающий верностью этой группе.

Часто узник будет мучиться сомнениями в том, стоит ли ему активно вовлекаться в сообщничество, опасаясь, что это повредит его шансам на раннее условно-досрочное освобождение. Для человека, впервые попавшего сюда из конвенциональной социальной среды, это обычная установка. Вскоре, однако, выясняется, что, удерживая эту установку, он больше вредит своему положению, чем если расслабится и вольется в группу узников. Сохранение ее означает, что в кругу других заключенных он становится изгоем. Наивный новичок, пришедший из нормальной социальной среды, находит эту роль гораздо менее желательной, чем активное соучастие в делах других узников. Становясь «знатоком тюремной жизни», он при обычных обстоятельствах обнаруживает, что желает тех или иных вещей, в которых тюремная администрация ему отказывает. В тюремной среде эти вещи приобретают важность, несоразмерную их действительной ценности. Если он поддерживает сообщнические деятельности, то они оказываются для него доступными. Выясняется, что добросовестное сообщничество не так уж и сильно грозит разоблачением, принося при этом ощутимые выгоды.

Разнообразие составляет «соль жизни» в тюремном сообществе даже в большей степени, чем во внешнем мире. Оно позволяет коротать долгие дни, которые при буквальном соблюдении всех предписаний превратились бы в нескончаемое повторение одних и тех же формализованных реакций. Надзиратели не в состоянии постоянно наблюдать за каждым заключенным, и узники могут наслаждаться множеством деятельностей, идущих вразрез с правилами.

Особенно в Реформатории популярны азартные игры. Они являются нарушением правил внутреннего распорядка; они вносят в скучные будни толику остроты и увлекательности, а если кому-то повезет, то он еще и «оказывается в выигрыше». Избыточный интерес к этим «боевым играм» служит комментарием к серой рутине жизни в реформатории. Узники затевают игру под любым предлогом: ставки могут делаться на состояние погоды на много дней вперед или на то, как разрешится какая-то местная или национальная ситуация, относительно которой нет научных данных, могущих служить основой для предсказания. Часто они заключают пари на то, удастся ли им провернуть какое-то другое сообщническое дельце; и это дает дополнительный стимул для успешного осуществления данной деятельности. Здесь есть состязательный элемент, дух соревнования. В качестве средства обмена при заключении пари могут использоваться любая услуга и любой

товар, могущие перейти от одного узника к другому. Часто сокамерник будет оплачивать игровой долг, проводя в камере необходимую уборку в течение оговоренного времени.

Поскольку в сообществе заключенных спрятаться проигравшему негде, победитель оказывается в особенно выгодном положении. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что среди узников сравнительно мало людей, задолжавших кому-либо из заключенных большие денежные суммы. Узник, однако, может задолжать небольшие суммы нескольким своим товарищам, сохраняя при этом свою кредитоспособность. Если выясняется, что кто-то из узников неспособен «расплатиться», группа затронутых лиц может пойти на коллективное действие и безжалостно избить должника. В Монро был случай, когда один узник, наделавший много долгов, пытался совершить побег, чтобы избежать группового порицания. Он предпочел опасность быть застреленным, переместиться в тюремный блок и получить дополнительный срок той вероятной развязке, которая наступила бы для него внутри группы заключенных, если бы он не расплатился по всем долгам. Драматичность этого инцидента усугублялась тем, что мальчишка имел одно из наиболее желанных мест работы, предназначенных для «надежных», и оценивался администрацией как идеальный заключенный. Он решился бежать без долгих раздумий. Побег в его глазах был единственным способом избавиться от обязательств перед товарищами по заключению. Он был быстро схвачен охранниками. Этот случай демонстрирует, какое давление группа узников может оказать на социального девианта.

Возьмем другой пример сообщничества. Кофе, как и любой другой напиток кроме воды, приходится пить в ограниченных количествах и только в установленное время. Он становится крайне желанным в периоды бездеятельности, такие как «камерное время». Как только заключенных запирают в камерах, надзор за ними ослабевает. Пока нет явного «нарушения покоя», заключенным позволено «заниматься своими делами» внутри камер. Соблюдая предосторожности, они могут курить «цигарки» или свертывать «самокрутки» (сигареты); то и другое – табу. Кофе и другие деликатесы, тоже запретные, есть на кухне. Должна быть налажена организация для обеспечения их распределения. В любом деле присутствует элемент затрат. В данном случае это не производственные затраты, а риск, сопутствующий доставке кофе с кухни потребителю. Должен быть установлен контакт с ээком, работающим в кухонной бригаде и имеющим доступ к продукто-

вым складам. Если этот зэк может раздобыть кофе, но не имеет возможности доставить его в камерный блок, необходим посредник. Человек, пронсящий его в блок, может не иметь возможности передать его потребителю. Каждый участник процесса должен получить свою долю.

Далее, есть проблема кухонной утвари. Любая выброшенная жестяная банка может стать кофейником. Если у повара нет возможности добыть эту банку непосредственно, то надо установить контакт с подходящим человеком и заплатить ему. Затем, есть проблема нагревателя. Для этого требуются еще одна банка или бутылка, фитиль и топливо. Фитиль изготовить просто, но керосин или какое-то иное топливо идут на вес золота. Возможный источник их поставки – мальчишки, работающие в бригадах, где керосин используется как чистящее средство. Здесь опять надо найти подход к нужным индивидам и оплатить их услуги. Узники, слишком бедные для того, чтобы оплатить дорогостоящий керосин, используют в качестве топлива кусочки картона. Наконец, возникает актуальная проблема приготовления. Кто-то из узников, способный предупредить о приближении надзирателя, должен быть готов мгновенно и надежно оказать эту услугу. Нагреватель подвешивают в унитазе, где он никому не виден и где все следы готовки можно быстро удалить в случае чрезвычайной ситуации. В воздухе время от времени распыляют тальк, чтобы устранить запах кофе. Наконец «джо» (кофе) готов, изготовлена самокрутка, и то, что обещало быть еще одним скучным и тупым вечером, преобразуется в наполненный душещипательными ощущениями опыт. Успешный обход правила доставляет даже больше удовольствия, чем сам конечный продукт. Принося извинения Роберту У. Сервису, мы могли бы заключить: «Не столько джо мне так жутко хочется, сколько приготовить джо».

Иногда особенно успешный «варильщик», располагающий удобным доступом к ингредиентам, становится оптовым продавцом. Он готовит достаточно много джо, чтобы обеспечить нескольких клиентов; оговоренные количества доставляются клиентам гонцами. Может заключаться договор, предполагающий поставку такого-то количества кофе в течение такого-то периода времени; варильщик берет на себя всю ответственность за его приготовление.

Хотя за получаемые услуги требуется платить, бартер играет здесь более важную роль, чем в других сообществах. Человек, желающий кофе, может расплатиться за него, например, какой-то

дополнительной одеждой или контактами с внешним миром. Табак – излюбленное средство обмена. Предпочтение между тем отдается «чистым» деньгам, т.е. наличности. Заключенным позволено снимать со своего счета всего два доллара в неделю, да и те – не наличными деньгами, а «штуками» (жетонами). Иногда посетителям удается передать узникам деньги, но это опасно. Обычно же они добываются через контакты с фермерской бригадой, работающей на некотором расстоянии от ограды Реформатория. Фермерская бригада – ключевой элемент в процессе сообщничества. В особенности это касается небольшой группы, остающейся на ферме в ночную смену. У мужчин из этой группы есть возможность собирать с обочины дороги вещи, оставленные за ночь автомобилистами. Местоположение тайника определяется заранее, во время визита узника в Реформаторий. Член постоянной фермерской бригады может собрать деньги и передать их члену бригады, работающему на ферме только в дневное время. Каждому участнику причитается в обмен за это какая-то услуга.

Многочисленность товаров и услуг, поставляемых подобным образом, требует организации. Как она достигается?

Внутри сообщества заключенных есть явные признаки разделений на классы. Эти подразделения основаны на относительном влиянии и авторитете каждого класса. Поскольку первичной функцией организации узников является обеспечение товарами и услугами, в которых им отказывает администрация, то статус здесь достигается не путем «демонстративного потребления», как во внешнем мире, а за счет способности проворачивать дела или налаживать контакты. Разделение труда возникает из неравных возможностей вовлечения в те или иные типы сообщничества. Формальная «верхушка» пользуется широкой известностью как «разряд политиков». Эта группа может либо включать, либо не включать «правильных парней» – относительно небольшую избранную группу естественных лидеров, знающих во всех тонкостях тюремные законы. Сюда входит много людей, занимающих ключевые места в сообщническом процессе.

Разряд политиков часто причастен к организации азартных игр и в грандиозных масштабах спонсирует эти игры. Может быть сформирован общий фонд, в который могут внести вклад многие узники. Победитель получает внушительную сумму; свою прибыль получает и организатор игры. Подростки, являющиеся членами образовательной бригады, легко могут действовать в качестве организаторов. Поскольку они должны каждый вечер обегать все ярусы, чтобы передать «домашние задания» или оказать по-

мощь в учебе, они имеют возможность увидеть каждого узника и выяснить, желает ли он поучаствовать в общем фонде. Денежные выплаты победителям могут передаваться таким же способом.

Вход в этот «совет сообщества», т.е. разряд политиков, по-видимому, зависит от типа администрации. Если контроль нестрог и нарушения правил внутреннего распорядка открыто дозволяются, то политиками становятся прожженные рэкетеры или «рангатанги». Если администрация, напротив, практикует сравнительно жесткий контроль (а именно так в настоящее время обстоит дело в Монро), то разряд политиков приобретает совершенно иной характер. «Рангатанги», или нарушители спокойствия, находятся под пристальным надзором и лишены возможности проникать на ключевые рабочие места, имеющиеся в данном учреждении. Это значит, что у них нет той свободы передвижения и ассоциации, которая предоставляется этими местами. Предпочтительные места достаются подросткам, лучше приспособившимся и обладающим лучшими досье. Благодаря этим позициям они становятся в сообществе узников «отцами города» и ведущими общниками. Между тем важность членства в разряде политиков – в значительной мере вопрос традиции. Хотя его члены обычно играют предписанную им роль, их действительная значимость может быть больше поверхностной, чем реальной. Этой ситуацией может воспользоваться с выгодой для себя либо «правильный парень», либо «рангатанг». Он будет пытаться использовать членов этого разряда как фронтальное прикрытие для своих деятельств и использовать их привилегированные позиции для своего индивидуального возвышения.

Другой значимый факт, касающийся сообщества заключенных, состоит в том, что это мир мужчин без женщин. Население реформатория составляют в основном молодые взрослые мужчины половозрелого возраста. В Реформатории штата Вашингтон средний возраст мужчин – 22 года. Около 4% из 500 узников (1937) были заключены в тюрьму по причине своего расходящегося сексуального или брачного поведения. Половой голод – серьезная проблема в этом сообществе. В мужских разговорах отчетливо выражена общая тяга к сексуальным темам. Как и в других однополых группах, здесь резонно ожидать гомосексуального поведения.

Средний надзиратель исправительного учреждения видит в сексуальной перверсии зло, которое разрушает рутину, существенную для хорошо дисциплинированной группы мужчин. Она антагонистична нравам внешнего мира. Иногда она считается показателем естественных преступных наклонностей. Таким образом, мы обнару-

живаем, что мужчин помещают за сексуальные перверсии в исправительные учреждения, ожидают там от них исправления в атмосфере, еще более способствующей их практикованию, и наказывают за поведение, являющееся в некоторых случаях неотъемлемой частью целостной личности, без оказания им какой-либо иной помощи, кроме рассказов о том, что это «нехорошо».

Нормальные импульсы сплошь и рядом превращаются в перверсии при пересадке в ненормальные ситуации. В тюрьме рассказываются такие «срамные» истории, которые заставили бы умереть от зависти «завязтого» рассказчика грязных анекдотов в «мужских» студенческих компаниях. Верность одной женщине осмеивается. Девиз такой: «Бери что можешь, когда можешь и от кого можешь». Бывает, что мужчин «упрятывают» в тюрьму, чтобы уберечь от огласки имя девушки, на равных поучаствовавшей в «деле». Такие случаи ожесточают этих мужчин против всего женского пола. Статус в сообществе заключенных может быть повышен рассказами о сексуальных подвигах. Многие юноши в реформатории никогда раньше не сталкивались с аномальным сексуальным поведением, но настолько поддаются внушению, что могут стать услужливыми «шлюшками» (punks) для «кавалера» (smoothie) в камерных играх. Чрезвычайно важно понять, что отклонения от конвенционального сексуального кодекса в стенах тюрьмы становятся приемлемыми для многих просто потому, что дают возможность бросить вызов силам закона и порядка. Есть и дополнительные стимулы: деньги, сладости и защита. Юноши, впервые попавшие в тюрьму, входят в контакт с молодыми людьми, которые не старше их самих, но уже имеют богатый сексуальный опыт. Рассказы о приключениях на этом поприще наполняются яркими деталями; делается «предложение», и новообращенный готов на все.

Принцип «возлюби ближнего своего» получает в сообществе заключенных новое определение. Узники терпят отклонения от конвенционального сексуального кодекса, поскольку расценивают перверсии как неизбежность. Даже если половое влечение не удовлетворяется аномальным образом, ментальные конфликты, рождающиеся в индивиде, могут оказаться более разрушительными, чем действительная консуммация перверсий. Дело не ограничивается тем, что половые установки узников могут быть искажены тюремным опытом; жизнь возлюбленных и жен может стать несчастной, когда их мужчины вернутся домой после этого типа «исправления».

Давно признано, что наши исправительные учреждения на самом деле не исправляют. Но, в противоположность массовому мнению, у старожилков тюрем нет никакой определенной воспитательной политики в отношении молодых. Узники в наших тюрьмах, разумеется, осваивают новые и усовершенствованные техники криминального мастерства, но это более или менее случайная черта сообщества заключенных. Разговоры в реформатории ведутся прежде всего с товарищами по заключению. Как и в группах во внешнем мире, разговор обычно сворачивает на профессиональные темы. Каждый тип заключенного описывает те разновидности техник, с которыми он лучше всего знаком. Подделыватель документов говорит о подделке документов; мошенник – о манипуляциях с акциями; вор – о методах проникновения в дома и магазины; налетчик – о способах преодоления сопротивления. Таким образом, многие узники, искренне желающие встать по возвращении в общество на честный путь, непрерывно сталкиваются с подобного рода разговорами. Хотя они того или нет, новые преступные техники впитываются ими.

Сообщество заключенных – социальная группа, развиваемая теми, кто выброшен из более широкого общества. Организация этого сообщества является в первую очередь экономической аранжировкой, призванной поставлять узникам блага и услуги, в которых им отказывает администрация. Его антрепренеров, посредников, классовую структуру, политиков и социальных девиантов можно понять в терминах той социальной ситуации, в которой осужденные оказываются. Развитие сообщничества с его кодексом лжи означает, что узники ежедневно учатся вещам, делающим исправление затруднительным. Сообщество заключенных с его общническими делами, перверсиями, обменом преступными техниками закрепляет поведенческие тенденции, которые общество хочет предотвратить. Невозможно ожидать разрушения антисоциальных привычек в столь решительно антисоциальной атмосфере.

Хелен Макгилл Хьюз

НОВОСТЬ И ИНТЕРЕСНАЯ ИСТОРИЯ

Волна исследований современных медиа и их воздействия на общество и человеческое поведение, инициированная чикагскими социологами в 1930-е годы, восходит к работам Р.Э. Парка, посвященным в особенности газете и новостям. В этой волне особенно выделяется книга «Новость и интересная история» (1940), принадлежащая Хелен Макгилл Хьюз (1903–1992), ученице Парка и супруге Э.Ч. Хьюза. Это новаторская работа, содержащая тонкий и во многом нетривиальный анализ природы новостей и того, что с ними происходит в условиях современных изменений в обществе. Хотя эта книга долгое время оставалась недооцененной, многие выдвигаемые в ней идеи и способы анализа сохраняют свою свежесть и актуальность до сих пор. Ниже приводится реферат этой книги, подготовленный самой Х. Хьюз.

Перевод сделан по источнику: Hughes H.M. News and the human interest story // Contributions to urban sociology / Ed. by E.W. Burgess, D.J. Vague. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1964. – P. 269–283. Перевод был впервые опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Сер. II. Социология. – М., 2006. – № 1. – С. 131–158. Для настоящего издания он был существенно переработан.*

В этом исследовании прослеживается проникновение занимательных историй в американскую прессу и то, как они сотворили читателя газет из простого человека, до тех пор без них обходившегося. Сегодняшняя газета оформлена так, чтобы рекламировать

* Текст основан на одноименной докторской диссертации, защищенной автором в Чикагском университете по специальности «Социология» в 1937 г.

новости и привлекать читательские массы, что будет, в свою очередь, привлекать рекламщиков, чья клиентура финансирует издание. Но чтобы завоевать широкую публику, газета должна быть интересной; поэтому репортеры осваивали разные сферы жизни, преобразуя новости в истории, и в итоге невольно превратили прессу в носитель популярной литературы. Это расширило знакомство простого человека с миром, очеловечив новости о событиях.

Передача новостей просвещает и помогает сделать действие разумным. Но новость, рассказываемая ввиду ее занимательности, – это художественная форма, которая оторвана от жизни и которой наслаждаются как историей, ради нее самой. Популярная литература, основанная на новостях, есть итоговая форма длинного ряда явлений, начинающегося с народной сказки. Крестьянские и народные общества ценят истории, воспевающие их прошлое. Промежуточная форма, несколько видов которой мы описываем, оповещает в форме баллады о текущих происшествиях народы, оставившие свое родовое прошлое и впервые вступающие в более широкий мир. Наконец, газетные истории, рассказываемые в занимательном ключе, являют нам эфемерную литературу преимущественно городского люда во времена быстрого изменения. Они преподносят в новостях частный опыт человека и, сделав его понятным, приглашают читателя к спекулятивному приключению за пределы нравов. Темы этих историй в основе своей совпадают с темами фольклора и беллетристики, а характерным настроением является приостановка суждения и рефлексии. Таким образом, занимательность в новостях выполняет художественную функцию.

От политики к занимательности

Хотя газетчики славятся своей самоуверенностью, они так и не смогли решить, является ли современная газета «новостной» газетой или ежедневным журналом, вестником или дневником. Разница эта понимается как разница между чем-то важным и чем-то занимательным.

Издатели придерживаются традиционного мнения, что пресса каким-то образом способствует здоровью политического тела, что большие тиражи – *sine qua non* информированного электората и что подписка является разумной платой со стороны публики за собственное просвещение и обучение. Их менеджеры по распространению между тем красноречиво молчат о политических функциях

журналистики и резервируют рекламные площади для анонса нового комикса или признаний кинозвезды, хотя эти удовольствия вряд ли являются общественной необходимостью. Подобно многим другим агентам по сбыту, менеджер по распространению имеет гигантский успех в продаже продукта, в котором люди, видимо, не нуждаются, но в котором их можно заставить нуждаться. Итак, менеджеры по распространению – это реалисты в бизнесе, где реалисты далеко не редкость. И самая сильная поддержка их взгляда на вещи обнаруживается в газетных интересных историях.

Как отличительная характеристика американских газет, занимательность относительно нова. Она была сформирована газетчиками столетие тому назад и спустя какое-то время обрела название. Ее вторжение в газету и окончательное принятие ее как политики сочинения новостей сопровождалось изменениями во всех аспектах организации газеты; какие-то функции отбрасывались, какие-то добавлялись, пока она не утвердилась в XX в. как новая форма. Естественная история газеты в Америке – т.е. история ее выживающих видов – есть история экспансии традиционной публикации практических, *важных* новостей за счет публикации *интересных*, личностных сплетен. В этом процессе пресса впервые стала богатой и могущественной.

Традиционная концепция новости

До 1830 г. новость в Европе и Соединенных Штатах понималась таким образом, каким она всегда понималась с тех пор, как ее покупали и продавали: как коммерческая и политическая информация.

Где бы торговые и административные дела ни отрывали людей от дома, людям надо было знать, что происходит в их головных офисах, и это положило начало регулярному собиранию новостей и наделило их денежной стоимостью. Провинциальные чиновники Римской империи нанимали писцов, чтобы те копировали и посылали им *Acta Diurna*, протоколы заседаний Римского сената, судов и армии. Бизнес и политика, поскольку они влияли на коммерцию, были темой подписных бюллетеней знаменитого Дома Фуггеров в Аугсбурге XVII в.; «Lloyd's List» с новостями морской торговли был частным циркуляром, на который подписывались лондонские купцы и спекулянты в XVIII в. Письма с новостями, рассылавшиеся по подписке (newsletters), ограничивались тем, что имело значение для профессиональной деятельности,

подобно бюллетеням для внутреннего пользования или колонкам в специальных разделах сегодняшних газет; но они не были публичными документами.

Со временем новости стали печататься и предлагаться для публичной продажи каждому желающему. Посредник, газета, продолжала продавать тот же товар: практические, важные вести, составлявшие содержание новостных писем. Она еще оставалась исключительным достоянием деловых людей; простолюдину она была недоступна. В более узком мире локальных интересов вести об интересных событиях среди неграмотных – и прочих – распространяли устным словом сплетни. Они не имели надстройки в виде профессионального собирателя новостей и их покупателя и были лишены денежной стоимости.

Первые американские газеты относились к этому историческому типу. Их содержанием был запоздалый отчет о европейской политике, собираемый по крупицам из сведений, полученных от путешественников, заезжих моряков и из английских газет. Бывали и материалы, представлявшие более общий интерес, например о скальпированиях, совершенных «коварным индейским врагом», но они были отклонением от правила.

Политическая, или партийная пресса

Ко времени Американской революции газеты стали инструментами не только распространения новостей, но и формирования общественного мнения. В органах, субсидируемых сторонниками партий, разгорелись дебаты между тори и патриотами. Таким образом, газета стала орудием борьбы за общее дело; для заступления на пост редактора достаточно было партийного энтузиазма. От газеты, как и от трибуны, ожидалось, что она покажет людям, в чем состоит их долг в свете какой-нибудь доктрины, которая ставилась выше всего, даже выше популярности и доходов, и новости были подчинены этой доктрине. По сути, проводилось мало разницы между отчетом о событиях и мнением редактора о них; эта ситуация сохраняется по сей день в коммунистической прессе и во многих европейских изданиях.

Тиражи этих газет были небольшими, и подписная цена в размере шести с чем-то долларов в год должна была дополняться субсидиями от политических партий, дабы можно было покрыть затраты на их публикацию. Только дешевая коммерческая пресса, поставив рынок на место миссии, стала самоокупаемой.

Грошовая пресса и занимательность

В 1833 г. предприимчивый издатель Бенджамин Дей учредил газету под названием «New York Sun» и стал продавать ее на улице по цене один пенни за экземпляр. За его спиной не стояло никакой партии, и он добился того, чтобы газета сама себя окупала, наполнив ее маленькими историями для привлечения массовой публики, «ремесленников и механиков». Его новостные материалы об акуле, выброшенной морем на пляж, и женщине, курившей сигару на Бродвее, стали первыми занимательными историями в американской прессе. Газету ждал мгновенный успех: тираж, достигший на второй год 15 тыс. экземпляров, сделал ее третьей по величине газетой в мире после двух, выходивших в Лондоне.

Годом позже еще одна грошовая газета, «New York Evening Transcript», воспользовалась для расширения продажи новостями из полицейских судов и спортивными событиями. А в 1835 г. знаменитый Джеймс Гордон Беннетт учредил третью грошовую газету, «New York Herald», и впервые вовлек в прессу все разновидности свежих историй: новости церквей, светские события в мире моды, новости с Уолл-стрит. Он преподносил новости в форме интервью, что было еще одной инновацией, а его назойливость, дерзость и не знавшее границ любопытство поставляли его читателям – «низшей половине» – как раз то, что их интересовало. Газета была настолько завлекательной, что многие почтенные подписчики партийной прессы покупали ее, порой тайком от других.

Новости сделали дешевую прессу финансово независимым, прибыльным, *частным* предприятием, хотя своими привилегиями в сборе новостей она была обязана сохранявшемуся шибболету, что газета служит общественному благу. К 1858 г., когда Генри Реймонд учреждал «New York Times», ежедневная газета стала столь крупным бизнесом, что ему пришлось организовать акционерное общество. Рекламодатели поняли, что могут покупать внимание читателей; они покупали читательскую аудиторию, которую редакторский отдел обеспечивал с помощью новостей; отсюда неизбежным явлением стал отдел распространения, домогавшийся благосклонности крупных универмагов, агентов по купле-продаже земли и фармацевтических фирм.

Желтая пресса

Уличная продажа в конкуренции за покупателей стала обычным делом, и новости стали приобретать новую значимость, ведь когда человек покупает отдельные номера, он всегда может перейти с одной газеты на другую, если вторая обещает быть более интересной. Джозеф Пулитцер, купивший в 1883 г. умирающую «New York World», впервые применил современные хитрости для привлечения внимания потенциальных покупателей, проходящих мимо газетных киосков. Диаграммы, картинки и политические карикатуры сделали события и проблемы понятными даже для тех, кто едва умел читать. В целях поддержания постоянного интереса Пулитцер устраивал кампании против политического беззакония, или, лучше сказать, против эксплуататоров бедноты. Обычно они велись с целью добиться справедливости для какого-то безвестного индивида, образ которого превращался в символ. Таким образом, если раньше «поборница наших свобод» шумела ради общественного блага, то теперь она защищала требования какой-нибудь бессловесной частной жертвы.

Именно в яростной конкуренции Пулитцера с Херстом, приобретшим в 1895 г. «New York Journal», родилось выражение «желтая пресса» – термин, навеянный цветной комической полосой. Использовались трюки для создания новостей, которые рекламировались затем огромными заголовками во всю ширину первой полосы, и все ради того, чтобы завоевать читателей. Занимательность была доведена до героических масштабов драматизацией больших новостей (так теперь назывались главные материалы). «Гвоздевые материалы», обеспечивающие общий интерес и больше места новостным сообщениям, из которых они выросли, превратили соперничающие газетки в занятное чтение, во многом подобное журналам. Желтая пресса ознаменовала окончательное превращение газеты в товар, продаваемый на высококонкурентном рынке.

Таблоиды

Таблоид, представляя собой газету с картинками, добрался до самых неподатливых слоев читательской публики. Первое из подобных изданий, «Illustrated Daily News», было основано в 1919 г. Благодаря небольшому, удобному формату и изобилию новостных иллюстраций эта газета стала одним из самых дорогостоящих в мире газетных активов. Как и в прошлом, наибольшей

сенсационности газета достигала тогда, когда боролась с агрессивным конкурентом, и вскоре после того, как Бернар Макфадден, помешанный на физической культуре, учредил в 1924 г. таблоид «New York Graphic», слово «таблоид» стало презрительным термином. Из конкуренции таблоидов родилось понятие «горячей», а не просто «большой» новости. «Горячая» новость подступает к табу настолько близко, насколько позволяет общественная мораль; она имеет шокирующий, интимный, прямолинейный и личный характер. Самыми горячими историями являются признания, сфабрикованные или аутентичные, ибо нет документов откровеннее, чем интервью, дневник, письмо или исповедь; в них препятствия для вхождения в душу другого минимальны.

Признания поднимали тираж, а наполнение «забойными» материалами его удерживало. Последние пишутся колумнистами и посвящены таким темам, как спорт, кино, радио и телевидение с их звездами, этикет, любовь, кулинария и уход за собаками и кошками – короче говоря, всем досуговому занятиям людей, у которых нет профессиональных интересов.

Сегодняшние газеты

Если газета борется за то, чтобы выжить в условиях конкуренции, она становится экспериментальной. Иначе говоря, выпускающий редактор будет тщательно обследовать каждый номер на предмет того, нет ли где-то в нем неэкономного наполнения пространства, все ли использованы возможности, чтобы заинтересовать читателя. Интерес остается фундаментальной задачей журналистики.

Практически вся человеческая деятельность стала в настоящее время зерном, которое перемалывается газетой. Сексуальное поведение уже давно стало интересным материалом. Процесс по делу Леопольда – Лоуба в 1920-е годы внес в новости и в публичную дискуссию тему гомосексуальности. Совсем недавно в поле зрения оказались новости о здоровье и медицине, и сегодня, стоит только кому-то попасть в новости, неважно в связи с чем, как его физическое состояние, по всей вероятности, станет известно читателям газет в мельчайших деталях. Грядущие перемены, скорее всего, принесут нам все более всеохватное освоение мира ради историй, а также изменения в стиле и посреднике.

Первая полоса

Первая полоса (front page) отражает изменения в конституции газеты; в то же время она документирует представление газеты о самой себе и о публике, которую она надеется покорить. Каждодневная первая полоса обретает форму как равновесие между внутренними силами. Издатель может быть склонным вентилировать на ней свои предрассудки и пристрастия; менеджер по распространению и фотографы любят сенсационную первую полосу; менеджер по рекламе иногда транслирует кое-какие интересы в отдел местных новостей, сообщая, что хотел бы видеть некоторые вещи убранными с первой полосы, а некоторые вынесенными на нее; и каждый редактор отдела мечтает протащить на первую полосу какой-то материал, слишком большой для внутренней части и «прямо-таки обязанный сделать» первую полосу. Связанные друг с другом общей целью выпуска широко читаемой газеты, эти разнонаправленные силы дисциплинируют друг друга. Они достигают сиюминутного равновесия, когда номер подписывается в печать и вот-вот включатся печатные прессы, но в тот же момент начинается подготовка очередного номера, и вся организация вновь приходит в текущее состояние.

Уличная продажа и заголовок

До тех пор, пока газеты не начали конкурировать друг с другом на улице за благосклонность прохожих, первая полоса (front page) называлась «первой страницей» (the first page), и никакого особого значения ей не придавалось. Но уличные продажи придали ей важность, просто потому что она была на виду. Традиционные заголовки шириной в колонку просто классифицировали новую историю – «Вести из Европы», «Последние сообщения с телеграфа»; теперь же они ее рекламировали. «Шапка» – или заголовок-баннер на всю ширину полосы – родилась в первые дни войны с Испанией, когда Херст и Пулитцер старались во что бы то ни стало обойти друг друга по продажам в Нью-Йорке. Чудовищной величины заголовки пользовались невероятным успехом, и эта техника, видимо, будет жить до тех пор, пока газеты будут продаваться поштучно и не станут локальными монополиями. Если рассуждать логически, такие заголовки смотрятся неуместно в газете небольшого городка или сельской газете, где указанных предположений не существует.

При компоновке первой полосы перед редактором встает проблема внимания и расстановки акцентов. Пространство – это набор позиций, одни из которых более, а другие менее эффективно приковывают к себе взгляд. Он отводит «самой большой» истории лучшее место: внешнюю правую колонку, остающуюся на виду, когда газеты в киоске частично накрывают друг друга. Новости меняются каждый час, но в распоряжении всегда остается одна и та же площадь для выделения главного: поскольку избыток выделенного сам себя губит, редактор «раздувает» не более двух историй на странице.

Правила верстки газеты нацелены на фокусирование взгляда. Так, в заголовке предпочитают использовать три слова как наиболее ударную форму, в которую можно спрессовать подлежащее, сказуемое и дополнение. Разбиение на части используется не ради логики, а для того, чтобы сделать текст менее многословным и более интригующим. Характерны преувеличения, поскольку первая полоса – это доска объявлений, приманка. Фотографии и карикатуры помещаются не просто как иллюстрации или интерпретации, а как капканы для глаз; поэтому они необязательно связаны с самой важной новостью.

Естественно, первая полоса принесла бы наибольшие барыши, если бы ее отдали рекламодателям, однако еще ценнее она для рекламы самой газеты посредством выставления на обозрение новостей.

Редакционная статья еще продолжает жить на внутренних страницах, но многие газетчики считают ее анахронизмом и расточительной тратой места и усилий. Парадоксально, но именно Херст поместил ее в свое время на первую полосу; она переводила политику и философию на язык водителей грузовиков и помогала им в конечном итоге читать новости.

Новости первой полосы

Первая полоса газеты с устойчивым тиражом содержит много статей под заголовками шириной в колонку; но если газета борется за выживание, первая полоса заполняется малым числом историй с большими броскими заголовками.

По мере поступления новостей редактор постоянно пересматривает свое суждение о том, какой из материалов наиболее интересен, так как это всегда соотносится с другими имеющимися новостями. Каждый материал тем самым втянут в борьбу с каж-

дым другим, во-первых, за существование и, во-вторых, за статус. Конечно, некоторые новости, например новости об атомной бомбе или о внезапных катастрофических землетрясениях и пожарах, не будут оставлять всему прочему никаких шансов; однако в круговерти дней «большой» новостью оказывается новость, которая просто «крупнее», т.е. интереснее всего остального, и она может быть о чем угодно.

На первых полосах большинства наших газет будет обнаруживаться какая-нибудь небольшая история, рассказываемая просто-напросто потому, что она забавна, трогательна или удивительна, и редактор помещает ее туда с целью привлечь и удержать читательский интерес. В «Chicago Tribune» такая история обычно размещается в центре страницы; «New York Times» в таких материалах не нуждается, обеспечивая свое влияние на общенациональную аудиторию авторитетным и всесторонним освещением новостей; а коммунистическую «Daily Worker» никакая фривольность не в состоянии отвлечь от пропаганды ее политической доктрины. Подобно крупным заголовкам, занимательная история чувствует себя как дома в газете, которая ищет уличной поштучной продажи – возможно, в дополнение к продаже по подписке; и типичными примерами здесь служат вечерняя газета, выходящая несколькими выпусками, и утренняя газета, агрессивно домогающаяся читательской публики.

Ценность новостей: новости большие и маленькие

Новости первой полосы обладают «новостной ценностью». Она не тождественна исторической значимости; пресса занимается событиями, которые еще только разворачиваются, и лишена исторической перспективы. К тому времени, когда влияние события осуществится в полном объеме, оно уже не является новостью и переходит в историю; последняя есть мертвая новость, или просто информация. По прошествии времени может оказаться даже, что события вообще не произошло, как, например, в случае преждевременного Дня перемирия, который в Соединенных Штатах отмечают на день раньше, чем должно было бы быть; тем не менее слух в этом случае имел колоссальную новостную ценность.

Новостная ценность не означает той важности для читателя (в смысле влияния на его дела), какой обладают статьи в многотиражке для внутреннего пользования. Ведь у газеты множество

публик, каждая из которых имеет свою шкалу ценностей, и если новость привлечет интерес только одной или двух из них, то первая полоса окажется потраченной впустую. Большинство городских ежедневных газет нацелено на максимально широкую аудиторию, и чем больше они в этом преуспевают, тем разнороднее оказываются интересы их читателей.

Новостная ценность содержится в новости, интересующей наибольшее число читателей, в новости, которую большинство из них захочет прочесть и прочтет прежде всего. После этого они могут перейти к внутренним страницам, к спортивному разделу, комиксу, финансовой странице или к чему угодно еще, в доставке чего каждый индивидуально зависит от газеты и доставку чего она день за днем ему обеспечивает.

Новости, распределяемые по разделам

Если первая полоса интересна, то тематические, рутинные новости внутри газеты – если позаимствовать проводимое Херстом различие – «просто важны». Интересу читателя к внутренней части, причем неважно к какому ее разделу, свойственно постоянство; нет нужды дразнить читателя заголовками или картинками, чтобы привлечь его внимание к ней. Как и телеграфный аппарат, печатающий последние биржевые новости для брокера, это нечто необходимое практически. Ведь новость приходит в решающий момент, когда происходит что-то такое, что еще не закончилось и на что нужно отреагировать в непосредственном настоящем ревизией действий или установок. Как таковая новость преходяща; когда все уже решилось, события переходят в историю, или информацию, – из живого в мертвое. Поэтому, чтобы заслуживать покупки, новость должна быть своевременной и точной; читателю достаточно быть одураченным и вынужденным что-то сделать на основе неверных или искаженных сведений, чтобы отдать предпочтение другому изданию, и каждому редактору отдела это хорошо известно.

Новости в разделах пишутся для специальной публики профессионалов и *amateurs* (в строгом смысле слова). С редактором отдела и новостями, которые он перед ними выкладывает, их объединяет общий мир дискурса. Биржевая страница, самая техничная из всех, редуцируется к статистической форме выражения, и непосвященный вообще не сможет ее прочесть.

Раздел в столичной газете – сам по себе маленькая газета. В нем есть свои репортеры, редактор, колонка комментатора и иногда даже собственный комикс. В разделе публикуется и соответствующая реклама, ибо рекламные объявления – тоже новости, которые будут прочитываться вслед за интересным, релевантным материалом. В хорошо редактируемой газете разделы следуют один за другим в порядке уменьшения новостной ценности и роста содержательной сложности; спортивный раздел предшествует странице о рынках. На самом деле за спортом следят очень многие, и он прорывается время от времени на первую полосу (или почти столь же престижную заднюю). Для законченных простолюдинов, «шевелиющих губами при чтении», существуют таблоиды и газеты Херста (те, что до сих пор выходят), содержание которых в значительной мере сродни первым полосам.

Именно ежедневная полезность рутинных новостей создает спрос на газеты. Такие новости имеют низкую новостную ценность и проигрывают другим материалам в конкуренции за место на первой полосе, но для специальных публик они важны. Подобные публикации поставляют регулярных читателей, и это стабилизирует тираж. Общую тональность тематических новостей определяют дисциплина и интеллект. Читатель реагирует на них рационально: новость для него значима, и он интерпретирует ее, привлекая свои знания и опыт для того, чтобы в ней сориентироваться.

Большие новости

Новости для массовой публики, выносимые на первую полосу, являются менее утонченными, ибо массам не свойственно глубокое понимание. Когда читатель не знает, как действовать или что думать, новость является сенсационной, «большой» новостью. Она «делает» первую полосу. И редактор, помещая ее на первую полосу, эксплуатирует ее новостную ценность в целях *повышения* тиража. Большая новость, конечно, поддается в логическом плане классификации и может быть на любую тему, но редактор, задвигающий ее во внутреннюю часть газеты, либо глуп, либо коррумпирован. Если преступность и аморальность выходят на первую полосу чаще, чем, по мнению некоторых, должно быть, то это потому, что они представляют интерес для всех и нет признанной специальной публики, для которой внутри газеты мог бы быть организован соответствующий раздел. Самой крупной новостью, какую только можно представить, была бы новость, значимая для

всего человечества: о конце света или о том, что может к нему привести, атомной бомбе либо о деяниях Бога. Ибо деяния Бога – неотвратимые, непредсказуемые события, приостанавливающие нормальные обязанности и настигающие всех людей. В литературе их называют судьбой, или участью.

Маленькие новости

«Маленькая новость» не является термином газетчиков; этот термин используется здесь только для установления ее отличия от большой новости, с которой она делит первую полосу. Как и большая новость, она понятна всем читателям, ведь для того чтобы ею заинтересоваться, достаточно просто быть человеком. Это наименьший общий знаменатель интереса, стоящий по новостной ценности ближе всего к большой новости и дальше всего от тематической, рутинной новости. Она заслуживает места на первой полосе по той причине, что каждый получает от нее наслаждение; поэтому издатели готовы оплатить подписки на новости, телеграфные пошлины и расходы зарубежных корреспондентов, лишь бы ее заполнить.

Разумеется, редактор будет делать все возможное, чтобы его газета несла на первой полосе большую новость дня и места; а что именно овладеет его фантазией и даст материал для занимательной истории – дело чистого случая. Вот один пример:

ПЕНСИЛЬВАНКА НИКАК ЕГО НЕ ПОГУБИТ, ТЕПЕРЬ ОН ГРОЗИТ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭРИ

Мансфилд, шт. Огайо, 11 апреля (ЮПИ). – Эдвард Стивенс, негр, мрачно взобрался на насыпь Пенсильванской железной дороги.

Выбрав понравившееся место, он лег поперек путей и приготовился к смерти.

Появился локомотив. Машинист взглянул в удивлении, дал предупредительный свисток и остановился в четырех футах от шеи Стивенса.

«Эй ты, переедь меня, – сказал Стивенс. – Я жду».

Машинист отказался.

Стивен поднялся:

«Ну и черт с тобой. Если Пенсильванка не поможет, пойду на Эри, умру там».

В полицейском участке он поведал детективам: «С этим самоубийством ходишь туда-сюда как дурак».

В большой новости есть элемент занимательности, но она имеет также и отношение к деятельности, т.е. новостной аспект, придающий ей важность. Но с неудавшейся попыткой самоубийства читатель ничего не может сделать; он никоим образом не участник. Иное дело полицейские, которые в это вовлечены; они должны что-то с этим сделать, и для них инцидент является *новостью*.

Брентное и жизнеспособное

В отличие от новости, занимательную историю можно придержать для воскресного выпуска и затем придать ей законченный вид аллитерационным или афористичным заголовком. Большую новость, разумеется, нужно огласить как можно быстрее; возможен «экстренный» выпуск. Ведь большая новость умирает за день. Маленькие же новости живут долго, образуя единственный живой материал в старых газетных подшивках. Только что приведенная нами новость была опубликована в «Chicago Daily News» аж в 1930 г.!

Большая новость всегда пребывает в процессе; подобно роману-сериалу, имеется ряд последовательных вставок, рассказывающих, как много вреда причинило землетрясение, какие алименты были назначены в случае какого-то выдающегося развода, как поживает в суде некий убийца. К тому времени как рассказ завершается, он уже не новость, а просто исторический факт. Со своей стороны, маленькая новость находит завершение в самой себе, как только она рассказана. В противном случае ее невозможно было бы изъять из контекста и рассказать в качестве анекдота. Лучшая маленькая новость – это, по сути, такая новость, которая может быть рассказана в наибольшем множестве контекстов, ведь тогда больше читателей насладятся ею и запомнят ее.

Как стили отчета о происходящем, большая и маленькая новости проявляют фундаментальные различия. Первая фразируется так, чтобы как можно более прямо и ясно передать информацию. В идеале заголовок оглашает всю историю. Самый важный факт преподносится в первом предложении, или, как его называют, «lead». Даже если бы это усилило драматический эффект, редактор не может придерживаться лучшее до последнего. Если давление на пространство требует сокращения, верстальщик отрезает абзацы с конца, где излагаются факты, имеющие в материале наименьшую новостную ценность. Но в занимательной истории многое важно в самом рассказывании; ее можно писать на диалекте, даже рифмованно, с сюрпризом в последней строчке. Ибо стандарты точности,

применимые к новости, в занимательной истории рушатся, и хорошая занимательная история – это история, написанная с воображением. Ее характер прорисовывается яснее, если выяснить, как пишет репортер.

Репортер и новость

Помимо принятия нашей общей морали, репортер, пишущий новость, не подчинен никаким другим доктринерским воззрениям общества. Его работа начинается и заканчивается повествованием, и он должен пребывать в том настрое, который выразил Чарлз Дана из старой «New York Sun», сказав, что готов сообщить «о чем угодно, чему Бог позволил случиться». Он никоим образом не должен редактировать новость.

Глядя на себя как на своего рода литератора, репортер находит больше удовлетворения в похвалах своих коллег, чем в восторге своих читателей. Начинающему репортеру коллеги по работе внушают представление о том, что его предназначение – творческое дерзание. Иначе обстоит дело с репортером, прикрепленным к одному из внутренних отделов, например с репортером, передающим новости с Уолл-стрит; его работа рутинизирована и стандартизирована, и коль скоро она техническая, то он должен в какой-то степени овладеть той областью, которую описывает¹.

Человеческий угол зрения

Занимательная история ставит репортера в особую связь с его новостями.

Какими бы пронырливыми ни считали репортеров, они не вольны писать как заблагорассудится о делах любого и каждого. Они должны ждать, даже если уже «загружены информацией», пока какой-нибудь внешний акт не заставит новость «прорваться». Она прорывается, когда положение дел привлекает внимание публики – это может происходить в моргах, больницах, полицейских судах, слушаниях о банкротстве, сессиях законодательных органов, уголовных процессах, гражданских тяжбах, распродажах,

¹ *Steffens L. Autobiography: In 2 vol. – N.Y.: Harcourt, Brace & co., 1931. – Vol. 1. – P. 181–186.* Автор рассказывает о своей подготовке в качестве репортера с Уолл-стрит.

съездах и т.п., – и когда она прорвалась, репортеры собираются на сцене действия или поддерживают контакт с происходящим через бюллетени пресс-служб. И хотя все они могут получить информацию о событии, то, что они пишут, будет зависеть от их установки, которая, в свою очередь, зависит от их газет. Похищение ребенка Линдбергов, названное в свое время в США величайшей занимательной историей десятилетия, стало в берлинских газетах чем-то совершенно иным: в коммунистической и нацистской ежедневной прессе оно истолковывалось как притча, показывающая разложение капиталистического общества; в деловых газетах и органах центристских политических партий оно было просто новостью; а в иллюстрированных бульварных листках оно стало сенсационным материалом. Это поучительно, поскольку Берлин с его 28 ежедневными газетами в 1932 г. обслуживался такими типами газет, каких в США уже не увидишь¹.

Структура истории

Репортер должен уметь видеть мир глазами своих читателей, ведь его работа заключается, по существу, в коммуникации с массами, или наименее взыскательной публикой. Будучи постоянным свидетелем захватывающих сцен, он может пресытиться или стать циничным, но если это с ним происходит, то он становится непригодным для наблюдения, на которое его уполномочивают его читатели, поскольку *их* опыт ограничен.

Чтобы написать хорошую историю, передающую ощущение драмы, репортер должен тщательно реконструировать сцены и персонажей, какими они ему явлены. Описательная деталь придает истории живость в момент рассказа и заставляет надолго ее запомнить, например деталь, которую вспоминали еще десятилетия спустя, подробно описывая жестокое убийство в кафе: «...и даже на пироге была кровь». Кроме того, хорошая история передает атмосферу, настроение и чувство, ведь это, в конце концов, литературное произведение. Так, Драйзер² припоминает новостную историю, в которой

¹ *Hughes H.M.* The Lindbergh case: A study of human interest and politics // *American j. of sociology.* – Wash., 1936. – Vol. 42, N 1. – P. 32–54.

² *Dreiser Th.* Nigger Jeff // *Dreiser Th.* Free, and other stories. – N.Y.: Modern library, 1925. – P. 76–111; *Dreiser Th.* Out of my newspaper days // *Bookman.* – N.Y., 1921–1922. – Vol. 54, Sept.–Feb. – P. 208–217, 427–433, 542–550. Эти описания Драйзера относятся к лучшему, что было написано о душевном состоянии репортера.

он использовал как своего рода тему жару и скученность в речном городке, где он освещал убийство; и самосознание, которое этим выдается, показывает опять же разницу между новостью и историей, ибо если новость прямолинейна и цель ее в том, чтобы просто сообщить о действии и сделать его понятным, то история рассказывается ради эффекта. Именно потому, что история в чем-то сродни производству искусства, некоторые газеты позволяют авторам ставить под помещаемыми в них историями подпись, и то, что это вознаграждение, показывает направленность амбиций журналиста. Через художественную хитрость, отбор, композицию репортер должен придать газетному сообщению форму, отсекающую его от текущих забот, подобно художественной литературе; и по сути его работа есть именно работа литературного биографа, производящего не столько отчет о жизни, сколько ее оценку.

Но у репортера, которому приходится видеть мучительные сцены, есть собственные чувства и импульсы к действию, и иногда обнаруживается, что он почти не в состоянии оценить то, что видит, на предмет возможностей превратить это в рассказ. Но как только ему удастся зафиксировать свое внимание на последнем, эмоции перестают властвовать над ним, и он достигает художественной отстраненности. В таком настроении он способен представить картину, которая вызовет в душе у читателя те чувства, которые он в самом себе подавил. Это состояние духа художника и философа; однако крайняя степень отчужденности от личной страсти маркирует закоренелого циника.

Художник передает значение новости как личного опыта для участника. Эта версия – гораздо более понятная и узнаваемая, чем голые наблюдаемые события, – очеловечивает новость. Для автора по-человечески увлекательной истории факты кроются во внутреннем опыте – конечно, частном для того, кто его переживает, но таком, который разделят с ним и читатели, поскольку они тоже люди. В этом смысле факты общи и публичны, и массовая публика может воспринять их как символические и репрезентативные. Это придает заключенной в новости истории широкую коннотацию и уникальную жизнеспособность. Как только новость запускается через газету, она отправляется в устное путешествие и часто обретает вездесущую и не документируемую жизнь в народной молве.

Занимательность и фольклор

Огромная разница между «печатным фольклором фабричной эпохи», как назвал однажды Силас Брент новости, рассказываемые в занимательном ключе, и фольклором примитивных или провинциальных народов состоит в том, что первый вращается вокруг меняющегося настоящего, а последний – вокруг традиционного прошлого.

Народные сказки и баллады, такие как старинная песня «Лорд Рэндалл», циркулируют и сохраняются в народе без напечатания. Рифма и мелодия делают их легко запоминающимися и тем самым передаваемыми. Существует, однако, менее известная форма простого, часто суеверного рассказа, появляющаяся у людей, которые еще только выбираются из народного менталитета, осваивают печать и обретают за счет этого способность наслаждаться сплетнями с более широкой территории, чем было возможно, когда единственным их носителем было устное слово.

Мексиканские корридо

В мексиканской сельской местности *корридо*, или новостная баллада¹, рассказывает о современных убийствах, пожарах, местных и национальных героях и прочих подобных вещах публике, состоящей из того, что Редфилд назвал «народом-становящимся-демосом», т.е. из людей более изощренных, чем крестьяне, но менее изощренных, чем жители Мехико. Их баллады – такие же промежуточные по характеру, как сам народ, – печатаются на дешевой бумаге и продаются исполнителями баллад в рыночных городках за один сентаво. Они рифмованы и положены на музыку, и это всегда хорошо известный мотив, так как мелодия здесь имеет сугубо случайный характер. Они не анонимны, в отличие от подлинно народных песен, и сочиняются специально для продажи. Корридо переносят новости, часто многомесячной давности и с вкраплениями чудесных подробностей; ими наслаждаются самими по себе, и многие из них, продолжая жить, сливаются с более старым фольклором.

¹ *Redfield R. Tepoztlan: A Mexican village.* – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1930. – P. 4–10, а также гл. 10: Письменность и литература.

Провинциальные баллады

В Бретани есть баллады, которые схожим образом переносят новостные истории и рассказываются для доставления наслаждения провинциальному, а не крестьянскому народу. У японцев тоже есть новостные баллады; особенно популярны среди них те, в которых повествуется о двойных самоубийствах и безнадежной любви. Есть сочиняемые на продажу деревенские жалобные песни в Луизиане и на плато Озарк; в основу них кладется какое-то свежее событие, но они не ограничиваются его рамками и воспевают, возможно, какого-нибудь героя, междоусобицу, большой пожар, землетрясение или впечатляющее преступление.

Всех их можно было бы расположить в континууме соответственно тому, насколько они приближаются к газетной занимательной истории по близости к факту и недавности происшедшего и удаляются от поэтической вольности и смутных датировок фольклора. В них отражается интерес к большому миру, пробуждающийся в народе, для которого древние исконные сказки и предания утратили свою магию и для которого, по мере того как рвется ткань обычая, начинают обретать силу и очарование бреши в моральном порядке, новые веяния и новые формы. Ибо новостные истории оказывают такое возбуждающее и дезорганизирующее воздействие, какого сплетни никогда не оказывают, и в конечном итоге они бросают вызов старым локальным обычаям, вовлекая в сферу сочувственного понимания слушателей мир чужих и нонконформистов.

Листовочная баллада

Еще ближе к газетным занимательным историям листовочные баллады, еще столетие тому назад широко продававшиеся на улицах Лондона.

Старейшая сохранившаяся английская баллада восходит к 1513 г., и с тех пор на протяжении веков слагались, например, песни о чудесных рождениях, совершенно такие же, какие могли бы сегодня циркулировать как корридо на дальних окраинах Мек-

сики. Но по мере того как грамотность и городская жизнь стали делать массы изошренными, предприимчивые лондонские фирмы стали систематически производить баллады на продажу¹.

Висельная литература

Самым известным издателем уличных, или листовочных, баллад был «Джеми» Кэтнак; его типография печатала их буквально миллионами. У него было шесть авторов, сочинявших одну за другой песни на основе новостей. Эти песни печатались на дешевой бумаге и продавались по пенни за штуку. Типичнейшими были отчеты о «последних признаниях», сделанных перед смертью знаменитыми убийцами; они пользовались известностью как висельная литература. Способ их продажи был удивительно похож на то, как продают сегодняшние газеты. Ими торговали на улицах «болтуны», которые выкрикивали для рекламы своих баллад возбуждающие фразы типа «леденящее душу убийство», «кровавое дело» и подкрепляли это «стендовой работой» – поднятием дощечки, к которой была прилеплена стереотипная гравюра с изображением человека в капюшоне, болтающегося в петле. Когда не было интересных судебных процессов с убийцами или казней, «болтуны» прибегали к запусканию «уток», или сфабрикованных историй. Некоторые «утки» были настолько хороши, что продавались в течение 20 лет, а это значит, что они обрели характер литературы.

Баллады об экзекуциях начинались с живо написанного прозаического сообщения, излагавшего новость – или то, что выдавалось за новость, – и оно соответствовало вводному абзацу современной новостной заметки. Далее следовала «копия стихов», которая, как утверждалось, «тронет каждое чуткое сердце». Она содержала десяток, иногда даже два десятка нескладных четверостиший, в которых рассказывалось об исповеди преступника и муках раскаяния. Здесь новость превращалась в выражение внутреннего переживания: чувства вины, сожаления, смирения. Так, известная баллада «Казнь Джеймса Блумфилда Раша 23 апреля 1849 года», отпечатанная, по уверению «Seven Dials Press», в 2,5 млн экземпляров, завершалась словами:

¹ *Hindley Ch.* Curiosities of street literature. – L.: Reeves & Turner, 1871; *Hindley Ch.* Life and times of James Catnach, (late of Seven Dials), ballad monger. – L.: Reeves & Turner, 1878; *Mayhew H.* London labour and the London poor: In 3 vol. – L.: Ch. Griffin & co., 1861. – Vol. 1. – P. 236–254; Vol. 3. – P. 206.

О, если б вы только видели час прощанья
Этого несчастного с его девятью любимыми детишками,
Ваши сердца разорвались бы при одной мысли о том, что они увидят,
Как их отца вздергивают на виселицу.
[O had you witnessed the parting hour
Of this wretched man and his nine children dear
Your hearts would break to think that they might see
Their father hung upon a gallows tree.]

Следующими после убийств бестселлерами были «славные» пожары. Политические события никогда в балладах не отражались, за исключением коронаций, рождения детей в королевской семье и, естественно, дела о разводе между королевой Каролиной и королем Георгом IV, в котором, опять же естественно, баллады заняли сторону королевы, представляя ее несчастной жертвой «короля и конституции», на стороне которых стояли тогдашние газеты.

Продолжительная карьера листовочных баллад завершилась в середине XIX в., когда отмена гербового сбора сделала возможными дешевые газеты, а обязательное школьное образование и рост грамотности превратили уличную публику в потенциальных читателей. К 1890-м годам у этой публики уже был еженедельник Нортклиффа «Answers», в котором печатались исповедальные письма и советы служанкам, а вскоре после этого появились его же более широкоохватные и амбициозные ежедневные газеты. И вместе с чтением демос стал мало-помалу приобретать общий корпус умонастроений и превращаться в публику. Интерес к личным историям, в которые превращались новости сначала в балладах, а затем в грошовых газетах, можно считать этапом в развитии общественного мнения.

Новость и литературный рассказ

Между тем растущая простонародная аудитория в Соединенных Штатах наслаждалась книжной и журнальной литературой, доносившей до нее в весьма приятной форме некоторые знания об областях жизни, выходящих за рамки ее непосредственного кругозора. В 1851 г. Роберт Боннер основал «New York Ledger», литературный еженедельник, набитый сентиментальными семейными и готическими историями. Примерно тогда же «New York Sun», уже закрепившаяся в среде «ремесленников и механиков»,

но теперь столкнувшись с конкуренцией других грошовых газет, стала добавлять литературные рассказы к историям, построенным на основе новостей; именно там впервые появились многие рассказы Горацио Элджера, Брета Гарта и Роберта Льюиса Стивенсона. Это были рассказы о приключениях, предназначенные для менее взыскательных вкусов, чем у почитателей «Ledgeг».

Бульварные романы

В 1860 г. появился первый из бульварных романов¹. Они ввели книги в ценовой масштаб, приемлемый для обывателя, но, что еще важнее, предложили ему истории, основанные на современной жизни. Они последовательно осваивали жизнь пионеров на фронтире и внушавших страх индейцев, кровную месть, конокрадство (Буффало Билл был как героем, так и автором бульварных романов), город как ловушку и соблазн для честного деревенского парня и, наконец, преступление. Текущие убийства эксплуатировались в серии «Пятицентровая библиотечка». Под конец темами бульварных романов стали школьная жизнь и спорт. Эти издания вымерли на рубеже веков, когда их вытеснили ежедневные газеты и журналы, предложившие гораздо больше продукции за ту же цену.

«Police Gazette», основанная в 1845 г., тоже эксплуатировала криминальные новости. Она донесла до массовой публики такую инновацию в издании дешевых журналов, как иллюстрированные истории; картинки были на каждой ее ярко-розовой странице! Была в ней и колонка текущих спортивных новостей, ее ценное достояние. «Gazette» стала авторитетом в области спорта, а парикмахеры хранили ее старые номера для решения споров и заключения пари.

Подлинные истории

Все эти неказистые, но широко продававшиеся периодические издания доносили до уличной публики в приятной форме текущие реалии ее времени. Журналы исповедальных и подлинных историй и обильно иллюстрированные еженедельники, такие как «Life», каждый на свой манер продолжают поставку новостей

¹ The Beadle collection // Bull. of the New York public library. – N.Y., 1922. – July. – P. 555–628; Pearson E.L. Dime novels, or, Following an old trail in American literature. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1929.

ных историй, стилизованных под художественную литературу. Журналы подлинных историй ставят условием, что «материал» для них должен касаться романтических и сексуальных проблем персонажей не старше 25 лет, иллюстрироваться фотографиями и излагаться от первого лица. Они стремятся заставить вымысел выглядеть действительностью, в то время как новостные еженедельники превращают новости в иллюстрированные истории. В этих формах воплощения человек, даже не помышлявший о чтении «Ромео и Джульетты» или «Синей бороды», получает удовольствие от тех же историй, помещенных в современную обертку и преподнесенных ему как рассказы о таких же людях, как он сам.

Вечные истории

Газетчики иногда спрашивают друг у друга: «Что такое интересные истории?» Это говорит о том, что они ищут ответ в определенной тематике. Но когда они перечисляют «хорошие истории», это оказываются истории, которые были успешно использованы в прошлом. Каждый тип имеет датируемое начало, т.е. время, когда он был использован впервые и после которого, хорошо себя зарекомендовав, стал пользоваться известностью как хорошая тема.

Лунная мистификация и научные новости

Почти в самом начале своего существования грошова «New York Sun» добилась беспрецедентного тиража – и лестного для нее внимания более претенциозных газет – с помощью мистификации: опубликованного по частям «подлинного репортажа» об открытии жизни на Луне. Это можно считать образцом тех историй, которые очаровывают любого, поскольку имеют дело с курьезами и таинствами жизни и мира, о коих всякий любит порассуждать. Интерес к нашей планете и ее секретам, к тайнам жизни и смерти фиксируется в популярной литературе (и беллетристике), от примитивных баллад о рождении чудовищ до воскресных статей в газетах Херста на такие темы, как «Когда по Северной Америке слонялись саблезубые тигры» и Лохнесское чудовище.

Маленькие превратности жизни

Первые грошовые газеты нашли кладезь необычных историй и всевозможных печальных и забавных рассказов в новостях из полицейских судов. Теперь такие материалы в газетах можно найти ежедневно; они либо помещаются в «бюкс» в центре первой полосы, либо, как в «New York Times», заполняют дно колонки. Большое отличие от прошлого состоит в том, что сегодня они собираются отовсюду, а не только из местного полицейского суда, и могут поступать по телеграфу.

Истории о животных

Истории о животных, пожалуй, всегда были хорошими занимательными историями, так как толпу приводит в восторг всякая интерпретация поведения животных, подчеркивающая сходство между человеком и зверем; и вместе с тем человек не чувствует, что это относится лично к нему.

Первый образец этого жанра был по-настоящему несерьезным: газета «New York Sun» (12 сентября 1833 г.) сообщила, что «в прошлое воскресенье около шестидесяти диких голубей уселись на дерево неподалеку от Баттери и просидели там около получаса». Именно тогда знаменитый Ф.Т. Барнем стал впервые устраивать свои выставки диковинок и цирковые представления и своим умением улавливать грядущие народные увлечения подвиг газеты помещать статьи о них. Скоро это стало прочно установившейся газетной практикой, и она продолжает жить до сих пор.

Повороты судьбы

Есть много историй о личных превратностях, которые имеют едва ли не вечную карьеру, десятилетие за десятилетием притягивая внимание публики, какое бы средство коммуникации ни было в это время в моде. Лондонская листовочная утка «Ливерпульская трагедия», продававшаяся в течение многих лет, повествовала о том, как сын бедных держателей постоялого двора вернулся домой, никем не признанный и ставший к тому времени богатым человеком. Узрев у него увесистый кошель с золотом и замыслив его украсть, мать отрубила ему ночью голову, в то время как старик-отец держал свечу. На следующий день их дочь, взглянув на труп, по особой родинке на руке опознала в нем брата, после чего родители покончили со

своей жалкой жизнью. Эта тема затрагивалась и в более древних балладах и сказаниях, но в уличной балладе получила место, дату и аромат актуальности. Она продолжала дальше жить в дешевой прессе во все более реалистической форме, и ее долгая жизнь показывает, из каких источников растет литература. Личные нарративы, использование которых берет начало в том времени, когда в новости прорвалось преступление, обеспечивают значительную часть новостного наполнения современной ежедневной газеты. Они обнажают интимный опыт, мотивы, очеловечивающие чужеродное деяние; и, делая это деяние понятным за счет перевода на язык того, что человек знает о самом себе, – т.е. таких вещей, как жадность, ревность, амбиция, любовь, – они делают газетную статью столь же увлекательной, как и сплетни о людях, которых он знает.

Потерянное дитя

Однажды, когда новостей было мало, «New York Sun» опубликовала в качестве «гвоздя номера» тематическую статью о нью-йоркских беспризорниках, в центр которой была поставлена новость о потерявшемся ребенке; а спустя несколько лет, в 1874 г., Чарли Росс, сын состоятельного пенсильванского торговца, пропал без вести и стал национальной сенсацией. Традиция закрепила тему пропажи детей как хороший материал за много лет до похищения младенца Линдбергов, ставшего в 1930 г. историей, прогремевшей на весь мир. Недавно добавилась тема ребенка, умирающего от неизлечимой болезни; также нова тема ребенка, перевозимого в почти безнадежном состоянии на большие расстояния для проведения хирургической операции. Комплекс чувств, сфокусированных на невинных и беспомощных существах, общий для нас всех, дает лучшую возможную тему для газеты, стремящейся по максимуму охватить читательскую аудиторию.

Романтическое приключение

Когда младшему Беннетту из «New York Herald» пришла мысль послать Генри Мортону Стэнли в Африку на поиски Давида Ливингстона, пропавшего миссионера, он сделал так, чтобы новости появлялись внезапно и становились сенсацией, поскольку конкурирующие газеты не имели доступа к самой истории; поступая так, он создал могущественный прецедент. Было это в 1869 г. Благодаря этому в газеты проник тип историй, популяризацией которого занимались в то

время бульварные романы. Трагедия молодого Майкла Рокфеллера, пропавшего без вести на побережье Новой Гвинеи, – прекрасная история для газеты, в силу человеческого интереса к потерянному любимому сыну и его романтической научной любви к примитивному искусству, плюс к этому добавляется то, что всего за неделю до этого его родители обнародовали намерение развестись, и это не говоря уже о новостной ценности губернатора Рокфеллера вообще, в какой угодно связи. Некоторые элементы в этой истории понятны любому и каждому читателю; странность неведомого дикого народа и местности, где молодой человек работал, добавляет в эту историю таинственность и «изюминку».

Человеческая сторона новостей

Эти темы истари присутствуют в устном народном творчестве, изящной литературе и массовой литературе; они настолько стары, что многие заголовки оглашают их, пользуясь такими символами, как «Дон Жуан», «Синяя Борода», «Золушка». Но если жизнь и напоминает искусство, то только потому, что тут и там присутствуют одни и те же ситуации. Простой человек, подобно всем, проявляет интерес к тому, как судьба или неверный поступок переворачивают всю человеческую жизнь, и к тому, как люди переносят несчастье. Это всегда личная сторона новостей; она связана не с программами, институтами и формальными областями жизни, а с внутренним, эмоциональным аспектом, присущим всем просто как людям. Человеческие темы, которые газетчики считают хорошими, хороши не ввиду их частностей, а потому что имеют за собой газетную историю и зарекомендовали себя как вызывающие интерес. И их повторно рассказывают всякий раз, как только затишье в новостях предоставляет такую возможность. Они – нечто проверенное и подлинное.

Сенсационность и желтая пресса

Нужно провести различие между сенсационностью и занимательностью. Когда история излагается решительно, с помощью иллюстраций или языком, вызывающим скорее к чувствам, чем к рассудочным мнениям, и не вполне понятным, она сенсационна. Недолго существовавший таблоид «New York Graphic» (1924–1932) выискивал сначала «горячие» новости, затем «еще более горячие», поскольку страсть к сенсациям растет и требует все бо-

лее сильной стимуляции. Новости писались на грани существующих табу, но так, чтобы не входить в столкновение с законом; однако даже секс и грех как источники интереса к новостям могут себя исчерпать. Когда «Graphic» не смог наконец дать новости достаточно горячие, чтобы расщекотать нервы своей пресыщенной, закаленной публики, продажи стали падать, и в итоге тираж стал столь нерегулярным, что рекламодатели отказались сотрудничать с этим изданием. Более того, читатели, которых привлекали подобные новости, имели сравнительно низкую покупательную способность и были не лучшей приманкой для рекламодателей; наконец, два более старых таблоида к тому времени уже стянули к себе всю нью-йоркскую рекламу, соответствующую их жанру. Это экономическое объяснение кончины «Graphic» надо рассматривать в конечном счете как комментарий к сенсационности. Когда отстраненность приводит к взгляду на жизни других людей как на истории, читаемые с целью пощекотать собственные нервы, страсть к сенсациям извращается и становится самоцелью¹.

Горячие новости и фотографии близки к реальной жизни; интересные истории и живописания сближаются с искусством и литературой, запертыми в рамки условностей и более или менее отрезанными от происходящего. Люди становятся все более нечувствительными к сенсации, но при этом могут устать от интересных историй или решить, что в книгах такие вещи сделаны лучше. И в самом деле, Липпман, например, считает, что публика сенсационных газет со временем «начитывается до отвала» и ищет большей сдержанности в своих новостях.

Популярная литература и нравы

С тех пор как появилась грошовая пресса, газеты знакомили демос с одной областью окружающей жизни за другой. И по мере того как репортеры вторгались в каждую из этих областей, они устанавливали прецедент, создавая «образец для тиражирования» той или иной новой темы.

Начиная с судебных и криминальных новостей Дея в старой «Sun», пресса стала увлекательно сообщать обо всем, что происходило в городе: на Уолл-стрит, в театрах, «обществе», церквях, везде,

¹ *Gauvreau E.* Hot news. – N.Y.: Macaulay co., 1931; *The Voice of Experience* (pseud. of Marion Sayle Taylor). Stranger than fiction. – N.Y.: Dodd, Mead & co., 1934.

где, как уточнял Беннетт в своей «New York Herald» (11 мая 1835 г.), «человеческая природа и реальная жизнь лучше всего демонстрируют свои причуды и выходки». Бедных всегда интересовали богатые, а Херст в многочисленных материалах о Чайнатауне, Маленькой Италии и Бауэри донес образы бедняка и иммигранта до читателя из среднего класса. Традиционно игнорируемые местные новости стали ныне важной частью почти любой американской газеты.

В «Herald» «корреспонденция из Вашингтона» переместилась из разряда важного в разряд интересного. Процесс, описываемый как обожествление президента, непреднамеренным и непредвиденным образом повысил личную и политическую власть последнего.

Всемирные новости явились демосу, когда Херст превратил войну США с Испанией в бой боксеров-профессионалов и сделал из болельщиков читателей. Преследование евреев Гитлером стало поводом для бесчисленных интересных с человеческой стороны историй, пробудивших озабоченность далеких читателей положением дел в Третьем рейхе.

Моральный мир демоса

Следствием всего этого стало просвещение ничего не подозревавшего демоса, ознакомление его с упрощенным и тривиализированным, но вместе с тем более широким миром. Газета осуществила это, наверное, единственным возможным способом, и она никогда не считала своим делом спрашивать, какие последствия вызывает она своей деятельностью.

Чарлз Мерц как-то заметил, что происходящие в стране убийства дают ей набор фактов, позволяющий проверить ее моральные ценности. Новость, рассказываемая в занимательном ключе, преподносит персонажей читателю существами понятными, очень похожими на него самого. Она во все большем масштабе заменяет собою встречи, в которых люди воспринимают друг друга непосредственно, – встречи, служащие основой всякого взаимного понимания, – и в итоге делает читателя наперсником. Но это сказывается на моральном суждении: «Какие могут быть конституции между друзьями?» Моральный и доктринерский взгляд на новость уступает место сочувственному: грешник передается в ту юрисдикцию разума, где суждения откладываются и приговор приостанавливается. Ибо новость ставит вопросы о способах и средствах в приемлемых модусах, а интересная история, как и всякое искусство,

запускает толерантную, отрешенную вереницу мыслей, оторванных от действия и свободно гуляющих. В конце концов, история есть приглашение к спекулятивному приключению за пределы нравов. Это наводит на подозрение, что общность морали, существующую в городе, надо искать в спекулятивных рассуждениях, вызываемых широко читаемой газетной историей.

Демос и меняющееся настоящее

Как демонстрируют письма редакторам и колумнистам, жители города постоянно пребывают в моральных дилеммах: следует ли им придерживаться правил и закона, поступать согласно собственной человеческой предрасположенности или делать так, как советуют сверстники и соседи. Во времена изменений пример, прецедент, даже описание сомнений другого, схожих с собственными, являются утешением. Поэтому культ биографии расцветает тогда, когда ставится под вопрос мораль; так, Гилберт Муррей говорит о «времени Марса и Муз». Массовое искусство газетных биографий, построенных на новостях, драматизирует для нас наше время и вместе с ним нас самих.

ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА СОЦИОЛОГИИ

Сборник переводов

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Технический редактор Л.А. Можаяева
Корректоры М.П. Кръжановская, И.Б. Пугачева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 17/VIII – 2015 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 27,0 Уч.-изд. л. 24,5
Тираж 300 экз. Заказ № 14

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел.: +7(499)120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

